Kostomarov

Russ.
242 m
(1

742

№ 742.
Никол.
Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

СѢВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА

ВО

ВРЕМЕНА

УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изъ библіотеки С.Петербургской Духовной Академіи

ИЗДАНІЕ **Д. Е. Кожанчикова.**

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен
Л 365
12

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

1863.

Ц. п. 5176

Одобрено цензурою. С. Петербургъ 14 декабря 1862 года.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

НОВГОРОДЪ — ПСКОВЪ — ВЯТКА.

(Лекціи, читанныя въ Санктпетербургскомъ Университетѣ въ 1860—1861 годахъ).

Злыя поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи крячаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сїя вся злая на ны. *(Псковск. Лѣт. I. 287)*.

Novagardia gentem quoqae humanissimam ac honestam habebat: sed quae nunc, procul dubio peste Moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est.
(Herberst. edit. Starcz 51).

Pro cultioribus atque adeo humanioribus Plescoviensium moribus, corruptiores in omnibus fere Moscoviensium mores sunt introducti
(Herberst edit. Starcz 52).

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОЧНИКИ,

ПОСОБІЯ И СОЧИНЕНІЯ, СЛУЖИВШІЯ ДЛЯ СООБРАЖЕНІЯ.

1. Полное собраніе русскихъ лѣтописей; изданіе археографической коммисcіи. т. III, (Новгородская первая, вторая и третья лѣтописи). Т. IV (Новгородская четвертая и Псковская первая). т. V, (Псковская вторая и Софійская лѣтопись). Т. VI, (Софійская). Т. VII, (Воскресенская лѣтопись). т. IX, (Никоновская). Т. I. (Лаврентьевской и Троицкой списки). т. II, (Ипатьевскій списокъ).

2. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. С.П.Б. 1789, въ восьми томахъ.

3. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ четырехъ томахъ (Преимущественно томъ I, гдѣ помѣщены договорныя грамоты Великаго-Новгорода).

4. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи археографическою экспедиціею, въ четырехъ томахъ (преимущественно томъ I).

5. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею въ пяти томахъ (преимущественно томъ I.).

6. Дополненія къ актамъ историческимъ, изданные археографическою коммиссіею въ девяти томахъ (преимущественно томъ I.).

7. Акты Западной Россіи, въ пяти томахъ (преимущественно томъ I).

8. Акты юридическіе, изданные археографическою коммиссіею. С.П.Б. 1838.

9. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. С.П.Б. 1851.

10. Памятники Россійской словесности XII вѣка. Москва. 1821.

11. Bunge, Liev-, Ehst- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Registern, Reval. 1852—1854, 1862,

12. Codex diplomaticus lubecensis, въ четырехъ частяхъ. Lübeck und Oldenburg. 1843—1858.

13. Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, въ двухъ частяхъ; вторая часть изъ подлинныхъ актовъ. Hansisches Urkundenbuch und Urkunden-Verzeichnisse bis zum Jahr 1370. Hamburg 1830.

14. Новгородскія писцовыя книги, изданныя археографическою коммисіею. С. П. Б. 1859—1861.
15. Писцовая Новгородская книга (Врем. Общ. Ист. и др. VI.)
16. Переписная окладная книга Вотской пятины (Врем. XII).
17. Родословная книга (Врем. Общ. Ист. и Древн., т. X).
18. Родословная книга. (Др. Русск. Вивліоѳики т. IX).
19. Русскія достопамятности. М., т. I, 1815, т. II, 1843, т. III, 1844.
20. Псковская судная грамота, изд. Мурзакевича. Одесса.
21. Памятники старинной Русской литературы, издаваемые граф. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, II и III подъ редакціею Н. Костомарова, т. III, подъ редакціею А. Пыпина. С.П.Б. 1860—1862.
22. Памятники древне-русской письменности, помѣщенные въ разныхъ книжкахъ издаваемые въ журналѣ Православный Собесѣдникъ (1255—1862).
23. Духовный Вѣстникъ, издаваемый въ Харьковѣ 1862. (Разные древніе памятники).
24. Napiersky, Scriptores rerum livonicarum, въ четырехъ частяхъ. 1848—1853 (преимущ. въ 1 ч. лѣтопись Генриха и въ четвертомъ Дитлеба фонъ Альнпеке).
25. Schirren, Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken St.-Pbg. 1860.
26. Gilbert de Lannoy. Voyages et ambassades 1399—1450. Mons. 1850.
27. Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI collegit et ad veterum editionum fidem edidit Adalbertus de Starczewski. Berolini et Petropoli. MDCCCXLI.
28. Behrmann, die Skra von Nougarden, d. i. Die Handels, Gerichts und Polizey Ordnung des Deutschen Handels-Hofes zu Nowgorod in uralten Zeiten, ins jetzige Deutsche übertragen, nebst einer einleitenden Vorerinnung einer Vergleichung derselben mit dem Lübschen Recht und erläuternden Anmerkungen. Copenhagen 1828.
29. Неволина, О пятинахъ Новгородскихъ (Зап. И. Р. Г. Общ. VIII).
30. Грѣшнаго инока Іосифа сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ Алексѣя Протопопа и Дениса, Осипа и Ѳедора Курицына и инѣхъ, иже также мудрствующихъ. 1491 г. (Др. Русск. Вивл. XIV)
31 Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашаго Іосифа игумена Волоцкаго (Правосл. Собесѣдн. 1855 №№ 3—4. 1856 №№ 1—4.
32. Rafn, Antiquités Russes. 2 vol. Copenhagen. 1850—1851.
33. Тихонравова, Лѣтописи Русской литературы и древности. М. 1859—1860. (Разные древніе и народные памятники).
34. Древнія Русскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Москва. 1818.
35. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. 2 части. М. 1861—1862.
36. Студитскаго, Пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній. С. П. Б. 1851.

37. Сельскія Свадьбы архангельской губерніи (Москвит. 1853. XIII, XIV).
38. Древности Россійскаго государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая Павловича. Москва. Рисовано академикомъ Ѳ. Солнцевымъ, 6 тетр. преим. тетрадь 1-я.
39. Татищева, Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, пять томовъ. 1768, 1773, 1774, 1784 и 1848.
40. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, томы I — VI включительно, изданіе первое.
41. Соловьева (Сергія), Исторія Россіи, томы I—V включительно. Москва. 1857—1858.
42. Долгорукова (Петра), Россійская Родословная книга въ 4-хъ частяхъ. С. П. Б. 1856.
43. Хронологическія таблицы Хавскаго. С.П.Б. 1848.
44. Куницына, Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. С.П.Б. 1843.
45. Энгельмана, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ. С.П.Б. 1855.
46. Устрялова (Ѳедора,) Ислѣдованіе Псковской судной грамоты. С.П.Б. 1855.
47. Соловьева Сергія, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1845.
48. Славянскаго, Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. С.П.Б. 1847.
49. Андреевскаго, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. С.П.Б. 1855.
50. Лавровскаго (Петра), О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.П.Б. 1852.
51. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. М. 1821.
52. Вельтмана, О Господинѣ Великомъ Новгородѣ. М. 1838.
53. Макарія архимандрита, Описаніе новгородскаго архіерейскаго дома. С.П.Б. 1857.
54. Riesenkampf, Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat. 1854.
55. Hermann (Ernst), Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches (über die Verbindung Nowgorods mit Wisby und der Deutschen mit den Russen. Leipzig. 1843.
56. Исторія княжества Псковскаго, 4 ч. Кіевъ. 1831.
57. Бочкова, Историко-статистическія очерки Псковской Губерніи. Псковъ 1862.
58. Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1808.
59. Макарія архимандрита, Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ Москва 1860.
60. Графа М. Толстого, Святыни и древности Великаго Новгорода. М. 1862.
61. Графа М. Толстого, Святыни и древности Пскова. М. 1861.
62. Красова, О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Новг. 1851.
63. Муравьева (Николая, Историческое изслѣдованіе о древностяхъ Новгорода. С.П.Б. 1828.
64. Графа М. Толстого, Указатель Новгорода. М. 1862.

65. Метафраста Григорія, Описаніе Софійскаго Новгородскаго каѳедральнаго Собора. Новг. 1849.

66. Аполлоса, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. Москва, 1847.

67. Соловьева протоіерея, Описаніе Новгородскаго Софійскаго Собора. С.П.Б. 1858.

68. Купріянова, Разборъ сочиненія Красова о мѣстоположеніи древняго Новгорода (Москвит. 1851. XXIII).

69. Купріянова, Крестные ходы и мѣстные праздники и церковные обряды древняго Новгорода. Новг. 1259.

70. Павлова (Андрея), Историческое описаніе святыни новгородской. 1848. вт. изд. 1848.

71. Вихрова, Новгородскія святыя мѣста. Новг. 1860.

72. Adelung, Die Korsunischen Thüren in der Kathedral-Kirche zur Heiligen Sophia in Nowgorod. Berlin 1823.

73. Еще о Корсунскихъ вратахъ Софійскаго Собора (Отеч. З. 1825).

74. Князева, Историко-статистическое описаніе псковскаго каѳедральнаго Троицкаго Собора. М. 1858.

75. Иваницкаго, Изслѣдованіе о времени основанія Пскова. Псковъ. 1856.

76. Князева, Указатель достопамятностей Пскова. М. 1858.

77. Купріянова, Письма изъ Новгорода къ Погодину (Москвит. 1851. IX, XXII. 1853. VIII, X, XI и XII).

78. Новгородскія письма (Отеч. Зап. 1826. Ч. XXVIII).

79. Воспоминанія и наблюденія во Псковѣ (Отч. Зап. 1830. Ч. XLIII).

80. Погодина, Слѣды Глаголическихъ буквъ въ Новгородѣ въ концѣ XI в. 1843. (Москвичи, VII).

81. Купріянова, Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Соф. Библіотеки. С.П.Б. 1857.

82. Невоструева, Описаніе евангелія, писаннаго для Новгор. князя Мстислава Владимировича. (Изв. Акад. т. IX.).

83. Описаніе Спасохутынскаго монастыря (Зап. Арх. Общ. т. IX).

84. Макарія архимандрита, Описаніе Новгородскаго общежительнаго первоклассваго Юрьева монастыря. С.П.Б. 1862.

85. Герасима Гойдукова, Краткое описаніе новгородскаго третьекласнаго мужескаго Клопскаго монастыря. С.П.Б. 1815.

86. Описаніе Антоніева монастыря. С.П.Б. 1830.

87. Александра игумена, Краткая лѣтопись о монастырѣ преподобнаго Саввы, иже надъ Вишерою рѣкою. С.П.Б. 1849.

88. Валаамскій монастырь. С.П.Б. 1847. 1856.

89. Историческое описаніе Корельскаго монастыря 1862.

90. Историческое изображеніе о началѣ Коневской обители. С.П.Б. 1822.

90. Острова Коневецъ и Валаамъ. С.П.Б. 1852.

91. Иліодора, Историко-статистическое описаніе Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Тверь. 1861.

92. Монастырь дѣвичій Воскресенскій въ Торжкѣ, Тверь. 1851.

93. Староладожскій Никольскій монастырь. С.П.Б. 1862.
94. Историческое описаніе Тихвинскаго монастыря. С.П.Б. 1859.
95. Досифея архимандрита, Лѣтописецъ Соловецкій, на четыре столѣтія отъ основанія Соловецкой монастыря до настаящаго времени, то есть съ 1429 до 1831. М. 1833.
96. Антоніевъ Краснохолмской монастырь. (Моск. Вѣд. 1852. № 117).
97. Досифея архимандр., Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первоклассиаго Соловецкаго монастыря и другихъ подвѣдомственныхъ сей обители монастырей, штатовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ. М. 1836. 1853.
98. Макарія архимандрита Соловецкаго, Описаніе Соловецкаго ставропигіальнаго первоклассиаго монастыря. М. 1821.
99. Іосифа іеромонаха, Описаніе Спасо-Елеазаровскаго монастыря. С.П.Б. 1862.
100. Описаніе Іоанно-Предтечинскаго Псковскаго монастыря. 1821.
101. Описаніе монастырей Іоанно-Богословскаго, Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снѣторскаго. Дерптъ. 1820.
102. Повѣсть о началѣ и основаніи Псково-печерскаго монастыря, взятая отъ древнихъ лѣтописцевъ. Псковъ. 1849.
103. Описаніе Псковскаго печерскаго монастыря. Дерптъ. 1832.
104. Псково-Печерскій монастырь. С. П. Б. 1860.
105. Ратшина, Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и замѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. М. 1852.
106. Описаніе монастырей въ Россіи находящихся. М. 1822.
107. Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей, церквей, съ показаніемъ начала и построенія оныхъ. С.П.Б. 1819.
108. Историческое описаніе соборныхъ и приходскихъ церквей въ Россіи по алфавиту. М. 1828.
109. Свѣдѣнія о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ. М. 1850.
110. Муравьева (Андрея), Путешествія ко св. мѣстамъ русскимъ. С.П.Б. 1836.
111. Купріянова, Матеріалы для исторіи и географіи новгородской области (Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. VI).
112. Купріянова, Письмо изъ Новгорода о разныхъ древностяхъ, найденныхъ преимущественно въ Демьянскомъ уѣздѣ (Москвитян. 1853. XX).
113. Крестинина, Историческія начатки о Двинскомъ народѣ. С.П.Б. 1784.
114. Купріянова, Старая Руса (Москвит. 1859. XVII).
115. Лѣтопись древняго славяно-русскаго города Изборска (Отеч. Зап. Свиньина, 1825 г. № 60).
116. Мясникова, Историческое описаніе Ваги и города Шенкурска. (Отеч. Зап. 1829 XXXVIII, XXXIX, XL.)
117. О Бѣжецкомъ уѣздѣ, (Москвит. 1853. XVI.)
118. Савваитова, Дорожнія замѣтки изъ Вологды до Устюга (Москвит. 1842. XI).
119. Пермскій Сборникъ. Москва. 1860.
120. Максимова, Годъ на сѣверѣ. С. П. Б. 1860.
121. Пушкарева, Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географиче-

скомъ, статистическомъ отношеніяхъ (кн. I. Новгор. губ., кн. II. Арх., губ. кн. III. Олонецк. губ., кн. IV. Волог. губ.) С. П. Б. 1844—46.

122. Макарія Архим., Памятники древности въ Пермской губерніи. (Зап. Арх. Общ. VII.)

123. Sjögrén, über die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanlands. St-Pbg. 1850.

124. Sjögren, über die ältesten Wohnsitze der Jemen. St.-Pbg. (изъ записк. Акад.)

125. Sjögrén, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker St-Pbg. 1857.

126. Castrén, Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. St.-Pbg. 1850.

127. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St. Petersburgischen Gouvernements. St.-Pbg. 1849.

128. Кеппена, Водь въ С. Петербургской губерніи. С. П. Б. 1861.

129. Латкина, Дневникъ во время путешествія на Печору. (З. Геогр. О. VII.)

130. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands Dorpat. 1848—1854.

131. Georgi, Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches, etc. St.-Pbg 1776.

132. Schiefner, Die Lieder der Woten. St.-Pbg. 1856.

133. Schiefner, Einige Bemerkungen zu den Liedern der Woten St-Pbg. 1858

134. О финнахъ. соч. Сума. (Чт. 1847. № 9.)

135. Шренка, Областныя выраженія Русскаго языка Архангельской губерніи. (Зап. Геогр. Общ. IV.)

136. Абрамова, Описаніе Березовскаго края. (Зап. Геогр. Общ. XII.)

137. Глинки, О древностяхъ Тверской Кореліи. С. П. Б. 1§36.

138. Шевырева, Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерской монастырь. С.П.Б. 1850.

139. Михайлова, Замѣтки о Зырянахъ. (Москв. 1849. XVI. 1851. IX, X.)

140. Нравы и обычаи Вотяковъ. (Москв. 1851. XXI.)

141. Бѣляева, Географическія свѣдѣнія на Руси. (З. Г. Общ. ѲІ.).

142. Щекатова, Словарь географическій Россійскаго государства. 6 томовъ. Москва. 1807.

143. Калачова, о Кормчей. (Чт. 1847. № 3.)

144. Калачова, Изслѣдованіе о Русской Правдѣ. М. 1847.

145. Погодина, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. 7 томовъ. Москва 1846—1856.

146. Бѣляева, Русь въ первыя столѣтія послѣ прибытія Рюрика въ Новгородѣ. (Врем. V.).

147. Бѣляева, Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. (Врем. VII).

148. Бѣляева, Великій князь Александръ Ярославичь Невскій. (Врем. II).

149. Евгенія митрополита, Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. II т. М. 1827.

150. Древнѣйшія путешествія иностранцевъ по Россіи. (Чт. 1848. № 1.).
151. Adelung, Kritisch- literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 St.-Pbg. und Leipzig. 1846.
152. Lehrberg, Untersuchungen zur Erklärung der älteren Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1816.
153. Hipping, Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken erwähnten Kriegzug der Russen nach Finnland. St.-Pbg. 1820.
154. Kunik, kritische Bemerkungen zu den Rafnischen Antiquités Russes. St.-Pbg. 1844—1850.
155. Schlözer, Allgemeine Nordische Geschichte. Halle 1771.
156. Krug's Forschungen in der älteren Geschichte Russlands St.-Pbg. 1848.
157. Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. St.-Pbg. 1844—1845.
158. Kunik, Historisch-ethnographische Bemerkungen zu einigen Stellen der Krugischen Forschungen. St.-Pbg. 1848.
159. Kunik, Analectes historiques ou choix des matériaux pour servir à la connaissance des sources de l'histoire Russe. St.-Pbg. 1844. 1850. 1851.
160. Буслаева, Историческіе очерки Русской народной словесности и искуства С.П.Б. 1861.
161. Krug's Kritischer Versuch zur Aufklärung der ByzantinischenChronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Pbg. 1810.
162. Chaudoir, Aperçu sur les monnaies russes. 2 т. St.-Pbg. 1836. 1831.
163. Сонцова, Деньги и пулы. Москва. 1860.
164. Бѣляева, Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси. (Чтен. 1846. 3.)
165. Черткова, Описаніе древнихъ рускихъ монетъ, М. 1834 (къ нему прибавленія I. М, 1837. II. 1832. III. 1842.)
166. Куника, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I. Владимировича. С.П.Б. 1860.
167. Казанскаго, Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ XIII, XIV и XV в. (З. Арх. Общ. V.)
168. Кене, Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII в. (Зап. Арх. Общ. IV.)
169. Шуберта, Псковскія монеты. (Чт. 1843.—4.)
170. Труды коммисіи, высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа. Смѣсь. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Кіевъ 1853.
171. Муравьева, Житія святыхъ россійской церкви, также иверскихъ и славянскихъ и мѣстно чтимыхъ поборниковъ благочестія. С.П.Б. 12 томовъ. 1858.
172. Макарія епископа Винницкаго, Исторія Русской церкви. С.П.Б. 1857. III части.
173. Филарета, епископа Харьковскаго, Исторія Русской церкви 6 част. М. 1857. (преимущ. I, II и III ч.).

174. Филарета епископа, Харьковскаго Обзоръ духовной русской литературы. Харьк. 1859.

175. Соловьева (Сергія,) Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси (Чт. И. Общ. ист. и древ. 1847.)

176. Филарета еп. Рижскаго (потомъ Харьковскаго). Богослуженіе Русской церкви до монгольскаго владычества. (Чт. V.).

177. Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи (Прав. Собѣс. 1858. Апр.).

178. Амвросія, Исторія Россійской іерархіи М. 1807 1815.

179. Іоаннова, Полное историческое извѣстіе о древняхъ стригольникахъ. 1-е изд. 1795. 2-е 1831. 3-е. С. П. Б. 1855.

180 О ложно-духовномъ Христіанствѣ въ древней церкви (Правосл. Собѣсѣдн. 1856. I—IV. 1857 I.)

181. Руднева, Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, М. 1838.

182. Napiersky, Monumenta Livoniæ antiquæ. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liev-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835—1847.

183. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Ehst- und Kurlands. 6. B. Riga 1747—1853.

184. Engelmans, Chronologische Forschungen auf dem Gebeite der russischen und liflãndischen Geschichte des XIII. und XIV. Jahrhunderts. 1860.

185. Scarin, Dissertatio historica de Sancto Henrico Fennorum Apostolo. Abo. 1737.

186. Bilmark, Dissertatio academica de commerciis veterum Rossorum. Above. 1770.

187. Hillner, Die Lieven an der Nordküste von Kurland. St.-Pbg. 1846.

188. Rein, Dissertatio academica de gente Sumorum in annalibus russicis commemorata. Above. MDCCCXXVII.

189. Rein, De loco quo arma Tavastis illaturus appulerit Birgerus Dux. Helsingforsiæ. 1833.

190. Rein, Disquisitio chronologica annum quo verbum crucis contra Carelis praedicari jusserit ecclesiae catholicæ pontifex. 1836.

191. Porthan, Sylloge monumentorum ad illustrandam historiam Fennicam pertinentium. Above. 1802—1804.

192. Willebrand, Hansische Chronick aus beglaubigten Nachrichten. Lübeck 1748.

193. Schlözer, Die Hansa und der deutsche Ritter Orden in den Ostseeländern. 1853.

194. Schlözer, Verfall und Untergang der Hansa und des deutschen Ordens in den Ostseeländern. 1853.

195. Meier, Dissertatio historica de civitatibus hanseaticis cum in generetum de nonnullis præcipue livonicis. Riga. MDCLXXIV.

196. Napiersky, Index corporis historico-diplomaticus Livoniæ et Curoniæ. 1833. 1835.

197. Schirren, Verzeichniss lievländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Chroniken und Bibliotheken. Dorpat. 1861.
198. Arndt, der Lievländischen Chronik erster Theil unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Esthen, Lieven, Letten, Littauer, Curen und Semgallen erläutert (1747—1753).
199. Kelch, Liefländische Historia. Reval. 1695.
200. Kronika Wiganda-Marborga. Poznan. 1842.
201. Bunge, Archiv für die Geschichte Liev-, Ehst- und Kurlands. 1847—1859.
202. Napiersky, Die Gräber der Lieven. 1851.
203. Bähr, die Gräber der Lieven. Dresden 1850.
204. Kruse, Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Ehst- und Kurlands Dorpat. 1842.
205. Parrot, Versuch einer Entwickelung der Sprache, Abstammung und Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Lieven, Lätten, Eesten, mit Hinblick auf einige benachbarte Ostseevölker, Stuttgardt. 1828.
206. Kreuzwald, Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten, von Johann Wolfgang Böcler. St.-Pbg. 1854.
207. Richter, Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostsee-Provinzen. Riga. 1858.
208. Rutenberg, Geschichte der Ostsee-Provinzen Liev-, Ehst- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergang ihrer Selbständigkeit. Riga. 1859.
209. Rasmussen, De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio avo. Hauniae. MDCCCXXV.
210. Rein, Specimen historicum de vetere Carelia ante occupationem Svecorum. Above. 1825.
211. Dalin, Geschichte des Reiches Schweden, aus dem Schwedischen übersetzt. 1756—1763.
212. Geijer's Geschichte Schwedens übersetzt von Löffler. 1852.
213. Annales Ecclesiastici auctore Cæsare Baronio. Lucæ MDCCXXXVIII—MDCCXLII. (19 томовъ.)
214. Annales ecclesiastici ab anno MCXCVIII ubi desinit cardinalus Baronius, auctore Odorico Rainaldo. Lucæ. MDCCXLVII—MDCCLVI.
215. Pertz, Monumenta Germaniæ historica. Hannoverae 1836—1859 (17 томовъ.)

Наконецъ, при составленіи этого сочиненія, я пользовался рукописями, хранящимися въ Публичной Библіотекѣ въ бывшемъ Румянцовскѣ Музеѣ, въ библіотекахъ Троицко-Сергіевской Лавры, Московской Духовной Академіи, и находящейся при ней библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ библіотекахъ Новгородскаго Софійскаго Собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, находящихся при Санктпетербугской духовной академіи, за что приношу начальствамъ ихъ благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю долгомъ принести особенную признательность гг. библіотекарямъ Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкову, В. И. Собольщикову,

гг. Гену и Бергхольцу, профессорамъ: Московской Духовной Академіи А. В. Горскому и Санктпетербургской И. В. Чельцову, за оказанное мнѣ содѣйствіе указаніемъ и доставленіемъ рукописей и книгъ, и учителямъ Новгородской Гимназіи П. К. Купріянову и Н. К. Отто и профессору Псковской Семинаріи А. С. Князеву и С. М. Бочкову за пособія, оказанныя при осмотрѣ новгородскихъ и псковскихъ мѣстностей и древностей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношенія Великаго-Новгорода къ прочимъ землямъ русскимъ и ко княжескому роду.

I.

Сказочныя преданія о населеніи Славянъ въ при-ильменьскомъ краѣ. 3

II.

Призваніе варяжскихъ князей 14

III.

Крещеніе Новгорода. Новгородъ подъ властію Кіева. Возвращеніе его независимости 36

IV.

Значеніе Ярославовой грамоты. Новгородъ до борьбы Мономаховичей съ Ольговичами 47

V.

Новгородъ въ эпоху княжескихъ междоусобій. Ополченіе Андрея. Чудо Знаменской иконы Богородицы. Покушенія суздальскихъ князей. Всеволодъ. Ярославъ 61

VI.

Подвиги Мстислава Удалого 88

VII.

Новгородъ послѣ Мстислава Удалого до Татаръ 172

VIII.

Новгородъ въ эпоху татарскаго владычества надъ Русью. Защита свободы противъ покушенія Твери и Москвы 105

IX.

Права князей 150

X.

Паденіе независимости и свободы Великаго-Новгорода . . . 158

Стран.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вятка. . 241

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія Пскова къ Новгороду, землямъ и князьямъ русскимъ.

I.

Древность Пскова.—XII, XIII и XIV вѣка́.—Всеволодъ-Гавріилъ. Довмонтъ.—Колебаніе между Литвою и Новгородомъ 255

II.

XV-й вѣкъ.—Псковъ подъ покровительствомъ московскихъ великихъ князей 273

III.

Паденіе независимости и свободы Пскова 301

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба Новгорода и Пскова съ тевтонскимъ племенемъ. 329

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Инородцы 397

Глава первая.

ОТНОШЕНІЯ ВЕЛИКАГО-НОВГОРОДА

КЪ

ПРОЧИМЪ ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ И КО КНЯЖЕСКОМУ РОДУ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

I.

СКАЗОЧНЫЯ ПРЕДАНІЯ О ПОСЕЛЕНІИ СЛАВЯНЪ ВЪ ПРИ-ИЛЬМЕНЬСКОМЪ КРАѢ.

Русско-славянскій народъ раздѣляется на двѣ вѣтви, различаемыя, въ отношеніи къ рѣчи, по двумъ главнымъ признакамъ: одна перемѣняетъ *о* въ *а* — тамъ, гдѣ надъ этимъ звукомъ нѣтъ ударенія и *ѣ* произноситъ какъ мягкое *е*; другая, сохраняетъ коренной звукъ *о* и произноситъ *ѣ* какъ мягкое *и*. Къ первой принадлежатъ Бѣлоруссы и Великоруссы, ко второй Малороссіяне или Южноруссы и Новгородцы. Затѣмъ существуетъ множество второстепенныхъ особенностей рѣчи, составляющихъ мѣстныя нарѣчія и поднарѣчія. Это раздѣленіе русско-славянскаго племени на двѣ вѣтви сообразно съ тою двойственностію славянскаго поселенія на русскомъ материкѣ, которая открывается изъ нашей первоначальной лѣтописи. Одни Славяне помѣщаются въ группѣ пришедшихъ съ Дуная вслѣдствіе нашествія на ихъ отечество Волоховъ (Италіянцевъ-Римлянъ), другіе, какъ напримѣръ: Кривичи, Радимичи и Вятичи не принадлежатъ къ этой колоніи. На протяженіи Сѣверной Руси эта двойственность рѣзко выказывается. Бѣлоруссы безъ сомнѣнія есть прежніе потомки Кривичей; Великоруссы, какъ показываетъ относительная близость ихъ нарѣчія съ бѣлорусскимъ, имѣютъ также кривскую основу, но по историческимъ обстоятельствамъ обособились и сформирова-

лись въ настоящемъ видѣ, со всѣми своими этнографическими отдѣлами чрезъ смѣшеніе съ Вятичами, Южноруссами и Новгородцами при болѣе или менѣе (въ разныхъ мѣстностяхъ) подмѣси финскаго, финско-турецкаго, татарско-турецкаго и монгольскаго племенъ. Новгородцы, принадлежа первоначально къ вѣтви Славянъ пришедшихъ съ Дуная, утвердившись на берегахъ Волхова и Ильменя, распространили оттуда свою колонизацію, преимущественно на сѣверъ и востокъ, отчасти на югъ и на западъ, и, соприкасаясь съ бѣлорусскимъ и великорусскимъ элементами, внесли въ нихъ свои особенности, произвели смѣшанные переходные типы, гдѣ признаки, составляющіе характеръ той и другой вѣтви, сливаются и переплетаются между собою, а столкнувшись съ сѣверными финскими племенами, поглощали ихъ въ свою славянскую народность.

Во многихъ нашихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ записана сказка, которую едвали мы имѣемъ право оставить въ полномъ пренебреженіи, хотя въ ней дѣйствительно есть явныя нелѣпости. Эта сказка носитъ названіе: «О исторіи еже ѡт начала рускія земли и созданіи Новагорода». Въ ней разсказывается, что потомки Аѳета — Скифъ и Заръ-данъ, отлучившись отъ прочей братіи, поселились на берегахъ Эвксипонта; потомки ихъ тамъ обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобіе; тогда часть ихъ, подъ предводительствомъ Словена и Руса, рѣшилась оставить свое мѣстопребываніе и пошли искать себѣ новаго отечества. Двигаясь на неизвѣстный имъ Сѣверъ, они дошли, наконецъ, до озера, которое по-бѣлорусски называлось Мойско, откуда вытекала рѣка, носившая на томъ же языкѣ древнихъ тамошнихъ туземцевъ, названіе *Мутная*. Пришельцы начали гадать, и волшебная наука указала имъ, что именно здѣсь слѣдуетъ имъ основаться на жительство. Тутъ при истокѣ рѣки поставили они городъ и посе-

лились. Озеро переименовали, по имени дочери Словена, въ Ильмерь, а рѣку по имени сына словенова Волхва—Волховъ. Потомъ они переименовали другія мѣстности по именамъ членовъ семейства своихъ предводителей: рѣку, впадающую въ озеро Ильмень, назвали Шелонью — по имени жены словеновой, Шелони; именемъ меньшаго сына словенова, Волховца, назвали оборотный протокъ, текущій изъ великой рѣки Волхова и обратно впадающій въ нее,—сынъ Волховца Жилотугъ утонулъ въ другомъ такомъ же протокѣ, — и въ память его оставили за протокомъ его имя. Другой братъ словеновъ, Русъ, помѣстился у солянаго колодца и основалъ городъ, названный по его имени — Руса; одной изъ рѣкъ, текущихъ въ этихъ мѣстахъ, онъ сообщилъ имя жены своей — Порусіи, а другой — имя своей сестры — Полисты. О Волхвѣ разсказывается слѣдующая исторія:

«Волхвъ бѣ и бѣсоугодникъ и чародѣй лютъ, и бысть бѣсовскими оухищреніи мечты творя многи, преобразуяся во образѣ лютаго звѣря коркодила и залегаше въ той рѣцѣ Волховѣ путь водный, и не поклоняющихся ему, овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерзаше и утопляя. Народи тогда невѣгласи сущи богомъ того окаяннаго нарицаху сыномъ грома его или Перуна нарекоша; бѣлорусскимъ же языкомъ громъ Перунъ именуется. Постави же онъ окаянный чародѣй таковыхъ ради мечтаній и собиранія бѣсовскаго, градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ зовомомъ Перыня, идѣже кумиръ Перунъ стояше, и баснословятъ о семъ волхвѣ невѣгласи, глаголютъ въ бога его окаяннаго претворяющася, паше же христіанское истинное слово съ неложнымъ истязаніемъ о томъ много видѣ о семъ окаяннѣмъ чародѣи Волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣцѣ Волховѣ, изверженъ на брегъ противъ волховскаго градца, иже нынѣ зовется Перыня, и со многимъ

плачемъ ту отъ невѣгласовъ погребенъ бысть окаянный съ великою тризною и могилу ссыпаше надъ нимъ велми высоку, якоже обычай есть поганымъ, и по трехъ убо днѣхъ окаяннаго того тризнища просѣдеся земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово и могила его просыпася съ нимъ купно во дно адово, идѣже и донынѣ, якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя не наполнится». Преемники Словена и Руса въ многихъ поколѣніяхъ княжили надъ окрестною страною и распространили предѣлы своихъ владѣній на Сѣверѣ до Ледовитаго моря, овладѣли берегами Печоры, Выми, перешли за высокія горы въ страну, гдѣ водятся соболи, воевали даже до египетскихъ странъ [1]). Потомъ край при-Ильменьскій постигла моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались: одни поселились на Бѣломъ озерѣ, другіе на Темномъ и прозвались Весь [2]). Тогда опустѣли Словенскъ и Руса на многія лѣта. Но потомъ, когда на Славянъ напали Угры-бѣлые и повоевали ихъ и разметали ихъ грады и довели Славянскую Землю до окончательнаго запустѣнія, услышали Славяне про земли прадѣдовъ своихъ, что лежатъ они въ запустѣніи, и отправились туда. Снова завоевали они берега Ильменя и

[1]) Сынове ихъ и внуци княжаху по колѣномъ своимъ и налѣзоша себѣ славы вѣчныя и богатства многа мечемъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами и по всему морю даже до предѣлъ Ледовитаго моря и окрестъ желтоводныхъ и зеленоводныхъ водъ и по великимъ рѣкамъ Печерѣ и Выми и за непроходимыми высокими горами въ странѣ рекомой Скиръ по велицей рѣцѣ Оби до устія Бѣловодныя рѣки, еяже вода бѣла аки млеко: тамо бо звѣри родятся рекоміи соболь. Хождаху же и на египетскія страны, воеваху со многою храбростью, показующе въ елиньскихъ и варьварскихъ странахъ: великій страхъ тогда отъ нихъ належаше».

[2]) «Оставшіи же людіе изыдоша изъ градовъ въ дальныя страны, овіи на Бѣлыя воды, иже нынѣ зовется Бѣлое езеро; овіи же на езеро Темное и нарекошася Весь. Иные же по разнымъ и нарекошася различными наименованіями».

поставили себѣ городъ и уже не на прежнемъ, а на новомъ мѣстѣ, выше стараго, и назвали его Великій-Новгородъ. «Градъ же поставиша отъ стараго Словенска близь къ Волхову рѣки, яко поприще и болѣ, и нарекоша его Новградъ-Великій». Они избрали себѣ князя-старѣйшину, именемъ Гостомысла, возобновили Русу и другіе города на прежнихъ мѣстахъ, а сынъ гостомысловъ, Словенъ, отошелъ отъ родителя своего въ Чудь и поставилъ городъ надъ рѣкою на урочищѣ, называемомъ *Ходнице*, и назвалъ его Славенскомъ; прокняживъ въ немъ три года, онъ умеръ сынъ его проименовалъ по имени своему этотъ городъ Изборскомъ. Этотъ новый князь славянскаго населенія въ Чудской Землѣ умеръ отъ укушенія змѣи.

Гостомыслъ достигъ глубокой старости. Онъ чувствовалъ, что приближается смерть. Мудрый мужъ былъ сѣдъ нетолько волосами, но и умомъ: онъ созвалъ къ себѣ славенскихъ *властелей* и извѣщалъ, что скоро его не будетъ на свѣтѣ, изъявлялъ опасеніе, что послѣ него настанетъ мятежъ и неурядица, и совѣтовалъ избрать себѣ князей изъ Прусской Земли, съ береговъ Варяжскаго моря. Гостомыслъ скончался и честно проводили его въ могилу на Волотовомъ полѣ.

Не тотчасъ исполнили Новгородцы гостомыслово завѣщаніе, пока не произошло дѣйствительно междоусобія. Земля Полянъ, Кіевъ, имѣла первенство надъ другими славянскими народами въ Россіи. Племянники князя кіевскаго, Кія, Оскольдъ и Диръ, повелѣвали Древлянами и Кривичами, посягали и на Славянъ Новгородскихъ. Это произвело въ самомъ Новгородѣ раздоры, волненія и усобицы. Они заставили Новгородцевъ, Кривичей, Мерю, Весь и Чудь (т. е. Изборскихъ Славянъ, поселенныхъ въ Чудской Землѣ) призвать съ варяжскаго поморія изъ Прусской Земли князя Рюрика съ двумя братьями его».

Въ этой сказкѣ слѣдуетъ отличать книжные вымыслы грамотѣя, писавшаго ее подъ вліяніемъ тогдашней учености, отъ народныхъ сказаній, которыми онъ воспользовался, и которыя отчасти сохранились въ изустныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Поселенцы на берегахъ Ильменя и Волхова представляются пришельцами съ юга, но сказка не говоритъ, что страна эта прежде была пуста: напротивъ, сказаніе о томъ, что Волхвъ превращался въ змія и залегалъ пути, показываетъ, что народное воображеніе представляетъ край уже заселеннымъ, прежде чѣмъ пришли поселенцы съ юга, ибо залегать путь можно было тогда только, когда по этому пути было людское движеніе и сообщеніе. Между насельниками, которыхъ на сѣверѣ нашли пришельцы съ юга, сказаніе признаетъ Славянъ. Рѣка, переименованная пришельцами въ Волховъ, прежде называлась славянскимъ именемъ Мутная. Эти Славяне изображаются Бѣлоруссами, т.-е. Кривичами, ибо названіе Перуна сказаніе признаетъ бѣлорусскимъ. Такимъ-образомъ, по смыслу этого сказанія, край при-Ильменскій издревле населяли Славяне отрасли Бѣлоруссовъ, т. е. Кривичей, а потомъ съ юга подвинулись къ нимъ другіе единоплеменники, иная отрасль славянскаго племени [1]).

[1]) Разсказъ о Волхвѣ по своему колориту безспорно народный. Змѣй залегающій путь—обыкновенный образъ древнихъ сказокъ, сродный всѣмъ народамъ. Профессоръ Буслаевъ очень остроумно и справедливо нашелъ этого Волхва славянскаго въ древней эпической пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ; Всеславъ и Славенъ—созвучныя, легко замѣняемыя взаимно формы, могли въ преданіи смѣшиваться. Дѣйствительно, въ пѣснѣ о Волхѣ Всеславичѣ онъ представляется сыномъ дѣвицы Мареы Всеславьевны и лютаго змія; здѣсь является вѣрованіе, что духи въ видѣ зміевъ прилетаютъ къ женщинамъ—вѣрованіе зашедшее въ повѣсть о Петрѣ и Февроніи и сохранившееся до сихъ поръ между народными суевѣріями объ огненныхъ зміяхъ. Это вѣрованіе соединено съ понятіемъ о полубогахъ, исполинахъ, рожденныхъ отъ земныхъ матерей и отцовъ нечеловѣческаго происхожденія. Такимъ-образомъ пѣсня о Волхѣ Всеславичѣ пополняетъ промежутокъ въ сказкѣ; этотъ Волховъ или Волхъ принадлежитъ къ об-

Обращаясь къ нарѣчію Новгородскаго края, можно удостовѣриться, что сказка въ основѣ своей не лишена исторической дѣйствительности. Несмотря на этнографическія потрясенія, испытанныя Новгородскимъ краемъ, все-еще можно видѣть и теперь, что здѣсь существовало нарѣчіе славянскаго корня южнаго происхожденія, приближающееся къ южно-русскому и отчасти къ словацкому, но имѣющее много своихъ самобытныхъ признаковъ, и во всякомъ случаѣ дававшее народу, употреблявшему его, колоритъ несходный съ бѣлорусскимъ и восточно-русскимъ населеніями. Возстановить это нарѣчіе по современнымъ оттѣнкамъ и по древнимъ остаткамъ изъ древнихъ актовъ и лѣтописей невозможно, во-первыхъ, потому-что въ послѣдніе четыре вѣка потомки древнихъ Новгородцевъ сильно смѣшались съ наплывомъ восточно-русскаго племени; во-вторыхъ, что вліяніе такъ называемой цивилизаціи, распространяющее

ласти исполиновъ, о которыхъ сохранилось у насъ преданіе, какъ о существахъ необыкновенныхъ, хотя и въ человѣческомъ образѣ, составлявшихъ переходъ отъ боговъ къ человѣку; преданія эти связывались съ исторіею мѣстности: на это указываетъ и мѣстность Волотова. Имя это происходитъ отъ Волотъ, исполинъ, великанъ. Что Волхъ Всеславичъ и сказочный Волхвъ одно и то же лицо, показываютъ и обстоятельства жизни лица и характеръ его: Волхъ Всеславичъ въ пѣснѣ, какъ сказочный Волхвъ, мечты творитъ, и между прочимъ Волхвъ сказочный превращается въ змія, а Волхъ пѣсенный обертывается соколомъ, волкомъ, туромъ—золотые рога; въ пѣснѣ онъ сынъ змія, въ сказкѣ превращается въ змія, въ сказкѣ онъ наученъ отъ бѣсовъ всякимъ хитростямъ, въ пѣснѣ онъ также научается такой мудрости превращеній. Въ сказкѣ онъ залегаетъ пути къ рѣкѣ «и не поклоняющихся ему овѣхъ пожираше, овѣхъ же испротерзяше и оутопляя». Въ пѣснѣ онъ побѣждаетъ индѣйское царство. Какъ мнѣ кажется, соотвѣтствующаго этой побѣдѣ надъ индѣйскимъ царствомъ надобно искать въ сказкѣ именно въ томъ, что тамъ разсказывается не о немъ самомъ, а о его преемникахъ—именно, что они ходили къ морю и покорили отдаленныя страны: Печору, Вымь, Обь. Самая странная путаница въ географіи (египетскія и елиньскія страны), показываетъ сходство съ такою же путаницею въ пѣснѣ объ индѣйскомъ царствѣ.

въ сельскомъ народѣ городскую рѣчь и городскую манеру выраженія, парализировало правильность формъ древняго нарѣчія. Тѣмъ не менѣе въ разныхъ деревняхъ Новгородскаго-края, между прочимъ особенно въ Паозерьѣ (на правомъ побережьѣ Ильменя), въ Ладожскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой и отчасти Архангельской губерній можно еще уловить слѣды прежняго нарѣчія, которымъ говорили Новгородцы. Это — произношеніе *ѣ* какъ *и*, подобно Южноруссамъ, неизмѣняемость *о* въ *а*, отличающая вообще сѣверный говоръ отъ московскаго и кривичскаго, отсѣченія: послѣднихъ гласныхъ въ прилагательныхъ и причастіяхъ, окончанія *тъ* въ правильномъ наклоненіи глаголовъ не только въ единственномъ числѣ, но и въ множественномъ, измѣненія *е* въ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ сходно съ южнорусскимъ (напр. чоловикъ, жона, чотыри) измѣненіе *е* въ *у* въ нѣкоторыхъ односложныхъ и двусложныхъ, напр. *суль* вм. — *соль*, = *горузно* вм. *грозно* (форма почти вышедшая изъ употребленія въ большей части словъ). Своеобразное сходство винительнаго съ именительнымъ и во множественномъ числѣ творительнаго съ дательнымъ, замѣна звука *л* звукомъ *в* въ прошедшихъ глаголовъ (*ходивъ* вм. *ходилъ* — форма также угасающая и не повсемѣстная); замѣненіе однихъ слоговъ другими въ нѣкоторыхъ многосложныхъ словахъ (напр. *намастирь* вм. *монастырь*); *що* вм. *что*, *якъ* вм. *какъ*; измѣненія многихъ удареній своеобразнымъ способомъ; *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч* (форма также не повсемѣстная) и множество словъ, неупотребляемыхъ въ великорусскомъ нарѣчіи, часто такихъ, которыя встрѣчаются въ южнорусскомъ, а часто исключительно мѣстныхъ.

По цѣлой Новгородской волости была не одна только пришлая съ юга народность Ильменскихъ Славянъ, — постоянно оставался съ нею вмѣстѣ кривскій элементъ.

Это ощутительно и теперь, ибо на берегахъ Шелони видны признаки бѣлорусскаго нарѣчія. Псковъ со своею областью представляетъ уже основу кривскую или бѣлорусскую, съ примѣсью новгородскаго элемента. Нарѣчіе древней Псковской области сохранило слѣды общіе, свойственные бѣлорусскому нарѣчію. Это дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ извѣстіе, указываемое преданіемъ, что въ земляхъ Новгорода и Пскова, до поселенія въ нихъ пришельцевъ съ юга, уже находились Славяне поколѣнія Кривичей, и давали мѣстностямъ прозвища своимъ языкомъ, называемымъ въ повѣсти—бѣлорусскимъ.

Такимъ-образомъ я осмѣливаюсь находить въ сказкѣ тотъ историческій элементъ, что въ землю, гдѣ впослѣдствіи образовалась земля Великаго-Новгорода и Пскова среди аборигеновъ—Чуди, проникли первоначально Кривичи, потомъ съ юга, вслѣдствіе народныхъ потрясеній, двинулась воинственная колонія другой вѣтви Славянъ, близкой, а всего вѣроятнѣе единой съ тою, изъ которой образовался нынѣшній южнорусскій и малороссійскій народъ. Эта колонія стала въ новомъ своемъ отечествѣ господствующею, такъ-что бѣлорусскіе поселенцы или смѣшивались съ нею, или выступали прочь. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же началось и подчиненіе Чуди, а на раннее отношеніе къ ней указываетъ самое слово Волхвъ, которое есть чудское völho и оттуда занесено во всю Россію съ сѣвера чрезъ посредство Ильменскихъ Славянъ. Оставленіе за ильменскими поселенцами имени Славянъ, въ отличіе отъ Кривичей, указываетъ, что сѣверные народы славянскаго племени называли вообще такимъ именемъ живущихъ на югѣ своихъ соплеменниковъ, а потому за пришельцами оставили это генетическое имя.

Что касается до прозвищъ мѣстностей именами живыхъ лицъ, то этому факту по его основѣ нельзя отказать въ

народности. Мы встрѣчаемъ и въ Кіевской Руси подобное: тамъ по именамъ братьевъ Кія, Щека и Хорева названы урочища, а именемъ сестры ихъ рѣка Лыбедь. О рѣкѣ Дунаѣ сохранился миѳъ, что въ эту рѣку превратился человѣкъ. Названія мѣстностей по именамъ лицъ особенно свойственны народному славянскому эпосу, какъ и другимъ народамъ. Но очевидно, не всѣ извѣстія, находящіяся въ сказкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сказка до насъ дошла, взяты съ народнаго голоса; нѣкоторыя отзываются явными натяжками и неловкимъ составленіемъ. Напр. Порусія или Малый Волховецъ: такія имена народъ едва ли создастъ, ибо слово Порусія указываетъ непосредственно на мѣстность; также и эпитетъ Малый очевидно принадлежитъ уже понятію о рѣкѣ, безотносительно къ какому бы то ни было миѳу. Что касается до проименованія Волхова отъ имени Волхва, то это несомнѣнно взято изъ древняго народнаго преданія. Преданія объ этомъ Волхвѣ, о его чародѣйствахъ о залеганіи пути по рѣкѣ, о его смерти и о наименованіи рѣки его именемъ, до сихъ поръ живутъ въ народной памяти. Народъ знаетъ, что рѣка Волховъ называлась прежде Мутною, а Ильмень-озеро — Мойско-озеро. Названіе протока Жилотугъ, хотя, сколько извѣстно, не оставило до настоящаго времени какого-нибудь преданія, но оно вѣроятно также соединялось съ угасшимъ миѳомъ; потому-что это названіе, очевидно, по своему значенію, человѣческое и только съ человѣческаго имени могло быть перенесено на мѣстность. Остальныя всѣ несомнѣнно выдуманы книжникомъ, который дополнилъ ими короткую народную номенклатуру преданій, вѣроятно уже и тогда потерявшихъ свою опредѣлительность. Извѣстіе о моровой язвѣ, отъ которой люди бѣжали и населили Бѣлоозеро и Весь, имѣетъ историческое основаніе. Вѣроятно, въ памяти народа оставалось какое-то темное воспоминаніе о

страшномъ бѣдствіи, заставившемъ поселенцевъ подвинуться на востокъ. Это преданіе нѣсколько поясняетъ намъ и то, какимъ-образомъ впослѣдствіи Весь была участницею въ призваніи Варяговъ; ибо этотъ фактъ кажется возможенъ тогда только, когда въ этой странѣ утвердилось уже славянское народонаселеніе. Сказка говоритъ, что послѣ этой свирѣпой моровой язвы край надолго опустѣлъ, города обезлюдѣли, и потомъ снова уже совершился второй приливъ славянскаго народонаселенія, которое пришло туда по сознанію, что это была нѣкогда земля предковъ. Далѣе у книжника все перепутано. Уже по второмъ заселеніи края, пришли на поселенцевъ Угры-бѣлые и повоевали ихъ до конца, и послѣ того сдѣлалось еще третье переселеніе. Авторъ отнесъ сказаніе объ Уграхъ-бѣлыхъ къ сѣверу, тогда-какъ оно относится положительно къ югу. Въ этотъ разъ, по сказанію, пришли уже не одни Славяне, но привели съ собой и Болгаръ и другихъ инородцевъ, и населили землю, и поставили городъ, но уже не на мѣстѣ прежняго Словенска, а ниже, на Волховѣ, и назвали его Новымъ-Городомъ. Отбрасывая форму выраженія у автора, украсившаго народное преданіе книжною мудростью, останется то, что въ Новгородѣ пребывало воспоминаніе о бѣдствіи, изгнавшемъ нѣкогда народонаселеніе изъ края (голодъ и язва — одно изъ явленій обычныхъ и впослѣдствіи), и потомъ о приливѣ въ этотъ край народонаселенія вновь и объ основаніи новаго города вмѣсто прежняго. Безъ сомнѣнія, либо край былъ опустошенъ не до такой степени, чтобъ въ немъ не оставалось никакихъ слѣдовъ прежняго населенія; либо же опустѣніе его было недолговременно, когда новое заселеніе произошло по свѣжимъ преданіямъ о прежнемъ жительствѣ.

II.

ПРИЗВАНІЕ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Изъ лѣтописи, за которою усвоено названіе несторовой, мы видимъ, что въ глубокой древности существовало преданіе, что Новгородскіе Славяне и жители прилежащихъ къ нимъ странъ, покорены были Варягами и обложены данью, но скоро покоренные народы соединились и изгнали поработителей за море. Вслѣдъ за тѣмъ между ними произошли несогласія и они, не въ силахъ будучи сами между собою уладиться, призвали къ себѣ для управленія князей отъ другихъ Варяговъ [1]). Это событіе чрезвычайно важ-

[1]) «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси—сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіиже Урмяне, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, Словени и Кривичи и Вся: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами». И избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣ-градѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская Земля Ноугородци; ти суть людье ноугородци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.»

ное для нашей исторіи, означено въ лѣтописи неясно и по своей короткости представляетъ множество недоразумѣній и поводовъ ко всевозможнѣйшимъ догадкамъ, доставляющимъ широкое поле воображенію, которое тѣмъ необузданнѣе можетъ увлекаться, чѣмъ менѣе доступенъ знанію бытъ такого отдаленнаго отъ насъ времени. Для насъ здѣсь важны три вопроса: кто призвалъ князей, кто были призванные и для чего они призваны?

Народы, обложенные отъ Варяговъ данью, изгнавшіе ихъ и призвавшіе потомъ другихъ Варяговъ, были Новгородскіе Славяне, Кривичи, Меря и Чудь. Уже потому, что они вмѣстѣ дѣлали одно общее дѣло, видно, что между ними существовала тогда связь. Связь эта должна была исходить: во-первыхъ, изъ племеннаго родства и древней колонизаціи Славянъ на финскомъ сѣверѣ, и во-вторыхъ, изъ временныхъ обстоятельствъ, побудившихъ эти народы къ взаимной дѣятельности.

Многое заставляетъ подозрѣвать, что въ IX-мъ вѣкѣ и Весь и Меря, народы финскаго происхожденія, участвовали вмѣстѣ съ Славянами-Новгородцами и Кривичами въ призваніи русскихъ князей только по имени; въ самомъ же дѣлѣ, на нихъ уже тогда легла власть Славянъ. Несомнѣнно то, что въ ихъ земляхъ жили Славяне: это показываютъ названія городовъ, которые были главами этихъ земель; Бѣлоозеро и Ростовъ — названія славянскія; конечно, еслибъ тамъ не было Славянъ, этихъ названій не существовало бы. Да и построены они были Славянами: въ тѣ времена городъ продолжалъ называться такимъ именемъ, какимъ прозванъ былъ сначала, даже и тогда, когда переходилъ во власть инаго народа. Если же въ земляхъ Веси и Мери города носили славянскія названія, были построены Славянами, и во времена призванія князей ими населены, то ужь, безъ сомнѣнія, эти Славяне были господствую-

щимъ народомъ надъ финскими народами, точно также, какъ Славяне играютъ ту же роль впродолженіи вѣковъ до нашего времени, живучи вообще между племенемъ чудскимъ; и эти-то Славяне собственно призвали князей, да и къ самому призванію, между другими поводами, вѣроятно побуждала ихъ необходимость удержанія въ повиновеніи подвластныхъ инородцевъ. Доказательствомъ ранняго распространенія славянскаго племени въ этихъ странахъ, служитъ скорое образованіе тамъ отдѣльныхъ княжествъ,— явное присутствіе многочисленнаго славянскаго народонаселенія, равно и то, что въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ туземная народность исчезла рано. Образованіе русскаго княжества было бы невозможно въ странѣ, обитаемой исключительно чудскимъ или какимъ бы то ни было чуждымъ народонаселеніемъ, безъ достаточной славянской колонизаціи, которая бы составляла силу господствующую до такой степени, что край потерялъ бы уже свой первообразный этнографическій характеръ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ славянская колонизація была незначительна, удалена отъ сплошной славянской народности, тамъ не могли утвердиться княжества и земли не получали значенія самобытности въ русской удѣльной федераціи,—такъ отдаленная Тмутаракань скоро выбыла изъ области русскихъ земель; Новгородско-Чудскія области постоянно находились подъ властью Новгорода и, слѣдовательно, подъ господствомъ славянскаго элемента,—однако княжества и земельной автономіи тамъ не образовалось, между-тѣмъ какъ Псковъ, съ его сплошнымъ славянскимъ населеніемъ, составлявшій прежде съ своей областью часть Новгородской страны, скоро показалъ начала самобытности. Чудскіе народы, коль-скоро между ними не было достаточно славянскаго элемента, управлялись сами собою и держались въ повиновеніи Славянамъ страхомъ пришествія

вооруженной силы и образовавшеюся впослѣдствіи времени привычкою платить дань. Весь, Меря и сопредѣльная послѣдней Мурома, появившись на первой страницѣ нашихъ лѣтописей, почти не показываютъ потомъ самобытнаго существованія. Еслибъ эти народцы не были издревле слишкомъ подавлены русско-славянскимъ населеніемъ, то гдѣ-нибудь и какъ-нибудь проявили бы противодѣйствіе, и, конечно, лѣтописцы хотя бы вкратцѣ намекнули объ этомъ. Какъ въ Землѣ Веси (Бѣлозерской), такъ и Мери (Ростовской), вѣроятно, славянскіе колонисты были новгородской отрасли; что̀ касается до первой, то нарѣчіе, господствующее тамъ въ народѣ до сихъ поръ, сохраняетъ яркія особенности новгородскаго, даже въ болѣе своеобразномъ видѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь; между-тѣмъ этотъ край въ послѣдующія времена не принадлежалъ къ Землѣ Великаго-Новгорода.

То же дѣлалось и съ Чудью. Чудью назывались финскіе народы, жившіе около Чудскаго озера, и далѣе въ Ливоніи. Подъ Чудью, участвующей въ призваніи князей, разумѣется часть этой страны, прилегавшая къ Чудскому озеру и къ Пскову, и уже подвластная Славянамъ; Изборскъ былъ ея главнымъ городомъ, какъ надъ Весью — Бѣлоозеро, надъ Мерею — Ростовъ. Если бы Чудь эта была та, которая жила позападнѣе, въ Ливоніи, то прибывшіе князья утвердили бы тамъ свою власть; напротивъ, мы видимъ, что славянскій элементъ, господствуя въ Псковской и Полоцкой Земляхъ, подвигался впослѣдствіи уже въ Чудскую Землю на западъ, какъ въ страну, еще имъ не занятую, и мало-по-малу захватывалъ тамъ перевѣсъ, пока не столкнулся съ нѣмецкими пришельцами. Не слѣдуетъ соблазняться тѣмъ, что лѣтописецъ называетъ чудскія племена, когда говоритъ о призваніи союзниками варяжскихъ князей. Извѣстно, что географическія названія пе-

реживаютъ не только независимость народовъ, которые сообщили эти имена своей родинѣ, но даже самое существованіе тѣхъ народовъ. Весь, Меря и находившаяся подъ господствомъ Изборска Чудь, были покорны Славянамъ, слѣдовательно составляли съ ними въ географическомъ отношеніи—цѣлое. И въ наше время Сибирь—слово не русское, а если бы пришлось сказать: «Сибирь этого хочетъ», то разумѣлось бы при этомъ выраженіи русское населеніе, а не туземные народы, уступившіе первенство въ своей землѣ пришлому славянскому элементу: то же можно бы сказать объ Астрахани или о Крымѣ,—названія татарскія, и Татары живутъ въ краяхъ, которые носятъ эти названія до сихъ поръ, а самобытности Татары не имѣютъ, и древнее географическое имя ихъ земли сдѣлалось достояніемъ другаго народа, одержавшаго верхъ и господство. Призывавшіе Варяговъ-Русь народы были всѣ на-голо̀ Славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ впослѣдствіи мы не видимъ отношеній равноправности между ними,—напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи.

Связь съ Новгородомъ славянскихъ племенъ, поселившихся между Весью, Мерею и Чудью, была, напротивъ, тѣмъ естественнѣе и тѣмъ необходимѣе, что каждая изъ славянскихъ колоній должна была держаться противъ чудскихъ племенъ, живучи въ иноплеменномъ краю.

Чуждое завоеваніе должно было укрѣпить эту связь; одни и тѣ же побѣдители поработили всѣ народы, противъ однихъ и тѣхъ же нужно было бороться. По совершеніи дѣла освобожденія, сознаніе необходимости дѣйствовать вмѣстѣ не могло ослабѣть уже и потому, что освобожденные народы не были внѣ опасности: Сканди-

навы-Варяги уже давно дѣлали набѣги на сѣверъ русскаго материка; подчиненіе ими народовъ въ половинѣ IX-го вѣка было однимъ изъ многихъ подобныхъ фактовъ, только вѣроятно однимъ изъ рѣзкихъ и чувствительныхъ, когда онъ могъ вызвать сильное противодѣйствіе со стороны покоренныхъ народовъ. Варяги-побѣдители могли снова нагрянуть и только усильной и дружною защитою народовъ можно было удержать отъ нихъ на будущее время независимость, какъ возможно было ее пріобрѣсть. Но кольскоро взаимность родственныхъ народовъ, до сихъ поръ выразившаяся совмѣстною защитою отъ чужихъ, довелась до формы постояннаго политическаго союза, тутъ возникали сложные вопросы, которые не могли порѣшиться разомъ, на которые могла дать отвѣтъ только втеченіи долгаго времени историческая разработка общественной жизни. За этими вопросами неизбѣжно послѣдовали недоразумѣнія и столкновенія, междоусобія и смуты. Ни чего не могло быть естественнѣе. У народовъ съ простыми первобытными пріемами общественной жизни, взаимныя связи прежде чѣмъ примутъ опредѣленныя и прочныя формы, вызываютъ индивидуальныя и мѣстныя страсти, внутреннее противодѣйствіе связи, и въ этой борьбѣ необходимо бываетъ прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобъ удержать связь, которой важность чувствуется для существованія каждой изъ частей въ-особенности. Такъ Славяне русскаго материка, нуждаясь въ поддержаніи своего союза, обратились къ внѣшней силѣ и призвали княжескій родъ изъ Варяговъ-Руси.

Кромѣ славянскихъ колонистовъ въ земляхъ Веси, Мери и Чуди, съ Новгородцами участвовали въ призваніи князей— Кривичи. Какіе именно Кривичи вошли въ союзъ, призывавшій Варяго-Руссовъ, съ точностію опредѣлить трудно; лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ тотчасъ же посадилъ своихъ

мужей въ Полтескѣ: слѣдовательно въ этотъ союзъ входили Полочане, жители береговъ Двины и Полоти, которыхъ главнымъ городомъ, центромъ окольныхъ селъ и деревень, былъ Полоцкъ. Лѣтописецъ, исчисляя народы, призвавшіе князей, не помѣщаетъ Полочанъ, но вѣроятно, они у него разумѣются подъ именемъ Кривичей; потому-что хотя Полочане были вѣтвь пришлыхъ Славянъ, отличная отъ Кривичей, которыхъ лѣтопись не помѣщаетъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная поселенцевъ, но поселившись между Кривичами, Полочане смѣшались съ ними и потерялись въ массѣ превосходившаго ихъ числомъ родственнаго племени, а потому здѣсь уже скрываются подъ общимъ географическимъ названіемъ той земли, гдѣ жили. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ, разсказывая о пришествіи Варяговъ, говоритъ, что въ Полотскѣ жили Кривичи. Но очень можетъ быть, что участвовали въ союзѣ и другія вѣтви обширнаго славянскаго племени, извѣстнаго подъ именемъ Кривичей. Очень можетъ быть, что и Смольнянъ также должно считать съ Полочанами въ числѣ этихъ Кривичей, вступившими въ союзъ, потому-что Смольняне впослѣдствіи какъ-то слишкомъ скоро и легко покорились Олегу. Наконецъ лѣтопись хотя не говоритъ прямо, описывая фактъ призванія, но впослѣдствіи даетъ поводъ думать, что Кіевскіе Славяне — Поляне, также здѣсь участвовали. Это видно изъ того, что когда Олегъ явился съ малолѣтнимъ Игоремъ и убилъ Аскольда и Дира, то сдѣлалъ это не какъ завоеватель, а какъ возстановитель нарушеннаго права. Онъ обличалъ Аскольда и Дира тѣмъ, что они не князья и не княжескаго рода и указалъ на Игоря, назвавъ его настоящимъ княземъ. Кіевляне покорились ему добровольно, безъ сопротивленія. Очевидно, смыслъ этого событія тотъ, что Кіевляне приняли Аскольда и Дира не за тѣхъ, чѣмъ они были, а за князей и не противились ихъ казни, когда узна-

ли, что они не князья. Слѣдовательно, они еще прежде имѣли понятіе о томъ, что имъ надобно повиноваться князьямъ, которые должны придти къ нимъ съ сѣвера; но это могло быть тогда только, когда Кіевляне сами прежде изъявляли желаніе управляться варяжскими князьями и участвовали въ призывѣ ихъ вмѣстѣ съ Новгородцами, Кривичами и другими союзниками.

Теперь взглянемъ, кѣмъ могли быть призванные князья. Лѣтопись говоритъ о Варягахъ.

Варяги есть составленное по-славянски скандинавское слово Vaeringiar; а у Скандинавовъ это слово есть переводъ греческаго слова φοίδερατοί, что значитъ союзники, или точнѣе, по смыслу, присяжные воины; этимъ именемъ назывались составленныя изъ иноземцевъ наемныя дружины, служившія у римскихъ, потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ IX-го вѣка начали въ Византійской Имперіи появляться въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ Скандинавы или Норманны, и перевели на свой языкъ греческое слово φοίδερατοί словомъ Vaeringiar. Оно въ скандинавскихъ былинахъ (сагахъ) появляется подъ 1040 годомъ, по поводу разсказа о пребываніи въ Греціи норвежскаго принца Гаральда Гардраде. Эти Варяги проходили изъ своего отечества черезъ Россію водянымъ путемъ, по Днѣпру и Двинѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи [1]).

[1]) «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечеть въ озеро великое Нево, того озера внидеть устье въ море варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царя-города прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье и внидеть въ море варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на вътокъ, и вътечеть семъюдесятъ жерелъ въ море Хвалиськое. Тъмже изъ Руси можетъ ити въ Болгары и Хвалисы, на

Русскіе, ознакомившись съ жителями прибалтійскаго прибрежья, въ лицѣ проходившихъ черезъ свои земли Варяговъ, стали обращать это имя вообще на страны, откуда являлись къ нимъ эти проходимцы. Подъ Варягами разумѣли не одинъ какой-нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у Русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ чрезъ земли Русскихъ Славянъ. Такъ-какъ Балтійское море было главнѣйшимъ путемъ сообщенія съ западной Европой, Новгорода и прилежащихъ къ нему сѣверо-русскихъ странъ, то скоро значеніе *варяжскаго* стало еще обширнѣе: римско-католическая вѣра называлась «варяжскою», католическая Церковь носила названіе «варяжской божницы», и римско-католическаго священника звали «варяжскій попъ» [1]). Широкое значеніе словаВарягъ въ нашей лѣтописи, относится къ древнимъ временамъ сообразно съ тѣмъ значеніемъ, какое это слово имѣло въ эпоху составленія лѣтописи. Когда лѣтописецъ, разсказывая о событіяхъ IX-го вѣка, упоминаетъ о Варягахъ, то значитъ, что онъ употребляетъ то названіе, какое существовало въ то время, когда онъ жилъ самъ, а не то, которое было въ тѣ времена, когда описываемыя имъ событія совершались. Въ договорахъ Олега и Игоря, заключенныхъ прежде и дошедшихъ къ лѣтописцу цѣликомъ, нѣтъ слова «Варяги», да и быть его не могло, потому-что люди, составлявшіе этотъ договоръ не были Варягами (Vaeringiar). Впослѣдствіи поморье варяжское не ограничивалось одними жилищами Скандина-

вътокъ доити въ жребій Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ вътечеть въ Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же, училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ». (Полн. Соб. Рус. Лѣт. I. 3).

[1]) Новгор. лѣт. I. 35—Отвѣты Изяславу преподобнаго Ѳеодосія.

вовъ; такъ и въ «Волынской Лѣтописи» къ поморью варяжскому причисляются страны славянскія, напримѣръ: «она бо бѣ рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія варяжскаго» [1]). Читая разсказъ писателя конца XI-го и начала XII вѣка о Варягахъ не слѣдуетъ думать, чтобы народы, о которыхъ идетъ рѣчь въ IX вѣкѣ, дѣйствительно назывались Варягами, а слово Варягъ лучше переводить намъ для себя выраженіемъ: обитатели береговъ Варяжскаго моря т. е. прибалтійцы.

Слово Варягъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ, значило въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что́ теперь слово Нѣмецъ у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго Европейца, или Черкесъ въ смыслѣ жителя Кавказскихъ горъ, хотя подъ этими именами могутъ скрываться разноплеменные народы. Варяговъ, по извѣстіямъ лѣтописцевъ, было много родовъ: одни назывались Русь, другіе Свое, третьи Урмяне, четвертые Гъте. Можетъ-быть въ головѣ лѣтописца ихъ было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому-что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ Варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались Русь, чтобы читающій зналъ, что Русь не Свое, не Урмяне, не Англяне, не Готы и не что́ другое еще, а Русь. Варяги, изгнанные изъ русскаго материка и Варяги-Русь были не одни и тѣ же: на это прямо указываетъ лѣтопись, приписываемая Нестору; словомъ Русь, которое она придаетъ единственно Варягамъ, призваннымъ въ отличіе отъ другихъ, и словомъ *друзіи*, которымъ она отличаетъ отъ Варяговъ-Руси — группу другихъ Варяговъ, т. е. прибалтійскихъ народовъ. Варягъ — слово географическое, но въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оно при-

[1]) Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 227.

няло этнографическое значеніе; такъ-какъ большинство жителей при-Балтійскаго-края принадлежитъ къ скандинавскому племени, то слово Варяги, безъ обозначенія, какіе именно Варяги, нерѣдко принималось въ смыслѣ однихъ скандинавскихъ народовъ, и потому лѣтописецъ, упоминая о Варягахъ-Руси, указываетъ тотчасъ же на отличіе отъ другихъ, имѣющихъ съ ними одно географическое названіе. Это ощутительно высказывается еще въ извѣстіи о томъ, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ: тогда у Олега были въ войскѣ Варяги, но они наравнѣ съ другими народами прозвались Русью («бѣша у него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью»). Слѣдовательно въ войскѣ Олега лѣтописецъ разумѣетъ такихъ Варяговъ, которые прежде не назывались Русью.

Варяги, изгнанные народами Сѣверной Руси, были Скандинавы, и именно Шведы. И прежде, какъ это видно изъ ихъ преданій, они дѣлали набѣги на русскій материкъ и овладѣвали Гольмгардомъ, называя такимъ-образомъ Новгородъ и впослѣдствіи, по случаю отношеній ихъ къ Новгороду, то дружественныхъ, то непріязненныхъ. Есть въ скандинавскихъ сагахъ извѣстіе объ оставленіи Шведами Сѣверозападной Россіи, которое подходитъ именно къ половинѣ IX-го вѣка, къ тому времени, когда, по нашей лѣтописи, совершилось изгнаніе Варяговъ за море. Это мѣсто въ сагѣ Олафа святаго. Въ концѣ X-го или въ началѣ XI-го вѣка старецъ Торгній разсказываетъ, что дѣдъ его вспоминалъ о королѣ Эрикѣ, сынѣ Эдмунда, который будучи уже во цвѣтѣ лѣтъ, собравши большія силы, овладѣлъ Финляндіею, Кареліею, Эстоніею, Курляндіею и другими многими странами, на востокъ лежащими, и оставилъ по себѣ память въ высокихъ насыпяхъ и другихъ памятникахъ [1]).

[1]) «Thorgnius locutus est: Aliud est nunc regum Svioniae ingenium,

Около того же времени разсказывается въ житіи св. Ансхарія, писанномъ Ринбертомъ, жившимъ въ половинѣ IX-го вѣка, что Скандинавы потеряли власть свою надъ Корами (curones, Корсь нашихъ лѣтописцевъ), народомъ литовскаго племени [1]). Этотъ писатель указываетъ, что изгнаніе Скандинавовъ совершилось взаимнымъ усиліемъ нѣсколькихъ народовъ, соединившихся для изгнанія чужеземцевъ [2]). Свидѣтельство Ринберта также совпадаетъ съ извѣстіемъ нашей лѣтописи объ изгнаніи Варяговъ и дополняетъ послѣднее тѣмъ, что сообщаетъ о взаимнодѣйствіи народовъ литовскаго племени въ общемъ дѣлѣ освобожденія Сѣверо-западной Россіи.

Варяговъ, призванныхъ послѣ изгнанія для управленія, лѣтописецъ отличаетъ народнымъ прозваніемъ *Русь*, а потому ихъ нужно искать въ томъ народѣ, который носилъ

atque olim fuit. Thorgnius, avus meus paternus, recordatus est memoriam Eiriki Edmundi filii, regis Upsaliensis, et hoc de eo retulit, solitum fuisse, dum in viridissimo esset flore aetatis, evocatis quavis aestate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finniam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partes orientis subegisse, et etiamnum cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta, quae facienda curavit».

Въ другомъ изданіи (Снорро Стурлезона):

«,...Subjecisse Finlandiam, Kyrialam (Kareliam), Esthoniam atque Curlandiam nec non plures latae ad orientem regiones, ubi etiamnum cernere licet ungestas ex cespite aggeres aliaque fortiter ibi et praeclare ab eo gestarum rerum monumenta».... (См. Antiquités Russes, I. 316. Extrait de la Heimskingla. Изд. Снорро Стурлезона: Saga a Olafi Hinom Helga, 104).

[1]) «Gens enim quaedam longe ab eis (отъ Норманновъ шведскихъ) posita vocata Chori Sueonum principatui olim subjecta fuerat, sed jam tunc diu erat, quod rebellando ejs subjici dedignabuntur». (Acta Sanctor. Februar., I. Vita sanct. Anschar. c. XIII).

[2]) «Populi itaque, ibi manentes, cognito eorum adventu conglobati in unum, coepere viriliter resistere et sua defendere, dataque sibi victoria...» et.

названіе Русь. Мы находимъ дѣйствительно это названіе на берегу Балтійскаго (Варяжскаго) моря, при устьѣ Нѣмана, которое и до сихъ поръ сохранило названіе Русъ, а правый берегъ его называется на мѣстѣ рускимъ. Какъ далеко въ глубокой древности простиралось это названіе въ географическомъ объемѣ, невозможно опредѣлить; но есть свидѣтельства, указывающія на существованіе названія Руси въ смыслѣ страны на побережьѣ Нѣмана. Такъ въ XIV-мъ вѣкѣ историкъ Тевтонскаго Ордена, Петръ дюисбургскій, помѣщаетъ страну Руссію на побережьѣ Нѣмана, при его устьѣ [1]). У Адама бременскаго, историка XI-го вѣка, Пруссія, называемая имъ Самбія, представляется граничащею съ страною Руссіею. Точно также у Титмара Пруссія граничитъ съ Руссіею [2]). Въ жизнеописаніи св. Бруно, составленномъ его товарищемъ Вибертомъ [3]), описывается его страданіе и смерть, происходившія въ Пруссіи, и то же самое разсказывается въ житіи св. Ромуальда, и страна, гдѣ случилось событіе, называется Руссіею, а король этого края, Нетимеръ, замучившій св. Бруно и его сподвижниковъ, называется королемъ Русскимъ [4]). Въ XVI-мъ вѣкѣ при-Нѣманская страна называлась *Русью*, какъ

[1]) Terra Pruschiae pro terminis suis, intra quos constituta est, habet Wiselam, mare Salsum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum Masowiae et ducatum Bobrinensem. Memela est fluens aqua, descendes de regno Russiae circa castrum et civitatem Memelburg intrans mare, ipsam Ruschiam, Lethowiam et Curoniam dividens etiam a Pruschia» (стр. 68).

[2]) «Ad Pruciam pergens steriles hos agros semine divino studuit fecundare, sed spinis pulalantibus horrida non potuit facile molliri. Tunc in confinio praedictae regionis et Rusciae cum predicaret, primo ab incolis prohibetur et plus evangelizans capitur, deinde que amore Christi, qui aecclesiae caput est, 16 kalend. Martii mitis ut agnus decollatur, etc» (Pertz, V, 834).

[3]) Pertz, VI, 579.

[4]) Cumque ad regem Russorum vir venerabilis pervenisset etc..... Pertz VI, 851.

это видно изъ одной приписки къ житію свят. Антонія сійскаго, гдѣ писатель называетъ себя Русиномъ отъ племени варяжскаго, изъ Руси [1]), которая называется этимъ именемъ по рѣкѣ Руси. Что за нижнею частію Нѣмана названіе Русь принадлежитъ глубокой древности, указываетъ и названіе Пруссія, сокращеніе слова Порусія, т. е. страна, лежащая по рѣкѣ Русѣ. Это географическое названіе дано землѣ этой Славянами.

Многія имена пришельцевъ, сохранившіяся въ договорахъ Олега и Игоря, представляютъ сходство съ собственными именами людей и мѣстностей литовскаго міра, и нѣкоторыя изъ нихъ по складу обличаютъ происхожденіе отъ литовскаго корня [2]).

Немаловажнымъ подтвержденіемъ вѣроятности происхожденія призванныхъ Варяговъ изъ Прусско-Литовскаго міра служитъ существованіе части Прусской улицы въ Новгородѣ и этнографическаго названія ея обитателей —

[1]) «Отъ племени варяжска, родомъ Русина, близъ восточныя страны, межъ предѣлъ словеньскихъ, варяжскихъ и агорянскихъ, иже нарицается Русь, по рѣкѣ Русѣ».

[2]) Олегъ, Ольга—рѣка Олегъ, урочище Олька, имена лицъ—Ольгердъ, Ольгимунтъ; Алданъ—имя Альдона; Ятвягъ—имя литовскаго князя; Утинъ—имя литовскаго князя, Туки—имя лица Туки, названія мѣстностей: Туки, Туканы; Гуды — имя лица Гудулъ, названія мѣстностей: Гуделе, Гудишки, Гудулишки, Гудайце, Гудели, Гудучишки, Гудунъ; Войковъ — имя Войко; Бернъ—имя лица Бернатъ, фамилія Бернатовичъ,—мѣстности: Бернате, Бернатовъ; Кары—имена Каріатъ, Карейва, Каресва, мѣстности: Каріонъ, озеро Кайры; Веремудъ—имя Вермутъ; Сфирка—имя Свирка; названія мѣстностей: Свирка, Свирки; Каршевъ—имя Карши, названія мѣстностей: Каршево, Каршева; Рогнѣдь—Рагнитъ городъ; Карнъ — фамилія Карновичъ, имена мѣстностей: Карны, Карвовичи; Моны — названія мѣстностей: Моны, Монейцы; Слуды—названіе мѣстности Слудока (такая же мѣстность близъ Новгорода—Слудки); Карлъ—названіе мѣстности Карлы; Глѣбъ—названіе нѣсколькихъ мѣстностей съ тѣмъ же именемъ въ Жмуди; Шихбернъ — мѣстности Шиксне, Шихле, Шиксти; Якунъ — мѣстности: Яку, Якенъ; Иггивладъ—названіе мѣстности Иггауде; Стеггистонъ—названія мѣстностей: Стегвиле, Стегенъ.

*

Пруссы. Впродолженіи многихъ вѣковъ эта часть города заселена была боярскими фамиліями, и сохраняла аристократическій характеръ, такъ-что не одинъ разъ во время народныхъ усобицъ, черные люди, составлявшіе въ Новгородѣ демократическую стихію, ополчались на эту часть города съ неистовствомъ, отличающимъ подобныя боренія народныхъ партій. Между-тѣмъ въ древней нашей лѣтописи указывается, что пришельцы-Варяги, переселившись съ призванными князьями, сдѣлались жителями Новгорода (Ти соуть людье Ноугородци отъ рода варяжска). Это извѣстіе побуждаетъ насъ, въ теченіи послѣдующей исторіи Новгорода, искать слѣдовъ такихъ чужеплеменныхъ пришельцевъ и мы не находимъ ничего, кромѣ Пруссъ въ этомъ родѣ, и притомъ съ аристократическимъ характеромъ, чего неизбѣжно слѣдовало ожидать, потому-что тѣ, которые пришли какъ совѣтники и помощники лицъ, призванныхъ для управленія, должны были передать потомству своему сознаніе важности происхожденія. Наконецъ побуждаетъ къ признанію призванныхъ Варяговъ литовскимъ племенемъ и древнее преданіе, существовавшее уже издавна и записанное во многихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ, что они пришли изъ Пруссъ. Это было убѣжденіе нашихъ предковъ, и ему неоткуда было явиться иначе, какъ перейти отъ прежнихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ, хотя вопросъ откуда именно пришли первые призванные князья остается неразрѣшеннымъ, но изъ всѣхъ гипотезъ, какія существовали по этому предмету, гипотеза о ихъ прусско-литовскомъ происхожденіи, имѣющая на своей сторонѣ старинное преданіе, намъ кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ.

Цѣль призванія князей выражается словами, которыя лѣтописецъ заставляетъ произносить призывающихъ: «пріидите княжить и володѣть нами по праву». Союзники сознали, что не могутъ поладить и установить между собою

порядокъ. Очевидно, что для водворенія лада должно было имъ представляться прежде всего средство — поручить кому-нибудь власть. Но какъ-скоро получающій власть будетъ принадлежать къ одному какому-нибудь изъ союзныхъ народовъ, другіе будутъ недовольны этимъ предпочтеніемъ, и тотъ народъ, откуда будетъ правитель, возьметъ верхъ надъ другими. У нихъ, по извѣстію лѣтописи, и безъ того возставалъ родъ на родъ. Тотъ, кому дадутъ власть, будетъ возвышать свой родъ на счетъ другихъ; тѣ роды, которые были прежде во враждѣ, еще сильнѣе начнутъ противодѣйствовать: усобицы и смуты не прекратятся отъ этого, а еще усилятся. И вотъ, сознавая необходимость союза, собрались въ Новгородѣ люди изъ союзныхъ народовъ и порѣшили для управленія и установленія порядка призвать лица изъ такого народа, который не участвовалъ въ ихъ домашнихъ распряхъ. Всѣ они сами не составляютъ одного только народа, но нѣсколько союзныхъ народовъ; сообразно съ этимъ они призываютъ не одного правителя, а трехъ братьевъ, да еще съ ихъ родомъ (родными); какъ народы союзные связаны между собой сознательно родственностію племени, такъ и князья, пришедши къ нимъ, могутъ править каждый въ одномъ изъ народовъ, но будутъ связаны между собой сознательно единствомъ рода. Славянскіе народы призывали тогда себѣ князей на основаніи такого общечеловѣческаго обычая, по которому спорящія между собою стороны отдаютъ свой споръ на обсужденіе постороннимъ лицамъ, наблюдая, чтобъ эти лица совершенно были непричастны всему, что̀ подавало поводъ имъ самимъ ко взаимной враждѣ. Это третейскій судъ, столь обычный въ русскомъ народѣ во всѣ времена. Князья были третьи въ дѣлѣ домашнихъ неурядицъ союзныхъ народовъ, и съ этимъ значеніемъ оставались они въ послѣдующей русской

исторіи; несмотря на различныя уклоненія отъ такого значенія, происходившія отъ стеченія обстоятельствъ, преимущественно внѣшнихъ, оставались они все тѣмъ же, т. е. третьими до тѣхъ поръ, пока наконецъ историческая судьба не вызвала новыхъ требованій, съ которыми уже несовмѣстимъ былъ старинный порядокъ. Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали ихъ «княжить и володѣти по праву». Прежняя автономія народной независимости и народнаго самоуправленія, выразившаяся понятіемъ о землѣ, не уничтожилась отъ этого призыва. Оно было и естественно: этихъ чужихъ правителей и судей призывали свободные, призывали какъ внѣшнюю силу для опредѣленныхъ заранѣе цѣлей; могли призывать и не призывать ихъ, не бывъ обязаны ничѣмъ въ отношеніи ихъ; сами давали имъ то, что̀ хотѣли дать и требовали того, что̀ имъ было нужно отъ нихъ, а не принимали того, что̀ тѣмъ угодно было дать. Отсюда и возникло то двоевластіе, то существованіе одна о-бокъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ — земской или вѣчевой, и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго-Новгорода вособенности.

Но если призванныхъ князей съ ихъ родомъ приглашали какъ установителей порядка, то невольно рождается вопросъ: какимъ же образомъ приглашали людей изъ чужаго племени, не умѣвшихъ говорить на туземномъ нарѣчіи, незнавшихъ обычаевъ того края, куда они приходили? По нашему мнѣнію вопросъ этотъ, часто вовсе оставляемый въ многоразличныхъ размышленіяхъ надъ фактомъ призванія Варяговъ, долженъ былъ бы обращать гораздо больше на себя вниманія. И поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на извѣстной Татищеву «Іоакимовской Лѣтописи», въ которую, точно также какъ и въ наши хронографы, зашли народныя преданія, изуродованныя книжною

мудростію грамотѣевъ. Тамъ разсказывается, что изгнаніемъ Варяговъ руководилъ старѣйшина или князь новгородскій, Гостомыслъ. Сыновья его были убиты въ сраженіи, оставались у него три замужнія дочери. Волхвы предрекли ему, что боги даруютъ его потомству наслѣдіе. Гостомыслъ былъ старъ — не повѣрилъ этому, потому-что не надѣялся имѣть дѣтей, но отправилъ пословъ въ Зимеголу спросить тамошнихъ вѣщуновъ; и тѣ предрекли ему то же. Недоумѣвалъ Гостомыслъ и грустилъ. Однажды снится ему сонъ, будто изъ утробы средней дочери его, Умилы, выростаетъ огромное плодовитое дерево, осѣняетъ великій градъ, а люди всей земли его насыщаются отъ плодовъ этого дерева. Вѣщуны истолковали ему этотъ сонъ такъ: «отъ сыновъ ея (Умилы) имать наслѣдити ему землю, и земля угобзится княженіемъ его». Умила была замужемъ за русскимъ княземъ, и у нея было трое сыновей: Рюрикъ Синеусъ и Труворъ; этихъ-то сыновей русской матери и призвали сѣверные народы рускаго материка [1]).

Въ какомъ бы переиначенномъ видѣ ни дошли до насъ эти сказанія, но въ нихъ мерцаетъ историческая основа, прокатившаяся черезъ народныя преданія: очень вѣроятно что Гостомыслъ отправлялъ пословъ къ вѣщунамъ въ Зимеголу, т. е. въ Литовскій край, который съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ въ понятіяхъ нашего народа представлялся мѣстомъ колдуновъ и гадателей. Очень вѣроятно, что князей призвали именно потому, что они были сыновья матери Славянки, могли быть знакомы съ славянскомъ языкомъ и славянскими обычаями и вообще по крови были нечужіе Славянскому міру, но въ то же время были совсѣмъ чужды туземнымъ распрямъ и недоразумѣніямъ и, слѣдовательно, имѣли качества третейскихъ судей.

[1]) Татищ. 1. 34.

Въ дѣлѣ призванія варяжскихъ князей Новгородъ занималъ первенствующую роль. Онъ руководилъ союзомъ; въ лицѣ своего Гостомысла, онъ первый далъ голосъ о призваніи княжескаго рода; въ Новгородѣ водворяется главный князь, а въ другихъ мѣстахъ его братья и мужи. Новгородъ — центръ образующейся федеративной русской державы. Но это великое значеніе скоро исчезаетъ. Новгородъ какъ-будто ускользаетъ изъ исторіи на долгое время, потомъ является уже не съ прежнимъ первенствомъ въ Русской Землѣ. При Олегѣ онъ уже находится въ какомъ-то неясномъ состояніи данничества Варягамъ, если принимать на вѣру короткое извѣстіе лѣтописца объ установленіи Олегомъ годичной дани Варягамъ — 300 гривенъ *мира дѣля* [1]). Вѣроятно, эти Варяги были Норманны изъ-за моря, которымъ Новгородцы согласились платить за то, чтобъ они ихъ не трогали. Подобные платежи случались и впослѣдствіи: во всей новгородской исторіи обычная черта, что Новгородъ для своего спокойствія отплачивается серебромъ отъ притязаній великихъ князей и литовскихъ государей. Платежъ установленъ Олегомъ, когда онъ собирался покинуть Новгородъ навсегда. Это было какъ-будто обезпеченіе, какое могъ дать ему князь, исполняя ту обязанность, для которой князья призваны: охранять страну отъ угрожающихъ ей поработителей. Олегъ какъ-будто составилъ съ Норманнами компромиссъ отъ Новгорода. Норманны не должны безпокоить Новгородцевъ, а послѣдніе

[1]) Толкованіе г. Соловьева, будто *мира дѣля* значитъ ради мірскаго порядка (общественнаго, отъ слова міръ—община), едва ли можно принять. Слово миръ употребляется чрезвычайно часто въ лѣтописяхъ, и всегда—въ смыслѣ *pax. докончиша миръ, далъ миръ, на миру* (въ мирное время). Нѣтъ основанія думать, чтобы въ одномъ только этомъ мѣстѣ это слово употреблено было въ особомъ значеніи, такомъ, въ какомъ не является никогда.

будуть имъ платить. Устроивая это, Олегъ какъ-бы расквитался съ Новгородомъ и потомъ уже имѣлъ право его покинуть. Въ походѣ его на югъ, въ ряду удальцовъ изъ другихъ племенъ и народовъ, участвовали Новгородцы, называемые у лѣтописца своимъ мѣстнымъ именемъ Словене; тѣ которые ушли съ Олегомъ, остались въ Кіевской Землѣ. Съ тѣхъ поръ наша лѣтопись, занимаясь почти исключительно югомъ, упускаетъ изъ вида сѣверъ. Только по отрывочнымъ чертамъ можно видѣть, что связь съ нимъ Кіева и кіевскихъ князей не прерывалась. Такъ въ 903 г. Олегъ женилъ питомца своего Игоря на Ольгѣ, дѣвицѣ родомъ изъ сѣвернаго края, изъ Пскова. Въ 947 году эта Ольга, будучи уже самоправною княгинею, ѣздила по Новгородской Землѣ и установляла погосты и дани по Мстѣ и Лугѣ. Это извѣстіе, не ясное само по себѣ, показываетъ, что Новгородъ признавалъ ея власть наравнѣ съ Кіевомъ. Но въ 970 году Новгородцы являются къ Святославу уже какъ независимые и просятъ себѣ въ князья одного изъ его сыновей, прибавляя, что если никто изъ нихъ не пойдетъ къ нимъ княжить, то они найдутъ себѣ въ другомъ мѣстѣ князя. Изъ этого видно, что Новгородъ сознавалъ и сохранялъ свою древнюю автономію и если желалъ оставаться въ союзѣ съ Русскими Землями, скрѣпленными единствомъ властвующаго рода, то не иначе, какъ удерживая за собою право, располагать собою иначе, когда найдетъ это нужнымъ. На ихъ просьбу о князѣ, Святославъ отвѣчалъ: «Хорошо, коли кто пойдетъ къ вамъ». Такой отвѣтъ указываетъ, что въ то время княженіе въ Новгородѣ не представляло большихъ надеждъ для князя. Двое сыновей Святослава въ-самомъ-дѣлѣ отказались отъ такой чести. Новгородцы выбрали себѣ меньшаго, Владиміра, рожденнаго отъ ключницы Малуши, племянника по матери Добрыни, славнаго въ народной поэзіи богатыря

героическаго вѣка. Съ этихъ поръ начинается непрерывное соединеніе Новгорода съ Кіевомъ. Владиміръ, сдѣлавшись новгородскимъ княземъ, утвердилъ въ немъ свою власть съ помощію чужеземцевъ, а потомъ подчинилъ его Кіеву. По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ и скандинавскихъ сагахъ, видно, что Новгородъ въ это время не имѣлъ постоянныхъ сношеній съ Норманнами. По сказанію олафовой саги, въ Новгородъ прибылъ гонимый Олафъ къ Владиміру, и мать Владиміра предрекла на праздникѣ, называемомъ въ сагѣ «Іолою» (равнозначительно Колядѣ), о прибытіи славнаго героя съ сѣвера. Сага не болѣе какъ преданіе отдаленнаго времени, перешедшее къ потомкамъ и записанное уже поздно; прямымъ источникомъ къ разъясненію темныхъ фактовъ, сага не можетъ служить; однако изъ того, что̀ говоритъ сага, видно, что въ послѣдующихъ вѣкахъ оставалось воспоминаніе о связи Скандинавіи съ Новгородомъ въ Х-мъ вѣкѣ. Между дѣтьми Святослава сдѣлалось междоусобіе. Ярополкъ кіевскій убилъ брата Олега. Какъ только Владиміръ услышалъ объ этомъ убійствѣ, тотчасъ убѣжалъ изъ Новгорода за море искать помощи у Шведовъ. На Новгородцевъ онъ, вѣроятно, не надѣялся; и дѣйствительно, какъ только онъ отправился за море, Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, и Новгородцы приняли ихъ безъ сопротивленія. Новгородцы могли быть или слишкомъ слабы, или же не полюбили Владиміра и добровольно признали своимъ княземъ его брата и соперника. Вѣрнѣе послѣднее, потому-что Владиміръ только съ помощію чужеземцевъ побѣдилъ Ярополка. Впослѣдствіи же, когда Ярославъ добывалъ Кіева, Новгородцы имѣли на столько силы, чтобъ оказанная ими помощь могла заслужить особую благодарность отъ князя. Теперь Варяги, помогавшіе Владиміру, требовали себѣ воздаянія за помощь князю. Когда Кіевъ

перешелъ въ руки Владимира, Варяги, съ которыми онъ добывалъ отцовскую столицу, сказали: «Это нашъ городъ! Мы взяли его. Давайте намъ окупу по двѣ гривны съ человѣка!» О Новгородцахъ нѣтъ и помину. Если въ Кіевѣ могли такъ отзываться Норманны, то въ Новгородѣ они должны были поступать еще произвольнѣе. Вѣроятно Новгородъ, — безропотно признавшій власть Ярополка въ то время, какъ Владимиръ былъ за моремъ—былъ покоренъ послѣднимъ съ помощію Варяговъ, и во все время своего княженія Владимиръ обращался съ нимъ какъ съ землею завоеванною оружіемъ.

III.

КРЕЩЕНІЕ НОВГОРОДА.—НОВГОРОДЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ КІЕВА.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО САМОБЫТНОСТИ.

Русская Земля приняла св. крещеніе. Изъ Кіева христіанство разливалось по славянскимъ землямъ русскаго союза. Оно явилось и въ Новгородѣ. Въ Никоновскомъ спискѣ Сильвестровской Лѣтописи разсказывается коротко, что въ 990 году самъ Михаилъ, первый русскій митрополитъ, прибылъ въ Новгородъ съ епископами, данными ему въ числѣ шести отъ патріарха, съ Добрынею, володимировымъ дядею, да съ Анастасомъ, Грекомъ, предателемъ Корсуна. Проходя по землямъ, они сокрушали идоловъ, многихъ людей окрестили, воздвигли церкви, поставили священниковъ по городамъ и селамъ. Лѣтопись ничего не говоритъ о сопротивленіи со стороны язычниковъ. «Была — выражается она — тишина велія отвсюду» [1]). Но, какъ видно, это была только первая посадка христіанства и принялась довольно плохо. Язычество было слишкомъ сильно на сѣверѣ; принятіе христіанства не предуготовилось предварительнымъ свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, какъ это было въ Кіевѣ, при долговременныхъ его сношеніяхъ съ Греціею.

[1]) П. С. Л. IX, стр. 64.

Въ 992 году при михаиловомъ преемникѣ митрополитѣ Леонтіи, епископъ Іоаннъ, назначенный въ Новгородъ, пришедши туда, долженъ былъ еще разъ сокрушать идоловъ и разорять требища[1]). Объ этой второй проповѣди христіанства въ Новгородѣ сохранился въ такъ называвшейся Іоакимовской Лѣтописи разсказъ очень правдоподобный и вѣроятно основанный на вѣковыхъ мѣстныхъ преданіяхъ, какъ и многое въ этомъ повѣствовательномъ отрывкѣ, не лишающее его историческаго значенія, при всемъ томъ, что въ немъ довольно искаженій. Вообще, по извѣстію этой лѣтописи, тогдашнее крещеніе Русскаго міра происходило не такъ добровольно и умильно, какъ можно заключить по разсказамъ Сильвестровой Лѣтописи. Вмѣстѣ съ мирными пастырями-учителями словеснаго стада, ходили въ другомъ родѣ проповѣдники: Добрыня, дядя володимировъ, да Путята, володимировъ тысячскій, а съ ними была ратная сила. Гдѣ не довлѣли пастырскія увѣщанія, тамъ употреблялись болѣе плотскія средства. Такимъ-образомъ они крестили въ разныхъ земляхъ Славяно-русскаго міра народъ, гдѣ сотнями, гдѣ тысячами — какъ гдѣ случится. Невѣрные люди и скорбѣли, и роптали, да нечего было дѣлать: не смѣли сопротивляться ратной силѣ. Первоначально войско проповѣдниковъ было конечно изъ Кіева, но потомъ въ каждой землѣ вербовали въ него новокрещенцевъ и такимъ-образомъ увеличивалась сила. Пріобрѣвъ страхомъ въ одномъ мѣстѣ новыхъ христіанъ, апостолы изъ нихъ же добывали орудія на страхъ другимъ мѣстамъ. Тогда легко было возбуждать воинственныя страсти и набирать охотниковъ воевать другихъ: иные могли креститься только для того, чтобъ ихъ взяли въ

[1]) П. С. Л. IX, стр. 65.

войско; легко было при этомъ пользоваться старыми соперничествами и предразсудками, господствовавшими между одними и другими землями и мѣстами: находились вѣроятно такіе, которые радовались случаю припомнить старину сосѣдямъ; наконецъ удалое честолюбіе легко щекоталось и возбуждалось вообще желаніемъ дать почувствовать другимъ свою силу и заставить другихъ дѣлать по своему, а не по ихнему. Такъ Добрыня и Путята, бывши съ епископами въ Ростовѣ, набрали въ свое войско новокрещенныхъ Ростовцевъ и пошли къ Новгороду. Пока войско, проходя отъ Кіева по разнымъ землямъ, дошло наконецъ до отдаленнаго Новгорода, оно, конечно, усилилось до самой высокой степени, и Новгороду суждено было у себя встрѣтить болѣе гостей, чѣмъ другія земли. До того Новгородцы-язычники показывали терпимость къ христіанамъ; по-крайней-мѣрѣ существовала въ Новгородѣ христіанская церковь Преображенія, построенная вѣрно въ приходъ митрополита Михаила; жили спокойно среди язычниковъ новопринявшіе крещеніе ихъ соотечественники. Но когда услышали язычники, что къ нимъ идетъ ратная сила съ тѣмъ, чтобъ уничтожить боговъ—ихъ прадѣдовскую святыню, то составили вѣче и приговорили не впускать приходящихъ въ городъ и не выдавать боговъ. Лѣвая сторона города по теченію Волхова держалась упорнѣе старой вѣры, притомъ же была укрѣплена. Проповѣдники съ войскомъ пришли прежде на правую (Торговую) сторону и увидали, что мостъ разобранъ и противъ нихъ на берегу выставлены каменометныя орудія, называемыя пороки: туча каменьевъ грозила имъ, какъ только они покусятся силою переходить на другой берегъ. Стали они крестить людей на правой сторонѣ, и втеченіи двухъ дней окрестили ихъ нѣсколько сотъ, только вообще замѣтили, что слово крестное представляется невѣрнымъ безуміемъ и обманомъ. На лѣвой сторо-

нѣ старшій жрецъ Богумилъ, прозванный за свое сладкорѣчіе «Соловей», возбуждалъ народъ стоять за вѣру предковъ. Тысячскій Угоняй ѣздилъ по городу и кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ отдать на поруганіе нашихъ боговъ». Тогда тысячскій володимировъ, Путята, мужъ храбрый и смышленый, ночью переправился съ пятью стами Ростовцевъ на другой берегъ. Новгородцы ошибкою приняли ихъ за своихъ и впустили въ городъ. Ростовцы схватили Угоняя въ его дворѣ, схватили нѣсколько другихъ такихъ же коноводовъ (переднихъ мужей). Путята отправилъ ихъ тотчасъ на правый берегъ къ Добрынѣ. Разнеслось объ этомъ по городу. Народъ разсвирѣпѣлъ и тутъ-то возбудилась въ немъ неистовая ненависть къ христіанству; разметали церковь Преображенія, ограбили и разорили домы христіанъ. Тогда, вѣроятно, убили жену Добрыни, разорили его домъ, перебили нѣкоторыхъ изъ его родни; хотя «Іоакимовская Лѣтопись», говоритъ объ этомъ прежде чѣмъ о переправѣ Путяты на лѣвый берегъ, но такъ-какъ разореніе церкви и христіанскихъ домовъ послѣдовало уже какъ слѣдствіе народнаго раздраженія, возбужденнаго этою ночною переправою и нападеніемъ на Угоняя, то вѣроятно и поступокъ съ семьею и съ домомъ Добрыни долженъ былъ произойти въ эти часы всеобщаго народнаго волненія. Странно, однако, что Добрыня, зная хорошо духъ новгородскій, оставилъ жену свою и родныхъ въ Новгородѣ, когда собирался туда идти и когда ожидалъ, что его могутъ встрѣтить какъ непріятеля: въ такомъ случаѣ онъ заранѣе бы распорядился удалить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Въ то же время до пяти тысячъ Новгородцевъ вступили въ жестокую сѣчу съ Путятою и Ростовцами; тогда Добрыня, пользуясь темнотою ночи, переправился на другой берегъ и зажегъ дома на берегу. Сдѣлалось всеобщее смя-

теніе, многіе бросились тушить пожаръ, а знатные люди—бояре—послали къ Добрынѣ просить мира. Добрыня приказалъ самъ спасать городъ и перестать грабить. Расправа пошла надъ богами: деревянныхъ идоловъ сожгли, каменныхъ побросали въ рѣку. Мужчины и женщины, старые и малые, съ воплемъ и плачемъ умоляли пощадить боговъ и не поругаться надъ ними. «Что вы безумные ихъ жалѣете? говорилъ имъ Добрыня: —что это за боги, что сами обороniться не умѣютъ! Какой пользы отъ нихъ ожидать.» Конечно, беззащитность боговъ должна была произвести на массу вліяніе, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, когда народъ, видя безсиліе своихъ идоловъ, начиналъ въ нихъ сомнѣваться; но, по извѣстію повѣствователя, Новгородцы все-таки не хотѣли креститься. Понятно, что насиліе должно было оскорблять вольный духъ Ильменскихъ Славянъ, хотя не разъ поражаемый, но еще несломленный и не задушенный ни долговременнымъ гнетомъ, ни чуждымъ нравственнымъ вліяніемъ. Новгородцы шли въ воду только по крайней неволѣ,—не хотѣвшихъ тащили воины въ Волховъ; мужчинъ крестили выше, а женщинъ ниже моста; и многіе, чтобъ остаться некрещенными, прибѣгали къ хитрости и увѣряли, что они уже крещены. По этому проповѣдники надѣвали всѣмъ крещеннымъ на шею крестики. Повиновались Новгородцы,—не куда было дѣться; омылись въ водѣ, крестики надѣли, но въ душѣ надолго оставались по-крайней-мѣрѣ не христіанами, если не совсѣмъ язычниками. Въ воспоминаніе насильственнаго крещенія, послѣ того, долго упрекали Новгородцевъ, и съ насмѣшкою говорили имъ: «Путята васъ крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ» [1]).

О Перунѣ, главномъ идолѣ, сохранилось въ послѣдую-

[1]) Татищ. I, 38—40.

щихъ вѣкахъ такое преданіе. Когда его сбросили съ моста, вступилъ въ него бѣсъ и началъ идолъ кричать: «О горе, охъ, мнѣ! Достался я въ немилостивыя руки». Плывя подъ большой мостъ, онъ бросилъ на мостъ палку и сказалъ: «поминайте меня этимъ, новгородскія дѣти»! Запрещено было перенимать его. Несчастный божокъ приплылъ къ берегу у Пидьбы (на устьѣ рѣки Пидьбы, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны, ниже Новгорода). Пидьбянинъ вышелъ на рѣку, собираясь на лодкѣ везти въ городъ горшки на продажу: видитъ Перуна; ударилъ его шестомъ и сказалъ: «Довольно ты, Перунище, поѣлъ-попилъ, плыви теперь прочь».

Сказаніе о насильственномъ крещеніи Новгорода, по «Іоакимовской Лѣтописи», подтверждаетъ то, что въ этотъ періодъ времени Новгородъ находился въ качествѣ покоренной земли подъ такими условіями, которыя не позволяли Новгородцамъ показать свою самобытность. Избранный добровольно Новгородцами, Владиміръ покорилъ его себѣ съ помощію Варяговъ - Норманновъ, а потомъ ставши кіевскимъ княземъ, удерживалъ надъ нимъ свою власть; такимъ-образомъ Новгородъ чрезъ него подпалъ подъ власть Кіева, сталъ какъ-бы пригородомъ послѣдняго. Когда Печенѣги стали сильно налегать на Кіевскую Землю, Владиміръ въ 997 году отправился въ Новгородъ набирать воиновъ (по верховнѣ воѣ). Новгородцы должны были проливать кровь вдали отъ родины на защиту далекой земли [1]). Новгородцы обязаны были платить кіевскому князю двѣ тысячи гривенъ въ годъ, и еще тысячу гривенъ давали на гридней княжескихъ, то есть на гарнизонъ, державшій городъ въ повиновеніи. Сыну кіевскаго князя, Ярославу поручено было управленіе. Но обращаясь съ Новгоро-

[1]) Лаврент. Сп., стр. 55.

домъ какъ съ покореннымъ краемъ, кіевскій князь не уничтожилъ внутренняго самоуправленія города, потому-что въ Новгородѣ были посадники, которые собирали дань и давали поставленному надъ ними князю. Неизвѣстно, въ какихъ условіяхъ находилась тогда власть князя къ правамъ посадника; судя по вышеприведенному извѣстію, послѣдній служилъ какъ-бы посредникомъ между властію князей и народомъ. Скандинавскія саги не даромъ описываютъ Ярослава любостяжательнымъ и скупымъ. Собирая съ Новгорода уроки, онъ не отсылалъ ихъ своему отцу, и старикъ долженъ былъ собираться въ походъ противъ сына, чтобъ удержать Новгородскій-край въ зависимости отъ Кіева. Но какъ только Ярославъ услышалъ, что отецъ хочетъ идти на него, то убѣжалъ къ Варягамъ за море такъ же точно, какъ сдѣлалъ его отецъ, когда ему угрожалъ братъ Ярополкъ. Дѣло возстанія Ярослава противъ отца было совсѣмъ не народнымъ новгородскимъ дѣломъ: Новгороду не легче было оттого, что Ярославъ не платилъ отцу, а себѣ оставлялъ то, что̀ собиралъ съ Новгородцевъ. Новгородцы, какъ видно, не дали ему помощи на отца; оттого онъ и бѣжалъ за море. Прибывшіе съ нимъ потомъ изъ-за моря въ Новгородъ Варяги, обращались съ жителями своевольно и насиловали новгородскихъ женъ. Чужеземное насиліе вывело Новгородцевъ изъ терпѣнія; до сихъ поръ ихъ порабощеніе ограничивалось платежомъ князю дани; теперь же чужеземцы, приведенные княземъ, посягали на ихъ домашнія права: составился заговоръ,—перебили Варяговъ. Лѣтописецъ съ точностію указываетъ на самое мѣсто, гдѣ произошло это убійство,—во дворѣ Поромони; Поромоня былъ, вѣроятно, одинъ изъ зачинщиковъ заговора. Ярославъ вышелъ за-городъ въ Ракомъ (на правомъ берегу Ильменя) и послалъ къ Новгородцамъ сказать: «Уже мнѣ не воскресить побитыхъ». Онъ приглашалъ зачинщиковъ къ се-

бѣ, вѣроятно, на мировую. Обольщенные его словами, они явились и были всѣ изрублены. Но въ ту же ночь пришло извѣстіе, что Святополкъ перебилъ братьевъ. Тогда Ярославъ самъ явился на вѣче въ полѣ, просилъ прощенія у Новгородцевъ. Новгородцы отвѣчали: «Если, князь, наша братья изрублена, то мы можемъ постоять за тебя»! Соловьевъ справедливо объясняетъ согласіе Новгородцевъ тѣмъ, что, вѣроятно, Ярославъ успѣлъ соединить свое дѣло съ дѣломъ Новгорода и предоставилъ Новгородцамъ возможность освободиться отъ дани, которую платили они кіевскому князю. Святополкъ, овладѣвши Кіевомъ, уже потому самому имѣлъ притязаніе на Новгородъ: при Владимирѣ Новгородъ подчинялся Кіеву, — такъ должно было оставаться и при Святополкѣ, который сталъ преемникомъ Владимира. Новгородъ, принимая сторону Ярослава, въ случаѣ успѣха его, могъ возвратить себѣ полную независимость. Лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ собралъ Варяговъ тысячу, а прочихъ сорокъ тысячъ.

Что касается до Варяговъ, то вѣроятно Новгородцы перебили только тѣхъ изъ нихъ, кого считали особенно виновными; и дѣйствительно, всего варяжскаго отряда они перебить не могли, когда это избіеніе происходило въ одномъ частномъ дворѣ, гдѣ могло помѣститься только ограниченное количество. Относительно числа *прочихъ* 40,000, едва ли можно принимать его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно показано въ лѣтописи; довольно будетъ, если заключить по немъ, что число поступившихъ въ ряды Ярослава Новгородцевъ было велико. Какъ бы то ни было, Новгородцы приняли усердно сторону Ярослава потому, что видѣли возможность своего освобожденія отъ Кіева и съ помощію ихъ ополченія Ярославъ выигралъ войну. Замѣчательно, что во время этой войны проявилось притязаніе не князя, но Кіевлянъ на власть надъ Новгородцами.

Когда дошло дѣло до битвы, Кіевляне, бывшіе у Святополка, задирали Новгородцевъ, называли ихъ плотниками, и грозили обратить ихъ на постройку своихъ хоромъ. Кіевляне смотрѣли на Новгородцевъ какъ на слугъ своихъ, а не только какъ на данниковъ своего князя: *а вы плотници сущи! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ*! Эти плотники, эти подданные Кіева, въ свою очередь сдѣлались господами. Святополкъ былъ разбитъ; Кіевъ завоеванъ. Ярославъ раздавалъ всѣмъ Новгородцамъ по 10-ти гривенъ каждому: то было право побѣдителей, право завоевателей.

Побѣдитель не долго спокойно усидѣлъ въ Кіевѣ. Святополкъ привелъ Болеслава. Произошла новая битва—битва съ Ляхами въ 1018 году, на берегу Буга. У Ярослава были кромѣ Руси, т. е. Полянъ, наемные Варяги и Словене, т. е. Новгородцы, тѣ вѣроятно, которые остались у него служить на югѣ. Ярославъ былъ жестоко разбитъ, и только съ четырьмя мужами убѣжалъ въ Новгородъ. Не надѣялся онъ и тамъ удержаться и хотѣлъ бѣжать за море, но тутъ Новгородцы, подъ руководствомъ Коснятина, Добрынина сына (хотя не Новгородца по предкамъ, но сжившагося съ Новгородомъ и вѣроятно тамъ увидѣвшаго свѣтъ) остановили Ярослава, сожгли приготовленныя лодки и изъявили готовность сами помогать Ярославу. Сдѣлали складчину отъ старостъ по 10-ти гривенъ, отъ бояръ по 18-ти гривенъ, а отъ мужа по 4 куны [1]). Однако силы Новгородцевъ были не такъ важны, какъ ихъ готовность. Осмотрѣвшись, увидали, что приходилось приглашать наемниковъ, — и поѣхали за море за Варягами. Оно было естественно: послѣд-

[1]) Здѣсь вѣроятно, мужъ не означалъ княжескаго дружинника, ибо невозможно, чтобы приближенный къ князю платилъ такъ мало въ сравненіи съ боярами, когда очень было естественно, что въ княжеской дружинѣ находились бояре, т. е. люди знатные, богатые.

нее пораженіе должно было обезсилить новгородскую военную силу, да и прежняя побѣда недалась даромъ. Новгородцы поставлены были въ такое положеніе, что необходимо должны были изъ всѣхъ силъ тянуть, чтобъ помочь своему князу. Побѣда Святополка грозила имъ совершеннымъ порабощеніемъ. Уже теперь недовольствовался бы великій кіевскій князь возвращеніемъ прежняго подданства: теперь присоединилось бы мщеніе за прежнее пораженіе: дѣло Святополка было уже и прежде дѣломъ Кіева: теперь оскорбленное самолюбіе Кіевлянъ подвергло бы освободившихся подданныхъ той неволѣ, какая всегда ожидаетъ неудачно возмутившихся рабовъ. Новгородцы необходимо должны были стоять дружно за Ярослава, чтобъ себя самихъ спасать. Побѣда при рѣкѣ Альтѣ въ 1019 году утвердила навсегда свободу Новгорода. Новгородцы въ другой разъ и уже навсегда доставили Ярославу великое княженіе въ Кіевѣ. Съ этихъ поръ зависимость отъ Кіева, возникшая въ княженіе Владимира, поддержанная связью князя съ скандинавскими государями, прекратилась. По «Софійскому Временнику», Ярославъ, наградивши Новгородцевъ деньгами въ такомъ же размѣрѣ, какой по «Новгородской Лѣтописи» представилъ Ярославъ Новгородцамъ послѣ первой своей побѣды надъ Святополкомъ, далъ имъ «Правду» и «Уставъ» — грамоту [1]).

[1]) С. Вр. I. 134. Списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ.

IV.

ЗНАЧЕНІЕ ЯРОСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ.—НОВГОРОДЪ ДО БОРЬБЫ МОНОМАХОВИЧЕЙ СЪ ОЛЬГОВИЧАМИ.

До насъ не дошла эта грамота, и содержаніе ея въ подробности опредѣлить невозможно; но о смыслѣ ея мы судить и заключать можемъ. Въ общемъ значеніи, эта грамота давала, или лучше сказать возвращала Новгороду старинную независимость—право самоуправленія и самосуда, освобождала Новгородъ отъ дани, которую онъ платилъ великому князю кіевскому, и предоставляла Новгороду съ его землею собственную автономію. Мы имѣемъ много грамотъ новгородскихъ съ половины XIII-го вѣка до конца XV-го,—каждая заключаетъ въ себѣ больше или меньше, въ главныхъ чертахъ, повтореніе предъидущей: онѣ ссылаются на грамоту Ярослава, какъ на свой первообразъ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ дѣйствительности этой первообразной грамоты. Прошло послѣ Ярослава много вѣковъ; Новгородъ, охраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно указывалъ на ярославовы грамоты, какъ на свою древнюю великую хартію. Имя Ярослава было всегда священнымъ въ Новгородѣ. Мѣсто, гдѣ собиралось вѣче, мѣсто, съ которымъ поэтому соединялось значеніе новгородской свободы, называлось Ярославовымъ Дворомъ или Дворищемъ. Новгородъ, низведенный предъ тѣмъ на степень кіевскаго пригорода, опять сталъ старѣй-

шимъ, самобытнымъ городомъ, главою земли своей. Только Ладога со своимъ округомъ дана была въ управленіе Шведу Рагнгвальду; но по смерти его снова присоединена къ Новгородской Землѣ.

Для Русской Исторіи останется навсегда незамѣнимою потерею та краткость извѣстій, которою отличаются наши лѣтописныя повѣствованія о новгородскихъ дѣлахъ XI и XII вѣковъ. Лѣтопись становится нѣсколько пространнѣе противъ прежняго только со времени 1134 года, именно со Всеволода Мстиславича, но принимаетъ тонъ болѣе непрерывнаго и пространнаго разсказа только съ XIII вѣка. Эта неполнота послужила поводомъ къ различнымъ предположеніямъ и теоріямъ. Существовало мнѣніе, что Новгородъ, съ самаго основанія русской федеративной державы, стоялъ особнякомъ отъ всей остальной Руси, и сохранялъ право свободнаго избранія князя и самоуправленія, которое было ему одному присущимъ, и не было достояніемъ другихъ земель. Это совпадало съ тѣмъ предположеніемъ, что Новгородъ самъ призвалъ князей, а южныя земли были покорены, а слѣдовательно и находились въ отношеніяхъ менѣе благопріятныхъ къ власти. Но если Новгородъ былъ первымъ призвавшимъ князей и вначалѣ находился, поэтому, въ отношеніяхъ къ власти болѣе независимымъ чѣмъ Кіевъ, Черниговъ и вообще Южная Русь, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что послѣ того, какъ сдѣлался въ немъ княземъ Владиміръ, онъ попадаетъ въ такую зависимость, которая ставитъ его къ власти на низшую степень, чѣмъ земли иныя, хотя были покоренныя; даже въ послѣдующее время, уже послѣ Ярослава, когда и несомнѣнно онъ освободился отъ этой зависимости, остались слѣды отношенія къ Кіеву, которые не показываютъ какого-нибудь исключительнаго преимущества Новгорода въ правахъ предъ другими землями. По воззрѣнію тѣхъ вре-

менъ, городъ, бывшій главою земли и, слѣдовательно, старѣйшимъ, управлялся княземъ; Новгородъ же послѣ Ярослава управлялся посадникомъ, посланнымъ изъ Кіева,— Остромиромъ. Мы же знаемъ, что посадниками управлялись только пригороды, и послать посадника вмѣсто князя было унизительно для города. Такимъ-образомъ если принимать, что Новгородъ составлялъ исключеніе въ ряду другихъ земель, то въ этомъ отношеніи исключеніе было не преимущество. Но главное, чѣмъ можно возразить противъ мнѣнія объ исключительности Новгорода по какому-то древнему праву, это то, что вездѣ, во всей Руси, видны одни и тѣ же начала, тѣ же вѣча, то же участіе народа въ выборѣ князей; только разныя обстоятельства въ разныхъ земляхъ то благопріятствовали проявленіямъ народной свободы, то препятствовали ей. Наслѣдственный принципъ не поглощался нигдѣ выборнымъ вполнѣ. Нигдѣ послѣдній не уничтожался совершенно; но зато и въ самомъ Новгородѣ, при вольномъ избраніи князей, при видимомъ торжествѣ выборнаго начала, не забывалось наслѣдственное. Не только Новгородцы считали обычаемъ чтобъ князь, избранный ими, былъ изъ Рюрикова дома, но обращали вниманіе и на его ближайшую генеалогію, и охотно принимали такихъ князей, съ отцами которыхъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, или которыхъ отцы у нихъ правили. Нерѣдко бывало, что сынъ княжилъ въ Новгородѣ, гдѣ прежде княжилъ отецъ. Они любили Мстислава Мономаховича, и принимали дѣтей его: любили Мстислава-Храбраго,—и съ энтузіазмомъ стали обороняться подъ знаменемъ сына его—Мстислава-Удалаго. Неоднократно проявлялось въ Новгородѣ предпочтеніе одной какой-нибудь линіи князей предъ другими: такимъ-образомъ въ XII-мъ вѣкѣ видна любовь къ потомству Мстислава, сына Мономаха. Въ XIII-мъ вѣкѣ избраніе князей сосредоточивается около линіи Ярослава Всеволодовича, и преиму-

щественно около дѣтей Александра-Невскаго. Въ XIV-мъ вѣкѣ Новгородъ постоянно склоняется къ московскимъ князьямъ. Ни въ обычаѣ, ни въ правѣ Новгорода не было совершеннаго изъятія наслѣдственности въ выборѣ князей; а если выборное начало часто брало верхъ надъ нимъ, то случалось то же въ Кіевѣ, и въ Полоцкѣ, и вездѣ, какъ-скоро представлялся къ этому случай или нужда. Новгородъ въ этомъ отношеніи не былъ исключеніемъ. Мы не знаемъ на столько подробностей внутренняго быта иныхъ земель, чтобы судить въ какой степени Новгородъ проявилъ себя особеннымъ отъ другихъ по развитію выборнаго права.

Другое мнѣніе было обратное, противоположное этому. Такъ-какъ со времени Всеволода Мстиславича является осязательно право Новгорода выбирать и изгонять князей, то нѣкоторые историки и признавали, что только съ этого времени, при благопріятной для Новгорода враждебности князей между собою, выработалось право свободнаго избранія и самоуправленія. Соловьевъ полагаетъ, что грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ льготъ, а не обнимали собою администраціи; что Новгородъ продолжалъ зависѣть тѣсно отъ великаго князя кіевскаго, и зависимость эта выказывается тѣмъ, что въ Новгородъ князья посылались, а не избирались; что даже самые посадники присылались изъ Кіева. Но Суздальская лѣтопись, нерасположенная къ новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ, говоря о событіяхъ XII-го вѣка, сознается, что Новгородцы издавна, отъ временъ древнихъ князей, имѣли свободныя права [1]). Это одно мѣсто не дозволяетъ намъ въ событіяхъ призванія князей искать какого-нибудь древняго права, стѣснительнаго

[1]) Издавна суть свобожени прадѣды князь (Лавр. сп. 154).

для выборнаго начала. Собственно мы мало знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ къ князьямъ до Всеволода Мстиславича; но ни что не даетъ намъ права заключать, что онъ не держался на тѣхъ же основаніяхъ свободы, какія мы встрѣчаемъ въ его отношеніяхъ къ князьямъ впослѣдствіи,—въ XIII и XIV вѣкахъ,—на основаніи грамотъ, которыхъ первообразомъ служитъ грамота Ярослава, существовавшая еще въ XI-мъ вѣкѣ. Видно только, что сначала Ярославъ правилъ самъ и Кіевомъ и Новгородомъ, и посѣщалъ послѣдній; такъ въ 1036 г. посадилъ онъ тамъ сына своего Владимира. Отсюда возникъ обычай, что старшій сынъ великаго князя былъ посылаемъ въ Новгородъ; Владимиръ былъ старшій сынъ. По смерти его въ 1052 г. былъ княземъ Изяславъ Ярославичъ, старшій сынъ. Достойно замѣчанія, что, будучи княземъ новгородскимъ, Владимиръ не постоянно жилъ въ Новгородѣ: воевавши съ Новгородцами Емь въ 1042 году, въ слѣдующемъ онъ уже былъ не въ Новгородѣ, но занимался дѣломъ не имѣвшимъ отношенія къ Новгороду, именно — походомъ на Грецію; а въ 1045 г. опять былъ въ Новгородѣ, гдѣ заложилъ тогда св. Софію. Слѣдовательно, постоянное присутствіе князя не считалось тогда необходимымъ: управленіе Новгорода и безъ него шло своимъ путемъ. Изяславъ, бывшій княземъ новгородскимъ, когда сдѣлался княземъ кіевскимъ, то не послалъ въ Новгородъ князя, а посадилъ Остромира посадника. Если принимать во вниманіе, что въ городахъ старѣйшихъ были князья, а въ пригородахъ посадники, то въ этомъ посольствѣ посадника можно видѣть *какъ-бы* униженіе Новгорода и стѣсненіе правъ его. Но и въ послѣдующія времена мы видимъ также, что въ Новгородѣ были, вмѣсто князей, намѣстники, отчего однакожь Новгородъ не терялъ ни своего значенія, ни своей независимости: это означало только, что Новгородъ признавалъ своимъ кня-

земъ того, кто былъ вмѣстѣ и великимъ. Великій же могъ послать туда или сына, или намѣстника-посадника. Послѣ, когда Изяслава прогналъ Святославъ, Новгородъ призналъ власть новаго кіевскаго князя въ 1069 году; и въ Новгородѣ сталъ послѣ княземъ сынъ его, Глѣбъ, убитый въ Заволочьѣ въ 1079 году. Но достойно замѣчанія, что Глѣбъ оставался новгородскимъ княземъ и послѣ 1079 года, когда, по смерти отца его Святослава, великимъ кіевскимъ княземъ сталъ опять Изяславъ Ярославичъ. Очевидно, въ поставленіи княземъ Глѣба не играло роль слѣпое повиновеніе какому-то праву подчиненія Кіеву и преемничества старшихъ сыновей кіевскаго князя, а участвовало и свободное признаніе. Только по смерти Глѣба сдѣлался княземъ новгородскимъ сынъ кіевскаго князя Изяслава, Святополкъ; но остается подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли онъ признапъ княземъ потому, что былъ старшій сынъ кіевскаго князя? По Лаврентьевскому списку Глѣбъ убитъ былъ въ 6586 г. весною; на мѣсто его поступилъ тотчасъ же Святополкъ; въ тотъ же годъ, въ октябрѣ, убитъ Изяславъ кіевскій князь, отецъ Святополка. Новгородская лѣтопись указываетъ, напротивъ, смерть Изяслава прежде смерти Глѣбовой, именно въ 6586, а Глѣбову въ 6587 году [1]). Софійскій Временникъ смерть обоихъ князей переноситъ въ 6587 годъ, но смерть Изяслава указываетъ раньше Глѣбовой [1]). Если послѣдній порядокъ событій справедливѣе, то Святополкъ поступилъ въ Новгородъ уже послѣ смерти отца и, слѣдовательно, не такъ-какъ старшій сынъ кіевскаго князя. Когда кіевскимъ княземъ былъ Всеволодъ, Святополкъ продолжалъ, однако, нѣсколько лѣтъ быть княземъ новгородскимъ, и только въ 1087 г. переселился въ Ту-

[1]) Новг. I. 3. 2; Соф. I. 148.

ровъ. Ясно, что на княженіе старшихъ сыновей кіевскаго князя въ Новгородѣ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на что-то обязательное для Новгорода. Это были случаи, которые поддерживались тѣмъ, что Новгородъ сознавалъ свое старѣйшинство, послѣ Кіева, въ ряду русскихъ земель и потому находилъ умѣстнымъ, чтобы, сообразно такому своему достоинству, и княземъ у него былъ старшій сынъ старѣйшаго надъ всѣми князьями русскихъ земель. Отъ временъ Ярослава до конца XI-го вѣка не видно участія Новгорода въ поставленіи у себя князей; но не слѣдуетъ забывать, что извѣстія о Новгородѣ, вообще относящіеся къ этому періоду времени, слишкомъ кратки, и мы не знаемъ подробностей, которыя бы могли указать намъ на вліяніе народнаго начала и разъяснить степень его участія въ этомъ вопросѣ. Но въ послѣдніе годы XI-го вѣка Новгородъ ярко заявилъ это участіе. Неизвѣстно, кто былъ княземъ въ Новгородѣ послѣ ухода Святополка въ Туровъ, въ 1087 году. Этотъ уходъ не понравился тогда Новгородцамъ. Въ однихъ источникахъ [1]) указывается на посаженіе Мстислава въ Новгородѣ какъ на фактъ, непосредственно слѣдовавшій за уходомъ Святополка; но, по другимъ лѣтописямъ [2]), первое призваніе Мстислава было въ 1095 г. изъ Ростовской Земли. Какъ бы то ни было, въ 1095 г. Новгородцы являются съ самобытнымъ правомъ выбирать князя. Предъ тѣмъ князья совѣтомъ назначили въ Новгородъ князя Давида смоленскаго. Но едва Давидъ поѣхалъ въ Новгородъ, какъ Новгородцы сказали ему: «Не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ!» Они избрали своимъ княземъ Мстислава, сына Мономаха, бывшаго прежде въ Ростовѣ.

[1]) Карамзинъ, т. II, примѣч. 163.

[2]) П. С. I. 98. Соф. Врем. I. 150.

Съ этихъ поръ въ лѣтописяхъ уже постоянно видно, что Новгородъ избираетъ себѣ своихъ князей; но неизвѣстно, и ничто не даетъ намъ повода сомнѣваться, чтобъ то же право имъ не было сознаваемо и прежде. Дѣйствительно, случаи, что старшіе сыновья великихъ князей кіевскихъ были князьями новгородскими, побуждали самихъ князей пытаться обратить ихъ въ правный обычай. Въ 1102 г. Святополкъ и Владимиръ составили между собою рядъ, чтобы Мстислава взять изъ Новгорода и посадить во Владимирѣ-Волынскомъ, а Новгородъ дать сыну Святополка. Мстиславъ, по приказанію отца, прибылъ въ Кіевъ. Но тогда Новгородцы, пріѣхавшіе съ нимъ, говорили отъ лица всего Новгорода такія рѣчи: «Насъ прислали къ тебѣ и сказали такъ: «Не хотимъ Святополка, ни сына его,—если у него двѣ головы, то посылай его. Мстислава далъ намъ Всеволодъ; мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ» [1]). Святополкъ сколько съ ними ни бился, сколько ни спорилъ, но ничего не могъ сдѣлать, а долженъ былъ уступить; и Мстиславъ отправился снова въ Новгородъ. Такимъ-образомъ, несправедливо, чтобъ событія, случившіеся при Всеволодѣ Мстиславичѣ, произвели коренной переворотъ въ политическомъ порядкѣ Новагорода. Мстиславъ пробылъ княземъ до 1117 года. Когда его взяли въ Кіевъ, приготовляя къ великому княженію, въ Новгородъ былъ посланъ сынъ Мстислава, Всеволодъ. Тогда произошло какое-то смятеніе, котораго подробности ускользнули отъ лѣтописцевъ. Въ слѣдующемъ году Владиміръ-Мономахъ, со Мстиславомъ, призвавши новгородскихъ бояръ въ Кіевъ, привели ихъ къ крестному цѣлованію, а нѣкоторыхъ заточили въ тюрьму. Это были тѣ, которые грабили какихъ-то Даньслава и Ноздрьчю; въ томъ числѣ

[1]) Полн. Собр. Лѣт. т. I, стр. 117.

былъ сотскій Ставръ, къ которому, быть-можетъ, относится старая пѣсня о бояринѣ Ставрѣ Годиновичѣ. На этотъ фактъ нельзя смотрѣть какъ на доказывающій недостатокъ той свободы, какая является впослѣдствіи, потому-что и послѣ случались примѣры, когда князья дѣйствовали, повидимому, самовластно, сажали въ тюрьмы, ссылали и смѣняли; но въ-самомъ-дѣлѣ они позволяли себѣ это потому, что опирались на сильную партію въ народѣ. И здѣсь, какъ видно, Владиміръ и Мстиславъ расправились съ такими, которые составляли немногочисленную партію, имѣвшую противъ себя большинство. Поступокъ Мономаха не легъ тяжелымъ воспоминаніемъ на Новгородцевъ; впослѣдствіи, имена Мономаха и Мстислава для нихъ были любезны. Такъ же точно по извѣстію, что въ 1120 г. пришелъ какой-то Борисъ посадничать въ Новгородѣ, нельзя дѣлать заключенія, что въ это время посадникъ поставлялся въ Новгородъ безъ воли гражданъ. Мы не знаемъ, что̀ это за Борисъ; можетъ-быть онъ былъ и Новгородецъ, и призванъ вѣчемъ къ своей должности изъ временнаго жительства въ Кіевѣ, а можетъ быть это княжескій намѣстникъ. Точно также неизвѣстно, кто былъ Данилъ, пришедшій изъ Кіева посадничать въ Новгородъ въ 1129 году [1]). Находя, что въ концѣ XI вѣка Новгородцы уже смѣло проявляли сознаніе права избирать князей, изгонять ихъ и составлять самоуправное тѣло, не видимъ поводовъ думать, чтобъ и ранѣе этого времени то же сознаніе не существовало въ такой же силѣ. Возвращенная Ярославомъ, посредствомъ грамотъ, Новгороду независимость не была подавлена съ тѣхъ поръ. Несомнѣнно, что Новгородъ, при сознаніи самобытности, сознавалъ однако единство съ остальною Русью, и такъ-какъ полити-

[1]) Новг. Л. I. 5.

ческое единство Россіи было въ то время крѣпче, чѣмъ впослѣдствіи, когда уже его ослабили частыя междоусобія князей и областныхъ племенъ, то Новгородъ выражалъ это сознаніе бо̀льшимъ своимъ примыканіемъ къ Кіеву, какъ къ центру. Великій князь для Новгорода былъ верховный глава, установитель ряда; онъ долженствовалъ имъ быть для всей Земли Русской. Это понятіе оставалось неизмѣнно втеченіи послѣдующихъ столѣтій. Какъ при Изяславѣ Ярославичѣ Новгородцы сознавали эту верховность въ кіевскомъ князѣ, такъ впослѣдствіи — во владимирскихъ, и наконецъ въ московскихъ князьяхъ. Это сознаніе шло рядомъ съ сознаніемъ областнаго права и своей гражданской и политической свободы. Какъ при Святополкѣ Новгородцы предлагали кіевскому князю послать къ нимъ сына, если у него двѣ головы, какъ скоро они сами хотѣли не этого, а другаго князя, — такъ, впослѣдствіи, они готовы были съ оружіемъ отстаивать всякія превышенія, по ихъ понятію, власти со стороны великихъ князей, когда послѣдніе жили во Владимирѣ и Москвѣ. Въ основѣ всего этого не лежитъ что-нибудь совершенно исключительное, принадлежащее одному только Новгороду и совершенно чуждое другимъ землямъ. Федеративное или удѣльно-вѣчевое начало проникало жизнь и другихъ земель; только въ Новгородѣ оно проявилось осязательнѣе. И этому были причиною слѣдующія обстоятельства: вопервыхъ, географическое положеніе страны становило Новгородъ внѣ тѣхъ потрясеній, какія испытывали другія русскія земли, какъ напр., южныя. Новгородъ былъ отдаленъ отъ кочевья дикихъ ордъ тюркскаго племени, которыхъ сосѣдство было столь гибельно для южной и средней Руси. Если бы даже Половцамъ пришла непреодолимая охота разорить Новгородъ, если бы половецкія орды рѣшились пуститься въ такое далекое пространство, то Нов-

городъ находился за дремучими лѣсами и болотами; путь къ нему до крайности былъ неудобенъ, сообщеніе производилось водою, а орды ходили только по степямъ. Инородцы чудскаго племени, окружавшіе Новгородъ, не отличались предпріимчивостію: они только защищали себя, да и защититься не могли, и — рано или поздно — уступали нравственной и физической силѣ славянскихъ поселенцевъ. Такимъ-образомъ изгнанные изъ Новгорода князья не имѣли возможности возвращать себѣ власть при посредствѣ чужеземныхъ силъ, какъ это дѣлалось часто на югѣ. Новгородская Земля не была проходная, какъ напримѣръ Кіевская, Черниговская, Волынская, Смоленская, и потому не могла сдѣлаться поприщемъ перекрестнаго столкновенія интересовъ князей и племенъ. Новгородъ стоялъ вдали, такъ-сказать, въ углу; за нимъ кончался Русскій міръ. Новгородъ, въ земляхъ къ сѣверу, востоку и западу отъ него, естественно былъ господинъ; потому-что ни въ какой другой русской землѣ не могло образоваться побужденія посягать на эти отдаленныя страны. Тогда-какъ другія земли, соприкасаясь между собою, въ неясности границъ имѣли поводы ко взаимному столкновенію, Новгородъ со своими владѣніями самою природою поставленъ былъ въ такое положеніе, котораго законность выказывалась для всѣхъ сама собою, болѣе чѣмъ въ другихъ краяхъ Русскаго міра. Новгородъ расширялъ свои владѣнія на три стороны: къ сѣверу, востоку и западу, и не встрѣчалъ соперничества съ другими русскими землями; въ то же время увеличеніе владѣній приносило ему богатства; самыя эти богатства доставать и пользоваться ими первоначально, могли только Новгородцы: эти богатства состояли въ мѣхахъ и добывались въ такихъ краяхъ, куда проникать, по мѣсту жительства, удобнѣе было Новгородцамъ, чѣмъ другимъ. Вмѣстѣ съ этимъ Новго-

родъ, находясь недалеко отъ Балтійскаго моря и овладѣвъ его берегами, естественно долженъ былъ стать главнымъ пунктомъ торговаго сообщенія всего Русскаго міра съ Балтійскимъ моремъ и чрезъ то съ Европою. Центры другихъ земель, какъ напримѣръ Полоцкъ и Смоленскъ, принимали участіе въ балтійской торговлѣ; но по своему положенію должны были занимать второстепенное мѣсто, потому-что Новгородъ былъ ближе къ морю, стоялъ на самомъ удобномъ пути и владѣлъ этимъ путемъ вплоть до моря. Между-тѣмъ, пока эти выгоды постепенно не установились, самъ по себѣ Новгородскій край не представлялъ приманки для князей и ихъ дружинниковъ въ тѣ времена, когда русская жизнь имѣла еще тяготѣніе къ югу. Властью въ Новгородѣ стали дорожить уже тогда, когда великіе князья нашли себѣ другое удобное помѣщеніе на сѣверо-востокѣ, а не на югѣ. Тогда только князья смотрѣли на княженіе въ Новгородѣ, какъ на что-нибудь достойное домогательства. Въ XI и даже XII вѣкѣ Новгородцы обвиняли князей, зачѣмъ они уходили отъ нихъ. Когда Мстислава хотѣли отъ нихъ взять, они предъявляли свои права на него, говоря, что они вскормили себѣ князя: видно, что въ тѣ времена Новгородцы дорожили княземъ, какъ-скоро находили такого, который былъ имъ по нраву.

Много должно было способствовать образованію особаго характера новгородской жизни и этнографическое родство Новгорода съ Южной Русью. Отрывокъ племени, очень близкаго къ южно-русскому, а можетъ-быть и того же самаго, заброшенный въ незапамятныя времена на отдаленный сѣверъ, долженъ былъ невольно склоняться народною симпатіею къ Кіеву, гдѣ Новгородцы находили въ обитателяхъ сходство и въ языкѣ, и въ нравахъ, когда между-тѣмъ окружавшіе ихъ Славяне представляли, въ этомъ отношеніи, черты болѣе отличныя. Даромъ что временное подчиненіе и подданство Кіеву въ концѣ X и нача-

лѣ XI вѣка произвело нѣкоторую враждебность во взаимномъ воззрѣніи Руси и Новгорода: — дружелюбный характеръ возобновился, когда побѣды Новгородцевъ, посаженіе ими въ Кіевѣ государя, сбили высокомѣріе побѣдителей; когда Кіевляне не имѣли уже права называть ихъ въ насмѣшку «плотниками, которыхъ они, ихъ господа, заставятъ строить себѣ хоромы!» Этнографическое родство Новгородцевъ съ Южно-Руссами необходимо должно было участвовать въ этомъ тяготѣніи Новгорода къ югу, — къ Кіеву: оно проявляется въ первые вѣка нашей удѣльно-вѣчевой исторіи рѣзко и оригинально. Край отдаленный, разрѣзанный другими землями, вмѣщалъ народные элементы иные, чѣмъ въ этихъ близкихъ земляхъ, сходные съ тѣми, которые господствовали вдалекѣ. Самая эта даль поддерживала симпатію. Новгородъ оставался въ крѣпкой связи съ Южной Русью и только тогда сталъ примыкать къ восточному центру, когда, съ одной стороны, южный край опустѣлъ, упалъ силами и потерялъ свое значеніе, а съ другой—выгоды быть въ связи съ восточнымъ краемъ преодолѣли прежнее народное нерасположеніе. Но если этнографическое свойство съ Южной Русью поддерживало народную и политическую связь Новгорода съ нею, то, съ другой стороны, этнографическое различіе съ племенемъ Восточно-Русскимъ, безъ сомнѣнія, способствовало стремленію удерживать свою областную самобытность, когда обстоятельства клонили Новгородъ къ Восточной Руси. Такимъ-образомъ, первое, въ болѣе древнія времена, не дало Новгороду совершенно отложиться отъ русскаго міра, укрѣпляло сознаніе единства со всею Русскою державою, со всею группою земель, находившихся подъ первенствомъ Кіева; второе, въ послѣдующія времена, не давало Новгороду скоро слиться съ остальнымъ русскимъ міромъ и побуждало противодѣйствовать возникавшему единодержавію. Наконецъ, рядъ

историческихъ событій способствовалъ самобытному складу новгородскаго быта. Низведенный на степень кіевскаго пригорода, Новгородъ оказалъ важное пособіе Ярославу, получилъ отъ него грамоты, которыя сдѣлались фундаментальнымъ историческимъ преимуществомъ,—какъ въ воспоминаніи Новгородцевъ, такъ и въ сознаніи князей. Князья помнили, что Великій-Новгородъ оказалъ услугу ихъ прадѣду, ихъ общему родоначальнику; Новгородъ указывалъ князьямъ на свои грамоты какъ на право, полученное имъ отъ общаго родоначальника княжескаго дома Безъ сомнѣнія, сами-по-себѣ эти грамоты, безъ изложенныхъ выше условій, были бы скоро попраны и забыты; но когда положеніе, въ какомъ находился Новгородъ, помогало сохраненію ихъ силы, когда нарушать ихъ было не легко, да нерѣдко и не представлялось въ этомъ необходимости, —при такомъ положеніи дѣлъ грамоты эти получили великое значеніе, и мало-по-малу стали обычаемъ, почтенною дѣдовскою маститою древностію, которую нарушать было бы нравственнымъ проступкомъ. Новгородъ имѣлъ то же, что̀ другія земли; но это общее достояніе освящено у него было особымъ образомъ. Такихъ обстоятельствъ не случалось въ другихъ земляхъ. Впослѣдствіи, когда начались междоусобія Ольговичей съ Мономаховичами, а вслѣдъ за тѣмъ —дома Юріева со Мстиславичами и ихъ потомками, и вмѣстѣ земель Восточно-Русской и Южно-Русской,—Новгородъ, до того времени державшійся связи съ Кіевомъ, часто находился въ недоумѣніи, къ какой сторонѣ пристать: и онъ долженъ былъ сообразоваться съ своими выгодами. Частая перемѣна великихъ князей, неясность правъ на великокняженіе, способствовали бо̀льшему утвержденію областной автономіи, въ противоположность единству, связуемому властью великаго князя.

Въ ряду событій новгородской исторіи XI-го вѣка, обращаетъ на себя вниманіе нападеніе двухъ князей полоцкихъ—въ 1020 г. Брячислава и въ 1066 г. и 1069 Всеслава. Во всѣхъ трехъ случаяхъ набѣги сопровождались грабежомъ и плѣненіемъ. Въ первый разъ, хотя Брячиславъ успѣлъ взять Новгородъ и погналъ изъ него много плѣнниковъ, но былъ потомъ разбитъ. Всеславъ въ 1066 году взялъ Новгородъ и ограбилъ его; въ 1069 г. напалъ опять и — былъ отбитъ княземъ Глѣбомъ. Этотъ Всеславъ былъ отпущенъ «Бога дѣля»—говоритъ лѣтописецъ.

V.

НОВГОРОДЪ ВЪ ЭПОХУ КНЯЖЕСКИХЪ МЕЖДОУСОБІЙ. — ОПОЛЧЕНІЕ АНДРЕЯ. — ЧУДО ЗНАМЕНСКОЙ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ. — ПОКУШЕНІЯ КНЯЗЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ.—ВСЕВОЛОДЪ. — ЯРОСЛАВЪ.

Возникшія въ Южной Руси распри Мономаховичей и Ольговичей, измѣнили спокойное отношеніе Новгорода къ великому княженію въ Кіевѣ. Общая буря междоусобій не миновала и Новгорода. По привязанности къ памяти Мстислава, столь долго бывшаго княземъ Новгородцевъ, они ладили съ сыномъ его, Всеволодомъ, пока живъ былъ отецъ; но по смерти его Всеволодъ прельстился призывомъ преемника Мстиславова, Ярополка, и переѣхалъ въ Переяславль, надѣясь стать современемъ великимъ княземъ. Ему не удалось удержаться въ Переяславлѣ: Юрій суздальскій и братъ его, Андрей, прогнали Всеволода, и онъ опять явился въ Новгородѣ. — «А помнишь-ли» — говорили ему Новгородцы: — ты обѣщался у насъ и умереть; зачѣмъ же насъ оставилъ?» Призвали Ладожанъ и Псковичей на общее вѣче и прогнали Всеволода. Но вскорѣ, какъ только удовлетворена была досада, стало Новгородцамъ жаль привычнаго князя. Одумались Новгородцы и послали ворочать его. Всеволода нагнали въ Устьяхъ. Онъ возвратился. Но примиреніе было недолговременное. Поднялось междоусобіе въ Русской Землѣ. Новгородцы, по сочувствію къ памяти Мстислава и Мономаха, готовы были держаться

стороны Мономаховичей; но явился къ Всеволоду братъ его, Изяславъ, началъ побуждать Новгородъ противъ суздальскаго князя; а у него уже тогда началась съ нимъ та вражда, что впослѣдствіи такъ громко разразилась въ Южной Руси бурными переворотами. Этотъ князь, получивъ послѣ Всеволода Переяславль, такъ же какъ и Всеволодъ, по проискамъ Юрія, лишился его. Юрій требовалъ уступить его дядѣ — Вячеславу; Изяславъ уступилъ, и получилъ вмѣсто Переяславля Туровъ, прежній удѣлъ Вячеслава; но Юрій выгналъ Вячеслава изъ Переяславля, а Вячеславъ, въ свою очередь, выгналъ Изяслава изъ Турова, своего прежняго удѣла. Всему виною былъ суздальскій князь. Изяславъ, прибывши въ Новгородъ, сталъ подвигать Новгородцевъ на войну противъ Суздальской Земли и на союзъ съ Ольговичами, противъ которыхъ недавно раздѣлялъ общую вражду своего племени. Лѣтопись выставляетъ, что Всеволодъ — братъ его — убѣдилъ Новгородцевъ помочь своему брату. Оба князя представили Новгородцамъ честолюбивыя надежды на счетъ Ростова и Суздаля. Въ житіи Всеволода говорится, что Новгородцы домогались овладѣть этимъ краемъ и вспомнили, будто нѣкогда онъ принадлежалъ Новгороду, а Всеволодъ, напротивъ, ихъ отговаривалъ. Кажется, могло быть и то, и другое. Было два похода; первый предпринятъ былъ весною въ 1134 г. вмѣстѣ съ Изяславомъ дошли до Волги, и, ничего не сдѣлавши, воротились назадъ. Изяславъ ушелъ въ Русь, примирился съ великимъ княземъ Ярополкомъ, и получилъ Владиміръ-на-Волыни. Такимъ-образомъ династическая причина къ войнѣ прекратилась. Но зимою предпринятъ былъ походъ уже съ завоевательною цѣлью, и, какъ кажется, этотъ походъ былъ тотъ, который, по извѣстію житія, былъ предпринятъ отъ Великаго-Новгорода, въ противность желанію князя. Въ

походъ пошли не только Новгородцы, но и жители пригородовъ, Ладоги и Пскова. Тогда-то, вмѣстѣ съ княземъ Всеволодомъ, уговаривалъ Новгородцевъ не ходить въ походъ митрополитъ Михаилъ, нарочно для того прiѣхавшiй въ Новгородъ. Новгородцы не послушали ихъ, князя противъ воли заставили идти на войну, задержали митрополита и отпустили уже тогда, когда потеряли сраженiе. Произошла битва на Ждановой горѣ; по извѣстiю ростовско-суздальскихъ лѣтописей, Новгородцы были разбиты. Новгородскiй лѣтописецъ не скрываетъ проигрыша своихъ, но говоритъ объ этомъ глухо, и утѣшается тѣмъ, что и Суздальцевъ пало много. Несомнѣнно, что походъ былъ неудаченъ для Новгородцевъ [1]). Это событiе пробудило вновь неудовольствiе гражданъ на своего князя. Между-тѣмъ, на югѣ вражда между Ольговичами и Мономаховичами разгоралась. Новгородцы не знали куда пристать; и сначала, въ 1135 г., явились въ качествѣ примирительныхъ судей, и отправили посольство примирять враговъ. Но дѣло оказалось невозможнымъ: обѣ враждебныя стороны не желали мира, а та и другая равно хотѣли притянуть на свою сторону Новгородъ. Тогда и въ самомъ Новгородѣ образовались тѣ же партiи, какъ въ Южной Руси; представители той и другой думали выигрывать чрезъ перемѣну князей у себя. Партiя Ольговичей взяла верхъ: въ маѣ 1136 г. Всеволода предали суду вѣча. Его обвинили въ томъ, что онъ не заботился о смердахъ, которые находились на попеченiи князя-правителя,—убѣжалъ съ поля прежде всѣхъ, во время войны съ Суздальцами; ему ставили въ вину, что онъ колеблется, не знаетъ куда пристать; вспомнили и то,

[1]) Новг. I. 6.—Лавр. Спис. 132.—Соф. I. 156—157.—Никоновск. П. С. Л. т. IX. 158—159.

что онъ покидалъ Новгородъ для Переяславля. Всеволодъ хотѣлъ удалиться; Новгородцы послали звать другаго князя Святослава Ольговича, а его не пускали отъ себя.—«Постой,—говорили ему:—ты посиди у насъ, пока придетъ другой князь». Въ іюнѣ, прибылъ къ нимъ Святославъ Ольговичъ, и тогда Всеволода прогнали. Онъ ушелъ во Псковъ. Сторонниковъ у Всеволода было много въ Новѣгородѣ; самъ посадникъ Коснятинъ Микуличъ держался его стороны и убѣжалъ къ нему изъ Новгорода съ другими единомышленниками. Партія эта, собравшись во Псковѣ, склонила къ себѣ Псковичей и побуждала Всеволода добывать оружіемъ утраченное княженіе. Въ Новгородѣ сторонники (милостьници) его покушались-было застрѣлить изъ лука Святослава Ольговича, но покушеніе не удалось [1]). Ожесточенная сторона Ольговичей въ Новгородѣ предала грабежу домы и имущества бѣжавшихъ: всѣхъ, кого только подозрѣвали въ расположеніи къ Всеволоду, обложили пенею, и на этотъ сборъ ополчались противъ Пскова. Псковичи и новгородскіе бѣглецы вооружились за Всеволода. Непріязненныя стороны сошлись у Дубровны. Но битвы не было. Псковичи подѣлали засѣки на лѣсномъ пути, и Новгородцамъ трудно было вести наступательную войну. Лѣтописецъ говоритъ, что обѣ стороны сказали: «Не станемъ проливать крови, братья; пусть Богъ управитъ насъ своимъ промысломъ». Вслѣдъ за тѣмъ, умеръ Всеволодъ. Вѣрно, въ то время какъ непріязненныя войска спорили изъ-за него и готовы были сцѣпиться между собою, князь уже находился при смерти во Псковѣ, и это побудило ихъ оставить битву, когда не за кого было биться. Однако, и совершенный миръ не состоялся. Псковичи, похоронивши Всеволода, призвали брата его, Святополка. Два сѣверные города Русскаго міра—Новгородъ и Псковъ, дѣла-

[1]) Новг. I, 7.

лись представителями двухъ враждебныхъ южныхъ княжескихъ партій: Новгородъ сталъ за Ольговичей, Псковъ за Мономаховичей. Вдругъ, въ самомъ Новгородѣ, дѣло повернулось иначе. Партія Мономаховичей взяла верхъ; неудовольствіе противъ Всеволода угасло съ его смертію; память отца и дѣда опять воскресла. Тогда же на самомъ югѣ взяли верхъ Мономаховичи: Черниговцы не потянули за своимъ княземъ, и этотъ князь, Всеволодъ, глава Ольговичей, долженъ былъ прекратить войну съ Ярополкомъ кіевскимъ. Это событіе отразилось въ Новгородѣ благопріятно для стороны Мономаховичей. Сторону эту усилило то, что ни изъ Кіева, ни изъ Суздаля не пропускали въ Новгородъ хлѣба, когда Новгородъ принялъ князя, враждебнаго и сторонѣ кіевской и суздальской. Новгородцы, въ 1138 г. апрѣля 17, схватили своего князя Святослава Ольговича, заточили въ монастырь съ семействомъ, а потомъ изгнали. Вмѣсто его призвали князя изъ Суздальской Земли—сына Юрія суздальскаго, Ростислава.

Къ суздальской вѣтви Русскаго міра была уже давняя международная непріязнь у Новгородцевъ. Князья, призываемые въ Новгородъ, пріѣзжали не одни, а съ дружиною, и суздальскіе князья, такимъ-образомъ избранные Новгородцами, наводили въ Новгородъ толпу народа, нелюбимаго Новгородцами. Въ Кіевѣ между-тѣмъ произошелъ переворотъ въ пользу Ольговичей. По смерти Ярополка, Кіевомъ овладѣлъ черниговскій князь Всеволодъ, представитель Ольговичей. Юрій звалъ Новгородцевъ противъ Ольговичей; Новгородцы не согласились, потому-что воевать съ Суздальцами, которыхъ не любили, противъ Кіевлянъ, съ которыми сознавали близкое родство, было не въ обычаѣ. Ростиславъ замѣтилъ, что партія Ольговичей подымаетъ голову, и бѣжалъ. Новгородцы опять позвали Святослава Ольговича; но этотъ князь, испытавшій какъ непрочно сидѣть въ Новгородѣ,

медлилъ прибытіемъ и не прежде явился, какъ къ концу 1139 года и посаженъ на столѣ 25-го декабря. Мѣсяца черезъ два, Новгородцы не взлюбили Святослава; Всеволодъ кіевскій интриговалъ противъ брата и послалъ въ Новгородъ своихъ приближенныхъ — настроивать Новгородцевъ, чтобъ они просили себѣ въ князья его сына. Интрига пошла удачно. Новгородцы отправили въ Кіевъ посольство просить у великаго князя сына; между-тѣмъ прежнему князю своему Святославу велѣли оставаться у себя, пока придетъ другой. Святославу показалось это оскорбительно; притомъ онъ и побаивался: онъ видѣлъ, что его не жалуютъ, и потому поспѣшилъ улизнуть изъ города прежде срока. Но въ то время, когда послы новгородскіе находились въ Кіевѣ и упрашивали Всеволода дать Новгороду сына, въ самомъ Новгородѣ сдѣлалась новая смута. Партія, благопріятствовавшая Мономаховичамъ, взяла верхъ; уже не хотѣли ни брата, ни сына кіевскаго князя. За Святославомъ послали погоню; Святославъ убѣжалъ отъ погони; поймали на дорогѣ бѣжавшаго за нимъ вслѣдъ посадника Якуна съ товарищами, привезли его въ Новгородъ на вѣче, отколотили, обнажили какъ мать родила и сбросили съ моста. Онъ не утонулъ, приплылъ какъ-то къ берегу. Послѣ того Новгородцы уже не топили его въ другой разъ и не били, а удовольствовались тѣмъ, что взяли съ него тысячу гривенъ, а съ брата его сто гривенъ; взяли подобную пеню съ другихъ его единомышленниковъ; а его самого заточили въ Чуди. Потомъ — возвратили въ отечество бѣжавшихъ къ Юрію приверженцевъ Мономаховичей, и одному изъ нихъ, Судилѣ, дали посадничество. Послѣ такого переворота, ко Всеволоду въ Кіевъ отправилось новое посольство съ такимъ предложеніемъ: «Мы не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимирова!» Передъ тѣмъ, какъ прибыло ко Всеволоду это

посольство, Всеволодъ съ честію отпустилъ отъ себя въ Новгородъ обратно прежнее новгородское посольство, приходившее звать его сына. Такъ-какъ предложеніе новаго посольства не понравилось Всеволоду, то онъ послалъ погоню за прежнимъ посольствомъ и воротилъ его назадъ, потомъ задержалъ въ Кіевѣ всѣхъ новгородскихъ купцовъ, а южно-русскимъ купцамъ не велѣлъ ѣздить въ Новгородъ. Такъ прошла зима; она была тяжела для Новгорода, неполучавшаго по этому случаю продовольствія съ юга. Стали въ Новгородѣ стараться, какъ бы обѣ стороны примирить такъ, чтобъ и кіевскаго князя больше не раздражать, и Новгородъ получилъ бы себѣ князя изъ Мономаховичей по своей волѣ. Отправили еще одно, третье, посольство въ Кіевъ просить шурина Всеволодова—Святополка Мстиславича, брата умершаго Всеволода во Псковѣ, того самаго, котораго Псковичи уже хотѣли поставить княземъ. Но кіевскій князь не хотѣлъ потакать новгородской волѣ, а задумалъ поставить на своемъ. Онъ не пустилъ Святополка въ Новгородъ, и далъ ему въ удѣлъ Берестье. «Не ходите въ Новгородъ—говорилъ онъ подручнымъ князьямъ:—пусть-себѣ сидятъ на своей волѣ безъ князя; гдѣ хотятъ—тамъ пускай-себѣ ищутъ князя!» Новгородцы оставались безъ князя девять мѣсяцевъ. По понятіямъ вѣка, казалось невозможнымъ сидѣть безъ князя; особенно это было неудобно въ то время: тутъ партіи волновали городъ, тамъ продовольствія не пускали; да вдобавокъ первое новгородское посольство задержано было въ Кіевѣ подъ стражею: а въ немъ былъ и епископъ, и знатные бояре, и купцы. Новгородцы все-таки не сдались. Получивъ отказъ Всеволода, они подъ вліяніемъ посадника Судилы призвали къ себѣ изъ Суздальской Земли опять Ростислава Юрьевича [1]). Тутъ

[1]) Прибылъ въ Новгородъ 26 ноября 1141 г.

великій князь увидѣлъ, что не переломитъ ихъ упорства, и чтобы, по-крайней-мѣрѣ, не потерять своего первенства надъ Новгородомъ, на сколько ему давалъ его самъ Новгородъ, послалъ имъ Святополка [1]). Жалкаго Ростислава, два раза служившаго подставою для иныхъ князей, опять прогнали. Это неуваженіе было оскорбительно какъ для суздальскаго князя, такъ и для Суздальской Земли.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами, а потомъ съ Юріемъ суздальскимъ, Новгородцы постоянно держались стороны перваго. Въ 1148 году они удалили Святополка, которымъ были недовольны *злобы его ради*, и пригласили сына Изяславова, Ярослава [2]). До какой степени Новгородцы любили тогдашняго великаго князя и вообще были привязаны къ линіи Мстислава, Мономахова сына, показываетъ пріемъ, оказанный Изяславу, когда онъ вслѣдъ за сыномъ и самъ прибылъ въ Новгородъ. По тогдашнимъ почетнымъ обычаямъ, Новгородцы выслали къ нему отборную встрѣчу за три днища, а за одно днище цѣлый городъ выступилъ встрѣтить его. Князь прежде всего сдѣлалъ для Новгородцевъ обѣдъ—пиръ на весь міръ: приглашены были всѣ—отъ мала до велика. Потомъ онъ приказалъ звонить на вѣче, явился предъ народомъ и говорилъ: «Ради васъ я оставилъ Русскую Землю; вы прислали ко мнѣ жаловаться, что васъ обижаетъ дядя мой, Юрій. Гадайте, братья, какъ съ нимъ справиться: или миръ съ нимъ взять или идти на него ратью?» Новгородцы кричали: «Ты нашъ князь!.. ты нашъ Володимиръ, нашъ Мстиславъ! Рады съ тобою—и за тебя и за свои обиды! Всѣ пойдемъ; хоть бы и дьякъ и гуменцо ему прострижено, такъ и тотъ пойдетъ воевать, а кто ужъ поставленъ, тотъ пусть Бога молитъ». Такое одушевленіе осталось безъ послѣдствій. Новгородцы по-

[1]) Прибылъ въ Новгородъ 19 апрѣля 1142 г.

[2]) Прибылъ осенью 1148 г.

шли на войну на Волгу, опустошили край около Ярославля и воротились съ плѣнниками. Тѣмъ дѣло и кончилось [1]). Подъ конецъ жизни Изяславовой, Новгородцы не поладили съ его сыномъ,—съ тѣмъ самымъ, съ которымъ такъ восторженно привѣтствовали посѣщавшаго ихъ отца, прогнали его, и взяли брата Изяславова, Ростислава [2]).

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, суздальская партія, прежде уже пустившая въ Новгородѣ корень, то одерживала верхъ, то падала. Какъ край торговый, Великій-Новгородъ не могъ не испытывать на себѣ вліянія переворотовъ, происходившихъ на югѣ. Когда Изяславъ умеръ [3]), Ростиславъ ушелъ изъ Новагорода попытаться захватить великое княженіе въ Кіевѣ и оставилъ Новгородцамъ сына Давида. Попытка Ростиславу не удалась. Княземъ кіевскимъ сдѣлался Юрій суздальскій и Новгородцы прогнали Давида, избрали княземъ себѣ сына Юріева, Мстислава [4]), а потомъ опять пристали къ сторонѣ Мстиславичей, взяли себѣ княземъ сына Ростиславова [5]), изгоняли его, замѣняли внукомъ суздальскаго князя [6]) и опять призывали [7]), а когда въ Кіевѣ, въ 1167 году, сдѣлался великимъ княземъ Мстиславъ Изяславичъ, въ Новгородѣ прогнали Ростиславова сына и призвали Мстиславова, Романа. Но прежній князь имѣлъ тамъ много своихъ приверженцевъ. Такимъ-образомъ дошло до кровопролитнаго междоусобія. Изгнанный князь Святославъ, при

[1]) Ипат. спис. 40.

[2]) Прибылъ въ Новгородъ 17 апрѣля 1154.

[3]) Ноября 14, 1154 г.

[4]) Января 30, 1155 г.

[5]) Святослава. Другаго князя, брата его, Давида, бывшаго прежде въ Новгородѣ, посадили въ Новомъ-Торгу 1157 года.

[6]) Мстиславомъ Ростиславичемъ. Прибылъ въ Новгородъ 21 іюня, 1160 года.

[7]) Прибылъ снова въ Новгородъ 28 сентября, 1161 года.

помощи братій, хотѣлъ охранить свое право; то былъ первый случай, когда изгнанный князь дорожилъ своею властью въ Новгородѣ. Въ досадѣ оскорбленнаго самолюбія, онъ даже соединился съ Суздальцами. Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ долженъ былъ отстаивать себя безъ князя и не прежде какъ въ апрѣлѣ 1168 г. прибылъ туда приглашенный сынъ Мстислава Изяславича, Романъ. Братья оскорбленнаго Святослава Ростиславича продолжали воевать новгородскія земли. На ихъ сторонѣ былъ сильный суздальскій князь Андрей, раздраженный противъ Новгорода за то, что, во время борьбы его съ южно-русскими князьями, Новгородъ держался стороны послѣднихъ. Этой сторонѣ пришлось проиграть. Уничтоживъ силу и первенство Кіева, Андрей хотѣлъ покорить и Новгородъ, и сначала покусился на важнѣйшій источникъ новгородской силы — Двинскую Землю. Тамъ явилась партія недовольныхъ новгородскимъ правленіемъ, и приняла сторону Андрея. Отрядъ Новгородцевъ, подъ начальствомъ Даньслава Лазутинича, отправился въ Заволочье для усмиренія провинціи и для собранія дани, и столкнулся съ суздальскими войсками, посланными для завоеванія земли. Произошла битва. Богъ пособилъ Новгородцамъ — говоритъ лѣтописецъ и повѣствуетъ, что Новгородцевъ было 400, Суздальцевъ 7,000, и разбили Новгородцы Суздальцевъ; послѣднихъ убито 1,300, а Новгородцы потеряли только пятнадцать человѣкъ [1]). Это сказаніе имѣетъ важность какъ образчикъ воззрѣнія самихъ Новгородцевъ на свои побѣды, а не какъ извѣстіе съ фактическою достовѣрностію. Побѣдители покусились на владѣнія суздальскія и начали собирать дань на суздальскихъ смердахъ по сосѣдству съ новгородскими колоніями. Раздраженный Андрей

[1]) Новг. I, 14.

составилъ сильную коалицію изъ подручныхъ князей съ ополченіями ихъ земель и послалъ на Новгородъ. Кромѣ многочисленнаго ополченія суздальскаго, на Новгородъ двинулись Смольняне со своими князьями, Романомъ и Мстиславомъ, братьями обиженнаго Святослава, недавно помогавшими ему въ войнѣ съ Новгородомъ; двинулись Муромцы съ своими князьями и Полочане, легко поднятые на Новгородъ по какой-то давней непріязни къ Новгороду. Эти войска вступили въ Новгородскую область, — запылали новгородскія села; враги убивали жителей и загоняли въ плѣнъ, и такъ достигли до Новгорода.

Въ сборное воскресенье 22-го февраля 1169 г. ополченіе подступило къ городу. Враги съ высокомѣріемъ дѣлили между собою по жребію улицы Новгорода и женъ и дѣтей новгородскихъ. Граждане отбивались три дня, и стали изнемогать. Въ ночь передъ четвертымъ днемъ—гласитъ преданіе—архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спасителя, и услышалъ гласъ отъ иконы: «иди на Ильину улицу въ церковь Спаса и тамъ возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ!» Утромъ святитель созвалъ соборъ и объявилъ о такомъ видѣніи. Духовенство отправилось торжественною процессіею въ указанную церковь. По повелѣнію владыки, протодіаконъ хотѣлъ взять икону, но икона не двинулась съ мѣста. Только послѣ усерднаго моленія, святитель могъ взять ее своими руками, въ сопровожденіи Новгородцевъ отправился на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами, и вознесъ икону на забрало, подъ дождемъ стрѣлъ. Икона обращается назадъ; изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь архіепископа. Тогда на Суздальцевъ напало одурѣніе; они стали стрѣлять другъ въ друга и пришли въ безпорядокъ. Ободренные Новгородцы ударили на нихъ и нанесли имъ

совершенное пораженіе. Враги Великаго-Новгорода бѣжали безъ оглядки; множество не поспѣвавшихъ унести ноги попадалось въ плѣнъ; и было такъ много плѣнниковъ, что Новгородцы продавали ихъ по двѣ ногаты за голову. Все поле вокругъ города — говоритъ древнее сказаніе — было покрыто трупами и громады убитыхъ лежали по дебрямъ и болотамъ. Союзники Суздальцевъ, увидя такое пораженіе, оставили осаду и удалились. Это происходило 25-го февраля, въ среду. Въ такомъ видѣ перешло это событіе на воспоминаніе потомства. Какъ бы оно ни происходило въ-самомъ-дѣлѣ, важность его для исторіи остается въ томъ нравственномъ вліяніи, съ какимъ оно впечатлѣлось въ народномъ воззрѣніи. Въ этомъ отношеніи день 25 февраля 1169 года составляетъ одну изъ тѣхъ многозначительныхъ, рѣзко блистающихъ своимъ свѣтомъ эпохъ, которыя возвышаютъ народное чувство, уясняютъ для народа его самосознаніе, укрѣпляютъ народную волю, способствуютъ развитію его силъ, и въ годины искушеній предохраняютъ отъ паденія. Легенда эта, въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, гораздо позже приняла церковное значеніе, и не прежде какъ въ XIV вѣкѣ построена была церковь Знаменія и была туда перенесена икона, до того времени стоявшая въ церкви Спаса. Но это уже показываетъ, какъ крѣпка была память объ этомъ событіи въ народѣ, когда такъ долго оно сохраняло свою свѣжесть. Видно, что переходя изъ устъ въ уста, это преданіе поддерживало, при каждой новой борьбѣ съ Восточной Русью, нравственную силу народа, вмѣстѣ съ другими воспоминаніями. Въ народѣ внѣдрилось сознаніе, что чудодѣйственная Божія сила защищаетъ Новгородъ.

Борьба съ Суздальскимъ краемъ въ исторіи Новгорода имѣетъ глубокое, историческое и этнографическое, основаніе. Нѣкогда, въ эпоху сѣдой, отдаленной древности, когда

еще славянская колонія только что начала поглощать въ себя финскую народную стихію въ Суздальско - Ростовской Землѣ, Новгородъ былъ главою этой страны. Ростовъ находился въ союзѣ, призвавшемъ русскихъ князей, на челѣ котораго былъ Великій-Новгородъ. Въ послѣдующія времена, когда части Русскаго міра соединились подъ перевѣсомъ Руси Кіевской и самъ Новгородъ долженъ былъ подчиниться этой власти,—Ростовско-Суздальская Земля, дѣлаясь особымъ удѣломъ въ распредѣленіи земель по княжескому роду, отпала отъ этой древней связи съ Новгородомъ. Новгородъ помнилъ старину, и это воспоминаніе, какъ сказано выше, возбудило въ Новгородцахъ охоту покорить свое старое достояніе, — охоту, столь неудачно разрѣшившуюся Ждановской битвой. Суздальцы не играли чисто-страдательной роли въ этомъ дѣлѣ: кромѣ княжескихъ интересовъ были еще съ ихъ стороны и народные, противодѣйствовавшіе стремленіямъ Великаго-Новгорода; и въ этой землѣ, какъ въ другихъ краяхъ, вѣчевое участіе народа не было устранено, и побужденія князей совпадали съ побужденіями народными, когда шло дѣло о политическомъ значеніи земли въ русскомъ удѣльно-вѣчевомъ союзѣ. Ростовско-Суздальская Земля также непріязненно смотрѣла на Новгородъ. Взаимная народная вражда этихъ земель выказывается многими чертами ихъ распрь и, между-прочимъ, въ событіи разбитія Суздальцевъ подъ стѣнами Новагорода. Самое описаніе этого событія въ Новгородской, и въ Суздальской Лѣтописяхъ различно, и это различіе указываетъ на то же взаимное нерасположеніе. Тогда-какъ Новгородская лѣтопись изображаетъ полное героическое торжество Новгорода, въ Суздальской разсказывается о чудесахъ, но совсѣмъ въ обратномъ значеніи. Проигрышъ Суздальцевъ ослабляется изъ національной гордости; выставляется бѣд-

ствіе, постигшее Новгородскую область отъ разоренія союзными войсками и, наконецъ, прилагается философское размышленіе о томъ, что Новгородъ наказанъ отъ Бога за его высокомѣріе и за грѣхи посредствомъ князя Андрея. Лѣтописецъ-Суздалецъ не знаетъ о чудѣ, совершившемся на забралѣ Загороднаго конца; но до него доходило, что въ трехъ новгородскихъ церквахъ, на трехъ иконахъ плакала Пресвятая Богородица; то были, однако, не слезы сочувствія къ правотѣ дѣла Новгородцевъ, а слезы милосердія къ грѣшникамъ, по божественной милости щадящей ихъ при всѣхъ ихъ преступленіяхъ, за которыя они достойны были, по правосудію, сугубой кары. Какъ ни казалась однако свирѣпою вражда непріязненныхъ земель, но она была все-таки удѣльная, домашняя; какъ ни жестоки были проявленія взаимной непріязни, враги не переставали видѣть одинъ въ другомъ соотечественниковъ. Новгородъ готовъ былъ признать первенство суздальскаго или владимірскаго князя, когда его принуждали къ этому обстоятельства. Новгородъ только остерегался, чтобъ Суздалецъ или Владимирецъ не нарушилъ его свободы; послѣдніе съ своей стороны старались обвинить Новгородъ, когда возникли съ нимъ недоразумѣнія, но не отрицали права Новгорода вообще на свою областную самостоятельность. Только это равновѣсіе понятій объ областной независимости и о государственномъ единствѣ цѣлой Руси, объясняетъ то безпрестанное колебаніе, съ какимъ Новгородъ то̀ велъ ожесточенную войну съ Суздальцами, то̀ легко подчинялся первенству тамошнихъ князей.

Не далѣе какъ на слѣдующій годъ, послѣ блестящаго успѣха Новгородцевъ, измѣнились отношенія Новгорода къ Андрею. Когда вся Русь склонилась подъ его великокняжескимъ первенствомъ, Новгородъ не получалъ ни откуда хлѣба; стала дороговизна, гибельная для края, гдѣ

по безпечности не думали о запасахъ и не насиловали природу, чтобъ дополнить искусственнымъ усиліемъ труда ея малую производительность. Это заставило Новгородцевъ покориться. Храбраго князя Романа, который защищалъ Новгородъ, прогнали; отправили къ Андрею посольство, предлагали мировую не иначе, однако, какъ на всей волѣ своей. Въ 1171 году приняли княземъ андреева сына, Юрія.

Новгородъ все-таки выигралъ. Безъ 25-го февраля 1169 года, этотъ же князь могъ явиться отъ отца, великаго князя, какъ намѣстникъ въ покоренную землю, а теперь онъ является призванный на вольныхъ условіяхъ.

Послѣ трагической кончины Андрея, Новгородъ прогналъ его сына, и нѣсколько лѣтъ потомъ принималъ къ себѣ, одного за другимъ, князей изъ Южной Руси и поддерживалъ еще разъ Южную Русь противъ притязаній владѣтелей суздальско-ростовскаго края. Между князьями, посѣщавшими одинъ за другимъ Новгородъ, выказывается своимъ значеніемъ Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Въ эпоху андреева ополченія на Новгородъ, этотъ князь со Смольнянами былъ въ числѣ враговъ новгородскихъ. Но то было мгновенное увлеченіе. Новгородцы не помянули стараго, послѣ того, какъ этотъ князь нѣсколько разъ заявлялъ себя врагомъ Андрея и Суздальской Земли. Въ 1179 году Новгородъ пригласилъ его, зная, что онъ — говоритъ лѣтописецъ — всегда на великія дѣла порывался. Памятна была его славная защита Вышгорода противъ покушеній Андрея. Мстиславъ не хотѣлъ-было покидать Смоленскую Землю и разставаться съ своею братіею, но братья и мужи уговорили его. Новгородъ принялъ его съ честію. Епископъ, духовенство съ крестами, весь народъ, встрѣчали его съ торжествомъ и посадили его у св. Софіи. Явившись на вѣче, онъ говорилъ: «Обидятъ васъ

поганые—воззримъ на Бога и на помощь Пресвятой Богородицы, и освободимъ Новгородскую Землю отъ поганыхъ.» Это значило, что Чудь, на которую давно претендовали Новгородцы, отложилась тогда отъ Великаго-Новгорода. Мстиславъ — говоритъ лѣтописецъ [1]), собралъ до двадцати тысячъ Новгородцевъ, повоевалъ землю Чудскую, подчинилъ ее Новгороду, и готовился идти войною на Полоцкъ, чтобъ отомстить за древніе набѣги Брячислава и Всеслава; но тутъ схватила его болѣзнь, силы его упали. Онъ угасъ въ Новгородѣ 14 іюня 1180 г., пробывши тамъ очень мало времени, но подавши много несбывшихся надеждъ. Когда его хоронили, Новгородцы — по словамъ лѣтописи,—такъ его оплакивали: «вотъ уже, господинъ князь, мы не можемъ поѣхать съ тобою въ чужую землю порабощать поганыхъ Новгородской области; дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; а ты, господинъ нашъ, поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего». Его храбрость, его презрѣніе къ смерти, при этомъ его набожность и щедрость, располагали къ нему и духовныхъ, и мірянъ. Послѣ смерти, его причислили къ лику святыхъ. Самое его короткое пребываніе въ Новгородѣ способствовало тому, что о немъ сохранилась такая свѣтлая, невозмутимая память.

Находясь въ постоянной неприязни ко князю Всеволоду, представителю Суздальской Земли, Новгородъ преодолѣлъ нерасположеніе къ Ольговичамъ. Когда одинъ изъ ихъ рода, Святославъ Всеволодовичъ, овладѣлъ Кіевомъ, Новгородъ, сохраняя связь съ Южной Русью, призналъ его первенство, принялъ его сына и велъ разорительную войну со Всеволодомъ суздальскимъ. Тогда Новгородцы опусто-

[1]) Ипат. Спис. 120.

шили побережье Волги; но Всеволодъ, послѣ пятинедѣльной осады въ 1181 г., взялъ новгородскій пригородъ Новый-Торгъ, сжегъ его и жителей всѣхъ увелъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и одинъ изъ сыновей его соперника — Святослава Всеволодовича. Замѣчательно, что при этомъ погромѣ Торжка, составлявшіе дружину князя были озлоблены противъ Новгорода болѣе чѣмъ онъ самъ. Безчестіе, за которое могъ бы обвинять Новгородцевъ князь, ложилось на дружину; Новоторжцы покорялись и предлагали ему дань; дружина сопротивлялась: «Мы не цѣловать ихъ пріѣхали,—говорили дружинники—они, княже богови лжуть и тобѣ [1]). И тогда-то Новый-Торгъ былъ взятъ и разоренъ съ неистовствомъ. Вотъ примѣръ, когда князь, повидимому ополчаясь за свои личные интересы, въ самомъ-дѣлѣ былъ орудіемъ и народныхъ побужденій.

Это событіе заставило Новгородцевъ помириться съ суздальскимъ княземъ. Уладили дѣло такъ, чтобы сохранить миръ съ Всеволодомъ, но не принимать князя изъ Суздальской Земли. Въ 1181 г. изгнали сына Святослава Всеволодовича, и взяли Всеволодова свояка, Ярослава Владимировича; онъ былъ внукъ Мстислава-Великаго, любимаго памятью народною. И вотъ, примирившись со Всеволодомъ, Новгородъ, въ династическомъ вопросѣ, удержалъ прежнее свое сочувствіе къ роду Мстислава. Но противныя другъ другу партіи волновали городъ; одни руководясь выгодами и, избѣгая разореній, какія край терпѣлъ во время размолвки съ Суздальскою Землею, клонились къ миру со Всеволодомъ и готовы были признать его право давать князя Новгороду, лишь бы только съ неприкосновенностію своего внутренняго самоуправленія; другіе упорно стояли за связь съ Южною Русью, за старину и за враж-

[1]) Лавр. Сп. 163

ду съ Суздальскою Землею и съ суздальскими князьями. Въ 1184 г. южно-русская партія одолѣла, — Ярослава прогнали. Но въ 1187 суздальская партія превозмогла. Ярослава Владиміровича снова призвали. Въ 1195 г. Всеволодъ потребовалъ, чтобъ Новгородъ помогалъ военною силою противъ Ольговичей. Новгородцы пошли неохотно. Самъ Ярославъ, кажется, не очень пылко принимался за это дѣло. Тогда суздальская партія сблизилась тѣснѣе со Всеволодомъ, хотѣла призвать его сына, но противная партія на этотъ разъ перевысила. Вѣче, подъ вліяніемъ этой партіи, положило: *вси князи въ свободу гдѣ собѣ любо, туже собѣ князя поимають*. Новгородцы вспомнили, что всѣ князья равны для Новгорода; не существуетъ никакого права за тѣмъ или за другимъ, кромѣ добровольнаго народнаго выбора; и теперь они облекали въ легальную форму то, что̀ существовало издавна па дѣлѣ. Ярослава прогнали и пригласили врага Всеволодова — молодаго князя черниговскаго, изъ Ольговичей. Ярославъ Владиміровичъ въ 1196 г. ушелъ въ Новый-Торгъ и утвердился тамъ. Всеволодъ принялъ его сторону. Новоторжцы стали за Ярослава. Онъ овладѣлъ волостью Новаго-Торга, собиралъ дань по Мстѣ, а Всеволодъ приказалъ ловить Новгородцевъ, разъѣзжавшихъ по его волости. Это опять дало силу суздальской партіи въ Новгородѣ, потому-что въ ней состояли богатые торговцы, которые раззорялись при враждѣ съ Суздальскою Землею. Новый-Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ для ихъ выгодъ. Надобно было избавиться отъ такихъ неудобствъ. Опять призвали съ честію Ярослава. Но въ 1199 г. Ярославъ опять не ужился въ Новгородѣ и уѣхалъ. Суздальская партія пошла такъ далеко, что просила у Всеволода сына его и признавала суздальскаго князя какъ-бы наслѣдственнымъ владѣтелемъ Новгорода. На челѣ этой партіи была фамилія Мирошки (Ми-

рошкина чадь). Явились новгородскіе послы ко Всеволоду и говорили: «Ты, господинъ, великій князь, Всеволодъ Юрьевичъ! Просимъ у тебя сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новгородъ» [1]. Быть-можетъ это извѣстіе, записанное въ Суздальской Лѣтописи, не вполнѣ справедливо; — едва-ли точно такъ отзывались Новгородцы: потому-что этимъ уничтожалось бы прежнее недавнее постановленіе новгородскаго вѣча, признававшее, какъ выше сказано, всѣхъ князей равными по отношенію Новгорода и оставлявшее за народомъ право избирать князя по желанію — безусловно. Вѣроятно Суздальская Лѣтопись, — какъ это часто случается въ ней, въ описаніи споровъ съ Новгородомъ, — изъ мѣстнаго патріотизма освѣщаетъ фактъ свѣтомъ, исключительно благопріятнымъ для своей земли. Всеволодъ далъ имъ сына, Святослава. Въ 1205 г. [2] Всеволодъ перемѣнилъ князя и далъ Новгородцамъ другаго сына, старшаго, по имени Константина. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда Всеволодъ отправлялъ въ Новгородъ Константина, то, вручая ему крестъ и мечъ, какъ знаки его посвященія въ принимаемое званіе, говорилъ: «Сыну мой Константине! на тебѣ Богъ положилъ старѣйшинство въ братьи своей, а Новгородъ-Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской Земли». Великій князь ставилъ въ соотношеніе старѣйшинство князей между собою со старѣйшинствомъ городовъ, и казалось хотѣлъ, по старымъ примѣрамъ, утвердить и узаконить обычай, чтобъ старѣйшій сынъ великаго князя былъ княземъ въ Новѣгородѣ. Въ то же время онъ льстилъ Новгородцамъ, называя ихъ городъ старѣйшимъ въ Русской Землѣ. Требуя для себя, какъ для великаго князя, права назначенія сыновей князьями въ Новгородъ, онъ признавалъ

[1] Лавр. Сп., 175. [2] Новг. Л. I. 29.

его самоуправленіе и самосудность. Когда Новгородцы (1208—1209 г.) помогли ему въ Рязанской Землѣ, онъ сказалъ отъ имени своего великокняжескаго достоинства ко всему Великому Новгороду: «Кто вамъ добръ, того любите, а злыхъ казните.» Онъ подтвердилъ ему всѣ уставы прежнихъ князей; онъ казался хранителемъ свободы и правъ вольной земли; и тутъ-то Новгородъ опутался въ его политику. Вслѣдъ за тѣмъ вывелъ онъ старѣйшаго сына своего изъ Новгорода и далъ Новгородцамъ другаго—Святослава, бывшаго уже разъ въ Новѣгородѣ. Такимъ-образомъ этотъ князь прибылъ въ Новгородъ уже не по сочетанію понятій о старѣйшинствѣ Новгорода со старѣйшинствомъ назначаемаго туда князя, какъ прибылъ Константинъ, а по произволу великаго князя. Всеволодъ самъ нарушалъ то, что́ недавно выставлялъ какъ законное основаніе; онъ постепенно велъ къ тому, чтобъ назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему угодно и такимъ-образомъ подчинить своей власти вольный край. Новгородъ тогда сильно волновался; партіи захватывали одна у другой власть и спѣшили пользоваться короткимъ временемъ господства, чтобы пріобрѣсть выгоды на счетъ другихъ; но въ свою очередь скоро теряли все пріобрѣтенное, уступая силѣ противниковъ. Самая фамилія Мирошкина, поддерживавшая суздальскую сторону, пала, несмотря на то, что въ Новгородѣ княжилъ сынъ великаго князя. Отозвались посаднику Дмитру налоги, которыми онъ обременялъ народъ для поживы своей семьи; разграбили и сожгли дворы богачей, державшихся суздальской партіи. За эту народную расправу Всеволодъ приказывалъ, въ своей волости, задерживать новгородскихъ купцовъ и конфисковать ихъ товары.

Вдругъ, на слѣдующій 1210 г., является Новугороду защитникъ. То былъ Мстиславъ, торопецкій князь, по прозвищу Удалый, сынъ Мстислава, по прозвищу Хра-

браго, погребеннаго у св. Софіи въ Новѣгородѣ. Не видно, чтобъ его звали: онъ самъ добровольно явился на выручку Великаго-Новгорода. Зимою нежданно напалъ онъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и торжковскаго посадника, сторонника суздальской партіи и заковалъ ихъ. Послѣ того, онъ послалъ въ Новгородъ такое привѣтствіе:

«Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насилье отъ князей, и жаль мнѣ своей отчины!»

Тогда для Новгорода настало время такого одушевленія, какое, проникая массу народа, заставляетъ умолкать духъ партій, мелкія распри, корыстныя побужденія,—соединяетъ умы и чувства, опредѣляетъ стремленія и подвигаетъ къ общему дѣлу. Князя Святослава, сына Всеволодова и его дворянъ взяли подъ стражу на владычнемъ дворѣ и послали ко Мстиславу съ честною рѣчью: «Поиди, княже, на столъ».

Мстиславъ явился, и съ честью посаженъ на столѣ. Собралось ополченіе Новгородской Земли и онъ повелъ его на Всеволода. Новгородцы дошли до Плоской. Тутъ явились послы Всеволода. «Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ, —говорили они отъ лица своего князя: — отпусти моего сына Святослава и мужей его, а я отпускаю новгородскихъ гостей.» Мстиславъ не былъ изъ числа забіякъ, жадныхъ къ дракамъ. Онъ радовался, когда безъ боя дѣлалось то, за что̀ онъ готовъ былъ воевать. Съ обѣихъ сторонъ поцѣловали крестъ, Мстиславъ съ новгородскимъ ополченіемъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши крови.

Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимирѣ Мономахѣ. Никогда отношенія народа ко князю не являются

въ такихъ согласныхъ чертахъ. Мстиславъ безкорыстно ратовалъ за новгородскіе интересы; Новгородцы помогали Мстиславу въ его родовыхъ дѣлахъ. Мстиславъ ходилъ съ Новгородцами на Чудь, по слѣдамъ отцовскимъ, и подчинилъ этотъ народъ Новгороду вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ отдалъ двѣ части ея Новгородцамъ, третью — своимъ дворянамъ, а себѣ не взялъ ничего. Въ 1214 г. Мстислава призывали рѣшить запутанное дѣло въ Южной Руси. Внуки Ростислава Мстиславича были изгнаны Ольговичами и просили помощи. Мстиславъ на вѣчѣ сталъ просить Новгородъ помочь его родственникамъ противъ главы Ольговичей — Всеволода Чермнаго.

Новгородцы въ одинъ голосъ закричали:

«Куда ты, княже, глянешь очами, туда мы обратимся съ своими головами!»

Новгородское ополченіе двинулось ко Смоленску; тамъ соединились съ нимъ Смольняне, которые также шли защищать дѣло князей дома, у нихъ правившаго. На дорогѣ Новгородцы со Смольнянами не поладили; одного Смольнянина въ ссорѣ убили; потомъ взаимная вражда до того разгорѣлась, что Новгородцы рѣшили не идти далѣе и воротиться домой. Мстиславъ убѣждалъ ихъ разсудить и уладить споръ: Новгородцы не хотѣли ничего слушать. Тогда Мстиславъ поклонился ихъ полевому вѣчу и попрощался съ ними дружелюбно. Новгородцы опомнились. Вѣче собралось опять и посадникъ Твердиславъ говорилъ: «Братья! какъ наши дѣды и отцы страдали за Русскую Землю, такъ, братія, и мы пойдемъ за своимъ княземъ.» Всѣ опять пошли за Мстиславомъ. Новгородцы со Смольнянами выгнали изъ Кіева Всеволода Чермнаго и посадили тамъ внука Ростиславова—Мстислава Романовича, двоюроднаго брата Мстислава-Удалаго; потомъ осадили Черниговъ, по-

слѣ двѣнадцатидневной стоянки подъ городомъ принудили Всеволода къ миру, и взяли съ него дары, какъ съ побѣжденнаго. Тогда Новгородъ сталъ на важную ступень политическаго значенія въ русской федераціи: онъ рѣшалъ судьбу чужихъ отдаленныхъ областей, устанавливалъ рядъ въ Русской Землѣ.

Мстиславова натура была не склонна къ постоянному пребыванію въ одномъ мѣстѣ. Было у него слишкомъ много охоты къ трудамъ, опасностямъ и подвигамъ. Къ тому же не по душѣ было Мстиславу и то, что въ Новгородѣ не упала партія, расположенная ко Всеволоду и къ союзу съ Суздальскою Землею; въ связи съ нею было дѣло духовное: Мстиславъ и его партія низложили и послали въ Торопецъ архіепископа Митрофана — креатуру Всеволода. На мѣсто его возвели Добрыню Ядрейковича, подъ именемъ Антонія. Но у Митрофана оставались приверженцы: Они были врагами Мстислава-Удалаго. Они могли прикрывать свою враждебность къ нему защитой церковной правды. По извѣстіямъ, записаннымъ Татищевымъ изъ неизданныхъ лѣтописныхъ списковъ, простой народъ любилъ Мстислава; но знатныя фамиліи начали составлять тайныя скопища и намѣревались изгнать князя. Быть-можетъ эти обстоятельства также побуждали Мстислава оставить тогда Новгородъ. Въ 1215 г. онъ явился на вѣче, поклонился вольному Великому-Новгороду и сказалъ: «У меня есть дѣла на Руси (суть ми орудія въ Руси), а вы вольны въ князьяхъ.» Онъ уѣхалъ.

И едва только уѣхалъ онъ, какъ суздальская партія, послѣ многихъ преній на вѣчѣ, опять захватила господство. Замѣтно, что при этомъ играли большую роль торговые интересы. Новгородъ вошелъ уже въ широкую торговую дѣятельность съ Западомъ; черезъ руки его проходили западные товары въ русскіе края. Кіевская Русь,

изнуренная междоусобіями и иноплеменными нашествіями годъ-отъ-году упадала; напротивъ, Сѣверо-Восточная населялась, процвѣтала обиліемъ и зажиточностію. Новгородскіе торговцы находили туда удобный сбытъ товаровъ. Съ другой стороны, Новгородскій-край постоянно нуждался въ подвозѣ хлѣба. Этотъ подвозъ былъ скуднѣе изъ Южной Руси; тамъ земледѣліе упало отъ безпрестанныхъ раззореній края, и необходимый Новгороду хлѣбъ сталъ доставляться изъ Восточной Руси. Сообщеніе съ Восточною, Русью было и ближе, и легче: для него служила хорошимъ путемъ Волга съ своими притоками. Эти матеріальныя выгоды преодолѣвали и древнее народное нерасположеніе къ суздальскому народу и древнюю родственную связь съ Южной Русью, связь неизбѣжно ослабѣвшую отъ водворенія въ Южной Руси разныхъ иноплеменниковъ, какъ это случилось въ этой странѣ разомъ съ ея политическимъ и общественнымъ упадкомъ. По отходѣ Мстислава, въ тотъ же 1215 г., рѣшено просить княземъ въ Новгородъ сына Всеволодова, Ярослава. Звать его послали посадника, тысячскаго и десять старѣйшихъ купцовъ. Участіе купцовъ въ посольствѣ показываетъ, что торговые интересы руководили этимъ выборомъ. Ярославъ пріѣхалъ; его встрѣчали съ торжествомъ; самъ архіепископъ, сторонникъ Мстислава, долженъ былъ поневолѣ выходить къ нему на эту почетную встрѣчу.

Тотчасъ же волненія вспыхнули снова. Ярославъ захватилъ своихъ недоброжелателей (Якуна Зуболомица и Ѳому Доброщаница, новоторжскаго посадника), и въ оковахъ отправилъ въ Тверь; потомъ, по наущенію князя, вѣче, гдѣ брала верхъ его партія, разграбило тысячскаго Якуна; князь арестовалъ его сына. Противная партія въ отместку преслѣдовала его сторонниковъ; дошло дѣло до убійства: Прусы (жители Прусской улицы) убили Овстрата и сына его

Луготу, приверженцевъ Ярослава [1]). Ярославъ огорчился этимъ и уѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ. Онъ взялъ съ собой бояръ и, одаривъ ихъ, отпустилъ снова въ Новгородъ, вѣроятно, чтобъ имѣть тамъ сторонниковъ. Въ Новгородѣ на Городищѣ оставленъ имъ намѣстникомъ Хотъ Григоровичъ. Самъ князь Ярославъ утвердился въ Торжкѣ, и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ, средоточіемъ власти надъ всею Новгородскою Землею, изъ Торжка сдѣлать Новгородъ. Изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ мѣстъ замѣтно, что Торжокъ еще прежде, возвышаясь, сталъ уже соперничать съ Великимъ-Новгородомъ. Эта новгородская колонія возникла съ торговыми цѣлями, какъ показываетъ ея названіе—Новый-Торгъ. Счастливое положеніе сдѣлало его посредствующимъ мѣстомъ торговаго обращенія Новгорода съ Восточной Русью. По мѣрѣ того, какъ новгородская торговля находила себѣ пути на юго-востокъ, Торжокъ богатѣлъ. Многіе изъ новгородскихъ торговцевъ, побуждаемые выгодами, переселились туда; мало-по-малу образовались тамъ самобытные интересы, отличные отъ новгородскихъ; и потому, по мѣрѣ того, какъ Торжокъ возвышался, зависимость отъ Новгорода становилась ему затруднительною. Она на него навлекала и внѣшнія опасности. Торжокъ стоялъ на границѣ Новгородской Земли и долженъ былъ испытывать всякаго рода мщеніе, приготовленное извнѣ Великому-Новгороду. За природными средствами обороны до Новгорода самого добраться было трудно, до Новаго-Торга легко, и Новый-Торгъ расплачивался за Новгородъ. Такъ Всеволодъ въ 1181 г., враждуя съ Новгородомъ взялъ Новый-Торгъ и разорилъ. Князья новгородскіе, будучи креатурами суздальскихъ князей, не поладивъ съ Новгородомъ, пользовались положеніемъ Новаго-Торга,

[1]) Новг. Л. I, 33.

уходили туда и тамъ находили себѣ упоръ, чтобъ оттуда вредить Новгороду. Такъ Ярославъ Володимировичъ поступилъ въ 1196 году. Такъ и теперь поступалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Выгоды быть съ Суздальскою Землею въ мирѣ и невыгоды, неизбѣжныя при ссорѣ съ нею, располагали Новоторжцевъ принимать сторону князя, неполадившаго съ Новгородомъ, коль-скоро этотъ князь находился подъ покровительствомъ князей Суздальской Земли. Черезъ Торжокъ лежала большая торговая дорога. Князь, утвердившись въ Торжкѣ, овладѣвалъ ею и пресѣкалъ торговое сообщеніе съ Новгородомъ. Самъ Торжокъ, какъ и всѣ пригороды, находясь подъ властію Великаго-Новгорода составлялъ по себѣ средоточіе области, которая тянула непосредственно къ нему, — и такимъ-образомъ князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, дѣлался владѣтелемъ всей Новоторжской области, а господствуя надъ нею, отнималъ у Новгорода значительную часть его владѣній. Кромѣ-того, въ такихъ обстоятельствахъ, князь имѣлъ еще и ту выгоду, что Новоторжская область граничила съ краемъ, которымъ правили суздальскіе князья. Князь, сидя въ Новомъ-Торгѣ, могъ свободно получать свѣжія военныя силы для непріязненныхъ дѣйствій противъ Новгорода. Какъ въ Суздальской Землѣ, Владиміръ — пригородъ, взялъ перевѣсъ надъ старѣйшими городами — Суздалемъ и Ростовомъ; такъ Ярославъ хотѣлъ теперь такую же роль дать новгородскому пригороду, Торжку, въ Новгородской Землѣ. Обстоятельства, казалось, помогали ему. Морозъ побилъ хлѣбъ; сдѣлалась дороговизна: Ярославъ не пускалъ черезъ Торжокъ ни одного воза съ хлѣбомъ; начался голодъ. Его размѣры стали особенно ужасны въ сѣверо-западной странѣ Новгородской Земли (въ Води). Новгородцы посылали звать князя; князь не приходилъ и не отпустилъ посланниковъ. Новгородцы послали къ нему еще разъ, съ

послѣднею рѣчью: «Иди въ свою отчину ко св. Софіи, а не пойдешь, такъ скажи». Ярославъ не приходилъ въ Новгородъ и не отвѣчалъ ничего Новгороду, и опять, какъ прежде, не отпустилъ посланныхъ, да вдобавокъ приказалъ задерживать новгородскихъ гостей и оставлять ихъ въ Торжкѣ. И были, — говоритъ лѣтописецъ, — тогда въ Новгородѣ печаль и вопль.

VI.

ПОДВИГИ МСТИСЛАВА-УДАЛАГО.

Оставалась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. Неизвѣстно, гдѣ застали его. 11-го февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ, и тотчасъ заковалъ намѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ, на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: «Либо возвращу новгородскихъ мужей и Новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ»! — «На жизнь и на смерть съ тобою!» отвѣчали Новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. Ярославъ уже слышалъ о томъ, что Мстиславъ идетъ выручать Новгородъ и послалъ сто человѣкъ природныхъ Новгородцевъ, своихъ сторонниковъ, — не допускать Мстислава до Новгорода. Прибытіе посла отъ Мстислава показало Ярославу, что замыселъ его не удался. — «Сыну! — говорилъ этотъ посолъ отъ имени своего князя: — отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь». Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ Новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы недопустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торж-

комъ Новгородцевъ, которыхъ подозрѣвалъ въ нерасположенности къ себѣ; приказалъ своей дружинѣ перековать ихъ, и отправилъ по разнымъ городамъ. Ихъ имущества и лошади были розданы Ярославовымъ дворянамъ. Число такихъ узниковъ лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ. Число это, вѣроятно, преувеличено, какъ вообще числа въ нашихъ лѣтописяхъ являются въ преувеличенномъ видѣ.

Пришла вѣсть объ этомъ въ Новгородъ. Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился посреди Новгородцевъ и сказалъ:

«Пойдемте, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волость вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!»

Мстиславъ былъ не одинъ съ Новгородцами. По его призыву, стали на помощь Великому-Новгороду Псковичи съ княземъ Владимиромъ, братомъ Мстислава; двинулись и Смольняне съ княземъ Володимиромъ Рюриковичемъ. На счастье Новгороду, въ самой Суздальской Землѣ происходилъ тогда раздоръ между дѣтьми умершаго Всеволода—Константиномъ и Юріемъ; послѣдній былъ меньшимъ братомъ; вопреки обычаю старѣйшинства, по волѣ отца, онъ сѣлъ во Владимирѣ старѣйшимъ княземъ надъ всею Суздальскою Землею. Мстиславъ объявилъ, что идетъ не только искать управы съ Ярославомъ, но и установлять рядъ въ Суздальской Землѣ, какъ недавно, по волѣ своей и Великаго-Новгорода, установилъ рядъ въ Южной Руси.

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1-го марта 1216 г. и черезъ два дня нѣсколько знатныхъ особъ убѣжало къ Ярославу. Эти люди присягали недавно Мстиславу, и потому лѣтописецъ называетъ ихъ крестопреступниками; они постарались забрать съ собою и свои семьи, которымъ безъ того могло быть худо отъ народнаго негодо-

ванія. Новгородцы взяли Зубцовъ и стали на Волгѣ. Тутъ къ нимъ присоединились Смольняне. Мстиславъ послалъ отъ себя, отъ союзныхъ князей и отъ всего Великаго-Новагорода предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: «Не хочу мира! идите, когда пришли.» Между-тѣмъ его люди работали засѣки по рѣкѣ Тверцѣ.

Новгородцы, услышавъ гордый отвѣтъ, кричали: —«Къ Торжку! къ Торжку!».

«Нѣтъ,—отвѣчалъ имъ Мстиславъ:—коли пойдемъ на Торжокъ, то опустошимъ Новгородскую волость; пойдемте лучше на Тверь, въ зажитье».

Ополченіе двинулось къ Твери; стали жечь и грабить. Это заставило Ярослава выйти изъ Торжка къ Твери. Новгородцы, преданные ему, въ числѣ сотни человѣкъ, отправлены были въ переднюю сторожу. Мстиславъ провѣдалъ объ этомъ и послалъ противъ нихъ своихъ Новгородцевъ подъ начальствомъ Яруна. Мстиславовы Новгородцы разсѣяли Ярославовыхъ.

Послѣ того, Мстиславъ отправилъ смоленскаго боярина Явольда со Смольнянами и Псковичами къ Константину ростовскому и приказалъ опустошать край по Волгѣ, а самъ съ Новгородцами шелъ на саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шесну и Дубну; Псковичи и Смольняне взяли городокъ Коснятинъ; все Поволжье страдало отъ огня. Константинъ ростовскій послалъ къ союзникамъ бояръ и отрядъ ратниковъ. «Князь Константинъ кланяется вамъ и радуется вашему приходу; вотъ вамъ въ помощь пять сотъ мужей ратныхъ; а ко мнѣ пришлите моего шурина Всеволода,»—говорили посланные отъ своего князя. Новгородцы отправили къ нему его шурина Всеволода и продолжали идти по Волгѣ. Но скоро ледъ сталъ таять; они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю; разнесся слухъ, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля у

Городища, на рѣкѣ Сарѣ, пришли къ нимъ Ростовцы съ княземъ Константиномъ. Союзники отрядили Псковичей къ Ростову, а сами всѣмъ ополченіемъ подошли къ Переяславлю. Ярослава тамъ не было. Взятый въ плѣнъ подъ городомъ человѣкъ сказалъ, что Ярославъ ушелъ къ брату Юрію во Владиміръ, и тамъ готовится большое ополченіе.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вступленіе новгородскаго ополченія въ Суздальскую Землю всѣхъ растевелило, все на дыбы поставило. Вся сила Суздальской Земли вооружалась; изъ селъ погнали земледѣльцевъ; кто конный, кто пѣшій, кто съ оружіемъ, кто съ простой дубиной — шли оборонять свой край. Пристали къ нимъ Муромцы и Городчане; были между ними бродники, — сбродныя шайки степей Восточной Руси, первообразъ казаковъ; многочисленное ополченіе стало на рѣкѣ Гзѣ. «Сыны на отцовъ, отцы на дѣтей, братья на братьевъ, рабы на господъ поднялись!» — говоритъ лѣтописецъ. Этими словами онъ намекаетъ на то, что въ ополченіи суздальскомъ были Новоторжцы и даже Новгородцы, а съ ополченіемъ Новгорода и его союзниковъ Ростовцы выступали подъ стягомъ князя Константина [1]).

Мстиславъ съ Новгородцами и Володиміръ со Псковичами стояли близъ Юрьева, а Константинъ съ Ростовцами на рѣкѣ Липицѣ, когда завидѣли они полки суздальскіе, стоявшіе на берегахъ рѣки Гзы. Мстиславъ послалъ къ Юрію новгородскаго сотскаго, Ларіона.

«Кланяемся тебѣ — говорилъ онъ отъ лица Мстислава и Великаго-Новгорода: — съ тобой нѣтъ намъ обиды. Обидѣлъ насъ Ярославъ.»

— «Мы одинъ братъ съ Ярославомъ», — отвѣчалъ Юрій.

Посолъ обратился къ Ярославу.

«Отпусти нашихъ новгородскихъ мужей и Новоторж-

[1]) Новг. Л. I. 34.

цевъ; отдай назадъ Новгородскія волости, что̀ ты занялъ— Волокъ; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, и не станемъ проливать крови.»

— «Не хочу мира,—отвѣчалъ Ярославъ: —у меня есть мужи! далеко вы зашли, а вышли—какъ рыбы—на сухо!»

Этотъ гордый тонъ показывалъ, что Ярославъ считалъ заранѣе дѣло Новгородцевъ проиграннымъ въ срединѣ Суздальской Земли: Ярославъ надѣялся на ожесточеніе народа и готовность къ отпору.

Мстиславъ послалъ еще разъ посольство къ Юрію.

«Князь Юрій! (была теперь такова посольская рѣчь) Мы пришли не кровь проливать, а управиться между собою. Мы единое племя; дай старѣйшинство брату своему Константину и посади его во Владимирѣ, а вамъ вся Суздальская Земля.»

— «Отвѣчай братьямъ моимъ, Мстиславу и Владимиру— сказалъ Юрій: — если отецъ нашъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то какъ же вы хотите управить? Дѣлайте то, зачѣмъ пришли; а брату Константину такъ скажите: когда насъ одолѣешь, тогда вся земля тебѣ!»

Князья суздальскіе учредили пиръ и вмѣстѣ совѣтъ. Нѣкоторые изъ старыхъ бояръ смущались тѣмъ, что противники требуютъ дѣйствительно того, что̀, по понятіямъ освященнымъ старыми обычаями, считалось справедливымъ. Они говорили своимъ князьямъ:

«Лучше бы вамъ, господа, сотворить миръ съ братіею и положить старѣйшинство на Константинѣ, а не уповать на силу; у васъ много полковъ... а если правда будетъ за ними?»

Другіе, младоумные,—какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, —были не такого мнѣнія; между ними отличался одинъ, по имени Андрей Станиславовичъ; онъ говорилъ:

— «Не бывало никогда того, ни при нашихъ прадѣдахъ, ни

при дѣдахъ, ни при отцахъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ въ Суздальскую Землю со ратью и вышелъ изъ нея цѣлъ!»

Послѣднiй совѣтъ понравился больше. Въ войскѣ Юрiя развѣвалось семнадцать, у Ярослава—тринадцать стяговъ; у перваго гремѣло сорокъ трубъ и сорокъ бубенъ; у другаго шестьдесятъ тѣхъ и другихъ: это придавало и охоты и надежды; Суздальцы показывали негодованiе и жажду мести.

— «Сѣдлами закидаемъ Новгородцевъ!» — кричали они.

Князья говорили имъ такую ободрительную рѣчь:

«Вотъ примемъ товаръ въ руки. Вамъ будутъ и брони, и кони, и платья, а человѣка живаго кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ! Всѣхъ бейте—никому пощады не давайте! Хоть и золотое оплечье на комъ увидишь,—убей; не оставимъ живаго никого! А кто изъ полку убѣжитъ, и того, кого мы поймаемъ, вѣшать или распинать!»

Они послали въ станъ противниковъ, вызывали на бой и указывали для этого мѣсто у Липицъ. Война эта имѣла видъ судебнаго поединка, гдѣ спорныя стороны повѣряли рѣшенiе своего дѣла суду Божiю; сходились на бой на опредѣленное заранѣе мѣсто и въ уставленное время, а до боя не боялись ни засады, ни нападенiя. Союзники получили вызовъ вечеромъ и дали знать тотчасъ Константину и Ростовцамъ. Союзники опасались, какъ кажется, чтобы Константинъ не покинулъ некстати общаго дѣла; съ обѣихъ сторонъ еще разъ утвердили союзъ крестнымъ цѣлованiемъ.

Пошли къ Липицѣ уже ночью. Суздальскiе полки также потянулись въ походъ. Всю ночь непрiязненныя войска шли такъ близко другъ отъ друга, что Суздальцы могли слышать, какъ ихъ противники играли на трубахъ, били въ бубны и кричали. На Суздальцевъ,—если вѣрить лѣтописи,—напалъ переполохъ, когда вмѣстѣ съ трубною игрою раз-

дался дружный крикъ ихъ непріятелей. Князья хотѣли было бѣжать и за малымъ остановились.

Новгородцы и союзники дошли до Липицы. Стало разсвѣтать. Враговъ, сдѣлавшихъ вызовъ, тамъ не было; а имъ бы первымъ, какъ вызвавшимъ, слѣдовало стать на мѣстѣ боя. Вмѣсто того, чтобъ остановиться на полѣ, которое сами выбрали и указали противникамъ, Суздальцы перешли лѣсъ, и стали по другой его сторонѣ. Новгородцы и ихъ союзники должны были въ свою очередь пройти черезъ лѣсъ, и очутились на горѣ, называемой Юрьевой; внизу, въ крутомъ оврагѣ, среди зарослей протекалъ ручей, по имени Тунегъ, а на другой сторонѣ оврага была гора, называемая Авдова: тамъ стояло суздальское ополченіе. Внизу Суздальцы успѣли уже набить кольевъ и заплести плетень.

Враждебныя полчища созерцали другъ друга при утреннемъ весеннемъ солнцѣ. Битва не начиналась. Въ обоихъ войскахъ играли на трубахъ: заохочивали ратниковъ къ предстоявшей борьбѣ. Мстиславъ сохранялъ видъ, что вышелъ на брань только по крайней необходимости; что упрямство суздальскихъ князей всему виною, а не драчливость его; еще третій разъ отправилъ онъ къ соперникамъ посольство; и говорило оно такія рѣчи:

«Дайте миръ; а не дадите мира, то сойдите отсюда,—мѣсто здѣсь не для битвы: вы сами звали на Липицы; тамъ ровное поле; зачѣмъ же сами стали не тамъ? Либо вы отступите подалѣе — на ровное мѣсто, и мы къ вамъ перейдемъ; либо мы отступимъ на Липицы, а вы къ намъ придите!»

Юрій съ гордостью отвѣчалъ:—«Мира не принимаю; вы прошли черезъ нашу землю,—такъ развѣ не перейдете черезъ эту заросль? Ступайте, ступайте черезъ болота и че-

резъ дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ, и въ грязяхъ валяться!»

Послѣ такого отвѣта, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ—удалую молодежь, и пустилъ открывать битву. Молодцы спустились въ оврагъ; съ противоположной горы также соскочили въ оврагъ суздальскіе молодцы; началась схватка. Бились очень усердно, — говоритъ современникъ, — къ тому же тогда сдѣлалось очень холодно. Такъ день прошелъ. Войско Мстислава досадовало, что враги уклоняются отъ боя.

«Пойдемте,—стали говорить тогда въ станѣ:—пойдемте къ Владиміру: враги услышатъ, такъ поневолѣ пойдутъ на бой!

Такъ и рѣшили. Рано утромъ, на другой день, войска стали сниматься. Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ станѣ суету, и закричали: «Они бѣгутъ! бѣгутъ!» Толпы Суздальцевъ стали сходить съ горы, думая ударить Новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ.

Тутъ ростовскій князь сказалъ Мстиславу:

— «Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ въ тылъ возьмутъ; а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города!»

Въ-самомъ-дѣлѣ, тогда только-что прибылъ изъ Ростова Владиміръ псковскій и извѣщалъ, что Ростовцы, какъ увидѣли, что ихъ городъ оставленъ безъ ратныхъ людей, то стали безпокоиться, чтобъ непріятели не напали на нихъ и не сожгли города. Ростовцы въ отрядѣ князя Константина роптали. Отдаляться отъ Ростова, не одержавши побѣды, казалось опасно. Тогда Мстиславъ, выѣхавъ съ князьями передъ войско, громко кричалъ:

«Братья! гора намъ не можетъ помочь; гора и не побѣдитъ насъ. Воззрите на силу честнаго креста и на правду! пойдемте къ нимъ!»

Одушевленные его словами, союзные князья поскакали

по своимъ полкамъ, и устанавливали ратныхъ въ боевой порядокъ. Суздальцы увидѣли, что противники ихъ остановились, и сами стали устанавливаться.

Сталъ Володимиръ смоленскій со Смольнянами съ края, въ срединѣ Новгородцы съ Мстиславомъ и Псковичи съ своимъ княземъ, а на другомъ краѣ Ростовцы съ Константиномъ. У него были славные витязи: Александръ Поповичъ со слугою своимъ Торопомъ, Добрыня Резаничь по прозванію Золотой Поясъ, да Нефедій Дикунъ. Напротивъ Псковичей, на другой горѣ, стоялъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были и бѣжавшіе Новгородцы и Новоторжцы; съ ними стояли Муромцы, бродники и Городчане; противъ Новгородцевъ въ срединѣ стояла вся Суздальская Земля, съ княземъ владимірскимъ, а противъ Константина и Ростовцевъ—его меньшая братія.

Мстиславъ, проѣхавъ передъ рядами Новгородцевъ и Псковичей, говорилъ:

«Братья! мы вошли въ землю сильную; воззримъ же на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдемъ; забудемъ, братія, и женъ, и дѣтей, и домá свои; идите на бой—какъ кто хочетъ: кто на конѣ, кто пѣшій!»

На коняхъ трудно было сражаться, потому-что надобно было сходить въ оврагъ, а потомъ лѣзть на гору.

«Мы на коняхъ не поѣдемъ, — сказали Новгородцы:—мы на коняхъ не хотимъ умирать; мы пойдемъ пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ».

Въ порывѣ удальства, они сбросили съ себя и сапоги, и верхнее платье, и босые бросились съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали и Смольняне.

Съ противной горы первые сбѣжали пѣшкомъ Ярославовы люди. Смольняне прибавили шагу и опередили Новгородцевъ; за ними прибѣжали Новгородцы; предводитель ихъ, Иворъ Михайловичъ, поѣхалъ верхомъ, чтобы его ви-

Bayerische Staatsbibliothek München

дѣли ратные, но конь подъ нимъ споткнулся, Иворъ упалъ въ заросли. Новгородцы, въ пылу военной охоты, опередили его, сцѣпились съ непріятелемъ въ оврагѣ, начали вырывать у Суздальцевъ изъ рукъ дубины и топоры; потомъ подоспѣли къ нимъ Смольняне; но съ противной горы спустились еще свѣжія силы. Закипѣла схватка; Мстиславъ увидѣлъ, что молодцы зашли далеко; удалой князь закричалъ своимъ:

«Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!»

Тогда всѣ полки съ крикомъ дружно бросились внизъ, перескочили черезъ оврагъ, быстро вскочили на гору, единодушно ударили на суздальское ополченіе. Суздальцы попятились, побѣжали и Юрій, и Ярославъ, и муромскіе князья. Но то была хитрость. Они покинули свои коши, съ надеждою, что Новгородцы и ихъ союзники начнутъ грабить обозъ, и тутъ можно будетъ оборотиться и ударить на нихъ. Но Мстиславъ догадался въ чемъ дѣло.

«Братья! — закричалъ онъ: — не пристойте корысти, а пристойте бою! А не то — они обратятся на насъ и изомнутъ насъ».

Рать повиновалась. Бросились вслѣдъ за врагами. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, поражая ратниковъ топоромъ, который у него висѣлъ на рукѣ привязанный паворозкою. Вдругъ, неузнавъ удалаго князя, налетѣлъ на него Александръ Поповичъ ростовскій, силенъ и славенъ богатырь, и готовился онъ разсѣчь его мечомъ, но удалой князь закричалъ «Я князь Мстиславъ!»—«Князь, не дерзай—говоритъ ему богатырь: — а стой, да смотри! Когда ты — голова — убитъ будешь, куда дѣться другимъ!» Суздальцы увидѣли, что хитрости ихъ не удаются; Новгородцы не останавливались надъ кошами и преслѣдовали Суздальцевъ. Главное суздальское войско побѣжало; обратился по слѣдамъ его

Bayerische Staatsbibliothek München

и Ярославъ къ своимъ кошамъ и все пошло въ разсыпную. Тогда много пало ихъ подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ; много ихъ утонуло во время побѣга; пятьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ попалось. Лѣтописецъ [1]) насчитываетъ убитыхъ 9,233, а Новгородцевъ только 5 чел. Счеты баснословные, какъ въ бóльшей части чиселъ, приводимыхъ лѣтописцами. Въ Никоновской Лѣтописи поставлено число убитыхъ 17,200, а Новгородцевъ и ихъ союзниковъ — 550. Между Новгородцами погибъ тогда славный богатырь Іевъ Поповичъ со слугою своимъ Несторомъ; Мстиславъ оплакивалъ ихъ. Несомнѣнно, что Суздальцы были тогда разбиты нá-голову. Побѣда эта произошла 21-го апрѣля въ четвертокъ второй недѣли послѣ Пасхи.

Бѣглецы скрывались каждый въ своемъ городѣ: кто бѣжалъ въ Переяславль, кто въ Суздаль, кто въ Юрьевъ. Князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ, въ полдень. Въ городѣ оставались,—говоритъ лѣтописецъ,—одни попы, чернецы, женщины и дѣти, — все народъ невоинственный: какъ они увидѣли бѣгущихъ, то сначала обрадовались; думали, что это возвращаются побѣдители. Но какъ только вбѣжали Владимірцы въ свой городъ, тотчасъ закричали: «Твердите городъ!» И тогда вмѣсто веселья сдѣлался плачъ. Усилился этотъ плачъ ввечеру, когда сходились съ несчастнаго побоища раненые воины, и всю ночь потомъ сходились они въ городъ.

На другое утро князь собралъ вѣче:

«Братья Володимирцы,—говорилъ онъ имъ:—затворимся въ городѣ, станемъ отъ нихъ отбиваться!»—«Съ кѣмъ затворимся, княже Юріе?—возразили ему:—братья наша избита; дру-

[1]) Воскрес. Сп. П. С. Л. VII, стр. 123.

гіе въ плѣнъ взяты, да и тѣ, что̀ прибѣжали съ бою, безъ оружія; съ кѣмъ станемъ на бой?»

«Я все это знаю,—сказалъ Юрій:—прошу васъ только не выдавайте меня ни Константину, моему брату, ни Мстиславу; лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города.»

Володимирцы обѣщали. Союзники цѣлый день простояли на побоищѣ и уже на другой отправились ко Владиміру. Они подошли къ нему въ воскресенье 29-го апрѣля и объѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ. Новгородцы представляли, что наступаетъ удобный случай взять городъ; но Мстиславъ не пустилъ ихъ на приступъ. Во вторникъ ночью, часу въ десятомъ, опять сдѣлался пожаръ. Горѣло до разсвѣта. Смольняне просились идти на приступъ. Князь ихъ, Владиміръ, не дозволилъ. Лѣтописецъ не говоритъ, что̀ было причиною этихъ пожаровъ: были-ли это случайные пожары, или зажигательства внутри въ пользу осаждающихъ, или же пожаръ произошелъ отъ метанія огня черезъ стѣну. Послѣ этого послѣдняго пожара, князь Юрій прислалъ къ союзникамъ съ челобитьемъ:

«Потерпите сегодня,—завтра я выйду изъ города.»

Утромъ князь Юрій вышелъ съ сыновьями въ непріятельскій лагерь и, поклонившись Мстиславу и смоленскому князю, сказалъ:

«Кланяюсь, братія! а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!»

Мстиславъ съ товарищами разсудили такъ:

Князю Константину слѣдуетъ вступить во Владиміръ, а Юрію вѣдать Городецъ. Сейчасъ изготовили ладьи и посады, сѣли въ нихъ дружины княжескія и люди. Одна ладья ожидала Юрія съ его женой. Юрій въ послѣдній

разъ помолился въ церкви Богородицы и плакалъ у отческаго гроба.

— «Суди Богъ,—сказалъ онъ,—брату моему Ярославу; это онъ довелъ меня до сего!»

И онъ сѣлъ въ ладью съ княгинею. Отправился съ нимъ и владыка. И потянулась за князьями вереница судовъ съ изгнанниками на новоселье. Сборы ихъ, видно, были невелики.

Между-тѣмъ гонецъ бѣжалъ извѣщать Константина ростовскаго и звать его на столъ. Константина ожидала торжественная встрѣча: священническій чинъ со крестами;—бояре и люди должны были выказывать радость; Константинъ одарилъ ихъ щедро. По обряду посадили его на столѣ, и всѣ Владимирцы цѣловали крестъ новому князю.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища убѣжалъ въ Переяславль и въ первомъ порывѣ досады приказалъ перековать всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, какихъ можно было найти въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ и засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы. По извѣстію лѣтописца, полтораста человѣкъ задохлось: число, быть-можетъ, преувеличенное, какъ и число убитыхъ. 29-го апрѣля союзники пошли на него въ Переяславль. Вмѣстѣ съ ними отправился съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ, 3-го мая, вышелъ самъ изъ Переяславля и добровольно явился къ брату своему Константину.

— «Я въ твоей волѣ,—сказалъ онъ:—но не выдавай меня Мстиславу.»

Въ среду, на другой день, прибылъ Мстиславъ до того мѣста, куда впередъ дошелъ Константинъ. Онъ согласился примириться, но потребовалъ, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные Новгородцы, которые еще не успѣли задохнуться отъ духоты,

были выпущены на свободу и доставлены къ нему. Ярославъ долженъ былъ исполнить требованія побѣдителя. Мстиславъ не отпустилъ своей дочери къ мужу и, наказавъ его презрѣніемъ, уѣхалъ.

Эта побѣдоносная война утвердила за Новгородомъ то великое нравственное значеніе, которое уже прежде доставлено было ему Мстиславомъ. Прежде Новгородцы установили рядъ въ Южной Руси, рѣшали споры южныхъ князей и судьбу правленія ихъ областей; теперь они распоряжались судьбою Суздальскаго-края и принуждали признать приговоръ, изрѣченный ихъ выборнымъ княземъ надъ вопросомъ о правѣ на княженіе, претендовавшее быть главою русской удѣльной федераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта война показала, что Новгородцы умѣютъ заставить уважать неприкосновенность и цѣльность своей областной самостоятельности.

Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 году онъ снова и уже навсегда попрощался съ нимъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, удалой князь сказалъ вольнымъ дѣтямъ Великаго-Новагорода:

«Кланяюсь святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Дай Богъ лечь близъ отца моего у святыя Софіи!»

Онъ уѣхалъ въ Галичъ; и не привелъ его Богъ ни увидѣть Новгорода, ни костямъ его лечь подъ сводами св. Софіи.

VII.

НОВГОРОДЪ ПОСЛѢ МСТИСЛАВА-УДАЛАГО ДО ТАТАРЪ.

Сначала, послѣ Мстислава, Новгородцы призывали его двоюродныхъ племянниковъ, сыновей Мстислава Романовича — Святослава, потомъ Всеволода. Когда Всеволодъ имъ не полюбился, они сказали ему: «иди куда хочешь»; и въ 1222 году, опять обратились къ суздальскому князю Юрію и пригласили сына его, Всеволода, но не иначе, какъ во всемъ на всей волѣ новгородской. Всеволодъ съ ними не ужился и убѣжалъ прочь. Партія суздальская такъ усилилась, что подъ ея вліяніемъ Новгородъ призвалъ снова того самаго Ярослава, который отличился такими свирѣпствами надъ Новгородцами, противъ котораго ратовалъ Мстиславъ за новгородскую вольность: до такой степени матеріяльныя выгоды дружелюбнаго сношенія съ Суздальскою Землею преодолѣвали всякія антипатіи. Характеръ Новгородцевъ отличался живостію и измѣнчивостію; притомъ же и по степени тогдашней развитости нельзя смотрѣть на партіи какъ на что-нибудь твердое, прочное, основанное на зрѣлыхъ убѣжденіяхъ: минутныя побужденія брали верхъ надъ всякимъ разсчитаннымъ планомъ; тѣ же лица, которыя стояли во главѣ одной партіи, легко могли быть поколеблены обстоятельствами и перейти къ противной сторонѣ, а потомъ снова пристать къ прежней. Несо-

мнѣнно, однако, что время Мстислава не прошло даромъ и суздальскіе князья навсегда получили убѣжденіе, что новгородская вольность не можетъ и не должна быть нарушена. Въ 1223 году Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ и въ тотъ же годъ удалился въ Переяславль. На слѣдующій годъ Новгородцы пригласили опять Всеволода Юрьевича; но видно, порядокъ дѣлъ въ Новгородѣ былъ не подъ-стать привычкамъ, укоренившимся у князей въ Суздальской Землѣ. Всеволодъ убѣжалъ отъ Новгородцевъ въ слѣдующемъ же году. Новгородцы требовали его назадъ, а отецъ его, Юрій, занялъ Торжокъ. Готова была, повидимому, возобновиться прежняя исторія; но на этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія; Юрій требовалъ выдачи нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ считалъ виновниками бѣгства сына [1]). Новгородцы не только отказали, но собрали всю волость свою и начали дѣлать около города острогъ. А ко Всеволоду послали сказать: «Кланяемся тебѣ, княже, а братіи своей не выдаемъ, а ты крови не проливай; паки ли твой мечъ и наши головы!» Начали Новгородцы дѣлать укрѣпленія по пути, ставить сторожи, собирались умереть за св. Софію, и Юрій, видя, что съ Новгородомъ воевать не легко, уступилъ.

Новгородцы, въ 1225 году, пригласили къ себѣ княземъ Михаила черниговскаго, шурина Юрьева, съ согласія последняго. Михаилъ въ томъ же году и разстался съ Новгородомъ.—«Не хочу у васъ княжить, —сказалъ онъ:—иду къ себѣ въ Черниговъ, а вы пускайте гостей своихъ ко мнѣ: пусть земля моя будетъ такъ же какъ и ваша (*а яко земля ваша, тако земля моя*).» Новгородцы послали опять за

[1]) Рече посломъ: выдайте ми Якова Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка Иваца, Радка. Не выдадите ли? а я поилъ есмь конѣ Тверью, а еще Волховомъ напою. Новг. I, 41.

Ярославомъ. Въ 1228 году, по поводу распри со Псковомъ, возникли несогласія у Новгорода съ этимъ княземъ; но Ярославъ не могъ уже проявить своего неудовольствія ничѣмъ, кромѣ того, что ушелъ въ свой Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двоихъ сыновей. Молодые князья, по случаю (въ 1229 году) междоусобія и убійствъ въ городѣ, убѣжали, а Новгородцы позвали снова Михаила черниговскаго. И тотъ, прибывъ въ Новгородъ, цѣловалъ крестъ по всей волѣ новогородской. Въ залогъ взаимной пріязни князя съ Новгородомъ, Новгородцы обложили пенею приверженцевъ Ярослава въ городѣ и на Городищѣ. Они должны были платить на постройку большаго моста: — зато ихъ не грабили, какъ обыкновенно поступали со сторонниками изгнаннаго князя принявши новаго. Въ 1230 году Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ на-время, оставивъ въ Новгородѣ сына; но вслѣдъ за тѣмъ произошли междоусобія; сына Михаилова изгнали, и призвали снова Ярослава. Тогда былъ самый бурный и самый несчастный годъ для Новгорода: его волости были поражены страшнымъ голодомъ. Это-то кажется и было причиною, что опять обратились къ Суздальской Землѣ. Пришедши въ Новгородъ, князь цѣловалъ святую Богородицу на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, то есть на всей волѣ новгородской. На этотъ разъ князь Ярославъ пробылъ княземъ новгородскимъ до 1235 г., когда ушелъ въ Кіевъ, а Новгородцамъ оставилъ сына своего Александра, славнаго впослѣдствіи Невскаго героя, который и оставался княземъ новгородскимъ до самаго 1252 года, когда сдѣлался великимъ княземъ.

VIII.

НОВГОРОДЪ ВЪ ЭПОХУ ТАТАРСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА НАДЪ РУСЬЮ.—ЗАЩИТА СВОБОДЫ ПРОТИВЪ ПОКУШЕНІЙ ТВЕРИ И МОСКВЫ.

Со времени татарскаго опустошенія, Новгородъ прекращаетъ свою древнюю связь съ Южною Русью. Постепенно ослабленная междоусобіями и иноплеменными нашествіями, она окончательно была добита Татарами, выступила изъ русской федераціи, и начала идти инымъ путемъ по колеѣ исторической жизни. Новгородъ удержался членомъ федераціи, сплотившейся подъ верховнымъ владычествомъ Татаръ. По мѣрѣ болѣе тѣснаго сближенія, образовался обычай, перешедшій какъ-бы въ законъ, что новгородскимъ княземъ долженъ быть тотъ, кто называется великимъ.

Первый примѣръ этому былъ съ Александромъ Невскимъ. Когда Александръ въ 1252 году получилъ княжество Владимирское, то оставилъ въ Новгородѣ сына своего, Василія, уже не въ качествѣ особаго новгородскаго князя, а какъ своего намѣстника. Въ 1255 году Новогородцы прогнали Василія, а взяли брата Александрова— Ярослава; но Александръ поднялъ на нихъ рать не какъ старѣйшій князь за обиду подручника-князя, какъ бывало дѣлали прежде суздальскіе князья, а какъ лицо, созна-

вавшее собственно за собою достоинство новгородскаго правителя. Онъ потребовалъ сверженія тогдашняго посадника, лица ему противнаго, и въѣхалъ въ Новгородъ какъ князь новогородскій. Онъ ходилъ съ Новогородцами на Шведовъ и на Чудь, предводительствуя ихъ ополченіемъ, что̀ составляло обязанность мѣстнаго князя и опять уѣхалъ изъ города, оставивъ въ немъ сына, Василія, своимъ подручникомъ.

Въ 1257 г. Александръ прибылъ въ Новгородъ дѣлать перепись. Новогородцы воспротивились и увлекли къ сопротивленію князя Василія. Александръ разгнѣвался на сына, принудилъ его бѣжать, и казнилъ противниковъ своего велѣнія. Все это дѣлалъ онъ какъ князь новгородскій. Вообще Александръ, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, дозволялъ себѣ обращаться съ Новогородцами такъ деспотически, какъ бы не могъ дозволить того другой князь. Съ одной стороны, Александръ оказалъ слишкомъ много услугъ Новгороду, —онъ обезопасилъ его отъ покушеній западныхъ иноплеменниковъ: чрезъ это онъ внушалъ къ себѣ такое уваженіе, какимъ не могъ пользоваться иной князь на его мѣстѣ; съ другой, на сторонѣ его была ужасающая татарская сила, грозившая Новгороду опустошеніемъ и порабощеніемъ: въ случаѣ упорства, Александръ могъ позвать ее. Новгородъ не былъ покоренъ Татарами, какъ другія русскія земли. Батыево полчище только зацѣпило Новгородскую Землю во время своей опустошительной прогулки въ Руси въ 1238 г. Одному Торжку суждено было подвергнуться пожару и всеобщему истребленію жителей. Путь къ самому Новгороду не по силамъ былъ Татарамъ. Однако, состоявши въ связи съ покоренной Татарами Русью, Новгородъ не могъ совершенно избѣгнуть необходимости хотя немного хлебнуть изъ той горькой чаши, которую поднесла судьба русскому міру. Новгородъ долженъ былъ вой-

ти въ систему подчиненныхъ ханамъ русскихъ странъ и участвовать въ платежѣ выхода побѣдителямъ. Новгородъ не противился этому платежу: онъ не терялъ сознанія принадлежности своей къ русскому міру, и потому долженъ былъ отправлять повинность, которая касалась всѣхъ русскихъ земель вмѣстѣ. Притомъ Новгородъ не былъ столько силенъ, чтобы отважиться раздразнить противъ себя могущество завоевателей. Этотъ платежъ выхода привязывалъ его къ особѣ великаго князя, который былъ посредникомъ между ханомъ и князьями и русскимъ народомъ всѣхъ подчиненныхъ земель. Александръ, до конца жизни (въ 1262 году), не переставалъ имѣть непосредственное вліяніе на управленіе Новгорода, и когда самъ не былъ въ Новгородѣ, то оставлялъ тамъ подручникомъ другаго сына, Димитрія. Новгородцы, по его приказанію, ходили въ походы; онъ посылалъ имъ и другихъ подручныхъ князей на помощь съ войскомъ.

По смерти Александра, Новгородцы прогнали его сына, Димитрія, и нарекли себѣ княземъ Александрова брата, Ярослава; но онъ не переставалъ считаться новгородскимъ княземъ и тогда, когда въ свою очередь сталъ великимъ княземъ. Крѣпкая власть Александра не могла передаться преемственно другимъ князьямъ: она зависѣла отъ личности Александра. Заключая договоръ съ Ярославомъ, Новгородцы припомнили ему, что прежній князь дѣлалъ насилія Новгороду, но того впередъ не должно быть. Въ-самомъ-дѣлѣ обращеніе князя съ Новгородомъ и Новгорода съ княземъ въ это время носитъ признаки равенства. Ярославъ, говоря съ Новгородцами, выражался о князьяхъ такъ: «Братія мои и ваши». Въ 1269 году Новгородъ не поладилъ съ княземъ за то, что онъ употреблялъ во зло право охоты около города, держалъ много ястребовъ, соколовъ и собакъ, выводилъ изъ города иноземцевъ и дѣ-

лалъ поборы:—вѣче судило его и изгнало. Напрасно Ярославъ хотѣлъ примириться съ вѣчемъ и присылалъ сына своего Святослава.—«Простите мнѣ этотъ разъ—говорилъ онъ черезъ сына: — впередъ не буду такъ поступать; цѣлую крестъ на всей волѣ вашей.» Новгородцы закричали:—«Мы не хотимъ тебя! Ступай отъ насъ добромъ, а не то прогонимъ тебя, хоть тебѣ и не хочется идти отъ насъ [1])!» Изгнанникъ обратился къ Татарамъ, и одинъ измѣнникъ новгородскаго дѣла хлопоталъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ навесть на Новгородъ иноплеменную силу. Князь Василій Ярославичъ защитилъ тогда Новгородъ предъ ханомъ. Когда Ярославу не удалось овладѣть Новгородомъ съ помощью Татаръ, онъ прибылъ въ Русу, въ 1270 г., и началъ переговариваться съ Новгородцами: предложилъ миръ, уступалъ Новгороду во всемъ, представлялъ за себя порукою всѣхъ князей. Новгородцы не сдавались на его слова: Новгородъ начиналъ сознавать, что онъ можетъ оставаться безъ князя; одинъ изъ пословъ новгородскихъ, Лазарь Моисеевичъ, сказалъ Ярославу: «У насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда, и святая Софія; а тебя не хочемъ [2])». Вся Новгородская волость, Псковичи, Ладожане, Корелы, Ижора, Вожане, отъ мала до велика собрались оборонять права Великаго-Новгорода. Насилу примирилъ спорившїя стороны митрополитъ. «Мнѣ — говорилъ онъ—поручилъ Богъ архіепископство въ Русской Землѣ; вамъ слушать Бога и меня; не проливайте крови, а Ярославъ своей злобы отрекается. Всякой винѣ и всякому грѣху есть покаяніе и прощеніе. Ярославъ кается и проситъ прощенія и впередъ не будетъ такимъ, какъ былъ. Я ручаюсь за него; хоть вы и крестъ противъ него цѣловали,—я приму епитимію и отвѣчаю предъ

[1]) Н коновск. III. 50.
[2]) Новг. Л. I. 62.

Богомъ.» Тогда Новгородцы согласились на миръ и Ярославъ цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской. Такимъ-образомъ, оставаясь великимъ княземъ, онъ удерживалъ княжескую власть въ Новгородѣ; но такъ какъ онъ не жилъ тамъ постоянно, то имѣлъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ, и съ этихъ поръ началъ входить обычай, сдѣлавшійся впослѣдствіи какъ-бы постояннымъ закономъ, что отъ князя великаго, считавшагося дѣйствительнымъ новогородскимъ, живетъ на Городищѣ его намѣстникъ. Между-тѣмъ, тогда же вошло въ обычай, кромѣ великаго князя, имѣть въ Новгородѣ еще князей, которые приходили по условію, получали отъ Новогородцевъ въ кормленье волости и предводительствовали новогородскими войсками, но не были посажены на столѣ и не считались князьями въ томъ смыслѣ, какъ прежде. Уже при Ярославѣ является такой князь, Юрій Александровичъ; онъ жилъ въ Новгородѣ, воевалъ подъ новогородскимъ знаменемъ, а княземъ новогородскимъ считался Ярославъ. Порабощеніе татарское возвышало значеніе великаго князя, мало-по-малу сообщало ему значеніе государя всей Русской Земли, и низводило князей съ прежняго значенія по ихъ породѣ. Впослѣдствіи, такихъ прихожихъ случайныхъ князей помимо великаго князя являлось въ Новгородѣ по нѣскольку разомъ: они и приходили и уходили безъ значенія правителей, какъ частные люди.

Послѣ смерти Ярослава, въ 1272 году, возникъ споръ между Васильемъ Ярославичемъ костромскимъ и Дмитріемъ Александровичемъ переяславскимъ за великое княженіе, и Новгородъ подвергался борьбѣ партій, не зная кого принять, такъ-какъ нѣкогда во время борьбы Мономаховичей и Ольговичей; только теперь подобные споры улаживались скорѣе ханскими приговорами, и Новгородъ призналъ Василія, потому-что онъ сдѣланъ въ Ордѣ вели-

кимъ княземъ. Этотъ князь хотѣлъ во что бы то ни стало быть княземъ въ Новгородѣ; Новогородцы сначала сопротивлялись и послали Димитрія Александровича противъ него въ Торжокъ, который Василій захватилъ. Но когда потомъ сообразили, что сопротивляться трудно когда на сторонѣ Василія Татары, то отступились отъ Димитрія. «Отвсюду намъ горе—говорили тогда Новогородцы:—тутъ князь владимирскій великій, тутъ князь тверской, а тутъ ханскіе баскаки съ войскомъ татарскимъ. [1]) Новгородцы сами послали челобитье къ Василію, просить его въ Новгородъ. Онъ пріѣхалъ и былъ принятъ съ поклономъ и честію. Точно также и послѣ смерти его, въ 1276 году, въ эпоху распрей между братьями, сыновьями Александра, Димитріемъ и Андреемъ, Новгородъ склонялся на сторону того, кто дѣлался великимъ княземъ. Сначала признанъ былъ Димитрій; потомъ, когда Андрей навелъ Татаръ и началъ добывать себѣ княженіе варварскимъ раззореніемъ Суздальско-Ростовскаго-края и верхняго Поволжья, Новогородцы, видя что онъ беретъ верхъ, отступились отъ Димитрія, на котораго уже имѣли неудовольствіе, и признали Андрея. Но, въ 1283 году, Димитрій воспользовался междоусобіями въ Ордѣ, и нашелъ себѣ сильнаго союзника въ Ногаѣ, который распоряжался тогда ханами Золотой-Орды, и Новогородцы должны были снова признать Димитрія; а въ 1293 году, Андрей въ свою очередь склонилъ на свою сторону того же самаго Ногая,—и Новогородцы признали Андрея. Не видя у себя постояннаго князя, Новгородъ привыкъ къ управленію безъ князя и могъ безъ него обходиться, а признавалъ его уже какъ-бы по необходимости; такъ что князь для Новгорода пересталъ имѣть значеніе свободно-избраннаго правителя—необходимое вы-

[1]) Никон. Л. III, 57.

раженіе существеннаго учрежденія,—а сталъ уже какимъ-то внѣшнимъ бременемъ, тяготѣющимъ надъ Новгородскимъ-краемъ.

Въ Новгородѣ не ослаблялось чувство единства народнаго съ другими землями; голосъ Церкви напоминалъ Новгородцамъ о духовномъ братствѣ съ русскимъ міромъ, и кромѣ-того внѣдрялъ въ умы монархическія понятія, препятствовавшія Новгородцамъ совершенно отрѣшиться отъ идеи имѣть надъ собою одно верховное лицо; необходимость торговыхъ сношеній съ остальною Русью, которыя прекращались въ случаѣ вражды, страхъ за свои Двинскія волости, къ которымъ подбирались великіе князья, и наконецъ страхъ Татаръ, съ помощію которыхъ князья могли бы искать власти надъ отпавшимъ Новгородомъ,—всѣ эти обстоятельства разомъ не дозволяли Новгороду дать перевѣсъ своей областной самостоятельности предъ федеративною связью съ остальною Русью, и потому Новгородъ признавалъ сильнѣйшаго. Въ Новгородѣ была борьба двоевластія: съ одной стороны народоправленіе, выражавшееся формою вѣча, сознаніе государственной цѣльности Новгородской Земли; съ другой—великій князь; признавалась его власть; а между-тѣмъ принимались всевозможнѣйшія мѣры, чтобъ эту власть ограничить и допустить ей какъ можно меньше вмѣшательства въ дѣла республики. Свободное избраніе не руководило болѣе Новгородцами, какъ прежде: тотъ, кого утверждали Татары, становился по праву верховнымъ главою Новгорода. Выборъ между нѣсколькими лицами могъ имѣть мѣсто тогда только, когда неизвѣстно было, кого утвердятъ въ Ордѣ, или когда нельзя было сразу понять, кого утвердили; но какъ-скоро становилось ясно, что княземъ нареченъ такой-то, рѣчи о выборѣ не было—утвержденный признавался. Прежніе выборные князья выражали собою внутреннюю институцію Великаго-Новгорода, были выс-

шими сановниками въ управленіи края; теперь же великій князь сталъ какъ-бы чужеземнымъ государемъ, пріобрѣтавшимъ какое-то право на Новгородъ. Великій-Новгородъ былъ очевидно въ положеніи страны полузавоеванной, которая не утратила вовсе независимости, но достаточно испытала могущество завоевателей. Оно такъ и было. Остальная Русь была завоевана,—сдѣлалась собственностью побѣдителей. Татарскіе ханы были ея безусловными господами, а великіе князья ихъ довѣренными,—такъ-сказать господскими приказчиками. Новгородъ до Татаръ составлялъ часть завоеванной ими удѣльной федераціи. Хотя самъ Новгородъ съ своей областью и не былъ завоеванъ, но связанный древними узами съ завоеванными землями, долженъ былъ или оторваться отъ этой связи, или подчиниться до нѣкоторой степени участи тѣхъ странъ, съ которыми прежде составлялъ одинъ союзъ. Чтобы оторваться отъ нихъ совершенно, онъ не имѣлъ ни нравственныхъ задатковъ, ни физической силы, и такъ, ему скорѣе приходилось подчиниться одной съ ними участи. Но чтобъ раздѣлять эту участь во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ другими землями, надобно потерпѣть наравнѣ съ ними одинаковое завоеваніе. Новгородъ имѣлъ то преимущество, что, какъ мы сказали, не былъ завоеванъ, и потому завоеватели не могли положить на него тѣхъ условій, какимъ подчинились другія земли. Но если Новгородъ не былъ завоеванъ, то всегда могъ быть завоеваннымъ, какъ только побѣдители рѣшатся для этого на усилія. Новгородъ зналъ это и опасался вызывать противъ себя усилія завоевательнаго могущества. Отъ этого онъ не достигъ полной отдѣльной независимости, но сохранилъ стихіи областной самостоятельности гораздо болѣе, чѣмъ другія земли. Этому способствовало и то, что Новгородъ, предъ татарскимъ завоеваніемъ, поставленъ былъ эпохою Мстислава Удалаго въ выгодное положеніе

нравственной силы и значенія. Чтобъ удержать священныя для него стихіи старины, Новгородъ долженъ былъ по неволѣ извиливаться и приставать къ сильнѣйшему, чтобы не навлечь на себя страшной бури, которая бы могла въ конецъ сломить его свободу. Его подчиненность состояла въ томъ, что онъ участвовалъ въ платежѣ татарской дани и признавалъ верховную власть того, кто былъ великимъ княземъ, то есть посредника между Татарами и Русью, довѣреннаго татарскихъ хановъ, и въ то же время безпрестанно долженъ былъ защищать свои права отъ ихъ притязаній. При такомъ порядкѣ вещей, очевидно, Новгородъ долженъ былъ долго стоять почти въ одномъ положеніи въ своемъ политическомъ развитіи, пока приказчики не успѣли уничтожить своихъ хозяевъ и въ свою очередь не сдѣлались хозяевами.

Съ 1304 года возникла вражда между тверскимъ и московскимъ князьями, и Новгородъ, впродолженіи этой вражды, склонялся на сторону того, кто выигрывалъ передъ ханомъ; а какъ выигрышъ оставался на сторонѣ московской, то это и привязало Новгородъ къ московскимъ князьямъ, и повело впослѣдствіи къ уничтоженію его областной самостоятельности и древней вѣчевой свободы. Когда, въ 1305 году, тверской князь Михаилъ Ярославичъ былъ великимъ княземъ, Новгородъ призналъ надъ собою его первенство; живучи въ Твери, онъ считался и новгородскимъ княземъ [1]); когда, же въ 1312, году возникло снова

[1]) Нѣсколько договорныхъ грамотъ съ ними показываютъ, что отношенія къ великимъ князьямъ составляли рядъ столкновеній, которыя нелегко было уладить. Такъ, напримѣръ, Новгородцы жаловались на то, что тверской князь и бояре покупали въ Новгородской области села и заводили слободы, и тѣмъ самымъ вмѣшивались во внутреннее управленіе новгородскихъ волостей; ибо эти села тогда принадлежали не Новгороду и не Новгородцамъ, а владѣльцамъ, выходившимъ изъ новгородскаго управленія. Сверхъ-того, поставленные намѣстники навлекали на себя жалобы Великаго-Новгорода. Одинъ изъ нихъ, которому порученъ былъ Псковъ, Ѳедоръ

неудовольствіе съ Новгородомъ, онъ легко принудилъ Новгородъ къ миру, занявъ Торжокъ и прекративъ ввозъ хлѣба въ Новгородъ, безъ чего Новгородскій край не могъ существовать. Новгородцы помирились съ Михаиломъ; но потомъ увидѣли, что Юрій московскій беретъ верхъ надъ Михаиломъ у хана, и тотчасъ выгнали Михаиловыхъ намѣстниковъ, и приняли отъ Юрія намѣстниками двухъ его братьевъ — Ѳедора и Аѳанасія. Имъ на этотъ разъ пришлось ошибиться. Михаилъ тверской вошелъ въ милость у хана, и въ 1315 г. собрался съ Татарами наказывать Новгородцевъ. Новгородъ, слѣдуя уклончивой политикѣ и готовый признать надъ собою какого угодно великаго князя, лишь бы ему оставляли то, чѣмъ онъ дорожилъ, — приходилъ къ энергической рѣшимости, когда посягали отнять у него то, послѣ чего терять было нечего. Сначала онъ удалилъ отъ себя князей; заключили миръ; но Михаилъ противъ договора задержалъ въ плѣну князя Аѳанасія и новгородскихъ бояръ, началъ брать контрибуцію съ Новоторжцевъ, и потомъ двинулся на Новгородъ съ русскими и съ татарскими войсками. Тогда вольный городъ энергически рѣшился обороняться. Собрались заодно съ Новгородомъ его пригороды: Ладога, Руса; и Псковъ сталъ за него. Въ 1316 г., зимою, Михаилъ по-

Михайловичъ, убѣжалъ отъ непріятеля и сверхъ-того самовольно бралъ поборы по новгородскимъ селамъ. Новгородъ требовалъ его удалить. Другой, Борисъ Константиновичъ, которому была поручена Корела, такъ дурно управлялъ ею, что разогналъ жителей, и сверхъ-того пріобрѣталъ имѣнія въ Новгородской волости. Новгородцы требовали, вмѣстѣ съ его удаленіемъ, возврата купленныхъ имѣній, предлагая впрочемъ ему ту сумму, какую онъ заплатилъ. Это показываетъ, какъ важна была подобная покупка имѣній и какъ боялись ее Новгородцы (Собран. Госуд. Грамотъ, томъ I, стр. 14). Понятно, что въ отношеніяхъ къ великокняжеской власти,—выражалась ли она непосредственно самимъ княземъ, или посредствомъ его намѣстниковъ,—для Новгорода было что-то очень тягостное, отъ чего Новгородцы хотѣли всѣми силами обезопаситься, не имѣя средствъ избавиться вовсе.

шелъ на Новгородъ съ своими и съ Татарами. Не мужество людское, а географическое положеніе спасло на этотъ разъ новогородскую свободу. Войско Михаила заблудилось въ лѣсахъ и болотахъ. Пришлось имъ ѣсть конскую падаль, да жевать голенища и ремни [1]). Михаилъ отступилъ, но послѣ первой неудачи готовилъ новыя силы; Новгородцы предлагали миръ; тверской князь слышать о немъ не хотѣлъ. Но тутъ Юрій московскій женился на татарской княжнѣ, сестрѣ ханской, и въ 1318 г. шелъ на тверскаго князя—съ нимъ были данныя ханомъ татарскія силы, подъ начальствомъ Кавгадыя. Тогда Михаилъ помирился съ Новгородцами: послѣдніе заключили съ нимъ договоръ, потому-что не знали еще объ успѣхахъ Юрія въ Ордѣ. Юрій напалъ на Михаила подъ Тверью, былъ разбитъ имъ и потерялъ свою молодую жену, которая взята была въ плѣнъ и умерла, а самъ бѣжалъ въ Новгородъ: тамъ приняли его съ радостію и стали помогать ему усердно. Псковъ сталъ также за него. Хотя Юрій былъ разбитъ, но можно было предвидѣть, что въ концѣ концовъ не онъ останется въ проигрышѣ послѣ родства съ ханомъ. Такъ и случилось. Михаилъ былъ позванъ въ Орду и тамъ въ 1319 г. казненъ по подозрѣнію въ убійствѣ ханской сестры, жены Юрія. Самъ Юрій сдѣлался великимъ княземъ, и остался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Новгородцами [2]). Даже и тогда, когда въ 1323 году сынъ Михаила, Димитрій, заплативъ въ Ордѣ выходъ, получилъ великое княженіе, Новогородцы остались вѣрны Юрію. Татары двоили между тверскимъ и московскимъ князьями; Новгородцы не знали еще, кто одержитъ верхъ, но, руководствуясь своего рода инстинктомъ, считали сильнѣйшимъ Юрія.

[1]) Ник. Л. III. 111.

[2]) Н. I, 72; Соф. Л. I, 206—207; Ник. Л. III, 110—115.

Опасаясь тверскаго князя, который не только опирался на Татаръ, но искалъ союза съ Литвою, Новгородцы заключили оборонительный союзъ съ Орденомъ [1]). Два года (1323-й и 1324-й) Юрій находился въ Новгородѣ, служилъ ему усердно на войнѣ, окончилъ выгодно дѣло со Шведами, упрочилъ новгородскую власть въ Заволочьѣ и отправился въ Орду воротить себѣ великое княженіе; тамъ былъ онъ убитъ Димитріемъ тверскимъ, мстителемъ за отца своего. Тѣмъ не менѣе, въ 1325-мъ году, великое княженіе досталось брату Димитрія, тверскому князю Александру Михайловичу. Новгороду это не могло не быть опасно; и Новгородъ сталъ тогда сближаться съ возраставшею Литовскою державою, чтобъ имѣть опору противъ притязаній великокняжеской власти, попавшейся въ руки непріязненной фамиліи: литовскіе князьки являлись въ Новгородъ [2]). Но на счастье его, въ 1327 году, въ Твери вспыхнуло возстаніе противъ Татаръ: Тверичи перебили недобрыхъ гостей. Московскій князь Иванъ Даниловичъ воспользовался этимъ, и выхлопоталъ себѣ великое княженіе. Александръ, преслѣдуемый сильнымъ соперникомъ и Татарами, бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы не показали тѣни сочувствія къ изгнаннику, а способствовали успѣхамъ Ивана Даниловича. Когда послѣдній въ 1328 году поѣхалъ въ Орду, Новгородъ отправилъ съ нимъ своихъ пословъ ходатайствовать за него передъ ханомъ. Эти послы повезли новгородское серебро для раздачи татарскимъ вельможамъ, чтобъ купить на него великое княженіе московскому князю. Утвердившись въ своемъ достоинствѣ съ помощію Новгорода, Иванъ Даниловичъ пріѣхалъ туда въ сопровожденіи подручныхъ князей, вмѣстѣ съ митрополитомъ Θеогностомъ,

1) Bunge, II. Heft. 2. 142.
2) Новг. Л. I. 74.

который изъ Новгорода посылалъ на Псковичей проклятіе за участіе къ гонимому Александру. Новгородъ вмѣстѣ съ московскимъ княземъ преслѣдовалъ изгнанника.

Съ этихъ поръ, до самаго паденія своей областной независимости, Новгородъ признавалъ надъ собою великокняжеское первенство московскихъ князей, получавшихъ это достоинство одинъ за другимъ отъ хановъ. Московскіе князья возвышались при содѣйствіи Новгорода; съ ихъ возвышеніемъ падалъ удѣльный порядокъ; и Новгородъ, вмѣсто благодарности, скоро долженъ былъ отстаивать свою свободу отъ ихъ притязаній.

Едва только Иванъ Даниловичъ утвердился на великомъ княженіи, какъ тотчасъ же возникло у него неудовольствіе съ Новгородомъ. Онъ потребовалъ серебра закамскаго,— дани, собираемой Новгородомъ съ Закамской Земли. Новгородцы отказали; Иванъ Даниловичъ захватилъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Въ Новгородѣ вѣче раздѣлилось на двѣ партіи: одна склонялась къ миру и уступкамъ великому князю; другая готова была искать въ возраставшей Литовской державѣ опоры противъ самовластія московскаго князя, такъ непризнательно забывавшаго недавнее содѣйствіе къ своему возвышенію. Новгородъ очутился уже между двухъ государственныхъ стремленій у сосѣдей. Въ 1331 году, когда владыка Василій ѣздилъ на Волынь поставляться въ свой санъ отъ митрополита Ѳеогноста, Гедиминъ, покровитель князя Александра тверскаго, нашедшаго пріютъ во Псковѣ, въ угодность Псковичамъ, которые тогда домогались себѣ особаго владыки, задержалъ новгородскаго владыку и не иначе его отпустилъ, какъ получивъ отъ провожавшихъ его новгородскихъ бояръ обѣщаніе принять въ Новгородъ на кормленіе одного изъ сыновей его, Наримунта. Такъ разсказываютъ нѣкоторые лѣтописцы [1]). Послѣ того, упорство

[1]) Новг. Л. IV, 52; П. С. Л. т. VII, 203.

Ивана Даниловича расположило Новгородъ къ тому, чтобъ угодить Гедимину. Въ 1332 году, зимою, Иванъ Даниловичъ усѣлся въ Торжкѣ и поживлялся съ новгородскихъ волостей. Новгородъ послалъ къ нему архимандрита Лаврентія съ двумя боярами: они звали князя въ Новгородъ; князь не поѣхалъ. Новгородцы еще разъ попытались заключить мировую: самъ владыка поѣхалъ къ Ивану, который оставилъ Торжокъ и находился тогда въ Переяславлѣ. Владыка и сопровождавшіе его бояре отъ имени Великаго-Новгорода предлагали ему пять сотъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ онъ отказался отъ захваченныхъ на Новгородской Землѣ слободъ. Иванъ ихъ не послушался. Тогда негодованіе противъ московскаго князя овладѣло сильно Новгородомъ. Призванъ былъ Наримунтъ-Глѣбъ, Гедиминовъ сынъ, въ октябрѣ 1333 года. Его посадили на столѣ Ярославовомъ, какъ нѣкогда сажали выбранныхъ князей. Весь Новгородъ присягалъ ему, какъ одинъ человѣкъ. Это событіе воскресило въ новгородской памяти былыя времена предковъ. Новоизбранному князю дали въ кормленье, въ отчину и дѣдину, и съ правомъ это кормленье передать потомкамъ, Ладогу, Орѣховскій городъ, Корельскій городъ съ Корельскою Землею, и половину Копорья. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, эта отдача пригородовъ была невольная, вслѣдствіе вынужденнаго Гедиминомъ согласія въ то время, когда онъ задержалъ владыку. Новгородская Лѣтопись [1]), напротивъ, говоритъ, что Наримунтъ прислалъ въ Новгородъ посольство, изъявлялъ желаніе поклониться св. Софіи, и Новгородцы по этому поводу пригласили его. Очень можетъ быть, что сначала Новгородцы, ѣхавшіе съ владыкою, по неволѣ согласились, сообразно желанію Гедимина, на такой пріемъ его сына, а впослѣдствіи, когда Иванъ Даниловичъ началъ тѣснить Новгородъ, съ охотою

¹) Новг. Л. I, 77.

приняли литовскаго князя, находя въ союзѣ съ Литвою опору противъ Москвы и самой Орды.

Но князь Наримунтъ-Глѣбъ не имѣлъ на столько ни энергіи, ни достоинства, чтобы привязать къ себѣ Новгородъ; а велико-русская партія ожила снова, какъ только оказалось, что призванный князь не удовлетворялъ народнымъ ожиданіямъ. На слѣдующій годъ, узнавши, что Иванъ Даниловичъ, ѣздившій тогда въ Орду, воротился, Новгородъ послалъ къ нему посломъ Варѳоломея Юрьевича; на этотъ разъ Иванъ принялъ посольство съ любовью и прибылъ по приглашенію Новгородцевъ въ Новгородъ на столъ, февраля 16-го 1335 года. Тогда ли удалился Наримунтъ, или же оставался въ Новгородской Землѣ, и если оставался, то какой роли держался — неизвѣстно. Но тотчасъ послѣ посѣщенія Иваномъ Новгорода, произошли набѣги Литовцевъ на Новогородскую волость. Иванъ Даниловичъ отражалъ эти набѣги въ качествѣ охранителя Новгородской Земли. Могли быть эти набѣги дѣломъ своевольныхъ Литовцевъ, но могла быть эта рать и отправлена Гедиминомъ въ отмщеніе за то, что Новгородъ опять поладилъ съ Москвою. Скоро, однако, именно въ 1337 году, московскій князь опять поссорился съ Новгородомъ и послалъ рать свою въ Заволочье. Ему хотѣлось получить дань изъ-за Камы. Наримунта-Глѣба не было въ Новгородской Землѣ. Новогородцы звали его изъ Литвы, какъ своего кормленника; но, видно, ему не понравился ни новгородскій хлѣбъ, ни новгородское обращеніе, — онъ не поѣхалъ снова въ Новгородъ и вызвалъ сына своего, Александра, изъ Орѣшка, гдѣ онъ сидѣлъ вмѣсто отца, на стражѣ края отъ Шведовъ. Вѣроятно, недавнее мирное сношеніе съ московскимъ княземъ оскорбило Литвина; онъ уже не довѣрялъ договорамъ съ Новгородомъ. Новгородцы раздѣлались безъ его

помощи; разбили и прогнали Москвитянъ изъ Заволочья.

Ссора съ московскимъ княземъ не прекратилась. Въ 1339 году Новгородцы привезли ему обыкновенный ханскій выходъ; московскій князь потребовалъ отъ Новгорода двойнаго выхода, т. е. двойной дани, ссылаясь на запросъ царя Узбека. «Изначала — отвѣчалъ ему Великій-Новгородъ — не бывало того: по старой пошлинѣ новгородской и по грамотамъ прадѣда твоего, Ярослава Володимировича.» Иванъ вывелъ намѣстниковъ своихъ съ Городища и объявилъ войну. Но смерть постигла его въ 1340 году.

Когда, послѣ смерти его, нѣсколько князей явились соискателями великокняжескаго достоинства, Новгородъ не мѣшался въ эти споры, и князь Симеонъ Ивановичъ получилъ это достоинство безъ содѣйствія Новгородцевъ, Тотчасъ началъ онъ зацѣплять новгородскую вольность и, воспользовавшись тѣмъ, что въ Торжкѣ была партія, противная зависимости Торжка отъ Новгорода, онъ занялъ Торжковскую волость, и послалъ собирать съ черныхъ людей дань.

Новгородцы послали туда войско, перехватили присланныхъ Симеономъ черноборцевъ, то есть, собирателей дани, и великокняжескаго намѣстника. Но народъ въ Торжкѣ и Торжковской волости былъ нерасположенъ къ новгородскому правленію и страшился разореній которыя онъ понесъ бы отъ московскихъ войскъ, если бы держался Новгорода; чернь взбунтовалась, разграбила и прогнала своихъ бояръ, преданныхъ Новгороду. Та же участь постигла и Новгородцевъ, временно проживавшихъ въ Торжкѣ. Народъ расположенъ былъ лучше покориться великому князю и платить ему дань, чѣмъ подвергать свои головы мщенію. Симеонъ, пользуясь этимъ, явился въ Торжокъ съ полками Московской Земли, тверскихъ, и суздальскихъ,

и разныхъ князей. Подъ опекою хановъ, Москва уже становилась центромъ русскаго міра; ея князь въ первый разъ писался великимъ княземъ всея Руси, и другіе князья поневолѣ должны были идти съ московскими полками на Новгородъ.

Новгородъ отправилъ къ нему владыку Василія, тысячскаго Авраама съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ, чтобъ уладить споръ, а между-тѣмъ приготовлялся къ отпору. Но трудно было ему охранять свои права надъ Торжкомъ, когда туземные жители, зная, что до Новгорода отъ Москвы далеко, а къ нимъ близко, давали сами все потребное для Москвичей. Новгородскіе послы примирились съ великимъ княземъ и порѣшили дать ему тысячу рублей съ Новоторжской облати и черный боръ по Новгородской Землѣ [1]). Во всемъ прочемъ положено оставаться на прежнихъ основаніяхъ, и Симеонъ оставлялъ представителями своей верховной власти своихъ намѣстниковъ на Городищѣ.

Въ 1346 году, зимою, самъ Симеонъ посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ три недѣли. Неизвѣстно, что̀ собственно составляло причину этого посѣщенія; но вслѣдъ за тѣмъ, лѣтомъ, Новгородъ поссорился съ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ. По сказанію нашихъ лѣтописей [2]), Ольгердъ съ братомъ своимъ Кестутомъ явился въ новгородскихъ предѣлахъ на устьѣ рѣки Пшаги, впадающей въ Шелонь и послалъ сказать Новгородцамъ:—«Я хочу съ вами раздѣлаться; меня лаялъ вашъ посадникъ Евстафій Дворянинцевъ: назвалъ меня псомъ!» Послѣ этого объявленія Ольгердъ разослалъ свои отряды разорять Новгородскія волости по рѣкѣ Шелони и Лугѣ. Нѣсколько мѣстъ разорили Литовцы; съ Порхова Ольгердъ взялъ окупу 300 новгородскихъ рублей. Новгородцы ополченіемъ

[1]) Ник. Л. IV, 173.

[2]) Новг. Л. I, 83. — Никоновск. т. III, 183.

вышли-было противъ него на Лугу, но безъ битвы повернули назадъ и, прибѣжавши въ Новгородъ, ударили въ вѣчевой колоколъ и призвали на судъ Евстафія Дворянинцева. —«Ты надѣлалъ войны! —кричали ему: —ты лаялъ короля, а черезъ тебя теперь взяли волости наши!» Его убили на вѣчѣ. Это было опрометчивое и самовольное дѣло толпы, прибѣжавшей съ Луги. Имъ показалось гораздо справедливѣе пожертвовать тѣмъ, кого обвинялъ Ольгердъ, чѣмъ за его неосторожность жертвовать своею жизнію. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ только дали знать Ольгерду, что тотъ, кто оскорбилъ его дерзкимъ словомъ, уже казненъ, Ольгердъ выступилъ изъ новгородскихъ предѣловъ. Очень можетъ быть, что этотъ походъ соотносится съ дѣломъ брата Ольгердова, Явнуты. Явнута посаженъ былъ отцомъ Гедиминомъ въ Вильнѣ. Ольгердъ съ братомъ Кестутомъ прогналъ его, прогнавши разомъ и Наримунта изъ Пинска. Наримунтъ бѣжалъ въ Орду; Явнута—въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву, гдѣ крестился. Очень можетъ быть, что, во время пребыванія Симеона въ Новгородѣ, новгородскій посадникъ выразился такъ дурно объ Ольгердѣ отъ участія къ Явнутѣ, и Ольгердъ своимъ походомъ заранѣе хотѣлъ отбить у Новгородцевъ всякую попытку содѣйствовать его изгнанному брату.

По смерти Симеона, въ 1353 году, Новгородцы, испытавъ уже на себѣ невыгоду допускать великокняжеское достоинство оставаться въ рукахъ московскаго князя, хлопотали съ своей стороны въ Ордѣ, чтобы это достоинство дано было на этотъ разъ не московскому, а суздальскому князю. Но татарскій дворъ теперь не послушалъ ихъ и назначилъ великимъ княземъ снова московскаго князя, брата Симеонова, Іоанна. Съ 1353 года, Новгородцы находились съ нимъ въ разладѣ полтора года [1]), и послѣ, какъ видно,

[1]) Новг. Л. I, 86.

до самой его смерти въ 1360 г., не подчинялись его власти. Послѣ него, въ 1361 году, они признали Дмитрія Константиновича суздальскаго, когда тотъ получилъ великое княженіе, приняли его намѣстниковъ и дали ему судъ, то есть, судныя пошлины.

Когда, послѣ ссоры съ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ, суздальскій князь уступилъ послѣднему великокняжеское достоинство, Новгородъ, питая уже недовѣріе и непріязнь къ Москвѣ, сопротивлялся и Димитрію. Въ 1366 году Дмитрій хотѣлъ смирять Новгородцевъ оружіемъ; онъ изъявилъ притязаніе и зато, что новгородская молодежь грабила купцовъ по Волгѣ, и задержалъ шедшаго съ Двины Новгородца Василія Даниловича съ сыномъ и Прокофья Кіева [1]). Однако обстоятельства заставили Новгородцевъ и московскаго князя сблизиться между собою на-время. Обоимъ угрожали два сильные врага: литовскій князь Ольгердъ и князь тверской, Ольгердовъ родственникъ. Новгородъ заключилъ оборонительный союзъ съ московскимъ великимъ княземъ. Обѣ стороны обязались помогать другъ другу. Еще прежде Новгородъ и Тверь находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Преданія укрѣпляли эту непріязнь. Выше было показано, какъ Новгородъ былъ недружелюбенъ къ прежнимъ тверскимъ князьямъ: вражда съ ними и сблизила его первоначально съ Москвою. Теперь между Тверью и Новгородомъ возникли поземельные споры. Нѣкоторые землевладѣльцы Новгородской волости продавали свои имѣнія Тверичамъ. Тверской князь, считая себя господиномъ надъ тверскими боярами, показывалъ притязанія и на самыя земли, которыя были куплены этими боярами въ чертѣ Новгородской волости. Новгородъ же почиталъ эти земли неприкосно-

[1]) Новг. Л. IV, 66; Новг. Л. I, 88.

*

венною своею собственностью. Къ этому присоединился споръ за Торжокъ [1]). Призвавши на помощь Кестута съ литовскими полками, Михаилъ занялъ Торжокъ съ прилежащею волостью и посадилъ въ Торжкѣ своихъ намѣстниковъ. Устроивши свое управленіе въ завоеванной землѣ, тверской князь отпустилъ союзниковъ и вывелъ свои ратныя силы изъ Торжковскаго-края. Тогда новгородскіе бояре пріѣхали въ Торжокъ и составили съ Новоторжцами думу. Новоторжцы цѣловали крестъ не отступать отъ Великаго-Новгорода и стоять за одно противъ тверскаго князя. Михаиловыхъ намѣстниковъ выгнали; тверскихъ гостей, случившихся въ Торжкѣ, ограбили, нѣкоторыхъ убили и принялись дѣятельно укрѣплять городъ,—это случилось передъ заговѣнами на Петровъ постъ, въ 1372 г. Чрезъ нѣсколько дней, мая 31, въ понедѣльникъ, явился Михаилъ Александровичъ подъ Торжкомъ съ тверскимъ ополченіемъ.—«Выдайте мнѣ тѣхъ, которые побили и ограбили моихъ Тверичей—требовалъ онъ отъ Новоторжцевъ:—да примите вновь моихъ намѣстниковъ; я болѣе ничего отъ васъ нехочу!» Михаилъ далъ имъ срока на думу отъ утра до полудни. Въ Торжкѣ была тогда безладица и мятежъ; но противъ тверскаго князя на этотъ разъ всѣ были ожесточены равно. Пословъ тверскихъ приняли съ высокоуміемъ, говоритъ лѣтописецъ. И въ тотъ же день бояре новгородскіе, пріѣхавшіе поддерживать Новоторжцевъ, хвастаясь своимъ мужествомъ, первые выѣхали въ поле и другимъ путь показывали; за ними высыпали граждане: на первомъ же суймѣ (схваткѣ) главный воевода Александръ Абакумовичъ палъ костью за святаго Спаса и за обиду новго-

[1]) Михаилъ тверской претендовалъ на этотъ городъ можетъ-быть потому, что предки его владѣли, землями дѣйствительно, нѣкогда тянувшимися къ Торжку, какъ напр. Зубцовымъ и передали ему по преемничеству.

родскую. За нимъ другіе отважные мужи положили головы, а прочіе Новгородцы поворотили сейчасъ же назадъ и, не заѣзжая въ Торжокъ, поскакали прямо въ Новгородъ. Новоторжцы потеряли духъ, попятились назадъ; Тверичи ударили имъ въ тылъ; въ это время другіе зажгли посадъ съ конца; на бѣду Торжку поднялась буря; пожаръ пошелъ разгуливать по городу съ быстротою; не куда было спасаться Новоторжцамъ. Мужчины, женщины, дѣти гибли безвыходно въ пламени; другіе бросились въ церковь св. Спаса и тамъ задохлись; иные кинулись въ Тверцу, а тѣ, которые избѣгли пламени и воды, попадались непріятелю. Тверичи свирѣпствовали безъ милосердія; обирали до-нага и женъ, и дѣвицъ, и чернецовъ, и черницъ: иныя отъ срамоты бросались въ воду. Ограбили и церкви, и все, что въ нихъ было укрыто отъ огня, меча и нашествія иноплеменныхъ. Остатки разореннаго народа погнали въ плѣнъ. Никогда—разсуждаетъ лѣтописецъ—не бывало Торжку такого зла и отъ поганыхъ; наметали тогда пять скудельницъ убитыхъ и сожженныхъ труповъ, а иныхъ нельзя было похоронить, потому-что до тла сгорѣли или на дно рѣки пошли, другіе же безъ вѣсти забѣжали [1]).

Разоренная такимъ-образомъ Торжковская область досталась тверскому князю. Это-то насильственное завоеваніе болѣе всего сблизило тогда Новгородъ съ соперникомъ тверскаго князя—Димитріемъ, и въ 1375-мъ году Новгородъ усердно помогалъ ему противъ Михаила: много подручныхъ князей явилось тогда съ московскимъ великимъ княземъ подъ Тверью, но никакое ополченіе не шло съ такою охотою, какъ новгородское. Новгородцы,—говоритъ современникъ,—пришли *туда скрежаща зубами на Тверичъ за свою обиду еже бѣ на нихъ*. Взятые во время вой-

[1]). Новг. Л. I, 89. IV. 67, Соф. I, 232; Ник. IV, 35.

ны тверскимъ княземъ въ плѣнъ Новгородцы и Новоторжцы были засажены въ тюрьму въ Твери. Имъ удалось подкопаться изъ погреба и убѣжать изъ неволи [1]) Они должны были теперь побуждать своихъ единоземцевъ къ мщенію. Дѣятельное участіе Великаго-Новгорода болѣе всего побудило Михаила искать мира съ великимъ княземъ. Онъ зналъ, что иначе Новгородцы сдѣлаютъ съ Тверью то, что̀ онъ дѣлалъ съ Торжкомъ. Новгородцы заранѣе это показывали, потому-что раззоряли окрестную страну неистовымъ образомъ. Итакъ тверской князь помирился съ Димитріемъ на всей его волѣ: онъ долженъ былъ помириться также и съ Новгородцами на всей ихъ волѣ. Мирное докончанье было подписано 3 сентября [2]). Михаилъ отказался отъ Торжка и всей его волости, обѣщался возвратить Великому-Новгороду всѣ земли, купленныя своими подданными и предоставилъ послѣднимъ вѣдаться судомъ съ тѣми Новгородцами, у которыхъ они ихъ купили, а если бы, за давностію времени уже не нашлось продавцовъ, Новгородъ долженъ былъ покупщикамъ отдать куны за купленныя ими у Новгородцевъ имѣнія; но во всякомъ случаѣ эти земли отходили къ Великому-Новгороду безусловно. Михаилъ обязался отпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнниковъ, Новгородцевъ и Новоторжцевъ, и возвратить товары захваченные у новгородскихъ гостей до взятія Торжка [3]).

Новгородъ обезсиливалъ такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ московскими князьями, Тверь, которая стояла ближайшимъ опоромъ противъ московскаго самовластія; Новгородъ тѣмъ самымъ болѣе-и-болѣе способствовалъ возвышенію Москвы; и послѣ взаимнаго торжества надъ Тверью, черезъ одиннадцать лѣтъ, онъ испыталъ на себѣ отъ Москвы

[1]) Ник. Л. IV, 37. [2]). Новг. IV, 71. [3]) Собр. Госуд. Гр. I, 22.

такую же неприязнь, какую вмѣстѣ съ Москвою оказывалъ Твери. Московскій князь собралъ на Новгородъ еще болѣе ратей подручныхъ князей, чѣмъ на Тверь. Лѣтописецъ говоритъ, что причиною размолвки былъ гнѣвъ московскаго государя на Новгородцевъ за то, что, еще во время тверскаго похода, когда ратная сила новогородская осаждала вмѣстѣ съ Москвичами Тверь, новогородскіе молодцы-ушкуйники плавали по Волгѣ и раззоряли города. Это былъ только благовидный предлогъ, чтобъ вооружить другія земли противъ Новгорода и возбудить въ нихъ желаніе мести за неправое дѣло. Главное неудовольствіе Димитрія на Новгородъ было за то, что Новогородцы не платили ему даней съ самого того времени, какъ онъ вступилъ въ великокняжеское достоинство. Димитрію хотѣлось взять съ Новгорода, такъ же какъ удалось взять его дѣду. Вособенности же въ то время для Московской Земли нужны были деньги: Москва расплатилась не дешево за Куликовскую побѣду, одержанную надъ Татарами въ 1380 году. Черезъ два года, въ 1382 году, Тохтамышъ превратилъ ее въ пепелъ, и татарскіе отряды, разсѣявшись по Московской и Суздальской Землямъ, опустошали ту и другую; а въ заключеніе всего—разоренныя великокняжескія земли обложены были въ наказанье отъ хана данью съ деревни по полтинѣ [1]). Великому князю казалось справедливымъ, чтобъ и Новгородъ участвовалъ въ раздѣлѣ общей тягости.

Въ 1384 году, Димитрій послалъ сборщиковъ собирать черный боръ по Новгородской волости. Главные бояре, завѣдывавшіе этимъ порученіемъ, пріѣхали на Городище и разослали по волости сборщиковъ. Новогородскіе бояре, по приговору вѣча, отправились на Городище доказывать прибывшимъ Москвичамъ, что Новгородъ не долженъ платить

[1]) Карам. V, прим. 104.)

этой дани. Обсужденіе этого вопроса довело тотчасъ же до открытой ссоры, такъ-что московскіе бояре убѣжали съ Городища.

Сверхъ-того, Димитрій Донской имѣлъ и еще причину досадовать на Новгородцевъ: въ 1383 г., Новгородцы пригласили къ себѣ на кормленье снова литовскаго князя, Патрикія Наримунтова сына, и дали ему сначала то же, что нѣкогда было дано его отцу, а потомъ, въ 1384 году, когда жители отданнаго края стали недовольны управленіемъ князя, перемѣнили данный удѣлъ на Ладогу и Русу. Это призваніе князя изъ литовской фамиліи должно было казаться оппозиціею противъ московской власти.

Наконецъ, къ несогласію съ великимъ княземъ присоединилось несогласіе съ митрополитомъ, державшимъ всегда сторону князя той земли, гдѣ жилъ. Новгородъ настаивалъ, чтобъ владыка новгородскій имѣлъ независимость суда и не относился къ митрополиту. Всѣ эти причины вмѣстѣ довели до открытой войны.

Новогородскія молодечества въ послѣдніе годы возбудили злобу противъ Новгорода въ другихъ земляхъ Руси, и легко было подвинуть ихъ на Новгородъ: жители тѣхъ земель, которыя, назадъ тому одиннадцать лѣтъ, посѣщали новогородскіе ушкуйники, были особенно ожесточены; свѣжо еще было горе, понесенное отъ Новгородцевъ, а управы искать было негдѣ. Иные, бывшіе прежде предводителями ушкуйническихъ шаекъ, дѣлались со временемъ правительственными лицами въ Новгородѣ, да и при всякомъ правительствѣ, власть въ Новгородѣ не была на столько сильна, чтобъ подчинить себѣ личный произволъ. Очень можетъ быть, что и послѣ того времени, когда происходили разбои, которые теперь выставлялись поводомъ къ войнѣ, новгородскіе молодцы повторяли въ мѣньшемъ размѣрѣ обычныя своевольства, и негодованіе противъ Новгорода та-

кимъ-образомъ не ослабѣвало отъ времени, а поддерживалось: потому-то Димитрій, кромѣ полковъ подручныхъ ему городовъ Московской Земли (Можайска, Серпухова, Ржева, Боровска, Дмитровска), подвинулъ ополченія городовъ приволжскихъ, и вообще прирѣчныхъ, открытыхъ со своими землями для новгородскихъ ушкуйниковъ и, слѣдовательно, питавшихъ къ нимъ злобу: Галича, Мологи, Костромы, Городца, Углича, Ярославля, Нижняго-Новгорода, Бѣлозерска, Устюга, Мурома; присланы были полки: изъ Юрьева, Владимира, Суздаля, Ростова, Мещеры и Стародуба. Самые новгородскіе пригороды — Вологда, Бѣжецкій-Верхъ, Волокъ-Ламскій и Торжокъ, пошли противъ своей метрополіи; богатые Новоторжцы были за Новгородъ, зато малые стали въ ополченіе великаго князя. Торжковской и Волоколамской Землямъ выпадало либо идти противъ своего старѣйшины—Новгорода, либо принять на себя военное раззореніе за Новгородъ. Видно, управленіе новгородское не такъ было справедливо, чтобъ воодушевить народъ за себя; а положеніе Торжковской Земли на дорогѣ, посреди враждебныхъ странъ, давно уже пріучило ее склоняться къ низовской сторонѣ, какъ только дѣло доходило до войны. Иначе Новгородъ, обыкновенно, не успѣетъ послать туда войско для обороны, прежде чѣмъ враждебные сосѣди успѣютъ выказать свою злобу къ Новгороду опустошеніями Торжковскаго-края. Такъ-то великій князь воспользовался теперь и старыми и свѣжими причинами нерасположенія русскихъ земель къ Новгороду, какъ воспользовался давнею враждою Новгорода съ Тверью, чтобы, съ помощію Новгорода, наказать Тверскую Землю, которая упорно противодѣйствовала Москвѣ.

Сосредоточенности управленія въ Новгородѣ было очень мало; нельзя было нà-скоро набрать хорошихъ военныхъ силъ, чтобы противостать находившей грозѣ. Новгородъ

счелъ удобнѣе отдѣлаться деньгами, зная привычную склонность къ прибытку московскихъ князей. Владыка Алексѣй поѣхалъ къ Димитрію и предложилъ ему отъ Новгорода 8,000 рублей. Великій князь отказалъ. Быть-можетъ ему неловко было предъ союзниками, начавъ дѣло, такъ скоро помириться. А можетъ-быть онъ хотѣлъ въ наличности денегъ; у Новгорода же ихъ не было. Новгородцы стали готовиться къ оборонѣ; устроили около города острогъ. Призванный ими князь литовской породы оказался плохимъ защитникомъ. Кромѣ его, у Новгорода еще были князья; но ополченіе, выставленное Новгородомъ подъ начальствомъ этихъ князей, вышло за городъ къ протоку Жилотугу на юго-восточную сторону, и услышавъ вѣсть, что союзники близко, ушло назадъ. 10-го января 1386 года пронеслась вѣсть, что враги подходятъ къ Жилотугу. Тутъ пріѣхалъ въ Новгородъ владыка; онъ возвратился изъ Москвы, извѣщалъ, что великій князь не даетъ мира и сообщилъ, что войско на Новгородъ собрано великое. Новгородцы въ отчаяніи начали сожигать всѣ загородныя строенія; такимъ-образомъ, кромѣ боярскихъ и купеческихъ дворовъ, сгорѣло двадцать четыре монастыря [1]). Много было убытковъ Великому-Новгороду, — замѣчаетъ лѣтописецъ [2]). Еще болѣе усилился страхъ, когда вокругъ стали являться отряды непріятельскихъ силъ; запылали новгородскія волости; прибѣгали въ городъ поселяне, извѣщали, что враги грабятъ имущество, сожигаютъ жилища, гонятъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Новгородцы послали отряды на вывѣды, а отряды воротились безъ вѣстей; видѣли Новгородцы, что враги подлѣ города, и не знали, когда и съ какой стороны думаютъ напасть. Наконецъ, они досконально узнали, что великій князь стоитъ у Понедѣлья.

[1]) Соф. I, 241. [2]) Воскр. Л., П. С. Р. Л. VIII, 50.

Тогда Новгородъ послалъ къ нему архимандрита, по имени Давида, семь поповъ и пять человѣкъ житыхъ людей, съ каждаго городскаго конца по человѣку. Никоновская Лѣтопись, напротивъ, говоритъ, что посадникъ Якуновичъ отправилъ ко князю владыку, и святитель Алексій наконецъ преклонилъ великаго князя къ миру кроткими словесами, и обѣщалъ отъ лица Великаго-Новагорода наказать виновныхъ въ разбояхъ по Волгѣ [1]). На этотъ разъ великій князь согласился на миръ. Новгородъ обязался дать Димитрію восемь тысячъ рублей. Три тысячи рублей наличными взяты были съ палаты св. Софіи а остальные пять тысячъ положено взыскать съ Заволочанъ, потому-что преимущественно изъ Заволочья ходили молодцы разбойничать на Волгу.

Димитрій долженъ былъ согласиться на мировую сдѣлку. Отчаяніе, съ какимъ Новгородцы сожгли свои монастыри и загородныя хоромы, показывало, что Новгородъ не уступитъ легко своей свободы, и, доведенный до крайности, будетъ защищаться съ ожесточеніемъ. Время было зимнее и ненастное; снѣгу не было, одна гололедица; пути были дурны; все кругомъ сожжено; не было пріюта для ратныхъ; продовольствія тоже трудно было достать. Отважиться на долговременную осаду казалось невозможнымъ. Итакъ, вотъ другой разъ въ своей исторіи Великій-Новгородъ увидалъ подъ своими стѣнами союзные полки русскихъ земель подъ знаменемъ великаго князя. Первый разъ ему помогло чудо Пресвятыя Богородицы; черезъ двѣсти лѣтъ повторилось то же, но не повторилось чудо,—пришлось выгораживать себя земными средствами. Сколько первое событіе могло возвысить народный духъ, на столько послѣднее могло способствовать его упадку.

1) Ник. Лѣт. IV, 150.

Отдѣлываясь отъ великаго князя московскаго деньгами, Новгородъ долженъ былъ упорно держаться своей старины, чтобъ какъ-нибудь сохранить то, что еще можно было удержать. Зависимость отъ власти великаго князя ограничивалась покамѣсть только дачею денегъ. Великокняжескіе намѣстники доставляли великому князю пошлины съ судовъ и опредѣленные дары; обязательнаго суда и предводительства они не имѣли. Въ Новгородѣ одни за другими появлялись князья то Рюрикова, то Гедиминова дома; получали по условію кормленье и теряли его по волѣ вѣча. Послѣ Патрикія, не умѣвшаго оборонять Новгорода и потому уѣхавшаго прочь, явился, въ 1389 году, литовскій князь Симеонъ Ольгердовичъ и пробылъ до 1392 года [1]); начальствовалъ новгородскими ополченіями въ распряхъ со Псковомъ и въ войнахъ съ Нѣмцами. Были разомъ въ то же время иные князья. Романъ Юрьевичъ нѣсколько разъ появлялся въ Новгородѣ въ разные годы и былъ убитъ при Шелони, въ 1398 году [2]). Въ 1393 году, прибылъ въ Новгородъ бѣлозерскій князь Константинъ [3]). Упоминаются подъ 1399 годомъ бывшіе въ Новгородѣ и во время нашествія Димитрія, Василій и Иванъ Ѳедоровичи, князья, называемые копорскими, потому-что имъ Копорье дано было для кормленья [4]). Въ 1397 году смоленскій князь Василій Ивановичъ, а за нимъ, въ томъ же году, послѣ долгой разлуки съ Новгородомъ, Патрикій искалъ тамъ убѣжища [5]). Новгородъ сталъ притономъ разныхъ князей, приходившихъ туда послѣ какихъ-нибудь неудовольствій въ своемъ краѣ. Новгородъ принималъ всѣхъ; давалъ нѣкоторымъ пригороды для управленія и кормленья, а они обязывались защищать новгородскіе предѣлы.

[1]) Соф. I, 245. [2]) Воскр. Л. П. С. Л. VIII. 72. [3]) Новг. I, 96. [4]) Соф. Л., I, 246. [5]) Новг. I, 98.

При Димитріевомъ преемникѣ, Василіѣ Димитріевичѣ, Великій-Новгородъ опять вошелъ въ распри съ великимъ княземъ. Заплативши по необходимости наложенную на него Димитріемъ сумму, Новгородъ не считалъ себя обязаннымъ повторять такіе платежи: то была пеня за совершенныя новогородскими подданными преступленія; такъ это дѣло понимать можно было согласно самому поводу къ войнѣ, объявленному Димитріемъ. Но московскій князь требовалъ чернаго бора, и считалъ взятое Димитріемъ—постояннымъ налогомъ, который Новгородъ долженъ будетъ платить каждому великому князю. Съ этимъ вмѣстѣ Василій Димитріевичъ заступался за своего митрополита, которому Новгородцы рѣшительно не хотѣли давать права на святительскій судъ надъ своею Церковью. И отъ того и отъ другаго отрекался Великій-Новгородъ. Въ 1393 году началась война. Злополучный Торжокъ, со своею волостью, опять подвергся печальной участи житья-бытья на большой дорогѣ. Москвичи напали на него; въ Торжкѣ по прежнему были двѣ партіи: одна новгородская, стоявшая за принадлежность къ метрополіи, другая, склонная, ради избѣжанія раззоренія, пристать къ Москвѣ. Одинъ изъ представителей послѣдней, по имени Максимъ, былъ убитъ въ городѣ. Великій князь двинулъ сильную рать на Торжокъ. Городъ былъ взятъ; начальниковъ противной партіи привезли въ Москву и тамъ казнили различными казнями. Разомъ занятъ былъ Волокъ-Ламскій; другой отрядъ захватилъ Вологду; третій—Бѣжецкій-Верхъ. Новогородцы съ своей стороны послали войско на востокъ взять города Кличенъ и Устюжну, а другое ополченіе пошло на Двину и, соединившись съ двинскимъ ополченіемъ напало на Устюгъ. Этотъ богатый торговый городъ, признававшій власть великаго князя, былъ разграбленъ и сожженъ. Побѣдители набрали много церковнаго богатства и серебра.

Разорены были окрестности, которыя тянули къ городу: людей погнали по Двинѣ внизъ. Казалось, Новогородцы въ этой войнѣ не оставались въ проигрышѣ; однако, въ томъ же году осенью заключили миръ. Новогородская Лѣтопись говоритъ о немъ глухо; но въ лѣтописныхъ редакціяхъ Софійской и Воскресенской говорится, что великій князь отправилъ въ Новгородъ своихъ пословъ, и тѣ взяли съ Новгорода обѣщаніе платить черный боръ, а митрополиту дали Новгородцы 350 рублей за благословеніе и крестное цѣлованіе [1]). Событіе это остается неразъясненымъ, потому-что митрополитъ и въ 1395 году находился еще въ спорѣ за свои права.

Въ 1397 году опять возникло размирье. Московское самовластіе брало шагъ за шагомъ верхъ надъ самобытностью русскихъ земель. Уже Нижній-Новгородъ и Суздальская Земля окончательно присоединены были къ Московской державѣ. Всѣми способами подходилъ московскій великій князь, чтобъ подчинить себѣ Великій-Новгородъ. Породнившись съ Витовтомъ, великій князь потребовалъ-было, чтобъ Новгородцы объявили войну Крестоносцамъ, съ которыми литовскій, великій князь былъ во враждѣ. Великій-Новгородъ на своемъ вѣчѣ отвѣчалъ великокняжескому послу: — «Намъ, князь, съ тобою одинъ миръ, а съ великимъ княземъ Витовтомъ другой, а съ Нѣмцами иной!» [2]). Но въ тотъ же годъ, когда такой твердый отвѣтъ напомнилъ московскому властителю, что Великій-Новгородъ дорожитъ независимостью своихъ дѣйствій, въ Двинской Землѣ устроивался подрывъ

[1]) Новг. Л. I, 96; Соф. I, 245 — 246; Воскр. П. С. Л. т. VIII, 63 — 64; Никон. IV, 253; Карамз. V, примѣч. 149.

[2]) Княже Василій! съ тобою свой миръ, и съ Витовтомъ инъ, и съ Нѣмцами инъ (Новг. Л. IV, 102).

цѣльности его волости. Въ этой далекой странѣ, какъ и въ Торжкѣ, существовала партія, недовольная новгородскимъ управленіемъ и готовая промѣнять его на великокняжеское. Великій князь воспользовался этимъ и послалъ туда своихъ бояръ, Андрея Албердовича съ товарищами, поджигать Двинянъ къ отторженію отъ Новгорода. Нашлись недовольные Новгородомъ двинскіе бояре. Вѣрно, вмѣшательства Новгорода въ дѣла Двинской Земли и обязанность колоній въ отношеніи своей столицы были таковы, что великому князю легко было обѣщаніемъ льготъ склонить ихъ къ переходу на свою сторону. Они искусились. Изъ Уставной Грамоты, данной тогда великимъ княземъ Двинской Землѣ, видно, что онъ предоставлялъ Двинянамъ выгоду безпошлинно торговать по всѣмъ подвластнымъ ему землямъ [1]). Въ то же время московскій князь занялъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Бѣжецкій-Верхъ, Вологду, съ ихъ волостями, и посадилъ своихъ намѣстниковъ въ этихъ городахъ. Вездѣ онъ могъ найти благопріятелей, потому-что вездѣ кстати давалъ льготы и обѣщанія. Новогородскіе воеводы на Двинѣ—Иванъ и Кононъ [2]), обязанные блюсти колоніи, получили отъ великаго князя себѣ въ собственность новгородскія имѣнія; другіе двинскіе бояре также пріобрѣли для себя земли, отнятыя у преданныхъ Великому-Новгороду владѣльцевъ. То же дѣлалось и въ другихъ волостяхъ: отнимали земли у вѣрныхъ и отдавали измѣнникамъ въ награду. Митрополитъ, съ своей стороны, предъявлялъ право верховнаго управленія по церковнымъ дѣламъ и требовалъ новгородскаго владыку къ себѣ на судъ о святительскихъ дѣлахъ. Чтобъ отвратить грозящую бурю, архіепископъ новгородскій, Іоаннъ, не раздражая митрополита, отправился къ нему; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали отъ Великаго-

[1]) А. Арх. Эксп. I, 9. [2]) Новг. Л. I. 99.

Новгорода выборные послы: Богданъ Абакумовичъ, Кириллъ Дмитріевичъ, съ житыми людьми отъ концовъ. Владыка явился къ великому князю, возложилъ на него святительское благословеніе и говорилъ: «Господине сыну, князь великій! пріими мое благословеніе и доброе слово, и новгородское челобитье: отложи нелюбье свое на вольныхъ мужей твоихъ, Новгородцевъ; прими ихъ по старинѣ, дабы при своемъ княженіи не учинилось между христіанами кровопролитія; отступись отъ Заволочья, Торжка, Волока, Вологды, Бѣжецкаго-Верха, взятыхъ тобою противно крестному цѣлованію; пусть все пойдетъ къ Великому-Новгороду по старинѣ; отложи общій судъ на порубежьѣ: это все не по старинѣ».

Великій князь не принялъ ни благословенія, ни просьбъ. Митрополитъ Кипріанъ не хотѣлъ вести дѣла далѣе своихъ церковныхъ нуждъ, и не упорствовалъ во враждѣ къ Новгороду, ради княжескихъ притязаній: онъ благословилъ владыку и пословъ новгородскихъ. Когда владыка воротился домой, и на вѣчѣ извѣстилъ, какъ кончилось его посольство, Новгородцы говорили:

«Господине отче, не можемъ терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго Василія Димитріевича; онъ отнимаетъ у св. Софіи и у Великаго-Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; хотимъ поискать пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины».

Они всѣ цѣловали крестъ *за одинъ братъ* сопротивляться притязаніямъ великаго князя. Посадники, бояре, дѣти боярскіе, житые люди, купецкіе дѣти, всѣ способные носить оружіе, вооружились, снарядились въ походъ. Они собралисъ на вѣче и въ одинъ голосъ говорили владыкѣ: «Благослови, господине отче-владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей: либо возвратимъ свою отчину къ

св. Софіи и Великому-Новгороду, либо сложимъ головы за св. Софію и за господина своего Великаго-Новгорода».

Владыка благословилъ ихъ, и отпуская военную силу, сказалъ: —«Подите, поищите пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины!»

Въ 1398 г. Новогородское ополченіе двинулось въ Заволочье въ числѣ 3,000 подъ начальствомъ Тимофея Юрьевича, Юрія Димитріевича и Василія Синча. Слышно было, что измѣнники сосредоточились въ городѣ Орлецѣ. [1]). На пути явился къ воеводамъ волостель владычнаго имѣнія, по имени Исаія, и говорилъ: — «Господа воеводы новгородскіе! Бояринъ великаго князя, Андрей, съ Иваномъ Никитинымъ, да съ Двинянами, наѣхали на волость св. Софіи на Вель, на самый Великій День, повоевали волость св. Софіи, побрали окупъ на головахъ; отъ великаго князя пріѣхалъ на Двину воеводою князь Ѳеодоръ, блюдетъ городъ, судитъ и беретъ пошлины по новгородскимъ волостямъ. Двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, да ихъ друзья, побрали себѣ волости Великаго-Новгорода и новогородскихъ бояръ и раздѣлили между собою».—«Братья! говорили новгородскіе воеводы:— лучше намъ умереть за св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ великаго князя».

Они повернули на великокняжескую Бѣлозерскую волость, разсѣялись отрядами, грабили, жгли, брали на щитъ поселенія; сожгли Старый Бѣлозерскій городокъ и приступили къ Новому; но оттуда вышли князья бѣлозерскіе, подручники великаго князя московскаго, и отдались на милость побѣдителямъ. Они отдѣлались тѣмъ, что заплатили шестьдесятъ рублей окупу. Новгородцы захватили Кубенскія волости, повоевали окрестности Вологды, подошли къ Устюгу, и, послѣ четырехнедѣльной осады, взяли его, а потомъ

[1]) Въ двадцати верстахъ отъ нынѣшнихъ Холмогоръ.

отправились къ Орлецу, главному притону измѣнниковъ. Уже противъ стѣнъ этого города были устроены пороки; уже Новгородцы собирались идти на приступъ. Двиняне сообразили, что имъ не будетъ помилованія, если Новгородцы возьмутъ городъ приступомъ, и заранѣе рѣшились сдаться; вышли на встрѣчу, били челомъ и выдали измѣнниковъ-бояръ. Нѣкоторыхъ воеводы казнили тутъ же; главнѣйшихъ (Ивана, Конона, Герасима, Анфала, Родіона, Ивана) заковали, чтобъ представить на вѣчевой судъ. Князь Ѳеодоръ ростовскій отдалъ всѣ судныя пошлины, какія успѣлъ собрать въ короткое время своего управленія Двинскою Землею въ званіи намѣстника великаго князя,—этимъ онъ купилъ себѣ жизнь; захваченные гости московскіе должны были заплатить за себя окупъ; наконецъ, всѣ Двиняне вообще, даромъ-что покорились, обложены были въ наказаніе за свое отпаденіе отъ Новгорода—налогомъ въ 4,000 рублей и сверхъ того доставили ополченію три тысячи лошадей.

Уничтоживъ укрѣпленія Орлеца, новгородская рать возвратилась въ Новгородъ уже зимою; и тутъ узнали они, что еще осенью заключенъ миръ съ великимъ княземъ по старинѣ. По благословенію владыки, который старался о прекращеніи войны, архимандритъ Парѳеній и посадникъ Осипъ Захарьевичъ, да тысячскій Ананія Константиновичъ, да житые люди Григорій и Давидъ ѣздили къ великому князю. Услышавъ, вѣроятно, что Новгородцы успѣвали въ Двинской Землѣ, Василій Димитріевичъ согласился отказаться и отъ Двины, и отъ другихъ захваченныхъ городовъ: Торжка, Вологды, Волока и Бѣжецкаго-Верха, гдѣ онъ уже посадилъ своихъ намѣстниковъ [1]).

Объ этой войнѣ сохранилось такое легендарное преда-

[1]) Новг. Л. I, 98-99-100; Новг. IV, 103; Соф. I, 250; Ник. IV, 273-277.

ніе. Новгородцы, войдя въ Заволочье, подошли къ Устюгу, и требовали съ него копейщины, т. е. окупу за то, чтобъ не быть взятыми на копье. Устюжане не дали; Новгородцы взяли и сожгли посады—самый городъ оставили никакъ не удавалось его взять. Въ досадѣ, Новгородцы ограбили на посадѣ соборную церковь и взяли чудотворную икону Одигитріи устюжской. Ее внесли въ насадъ; хотѣли отчалить: ни какою силою нельзя было насадъ отодвинуть отъ берега. Одинъ старый Новгородецъ, Ляпунъ, сказалъ:—«Полоняникъ несвязанный не идетъ въ чужую землю». Онъ обвязалъ икону убрусомъ. Тогда насадъ двинулся. Гнѣвъ Божій поразилъ за то Новгородцевъ. Многіе изъ нихъ, на дорогѣ, были поражены коркотою; начало имъ корчить руки и ноги, и ломать хребты; а на тѣхъ, которые благополучно дошли до Новгорода, напала слѣпота. Тогда владыка повелѣлъ имъ отвезть назадъ икону и всѣ украшенія, что̀ на ней были. Для этого, послѣ замиренія, въ 1399-мъ году, отправлены были отъ Великаго-Новгорода гости; повезли икону; съ ними поѣхали мастера; владыка проводилъ святыню до самой Ладоги; Новгородцы не только возвратили все ограбленное на прежнее мѣсто, а еще поставили въ память въ Устюгѣ деревянную церковь во имя Успенія Богородицы.

Въ 1401 году опять вспыхнулъ раздоръ съ великимъ княземъ и митрополитомъ. Владыка Іоаннъ, послѣ примиренія, оставался въ прежней неподсудности московскому митрополиту. Кипріянъ потребовалъ его къ себѣ, подъ предлогомъ поговорить объ общихъ святительскихъ дѣлахъ и задержалъ въ наказаніи и смиреніи. Великій князь сильно гнѣвался на владыку за то, что онъ благословлялъ Новгородцевъ, когда они пошли на Двину. Владыку посадили въ Чудовъ монастырь; тамъ онъ пробылъ два года съ половиною, никакъ не поддаваясь на уступки, защищая независимость новгородской Церкви. Вражда, та-

кимъ-образомъ, сама собою чрезъ этотъ поступокъ открылась. Великій князь опять послалъ войско захватить Торжокъ. Въ Заволочьѣ явились опять ему пособники.

Когда новогородскіе воеводы, въ 1398 г. усмиривши Двинскую Землю, возвращались домой и везли съ собою на судъ зачинщиковъ измѣны, одинъ изъ послѣднихъ, Анфалъ, какъ-то успѣлъ дать тягу. За нимъ тогда же послали погоню. Анфалу помогли Устюжане. Быстро явилась у него дружина. Погоня вступила съ нимъ въ битву при Сухонѣ, прогнала Устюжанъ, но не поймала Анфала. Этотъ Анфалъ теперь получилъ покровительство великаго князя. Ему прислано въ Заволочье войско; къ нему прибѣжалъ бывшій его товарищъ Герасимъ, котораго воеводы, въ 1398 году, успѣли благополучно довезти до Новгорода; но тамъ онъ и другой преступникъ, Родіонъ, такъ успѣли разжалобить Новгородцевъ, что имъ даровали жизнь, съ тѣмъ, что они будутъ жить вѣчно въ монастырѣ; и такъ они избавились участи другихъ своихъ товарищей, которыхъ побросали съ моста въ Волховъ. Теперь эти-то два лица стали волновать Заволочье въ пользу великаго князя, раззоряли имѣнія, хватали въ плѣнъ землевладѣльцевъ, преданныхъ Новгороду, и огнемъ принуждали Двинянъ покориться великому князю. Недолго, однако, они себя такъ показывали; новогородское ополченіе разбило ихъ шайку и освободило захваченныхъ ими въ плѣнъ. Въ Торжкѣ дѣло кончилось тѣмъ, что посланные великимъ княземъ бояре, съ тремя стами ратныхъ, схватили двухъ значительныхъ людей, особенно нерасположенныхъ къ великому князю, и въ слѣдующемъ же году ихъ выпустили. Въ 1404 году владыка былъ отпущенъ митрополитомъ, и вражда прекратилась сама собою [1]).

[1]) Соф. I, 250; Ник. IV, 302—303; Нов. IV, 103.

Великій князь, принужденный два раза уступить Новгороду, не пропускалъ, однако, случая дѣлать новыя покушенія на Заволочье. Въ 1417 году, въ Вяткѣ собралась вольная шайка, покровительствуемая великимъ княземъ; княжій бояринъ руководилъ ею; пристали къ ней новгородскіе бѣглецы, Устюжане и Вятчане собрались по ихъ зову, изъ охоты къ грабежу. Эта шайка напала на Заволочскую Землю, сожгла города Емцу и Холмогоры, брала въ плѣнъ преданныхъ Новгороду землевладѣльцевъ; однако скоро новогородскій отрядъ разсѣялъ ее, отнялъ плѣнныхъ, и въ свою очередь Заволочане въ отмщеніе ограбили Устюгъ [1]). До рѣшительной войны съ великимъ княземъ не дошло.

Во все продолженіе княженія Василія Димитріевича, Новгородцы держали себя осторожно и недовѣряли великому князю. Въ то же время въ Новгородѣ одинъ за другимъ продолжали являться разные князья; Новгородъ давалъ имъ пригороды и отнималъ, и вообще соблюдалъ относительно этихъ пришельцевъ безпристрастіе: находясь въ мирѣ съ однимъ, принималъ въ то же время враговъ его. Такъ, въ 1404 году, принятъ былъ врагъ литовскаго дома Юрій смоленскій [2]), а въ 1407 году призванъ и надѣленъ пригородами, знакомый намъ Симеонъ Ольгердовичъ [3]). Доброе отношеніе къ послѣднему не принудило Новгородъ нарушить гостепріимство въ отношеніи Юрія смоленскаго, а послѣ бѣгства его — въ отношеніи сына его Θеодора. Также точно принятіе Симеона не обязало Новгородъ къ союзу съ Витовтомъ, котораго подручникомъ былъ Симеонъ. Напрасно также Витовтъ, предпринимая вмѣстѣ съ Польшею войну противъ Ордена, домогался отъ Новгородцевъ, чтобъ и они съ своей стороны объявили войну Крестоносцамъ; онъ ссылался на договоръ

[1]) Новг. I, 107. [2]) Новг. I, 102. [3]) Новг. IV, 109.

заключенный между Новгородомъ и Литвою. Новгородъ отвѣчалъ посламъ его, Немиру и Зиновію Братошичу, такъ: «Не можетъ Новгородъ того учинить; мы какъ съ литовскимъ княземъ, такъ и съ Нѣмцами, мирны.

Въ 1412 году Симеонъ долженъ былъ оставить Новгородъ, потому-что, въ угоду ему, не хотѣли изгнать Θеодора, сына Юрія Святославича смоленскаго. Въ томъ же году Витовтъ и Ягелло разомъ объявили себя въ непріязни къ Новгороду, вскинули ему разметныя грамоты и грозили войною. «Вы свое слово забыли — говорилъ имъ Витовтъ чрезъ пословъ—какъ изымались быть съ нами за одно, вы тогда лгали; и неправда великая показалась отъ васъ. Ваши люди лаютъ насъ и безчествуютъ, называютъ насъ погаными и невѣрными; а мы христіане и ненавидимъ поганство; а пуще всего — за чѣмъ приняли и держите у себя врага нашего Юрія смоленскаго?» Симеонъ Ольгердовичъ послалъ тогда сказать Новгородцамъ: «Вы меня держали хлѣбокормленіемъ, и то было добро; я зато трудился и кровь проливалъ за васъ; а теперь нельзя мнѣ быть врознь съ братіею моею Ягелломъ и Витовтомъ; съ ними я одинъ человѣкъ, и крестное цѣлованіе съ меня долой.» Чтобы избавиться отъ бѣды, нужно было только прогнать Θеодора, сына Юрія; Новгородъ не сдѣлалъ этого и рѣшился лучше на неравную борьбу, чѣмъ нарушить гостепріимство[1]).

Соединенныя силы Польши и Литвы уже дали себя почувствовать Ордену. Трудно пришлось бы Новгороду, еслибъ эти силы обратились на него. Самъ несчастный князь-изгнанникъ, Θеодоръ Юрьевичъ, добровольно выручилъ Новгородцевъ: «Братья мои и друзья, Новгородцы!—сказалъ онъ на вѣчѣ:—вы меня держали въ мое безвременье и кормили меня: Богъ вамъ воздастъ за это. Теперь поднимается изъ-за

[1]) Новг. Л. I, 105; IV, 114.

меня брань и кровопролитіе! Не вступайте за меня съ Витовтомъ въ нелюбье. Отпустите меня туда, куда мнѣ Богъ путь укажетъ». И онъ уѣхалъ изъ Новгорода съ плачемъ. И миновала Новгородъ на то время опасность [1]). Но въ 1428 году Новгородъ испытало покушеніе со стороны Литвы. Подобно какъ нѣкогда Ольгердъ придрался къ нему за то, что его обругали «псомъ», Витовтъ, всю жизнь стремившійся къ образованію независимаго литовско-русскаго государства, думавшій одно покорить, другое подчинить, прикрывалъ свои политическіе замыслы на Новгородъ предлогомъ, что его Новгородцы обругали измѣнникомъ и бражникомъ. Онъ вошелъ въ Новгородскую Землю съ войскомъ и осадилъ Порховъ. Лѣтописцы наши передали этотъ походъ въ эпическихъ образахъ. «Было — говорятъ они [2]), — у Витовта много пушекъ, тюфяковъ и пищалей; однимъ словомъ огнестрѣльное оружіе у него было, а оно въ то время по своей новизнѣ наводило ужасъ. Какой-то хитрецъ мастеръ Нѣмчинъ Микола изготовилъ страшной величины пушку и далъ ей названіе галка. Каждый день везли ее на сорока коняхъ съ утра до обѣда, на сорока другихъ съ обѣда до полудня, на сорока иныхъ съ полудня до вечера. Литовская рать подошла къ Порхову. Каменныя стѣны его были толсты; возвышалась крѣпкая стрѣльница; въ срединѣ поднимался изъ-за стѣны храмъ св. Николы. «Не только разобью стрѣльницу — сказалъ Нѣмецъ-мастеръ — и каменнаго Миколу въ городѣ зашибу». Микола какъ выстрѣлилъ изъ своей галки, такъ и стрѣльницу вышибъ изъ основанія, и зубцы на стѣнѣ посбивалъ, и у св. Николы переднюю и заднюю стѣну прошибъ; а священникъ у св. Николы въ это время служилъ обѣдню и цѣлъ онъ остался, а ядро, какъ дошло до алтаря, — обратилось назадъ и Нѣмчина Миколу за его по-

[1]) Новг. Л. IV, 114: Никон. V, 46—47. [2]) Ник. V, 95.

хвальбу ро̀зорвало такъ, что ни тѣла, ни костей его не нашли; только и осталось отъ него, что кусокъ его ка̀бота.» Нѣтъ нужды объяснять, что эта легенда выдумана уже значительно позже событія. На самомъ дѣлѣ Витовтъ такъ прижалъ Порховъ, что Порховичи стали просить мира. Вышли къ литовскому великому князю посадникъ Григорій Кириловичъ Посахно, да Исаакъ Борецкій, и предложили окупъ. Витовтъ разсудилъ, что взять деньги безъ большихъ трудовъ и безъ потерь — недурно и согласился на пять тысячъ рублей. Но за эти деньги онъ пощадилъ одинъ только Порховъ и считалъ себя вправѣ разорять другія новгородскія земли, а потому и готовился идти далѣе, поближе къ Новгороду, какъ-вдругъ пріѣзжаютъ въ его лагерь подъ Порховымъ архіепископъ Евфимій съ новгородскими послами. Они просили мира. Витовтъ потребовалъ съ нихъ еще пять тысячъ рублей. Новгородцы согласились. Что̀ касается до плѣнныхъ, то Литовцы не отпускали ихъ безъ выкупа: Витовтъ, взявши десять тысячъ, не считалъ себя обязаннымъ отпускать ихъ за эти деньги, которыя платились собственно за то, чтобы впередъ не разорять Новгородской Земли. Владыка заплатилъ еще тысячу рублей за плѣнныхъ. «Вотъ это вамъ, Новгородцы, за то,—сказалъ Витовтъ:—чтобъ не называли меня измѣнникомъ, да бражникомъ». Чтобъ выплатить, по уговору, Витовту всѣ деньги, Новгородъ принужденъ былъ назначить по всей своей волости поголовный налогъ по рублю съ десяти человѣкъ [1]).

Новгородъ продолжалъ принимать разныхъ князей. Въ 1419 году, онъ не побоялся дать убѣжище опальному брату великаго князя, Константину, который жилъ тамъ два года, до тѣхъ поръ, пока не помирился съ братомъ [2]).

[1]) Новг. Л. I, 110; IV, 121; Ник. V, 95. [2]) Новг. Л. I, 109; IV, 119.

По смерти великаго князя Василія Димитріевича, въ 1425 году, домашнія распри между князьями московскаго дома препятствовали московскому самовластію энергически вести подкопъ подъ независимость Великаго-Новгорода. Новгородъ не оставлялъ прежняго безпристрастія, давалъ убѣжище лицамъ всякой проигравшей стороны. Въ 1434 году великій князь, низложенный съ престола, долженъ былъ искать пріюта, — онъ нашелъ его въ Новгородѣ; но послѣ, въ томъ же году, Новгородъ принялъ врага великаго князя Василія Косаго. За это гостепріимство Косой заплатилъ Новгороду тѣмъ, что возвращаясь оттуда съ своею дружиною, ограбилъ Бѣжецкій-Верхъ и побережье Мсты [1]). Великій князь, получивъ княженіе, согласился заключить съ Новгородомъ вѣчный миръ, отступился отъ всѣхъ давнихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ притязаній, а Новгородцы отступились княжщины, т. е. доходовъ, которые издавна отдавали великому князю [2]). Съ обѣихъ сторонъ выслали людей для точнаго размежеванія границъ. Но великій князь, по обычаю предковъ, не сохранилъ мира [3]): въ 1437 году, Новгородцы добровольно дали ему черный боръ по Торжковской волости [4]); а онъ, все-таки, въ 1441 году началъ войну. Поводомъ къ ней было кажется то, что Новгородцы, не вмѣшиваясь въ княжескія усобицы, допустили смертельному врагу Василья Васильевича, Шемякѣ, пробраться къ Бѣжецкому-Верху; а когда онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Новгородъ, вѣче отвѣчало: — «Хочешь пріѣз-

[1]) Никон. Лѣт. V, стр. 117—118.

[2]) А. И. I, 486.

[3]) Новг. I, 112. Не посла ни кого жъ въ отчины новгородскія къ Новгородцамъ, ни гдѣ ни отведе ни своея очистьи, исправленіемъ не учини, — Ник. V, 122.

[4]) Новг. Лѣт. I, 112; Акт. Арх. Эксп. I, 24.

жай къ намъ и мы тебѣ рады; не хочешь, ступай туда, гдѣ тебѣ любо» [1]).

За это-то, кажется, возвергъ Василій,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—на Великій-Новгородъ нелюбіе и прислалъ складную грамоту [2]). Дѣло кончилось разореніемъ въ пограничныхъ областяхъ. Великій князь дошелъ до новгородскаго города Демана, и тутъ архіепископъ Евфимій, съ боярами и житыми людьми, заключилъ съ нимъ миръ. Великій-Новгородъ заплатилъ 8,000 рублей [3]). Когда, въ 1446 году, великій князь былъ ослѣпленъ, Новгородъ заключилъ съ его преемникомъ Димитріемъ Шемякою крестоцѣловальный союзъ на всей старинѣ. Скоро, однако, Шемяка лишился своей власти; Василій, хотя слѣпой, опять сѣлъ на столъ. Шемяка опять нашелъ пріютъ въ Новгородѣ. Онъ поселилъ тамъ свое семейство, а самъ дѣлалъ нападенія на владѣнія великаго князя. Напрасно митрополитъ увѣщевалъ Новгородцевъ не раздражать великаго князя и не приказывалъ имъ съ Шемякою ни пить, ни ѣсть. Новгородскій владыка отвѣчалъ, что въ Новгородѣ старый обычай ведется: всѣ князья, кто бы ни былъ, пріѣзжали къ св. Софіи; всѣхъ дружелюбно принимали, всѣмъ оказывали честь по силѣ, а митрополиты не посылали никогда за это укорительныхъ грамотъ [4]). Шемяка оставался въ Новгородѣ до смерти, случившейся въ 1453 году, и погребенъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

И дѣйствительно, Новгородъ давалъ всѣмъ князьямъ равный пріютъ, безъ разбора. Въ 1434 году [5]), пріѣхалъ

[1]) Карамз. т. V, пр. 312; Ник. V, 157.

[2]) Новг. I, 113; IV, 122.

[3]) Новг. I, 113; Псковск. I, 211. Вмѣсто 8000 р. въ Псков. Л. 2000; Воскр. П. С. Л. VIII, 111; Ник. V, 153.

[4]) А. А. Э. I, 465.

[5]) Новг. Л., I, 111.

туда сынъ Симеона Ольгердовича, Юрій, пожилъ въ Новгородѣ и уѣхалъ въ Москву. Въ 1444 году, прибылъ къ Новгородцамъ Иванъ Владимировичъ, также литовскаго дома. Въ 1446 году Юрій изъ Москвы снова переселился въ Новгородъ. Прибылъ въ Новгородъ и потомокъ потерявшихъ свои удѣлы суздальскихъ князей, Василій Гребенка, коренной врагъ великаго князя. И его дружелюбно приняли Новгородцы. Не всегда поручали князьямъ города, а давали имъ «хлѣбъ въ кормленье по волости» [1]).

Въ 1456 г. Великій князь объявилъ войну Новгороду. Кромѣ-того что его оскорбляло покровительство, оказываемое его врагамъ, Новгородцы не заплатили ему дани, слѣдуемой по деманскому миру. Московское самовластіе огорчалось тѣмъ, что Новгородъ на вѣчахъ составлялъ грамоты безъ участія великаго князя, или его намѣстниковъ, и политическія сношенія, всѣ постановленія исходили отъ одного вѣча. Возникли еще поземельныя недоразумѣнія, подобныя тѣмъ, какія въ XIV-мъ вѣкѣ довели Новгородъ до войны съ Михайломъ Александровичемъ тверскимъ и до союза съ Димитріемъ Донскимъ: Новгородцы покупали себѣ земли въ Ростовской и Бѣлозерской Земляхъ и, въ силу владѣнія, эти земли стали тянуть къ Великому-Новгороду. Это обстоятельство естественно было непріятно московской политикѣ, старавшейся, напротивъ, чтобъ все тянуло къ Москвѣ, сосредоточивалось около нея, а не отходило отъ ней прочь. На рубежахъ областей происходили взаимные грабежи и драки, которые остались не разобранными и возбуждали вражду земель. Такъ еще въ 1445 году люди великаго князя разоряли принадлежащія Великому-Новгороду земли и села около Бѣжецкаго-Верха, Заборовья и Торжка. Зная вражду республики къ Москвѣ,

[1]) Новг. Л. IV. 123; Карамз. т. V, 534, прим. 313—314.

*

уже литовскій великій князь Казиміръ предлагалъ Новгородцамъ свою помощь; но въ то время ненависть къ московскому самовластію въ Новгородѣ не дошла еще до рѣшимости искать покровительства у государя латинской вѣры[1]). Военныя дѣйствія, какъ всегда водилось, опять начались съ Торжка, зимою въ февралѣ, и великій князь занялъ своими войсками Новоторжскую Землю, обложилъ жителей данью, деньгами и хлѣбомъ. Московскіе воеводы князь Стрига и Ѳедоръ Басенокъ проникли въ глубину Новгородской Земли и дошли до Русы. Новогородцами предводительствовалъ князь суздальскій Василій. Ополченіе ихъ вышло противъ непріятеля въ числѣ 5000; но не знало, какъ далеко проникли Москвичи въ Новгородскую волость, и внезапно наткнулось подъ Русою на сильное войско. Тогда былъ большой снѣгъ. Новгородцы были на лошадяхъ; московскіе воеводы велѣли стрѣлять по лошадямъ; и этотъ оборотъ удался: многіе лишившись лошадей, завязли въ снѣгу; Новгородцы потеряли строй и были разбиты, и князь Василій ушелъ съ поля битвы. Это пораженіе заставило Новгородъ помириться съ великимъ княземъ. Владыка, со старыми посадниками, старыми тысячскими и житыми людьми отъ пяти концовъ, отправился къ великому князю, стоявшему уже въ Яжелбицахъ. Великій князь принялъ благословеніе владыки Евѳимія и челобитье Великаго-Новгорода; и тамъ былъ заключенъ миръ на условіяхъ, невыгодныхъ для Новагорода. Великій-Новгородъ заплатилъ великому князю 8,500 рублей, обѣщался доплатить что̀ осталось недоплаченнымъ отъ деманскаго мира. Всѣ земли, пріобрѣтенныя Новгородцами въ краю, тянувшемъ къ областямъ великаго князя, возвращались. Новгородъ обѣщалъ давать великому князю по прежнимъ обычаямъ черный боръ, виры въ пользу князя, дары

[1]) Новг. Л. IV, 123.

отъ волостей и всѣ пошлины по старинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено, чтобъ не быть болѣе *вѣчнымъ* грамотамъ и употреблялась бы княжеская печать. Эти условія поражали новгородскую свободу и приготовляли ея паденіе при наслѣдникѣ великаго князя. Съ обѣихъ сторонъ постановлено: возвратить завоеванное и взятое въ плѣнъ [1]).

Великій князь Василій Васильевичъ внушилъ къ себѣ глубокую злобу въ Новгородцахъ. Они должны были ненавидѣть его, особенно вспоминая, что этотъ князь нѣкогда въ несчастіи былъ принятъ Новгородомъ, получилъ въ немъ прибѣжище, и когда возвратилъ потерянную власть, то два раза угрожалъ Великому-Новгороду и дѣлалъ ему вредъ. Не удивительно послѣ того, что въ 1460-мъ году, когда онъ посѣтилъ Новгородъ, негодованіе при видѣ его возрасло до того, что составился заговоръ убить его вмѣстѣ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ и ненавистнымъ для Новгорода воеводою Басенкомъ, побѣдившимъ новгородскія войска подъ Русою. Владыка Іона, узнавъ объ этомъ, едва уговорилъ заговорщиковъ оставить злобное намѣреніе, и представилъ, что пользы для Новгорода отъ того не будетъ; у Василія остается еще сынъ, Иванъ: его на ту пору не было въ Новгородѣ,— онъ сдѣлается мстителемъ за отца и за братьевъ [2]). Это удержало Новгородцевъ.

До такого положенія дошли отношенія Новгорода къ князьямъ, предъ вступленіемъ на престолъ великаго князя Іоанна Васильевича, при которомъ московское самовластіе одолѣло его свободу.

[1]) Карамзинъ V, прим. 361; Воскр. Полн. Собр. Лѣт. т. VIII, 146—147; Ник. V, 281—283; Акт. Арх. Эксп. I, 42. 45; Новг. IV, 132.

[2]) 2 Соф. Врем. стр. 182.

IX.

ПРАВА КНЯЗЕЙ.

Древнѣйшія извѣстія, при скудости своей, не содержатъ подробностей, которыя бы представили намъ картину положенія князей встарину. Нельзя полагать, чтобъ ихъ права и обязанности были строго опредѣляемы; свободное право избранія, возможность выбрать изъ многихъ кого угодно, и изгнать, когда нужно, дѣлали ненужными строгія правила. Съ половины XIII-го вѣка послѣ татарскаго завоеванія, когда уже, какъ выше замѣчено, великій князь сдѣлался неизмѣннымъ новогородскимъ княземъ и княжеское достоинство, вмѣсто внутренней институціи, стало внѣшнею силою, являются договоры, опредѣляющіе отношенія къ власти, явно показывающіе, что Новгородъ боится князей и хочетъ, сколько возможно, оградить себя отъ ихъ произвола. Договоры эти представляютъ ту замѣчательную черту, что всѣ между собою сходны, даже въ выраженіяхъ, и очевидно составлялись по одной канвѣ. Ихъ отмѣны касаются только подробностей, истекающихъ изъ временныхъ обстоятельствъ. Въ этихъ договорахъ ссылаются всегда на старину, и въ самомъ раннемъ изъ нихъ, 1265-го года, говорится: *тако княже, господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, отъ твоихъ и нашихъ;* слѣдовательно тѣ правила, какія содержалъ этотъ договоръ,

существовали и прежде въ обычаяхъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ 1218-мъ годомъ, при извѣстіи о цѣлованіи креста княземъ и обѣщаніи хранить обязательства, постановленныя при его вступленіи, есть выраженіе: *ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа нелишити* [1]). Выраженіе это является во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ. Это заставляетъ предполагать, что условія съ князьями, встрѣчаемыя въ договорахъ XIII, XIV и XV вѣковъ, существовали и ранѣе. Подъ 1222 годомъ говорится, что великій князь суздальскій Юрій Всеволодовичъ далъ въ Новгородъ на княженіе сына Всеволода «на всей волѣ новгородской» [2]). Подъ 1228 годомъ, когда дѣло идетъ о призывѣ суздальскаго князя Ярослава, говорится, что Новгородцы звали его «на всей волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ» [3]); то же повторяется, по поводу призыва черниговскаго князя Михаила, 1229 года [4]). О грамотахъ Ярославовыхъ существовало постоянное убѣжденіе, что онѣ служили юридическою основою связи Великаго-Новгорода съ князьями; остается предположить, что смыслъ послѣдующихъ договоровъ имѣетъ основаніе свое въ этой древней великой хартіи свободы Великаго-Новгорода. Въ этой грамотѣ, вѣроятно, было общее основаніе свободнаго избранія князей.

До татарскаго ига князь, по народному понятію, былъ лицо необходимое. Главное его значеніе было—предводительство войскомъ, и въ этомъ заключается сознаніе необходимости княжескаго достоинства. Князь происходилъ изъ особаго рода, несвязаннаго съ туземцами, поставленнаго выше другихъ родовъ по значенію; рода, призваннаго для установленія ряда, призваннаго такъ, какъ вообще неполадившія стороны призываютъ въ судьи третьяго, чужаго, на безпристрастіе котораго могутъ болѣе надѣяться, именно потому,

[1]) Новг. I, 37. [2]) Новг. IV, 27. [3]) Новг. I, 44. [4]) Тамъ же.

что этотъ третій стоитъ внѣ условій, которыя побуждали бы его пріятствовать одной изъ враждующихъ сторонъ. Только съ такимъ значеніемъ, предводитель ополченія могъ сохранить необходимую на войнѣ дисциплину и заставить всѣхъ, составляющихъ войско, повиноваться; а этого несравненно труднѣе достигнуть полководцу, происходящему изъ среды той же массы, которою онъ предводительствуетъ. Оттого-то и замѣчаютъ лѣтописцы, что въ войскѣ бываетъ безпорядокъ, когда въ немъ нѣтъ князя, а боярина не всѣ слушаютъ. Народное понятіе отдавало княжескому роду право миротворить, уставлять рядъ, охранять безопасность земства, а потому князь, ставшій на челѣ войска, казался уже самою судьбой, по своему рожденію, назначенымъ къ этому. Въ Новѣгородѣ главное достоинство князя состояло въ предводительствѣ войскомъ: и въ тѣ времена, когда уже не чувствовалась потребность въ князѣ по управленію гражданскими дѣлами, Новгородъ все-еще признавалъ, за лицомъ княжескаго происхожденія, право и какъ-бы способность быть предводителемъ новгородскаго войска. Съ этими-то понятіями Новгородъ въ XIV и XV вѣкахъ призывалъ себѣ князей на кормленье въ качествѣ военачальниковъ и охранителей пограничныхъ краевъ. Внѣшнія сношенія вообще производились отъ имени князя и вмѣстѣ отъ имени Великаго-Новгорода [1]). Такъ имя Юрія въ 1323 г. стоитъ въ договорѣ Новгорода со Шведами. Впослѣдствіи, однако, договоры заключались и безъ имени князя. Въ концѣ XIII вѣка, когда значеніе новгородскаго князя утвердилось за великимъ княземъ, договоры писались еще отъ имени князя и Новгорода вмѣстѣ; но князь участвовалъ здѣсь больше по имени. Въ 1292 г. прибыли въ Новгородъ нѣмецкіе послы, по поводу разграб-

[1]) Antiq. Russes. t. II, p. 490.

ленія нѣмецкаго двора. Переговоры происходили разомъ и съ великокняжескими боярами на Городищѣ, и въ самомъ Новгородѣ съ новгородскими мужами: тысячскимъ и двумя боярами. Свои доводы подкрѣпляли Новгородцы прежнимъ договоромъ съ Нѣмцами, который былъ заключенъ отъ лица великаго князя и Великаго-Новгорода вмѣстѣ. Но когда, послѣ того, великій князь былъ расположенъ уступить Нѣмцамъ и признать законность требуемаго ими вознагражденія за убытки, понесенные нѣмецкими купцами, Новгородцы отрицали ее, и великій князь ничего не могъ сдѣлать. Шесть разъ — говорили нѣмецкимъ посламъ его бояре — великій князь посылалъ къ Новгородцамъ дать ему отвѣтъ, и наконецъ лично просилъ ихъ, и все было напрасно, и великій князь сознавалъ свое безправіе въ этомъ случаѣ и только хотѣлъ оправдать себя передъ Нѣмцами. «Воздайте имъ тѣмъ, что̀ они вамъ надѣлали», — былъ послѣдній совѣтъ, данный нѣмецкимъ посламъ великокняжескими боярами [1]).

Въ древнія времена виды общественной дѣятельности не были строго разграничены и раздѣлены; князь, будучи предводителемъ ополченія и защитникомъ Земли извнѣ, былъ вмѣстѣ и правителемъ, т. е. защитникомъ ея внутри. Князь поражалъ враговъ; но каждый нарушитель порядка и спокойствія земства, былъ также врагъ; и потому, охраняя земство отъ внѣшнихъ враговъ, естественно было его участіе въ охраненіи того же земства и отъ враговъ внутреннихъ. И тамъ и здѣсь, онъ, какъ лицо третье, не принадлежащее къ земству, но призванное имъ, не могъ дѣйствовать самобытно безъ воли и участія вѣча. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ предводительствовалъ войскомъ по распоряженію вѣча, шелъ на войну рѣшенную вѣчемъ, клалъ

[1]) Bunge, I, Heft. 7, 683.

свое имя на договорѣ, составленномъ и обсужденномъ на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннихъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ, очерченныхъ вѣчемъ. Ему предоставляли судъ, но вмѣстѣ съ посадникомъ, происходившимъ изъ земства и служившимъ полнымъ выраженіемъ земской воли. Собственно въ судѣ доля князя была не обсужденіе дѣла — на то были выборные судьи, — а оправленіе оправданнаго и казнь виновнаго (а князь казнитъ), т. е. именно то, что̀ непосредственно принадлежитъ внутреннему охраненію земства. Оттого половина виръ и судныхъ пошлинъ, взыскиваемыхъ съ виновной стороны, шла князю: этотъ платежъ былъ казнь.

Призваніе и пріемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода, — только долженъ былъ явиться на вѣчѣ и сложить съ себя цѣлованье.

Изъ договоровъ, оставшихся до нашего времени, видно, что князь былъ поставленъ, сколько возможно, внѣ связей съ жизнью Новгорода. Вся волость считалась достояніемъ святой Софіи и Великаго-Новгорода. Князь не могъ пріобрѣтать въ Новгородской Землѣ имѣній, ни покупкою, ни принятіемъ въ даръ; не могъ брать закладниковъ, слѣдовательно совершать сдѣлокъ; это правило распространялось и на его родню, и на его дружинниковъ. Ему дозволялось торговать въ Новгородѣ, но не иначе какъ чрезъ посредство природныхъ Новгородцевъ; слѣдовательно, это дозволеніе ограничивалось правомъ пускать капиталъ въ оборотъ. Безъ участія посадниковъ, изби-

раемыхъ вѣчемъ, князь не имѣлъ права назначать правителей въ краю, подчиненномъ Великому-Новгороду; отдавать въ кормленье принадлежащую Новгороду землю, давать кому бы то ни было, о чемъ бы то ни было — грамотъ; нарушать прежде состоявшіяся грамоты; не могъ производить суда безъ участія посадника, лишать волостей, раздавать ихъ въ собственность, наказывать безъ суда, и вообще безъ воли вѣча и безъ участія посадника дѣлать какія бы то ни было распоряженія. Все это простиралось также и на его чиновниковъ [1]). Князь даже не жилъ въ Новгородѣ, но на Городищѣ; тамъ съ нимъ пребывала его дружина: то мѣсто было навсегда отведено для князя и его дружины. Такъ, впослѣдствіи, когда званіе новгородскаго князя усвоилось за великими князьями, на Городищѣ жили ихъ намѣстники. Судъ ихъ касался такихъ дѣлъ, когда въ спорномъ дѣлѣ одна сторона не принадлежала къ составу новгородскаго гражданства; а по старому общерусскому обычаю, гдѣ истцы были между собою разныхъ земель или вѣдомствъ, судъ всегда былъ смѣсный, т. е. были два судьи, каждый отъ того вѣдомства, къ которому принадлежалъ одинъ изъ тяжущихся; сверхъ-того участіе намѣстника во всякомъ судѣ опредѣлялась правомъ, — брать извѣстныя пошлины, составлявшія доходъ князя. Лишенный права на недвижимыя имѣнія, князь имѣлъ указанныя Новгородомъ подвижные доходы. Они состояли во-первыхъ, въ судныхъ пошлинахъ, которыми князь дѣлился съ посадниками. Эти пошлины платились на судѣ виновною стороною; въ числѣ ихъ была вира, платимая за уголовныя преступленія; для сбора пошлинъ по волостямъ высылались проѣзжіе судьи, по обычаю, каждо-

[1]) А ряду въ Новгородской волости, тобѣ княже и твоимъ судьямъ не посужати, ни самосудовъ замышляти.

годно о Петровѣ дни; во-вторыхъ, князю давались доходы съ нѣкоторыхъ мѣстъ Новгородской Земли, и для этого онъ могъ посылать туда для сбора своихъ тіуновъ. Но эти доходы были не произвольны, а полагались заранѣе. Такими краями, опредѣленными для княжескихъ доходовъ, были — половина Волока-Ламскаго и часть въ Торжкѣ. Впрочемъ, точное неизмѣнное указаніе этихъ мѣстъ не было обязательствомъ. Великій-Новгородъ могъ назначать и другія мѣста, какъ это показывается тѣмъ, что литовскимъ князьямъ, приходившимъ въ Новгородъ, назначали другія волости на кормленье. Изстари, какъ показываетъ грамота Всеволода Іоанну на Опокахъ, предоставлялись князю доходы съ торговли, плата съ вѣса. Наконецъ существовалъ особый налогъ въ пользу князя, называемый «даръ съ волостей». Объ этой вѣтви княжескихъ доходовъ говорится въ договорахъ глухо: «*Когда, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда даръ тобѣ имѣти, а коли, княже, поѣдешь изъ Новгорода, то даръ не надобѣ.*» Изъ этого можно заключить, что даръ не былъ какой-нибудь постоянный налогъ, а давался князю только при вступленіи его на княженіе или при посѣщеніи имъ Новгорода. Великій-Новгородъ предоставлялъ своимъ князьямъ право охоты въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время; такъ напримѣръ въ Русу ѣздить могли на третью зиму, а въ Ладогу на третье лѣто для звѣроловства; имъ давали въ пользованіе рыболовли, также въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, и право медоваренія, съ такими же ограниченіями: *а въ Ладогу тобѣ слати осетрьника и медовары; а ѣздить тобѣ, княже, въ Ладогу на третье лѣто* [1]).

[1]) Собр. Гос. Гр. I, 3, 8.

Въ послѣдніе вѣка великіе князья вымогали съ Новгородской волости черный сборъ. Это не былъ постоянный доходъ или налогъ годовой, но брался однажды во всякое великое княженіе, и притомъ почти всегда силою. Новогородцы соглашались на него тогда только, когда не могли отвязаться отъ притязаній на него великаго князя.

X.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ВЕЛИКАГО-НОВГОРОДА.

Политика московскихъ великихъ князей, переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ, давно подтачивала самостоятельность Великаго-Новгорода. Болѣе чѣмъ полтора вѣка Новгородъ терпѣлъ безпрестанныя вымогательства денегъ, захваты областей, разоренія новгородскихъ волостей въ случаяхъ, когда Новгородъ не хотѣлъ платить. Но ничто, кажется, прежде такъ не озлобляло Новгородцевъ противъ Москвы, какъ поступки послѣдняго московскаго государя.

Послѣдняя война съ Василіемъ привела къ стѣснительному договору, требовавшему прекращенія вѣчеваго дѣлопроизводства,—драгоцѣннѣйшаго достоянія свободы; безъ него вѣче оставалось бы незначительною формою, имѣло смыслъ только сходки подданныхъ, которые могутъ говорить о своихъ дѣлахъ, столько, сколько позволено господиномъ. Новгородъ имѣлъ предъ глазами печальную судьбу Суздальской Земли: ея князья, лишенные своихъ правъ, скитались и искали у Новгородцевъ убѣжища. Ясно было, что московскіе князья скоро приведутъ и вольный городъ, со всѣми подвластными ему землями, къ такому же порабощенію. Заговоръ на жизнь Василья Васильевича,

въ 1460 году, достаточно показываетъ, какъ созрѣла и переполнилась въ Новгородѣ давняя ненависть.

Теперь на московскомъ престолѣ усѣлся государь съ деспотическими наклонностями своихъ предковъ, но съ умомъ гораздо обширнѣйшимъ и потому чрезвычайно осторожный; онъ не только вначалѣ не дѣлалъ ничего крутаго, рѣшительнаго, напротивъ, казалось, готовъ былъ сохранять тотъ порядокъ вещей, какой застало его вступленіе на столъ. Тверь и Рязань оставлены съ ихъ видимою независимостію. Московскій государь удовольствовалсея только тѣмъ, что владѣтели этихъ странъ дѣлались ему послушными; всѣ силы земель ихъ находились въ его распоряженіи, и во всякое время Москва могла стереть наружный образъ, оставшійся отъ ихъ прежней самостоятельности; да при такихъ отношеніяхъ доходило до того, что самый этотъ образъ, содержа въ себѣ мало дѣйствительнаго, уже непобуждалъ жителей земель имъ дорожить. Для Новгорода опасность была уже одинаково велика, какъ и тогда, когда бы эти земли находились въ непосредственной власти Москвы; потому-что туземные князья хотя и управляли своими землями, но безропотно вели своихъ людей на того, на кого идти прикажетъ московскій государь. Великій-Новгородъ не исполнялъ условій стѣснительнаго договора съ Василіемъ Темнымъ, какъ и прежде всегда дѣлалось, что договоры эти оставались только на бумагѣ;Новгородъ давалъ ихъ, когда не было силы не дать, и оставлялъ безъ дѣйствія; отсюда возникалъ поводъ къ новымъ войнамъ. Такъ катилась исторія его отношеній къ великимъ князьямъ. Между-тѣмъ, по старой памяти, недовольство Москвою обращало въ Новгородѣ желаніе и надежды къ Литвѣ. Намѣреніе сойтись съ Литвою уже проявлялось и при Василіи Темномъ; и тогда, по словамъ житія Михаила Клопскаго, бояре со старѣйшинами думали, что свобода Новгорода будетъ

тверда, если онъ соединится съ Литвою. Въ этомъ краю было много привлекательнаго для Новгорода. Подъ властію короля Казимира соединилась значительная часть русскаго міра. Русскіе города не теряли основъ своего прежняго порядка; не видно было стремленій подавить самобытность русскихъ земель, поступившихъ въ составъ Литовской державы: если и допускались измѣненія, то онѣ не только не стѣсняли свободы, но способствовали ея расширенію; грамота Казимира возводила свободныхъ людей и собственниковъ земель до полной независимости. Это было приманчиво для новгородскихъ бояръ-землевладѣтелей. Подъ верховной властью короля Казимира можно было надѣяться каждому получить отъ короля грамоту на неприкосновенность своего владѣнія и сдѣлаться полнымъ, спокойнымъ его обладателемъ и господиномъ поселянъ, живущихъ въ этихъ владѣніяхъ. Приманчиво было соединеніе съ Литвой и для торговаго класса; потому-что привилегіи, которыя давалъ Казимиръ городамъ, сообщали широкій размѣръ и правамъ торговаго сословія и оборотамъ ихъ занятій. Недавній примѣръ подданства Пруссіи (гдѣ города и въ городахъ торговый классъ искали спокойствія въ добровольномъ соединеніи съ Польшею и Литвою), долженъ былъ ободрять Великій-Новгородъ. Черный народъ менѣе всего могъ въ дѣйствительности выиграть отъ такого соединенія; но масса не вглядывается въ будущее; простой народъ не терпѣлъ Москвы: долговременно было враждебное отношеніе къ ней Новгорода. Одно только могло наводить недовѣріе и боязнь: это вѣсти о попыткахъ католиковъ распространить папизмъ между православными; но если такія вѣсти доходили до Новгорода, то доходили туда и другія, противоположныя и утѣшительныя,—что подданные греческой вѣры пользуются равными правами съ подданными римской; что въ государствѣ

Литовско-Русскомъ господствуетъ полная юридическая свобода вѣроисповѣданій. Самыя вѣсти объ измѣнѣ православію литовскаго митрополита Григорія и западно-русскихъ духовныхъ, соединялись съ увѣщаніями митрополита московскаго, котораго не любили въ Новгородѣ, въ которомъ видѣли орудіе московскаго покушенія на новгородскую свободу. Если монахи въ Новгородѣ и толковали объ отступничествѣ Литвы, то были и такіе, которые видѣли въ этихъ толкахъ не болѣе какъ московскую хитрость. Выгоды, представляемыя соединеніемъ съ Литвою, располагали не вѣрить этимъ толкамъ.

Ясно было, что Великій-Новгородъ не въ силахъ оградить своей свободы самъ собою. Еще великій князь московскій молчалъ, но, молча, укрѣплялся и готовился задушить ее въ удобное время. Надобно было что-нибудь избрать: или пожертвовать старыми предубѣжденіями,— неловкостью быть подъ верховною властію католическаго короля, заглушить недовѣріе и боязнь за неприкосновенность греческой вѣры и, за то, сохранить древнюю свободу; или же, ради необщенія съ католиками, потерять свободу и свое народное существованіе. Та же партія, которая въ XIV-мъ вѣкѣ призывала литовскихъ князей, партія, чуявшая для Новгорода опасность на востокѣ и искавшая противъ нея опоры и союза на западѣ, существовала постоянно, съ разными видоизмѣненіями, дѣйствуя тò слабѣе, тò сильнѣе. Теперь было отъ чего ей поднять голову.

На челѣ партіи, ненавидѣвшей московское самовластіе, явилась женщина—Марѳа Борецкая, вдова бывшаго нѣкогда посадника, Исаака Борецкаго, мать двухъ взрослыхъ сыновей, Димитрія и Ѳеодора. Достойно замѣчанія, что въ послѣдніе годы новгородской независимости, выступила не одна Марѳа; были еще кромѣ ея женщины, не чуждыя политическихъ дѣлъ; такъ въ числѣ, лицъ преслѣдуемыхъ

московскимъ самовластіемъ, является Настасья Григоровичева, какъ должно думать,—жена Степана Григоровича, одного изъ пословъ къ Казимиру. Скудость извѣстій о подробностяхъ тогдашняго состоянія общества, не даетъ намъ средствъ разъяснить участіе женскаго пола въ политической сферѣ. Личность самой Марѳы остается блѣдною, по недостатку свѣдѣній. Несомнѣнно только, что эта женщина была душою свободной партіи, собиравшей послѣднія силы Великаго-Новгорода, чтобъ охранить его отъ покушенія Москвы. Велерѣчивый московскій повѣствователь о послѣднихъ дняхъ независимости Новгорода, расточая Марѳѣ всевозможнѣйшіе бранные эпитеты, указываетъ на нее, какъ на главнѣйшую руководительницу литовской партіи и признаетъ ея личное вліяніе на весь Великій-Новгородъ. Чтобы больше очернить ее, онъ внушаетъ ей намѣреніе выйти замужъ за князя Михаила Олельковича и властвовать съ нимъ въ Новгородѣ, подъ верховнымъ покровительствомъ короля Казимира. Это, вѣроятно, басня, потому-что Марѳа была уже не въ такихъ лѣтахъ, когда можно было думать о замужствѣ. Ничто́ изъ тогдашнихъ событій, ни отношенія ея къ упомянутому князю, не указываютъ на подобное; да сверхъ-того полемическій тонъ сказанія лишаетъ его довѣрія въ этомъ случаѣ.

Семья Борецкихъ была богата и вліятельна: она не принадлежала къ кругу аристократовъ, стоявшихъ въ оппозиціи съ чернымъ народомъ. Напротивъ, Марѳа, умѣвшая соединить около себя нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій, умѣла расположить къ своей сторонѣ и черный народъ. Это доказывается тѣмъ, что въ послѣдніе дни предсмертныхъ для Великаго-Новгорода смутъ и усобицъ, многіе бояре стали на сторонѣ великаго князя, а съ Борецкими оставался черный народъ [1]). На Софійской сторонѣ между Розважею и Борко-

[1]) Пск. II. 38.

вою улицами на Побережьѣ, въ Неревскомъ концѣ, былъ у Мароы красивый и богатый дворъ, названный лѣтописцемъ «чуднымъ». Тамъ у ней собирались люди, готовые стоятъ за свободу и независимость отечества. Изъ главныхъ лицъ этой патріотической партіи были: сынъ Мароы Димитрій; фамилія Селезневыхъ; фамиліи Арбузеевыхъ, Афанасьевыхъ, Григоровичевыхъ, Немиръ и другіе. Владыка Іона готовился умирать. Пріятелемъ Мароина общества былъ ключникъ его Пименъ; его готовили въ преемники Іонѣ, и онъ заранѣе изъявлялъ намѣреніе принять посвященіе отъ литовскаго митрополита. Это было дѣло самое важное: необходимо было осуществить давнее стремленіе новгородской Церкви — отрѣшиться отъ власти митрополита, очевидно покровительствовавшаго своимъ первосвятительскимъ достоинствомъ самовластнымъ московскимъ намѣреніямъ.

Пока народъ пріучался къ мысли о союзѣ съ Казимиромъ, пока старались расшевелить въ немъ завѣтныя чувства независимости и народной самобытности, ненависть къ московскому владычеству начала проявляться рядомъ поступковъ, оскорбительныхъ для великаго князя. Новгородское вѣче не только продолжало управляться самобытно: оно объявило, что великій князь не имѣетъ никакой собственности, ни въ землѣ, ни въ водѣ; не хотѣло платить никакой дани, и привело весь Новгородъ ко крестному цѣлованію на имя св. Софіи и Господина Великаго-Новгорода, безъ великаго князя. На Городищѣ жили по прежнему намѣстники и дворяне великаго князя. Начались споры съ Москвичами; большое вѣче жаловалось на оскорбленія Новгородцамъ отъ великокняжескихъ дворянъ и отправило къ намѣстникамъ требовать виновныхъ. Намѣстники отказали. Тогда Новгородцы съ вѣча отправились вооруженною силою на Городище; нѣсколько людей въ дракѣ было убито. Новгородцы захватили двухъ какихъ-то князей и еще нѣсколькихъ велико-

княжескихъ дворянъ, притащили ихъ на вѣче и наказывали. Великій князь, услышавъ объ этомъ, слѣдовалъ своему хитрому нраву, и послалъ въ Новгородъ пословъ не съ угрозами, а съ миролюбивыми представленіями. «Исправьтесь, люди новгородскіе,—говорили послы:—помните, что Новгородъ отчина великаго князя; не творите никакого лиха, живите по старинѣ. Государь ждетъ отъ васъ чистаго исправленія и праваго челобитья.» Такой кроткій тонъ, можно подумать, нарочно избранъ для того, чтобъ Новгородцы возгордились еще болѣе,—подумали, что можно теперь противиться, и стали бы отважнѣе. Новгородцы обругали великокняжескихъ пословъ; вѣче рѣшительно въ глаза имъ твердило, что «Новгородъ не отчина великаго князя, а самъ-себѣ господинъ, и долженъ управляться независимо самъ собою». Это повторялось нѣсколько разъ; а послѣ такихъ рѣзкихъ отвѣтовъ, въ 1470 г., литовская партія отправила къ Казимиру звать на кормленіе князя Михаила Олельковича, брата кіевскаго князя Симеона, ревнителя православія, возстановителя Печерской обители. Благочестивая репутація князей Олельковичей должна была успокоивать тѣхъ, которые соблазнялись при мысли, что Новгородъ получитъ себѣ князя отъ руки государя латинской вѣры.

1470-й годъ склонялся къ концу. Пославъ звать кіевскаго князя, Великій-Новгородъ отправилъ въ Москву посадника Василья Ананьина для объясненія съ великимъ княземъ. Въ чемъ состояло это объясненіе, — лѣтописцы не говорятъ, ограничиваясь общимъ выраженіемъ: «о дѣлахъ своихъ земскихъ новгородскихъ». Эта неясность и короткость извѣстія недозволяетъ намъ судить о томъ, въ какія отношенія Великій-Новгородъ хотѣлъ себя поставить въ то время къ великому князю; но, конечно, объясненія, съ которыми пріѣхалъ въ Москву новгородскій посолъ, не были пріятны московскому правитель-

ству. Боярамъ великаго князя поручено было переговорить съ нимъ. «Какъ же это — сказали бояре: — ты пріѣхалъ отъ Векаго-Новгорода посольство править великому князю о своихъ земскихъ новгородскихъ дѣлахъ, а о грубости и неисправленьи новгородскомъ ни одного слова покорнаго не правишь!» Василій отвѣчалъ: «Великій-Новгородъ не мнѣ это приказывалъ; мнѣ то не наказано.» Бояре замѣтили ему что государю станетъ вельми грубно; однако, когда передали государю эти рѣчи, Іоаннъ приказалъ, спокойно и кротко, дать чрезъ посла Великому-Новгороду такой отвѣтъ: «Моя отчина, Великій-Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь и сознайтесь; не вступайтесь въ земли и воды мои, великаго князя; держите имя мое, великаго князя, честно и грозно, по старинѣ; ко мнѣ, великому князю, посылайте бить челомъ по докончанью; а я буду жаловать свою отчину и держатъ по старинѣ.» Не было въ словахъ великаго князя никакой угрозы.

Іоаннъ не былъ человѣкъ горячаго характера, — приходить въ изступленіе и досаду было не въ его натурѣ; онъ все сносилъ спокойно, не гнѣвался; онъ дѣлалъ свое дѣло хладнокровно и шелъ вѣрно къ своей цѣли. Когда ему указывали на униженіе великокняжескаго достоинства, онъ спокойно отвѣчалъ: «Часто волны бьютъ о камни, но въ пѣну разсыпаются, и ничего не сдѣлаютъ, а какъ-будто въ посмѣяніе исчезаютъ; такъ будетъ и съ людьми этими, — Новгородцами; Господь смиритъ ихъ».

Ананьинъ повезъ отвѣтъ отъ московскаго государя, самый кроткій, только мимоходомъ замѣтили ему въ Москвѣ бояре, что государю стало не въ-терпежъ (*не въ истерпъ*), и онъ не хочетъ больше сносить такой досады и непокорства. Не показывая Новгородцамъ вида, что хочетъ усмирять ихъ оружіемъ, Іоаннъ однако послалъ ко Псковичамъ приготовлять ихъ къ вооруженію на Новгородъ въ край-

немъ случаѣ, еслибъ Новгородъ принудилъ его взяться за оружіе. Тогда Псковъ находился въ несогласіи съ Великимъ-Новгородомъ уже много лѣтъ. Главная причина несогласія, кромѣ другихъ, было желаніе Пскова учредить у себя особую епархію и отдѣлиться отъ непріятнаго для нихъ начальства новгородскаго владыки. Тогда новгородскаго владыку Іону столько же во Псковѣ не любили и укоряли въ корыстолюбіи, сколько въ Новгородѣ уважали за благочестіе и святую жизнь. Назадъ тому шесть лѣтъ Новгородцы такъ озлобились на Псковичей, что просили великаго князя послать своего воеводу для усмиренія Псковичей, нехотѣвшихъ признавать правъ новгородскаго владыки. Въ тотъ самый (1470) годъ, когда неудовольствіе Новгорода съ великимъ княземъ обѣщало кровавую развязку, въ Новгородѣ задержали псковскихъ гостей, ограбили ихъ имущество и самихъ засадили въ порубъ въ оковахъ. Псковъ хлопоталъ о возвращеніи имъ свободы чрезъ посредство великаго князя: задержанныхъ Псковичей выпустили, а имущества ихъ еще не возвратили. Такъ накопившееся прежде нерасположеніе къ Новгороду у Псковичей было поддерживаемо свѣжими причинами къ распрямъ. И тутъ, кстати, въ половинѣ ноября 1470 года явился посолъ отъ великаго князя — бояринъ Селиванъ, уже по прежнимъ сношеніямъ знакомый Псковичамъ. Пришедши на вѣче, онъ сталъ поднимать Псковъ на Великій-Новгородъ и говорилъ: «Великій князь велѣлъ вамъ сказать: если Великій-Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, тогда пусть отчина моя — Псковъ, послужитъ мнѣ, великому князю, на Великій-Новгородъ за мои старины.» Вѣче выслушало его объясненія и, послѣ преній разсудило, такъ, что Псковъ долженъ стать посредникомъ между Новгородомъ и великимъ княземъ; Псковичи признавали, по доказательствамъ представленнымъ посломъ, что Новгородъ

дѣйствительно погрѣшаетъ противъ старины, и рѣшились отправить пословъ въ Новгородъ, съ тѣмъ, чтобъ эти послы, вмѣстѣ съ новгородскими, отправились къ великому князю бить челомъ и просить прощенія. Выбраны были два человѣка: одинъ Никита Насоновъ, другой сотскій Дмитрій Патрикѣевичъ. Эти послы на новгородскомъ вѣчѣ говорили такъ: «Извѣщаемъ васъ, Великій-Новгородъ, что великій князь, нашъ господинъ, поднимается на васъ; онъ хочетъ отъ васъ, своей отчины, челобитья себѣ; мы за васъ, свою братію, рады слать къ великому князю своего посла вмѣстѣ съ вашимъ и бить челомъ за васъ по миродокончанной съ вами грамотѣ; дайте посламъ нашимъ путь по своей вотчинѣ къ великому князю.»

Такая готовность къ покорному предстательству за Новгородъ предъ московскимъ государемъ не понравилась Новгородцамъ, когда у нихъ созрѣло уже намѣреніе рѣшительно сопротивляться и отложиться отъ власти московской. Вѣче не дало опасной грамоты на проѣздъ по своей волости къ великому князю, а дало посламъ опасную грамоту на возвращеніе назадъ во Псковъ, и отправило вслѣдъ за ними въ Псковъ посла, владычняго стольника Родіона, съ такимъ объясненіемъ: «Великій-Новгородъ велѣлъ всему Пскову повѣстить, что онъ не хочетъ вашего посла поднимать къ великому князю, и также не хочетъ ему бить челомъ. А васъ проситъ стать съ нами за одно противъ великаго князя по нашему съ вами миродокончанью.» Безъ сомнѣнія, новгородскій посолъ тогда представилъ Пскову причины, которыя побуждаютъ Великій-Новгородъ отложиться, и убѣждалъ Псковъ, какъ меньшаго брата и союзника, соединиться съ Новгородомъ и единомышленно утвердить взаимную свободу. Чтобъ расположить къ себѣ Псковичей, Новгородцы дали этому же послу уполномочіе — уладить со Псковомъ прежнее несогласіе о задержанныхъ людяхъ въ Нов-

городѣ. Псковичи, чтобы вытребовать отъ Новгорода свое, не сказали послу наотрѣзъ ничего и подали надежду, не давши никакого обѣщанія. Отвѣтъ ихъ вѣча былъ таковъ: «Когда великій князь пришлетъ вамъ возметную грамоту, вы явите намъ; а мы тогда подумаемъ и отвѣтимъ вамъ.» Посолъ заплатилъ 45 рублей въ вознагражденіе потерявшихъ свои имущества въ Новгородѣ. Но Псковъ не думалъ и тогда искренно помогать Новгороду въ рѣшительной борьбѣ съ великимъ княземъ. Псковъ не терпѣлъ такъ часто, какъ Новгородъ, насилій отъ Москвы. Псковъ не свыкся, подобно Новгороду, съ ненавистью къ Москвѣ: притомъ же сосѣдніе Нѣмцы безпрестанно безпокоили его земли; много разъ Псковъ просилъ пособія у Великаго-Новгорода, но не получалъ его и, напротивъ, много разъ получалъ помощь отъ великаго князя. И безполезно Новгородъ переговаривался со Псковомъ, пытаясь сдѣлать его участникомъ отложенія.

Но вотъ въ самомъ Новгородѣ произошла перемѣна. Владыка Іона скончался 5 ноября 1470 г.—Приходилось выбирать новаго владыку. Дѣло отложенія много зависѣло отъ того, кого выберутъ; надобно было, чтобы новоизбранный владыка преодолѣлъ старое предубѣжденіе къ литовской сторонѣ и рѣшился принять посвященіе отъ кіевскаго митрополита. Поставленіе отъ московскаго митрополита никакъ не совмѣщалось съ расторженіемъ связи съ Москвой. Такимъ владыкою могъ быть ключникъ Пименъ, любимецъ Мароы. «Меня хоть и въ Кіевъ пошлютъ на посвященіе, такъ я пойду,» говорилъ онъ. Но стариннаго обычая нарушить было невозможно, особенно въ церковномъ дѣлѣ. Владыка выбирался не иначе какъ по жребію изъ трехъ. Единственно, что̀ могла сдѣлать Мароа для Пимена, — это постараться, чтобъ въ числѣ трехъ кандидатовъ было его имя. Она этого достигла. 15-го ноября собралось вѣче на Софійскомъ дворѣ. Положили на престолъ три жребія: первый былъ Пиме-

на, второй Варсанофія, духовника покойнаго Іоны, третій Ѳеофила—протодіакона. Народъ въ ожиданіи толпился около св. Софіи; по окончаніи литургіи начали выносить изъ церкви жребіи:—вынесли Варсонофіевъ, вынесли Пименовъ,—остался на престолѣ Ѳеофиловъ. Ѳеофилъ долженъ былъ сдѣлаться владыкою. Инокъ, чуждый можетъ-быть волненій политическихъ, ужаснулся мысли просить поставленія отъ Григорія. Увѣщанія московскихъ митрополитовъ, неоднократно посылаемыя предъ тѣмъ одно за другимъ въ Новгородъ, внушили новгородскимъ духовнымъ, что Григорій, называющій себя митрополитомъ, есть волкъ, а не пастырь; что онъ преемникъ и послѣдователь отступника Исидора, слуга поганаго папы и латинскаго короля, врага и гонителя русской вѣры. Московская митрополія имѣла для духовенства святость старины; сами патріархи константинопольскіе, отъ которыхъ столько вѣковъ зависѣла русская Церковь, приказывали уже неразъ новгородскимъ владыкамъ признавать надъ собою его благословеніе. Притомъ же дѣло церковное, казалось, могло совершаться своимъ путемъ, независимо отъ политическаго. Духовенство, а за нимъ и многіе граждане, рѣшили, что новоизбранному владыкѣ ни отъ кого нельзя принять поставленія, кромѣ какъ отъ московскаго митрополита, по старинѣ. Противники московскаго владычества старались противодѣйствовать, и распространяли въ простомъ народѣ мысль о возможности отставить новоизбраннаго, когда онъ хочетъ ѣхать въ Москву, и вмѣсто его назначить Пимена. Говорятъ, что Пименъ, при жизни старика Іоны, завѣдуя софійскою казною, похищалъ изъ ней часть и отдавалъ Марѳѣ, а Марѳа чрезъ своихъ пособниковъ раздавала черни, чтобъ та требовала Пимена. Продѣлка не удалась. Трудно было подорвать обычай выбора; Ѳеофилъ, избранный по жребію, представлялся народному понятію указаннымъ

самимъ Богомъ. Узнали объ искательствѣ Пимена, и бѣдный раздѣлался за него не дешево: его подвергли розыску, — отобрали у него казну и взяли у самого 1000 рублей. Вліяніе Мареы и ея партіи временно должно было уменьшиться. Послали въ Москву Никиту Ларіоновича просить у великаго князя опасной грамоты, чтобы владыка съ нею могъ ѣхать къ митрополиту для поставленія. Не дали намека на политическія отношенія, какъ-будто бы между Великимъ-Новгородомъ и великимъ княземъ все идетъ согласно и не было никакой размолвки. Іоаннъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ принялъ тотъ же тонъ, какой показывалъ и прежде, не сдѣлалъ намека на отношенія свои къ Новгороду и отвѣчалъ: «Отчина моя Великій-Новгородъ прислалъ ко мнѣ бить челомъ о томъ, что послѣ того какъ Богъ взялъ отца ихъ и нашего богомольца, архіепископа Іону, Новгородцы избрали себѣ, по своему обычаю, по жеребьямъ Ѳеофила; и я, великій князь, ихъ жалую и велю нареченному Ѳеофилу прибыть въ Москву ко мнѣ и къ отцу своему митрополиту Филиппу для поставленія на архіепископство Великаго-Новгорода и Пскова, безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ бывало при отцѣ моемъ, Василіѣ, и при дѣдѣ, и при прадѣдѣ и при всѣхъ прежде-бывшихъ великихъ князьяхъ, — ихъ же родъ есть володимирскихъ и Новагорода-Великаго и всея Русіи».

Никита Ларіоновъ, возвратившись изъ Москвы, нашелъ въ Новгородѣ дѣла въ другомъ положеніи. Патріоты снова одержали верхъ. Партія богатыхъ и знатныхъ фамилій наклонялась къ примиренію; но Мареа и ея соумышленники возбудили черный народъ, гдѣ раздачею денегъ, гдѣ убѣжденіями и ненавистью къ знатнымъ, издавна вооружавшимъ противъ себя бѣдныхъ и простыхъ. «Худые мужики — вѣчники, — какъ называетъ ихъ московскій лѣтописецъ, — прибѣгали толпами на вѣче, звонили въ колоколъ, сбѣгался

народъ, всколебались,—говоритъ лѣтопись,—всѣ Новгородцы словно пьяные.» Настроенные Мареою, мужики кричали: «Не хотимъ великаго князя московскаго! Мы не отчина его! Мы вольные люди—Великій-Новгородъ! Московскій князь чинитъ надъ нами великія обиды и неправды! Отдаемся королю польскому и великому князю Казимиру! Зачѣмъ послали въ Москву просить опасной грамоты владыкѣ? Пусть владыка ѣдетъ на поставленіе къ митрополиту Григорью въ Кіевъ!» Тогда люди степенные, старые, бывшіе посадники и тысячскіе, и вообще богатые, го ворили «Нельзя, братья, этому быть, какъ вы говорите, чтобъ намъ даться за короля Казимира и поставить себѣ архіепископа отъ его митрополита, латинина. Изъ начала мы отчина великихъ князей, отъ перваго великаго князя Рюрика, котораго Земля наша избрала изъ Варягъ себѣ княземъ. Правнукъ его, Владимиръ, крестился и крестилъ всю Землю Русскую и нашу Словенскую-Ильмерскую и Весскую, т. е. Бѣлозерскую, и Кривскую, и Муромскую и Вятичей, и проч.; и до нынѣшняго господина нашего великаго князя Ивана Васильевича, мы не бывали за латиною, и не ставливали себѣ архіепископа отъ нихъ. Какъ теперь вы хотите, чтобъ мы поставили себѣ владыку отъ Григорія; а Григорій ученикъ Исидора латинина? Къ Москвѣ хотимъ! — кричали зажиточные. Къ Москвѣ, по старинѣ къ митрополиту Филиппу въ православіе!»

Противники не поддавались на такія убѣжденія, проклинали Москву, величали вольность Великаго-Новгорода, и кричали: «За короля хотимъ! мы — вольные люди, и наша братья, Русь, подъ королемъ — вольные люди! Пусть Казимиръ охраняетъ Великій-Новгородъ!» Началась перебранка; наконецъ вѣчники начали кидать въ противную сторону каменьями. Такія собранія повторялись нѣсколько дней, и наконецъ сторонники мира съ Москвою

не смѣли показаться. Ѳеофилъ видѣлъ, что ему не сдобровать; у него недоставало твердости воли; онъ самъ не могъ себѣ уяснить: будетъ или не будетъ противно православію посвятиться отъ Григорія. Онъ просилъ уволить его отъ предстоящаго сана; Новгородцы, считая избраніе его указаніемъ Божіимъ, не дозволяли. Его убѣждали, что православіе отъ этого не пострадаетъ; уже былъ одинъ примѣръ, когда владыка Евфимій поставленъ митрополитомъ не московскимъ, а литовскимъ, Герасимомъ. Со страхомъ недовѣрія склонился владыка на литовскую партію. Къ успокоенію владыки и народа, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князь Михаилъ Олельковичъ, прибывшій въ Новгородъ 8-го ноября, черезъ два дня по смерти Іоны. Дружина его состояла изъ Кіевлянъ, съ которыми Новгородцы сходились снова послѣ столькихъ вѣковъ разлуки; родственныя черты народности должны были поражать Новгородцевъ и располагать къ нимъ; это были православные: они должны были увѣрить Новгородцевъ собственнымъ примѣромъ, что во владѣніяхъ великаго князя литовскаго православный народъ пользуется невозмутимымъ правомъ свободы совѣсти; что пастыри ихъ вовсе не латины; что наговоры на нихъ исходятъ изъ Москвы, которая силится отклонить Новгородъ отъ связи съ Литвою для того, чтобы задушить его свободу. Не забыли, вѣроятно, Кіевляне, объяснить Новгородцамъ и то, что въ это же самое время, когда Новгородъ искалъ спасенія у Казимира, другіе народы также добровольно отдавались ему: Чехи избрали сына его па престолъ; и Венгерцы готовились изгнать своего короля Матѳія и принять другаго Казимирова сына. Видно, что съ Польшей и Литвой хорошо было жить, когда народы свободные, самобытные, добровольно вступаютъ съ ними въ связь. Наконецъ къ союзу съ Казимиромъ побуждала и опасность войны. «Видите-ли

какъ поступаетъ съ Новгородомъ великій князь,» — говорили приверженцы литовской партіи: — даетъ опасъ владыкѣ ѣхать къ Москвѣ, и разомъ поднимаетъ на насъ Псковъ и хочетъ идти на насъ войною.»

При всѣхъ этихъ благопріятствующихъ обстоятельствахъ, вѣче составило договорную грамоту съ королемъ Казиміромъ. Она была составлена по образцу древнихъ договорныхъ грамотъ Великаго-Новгорода съ своими князьями, и отличалась отъ прежнихъ только нѣкоторыми подробностями, такъ напримѣръ: нѣтъ правила объ охотѣ и рыбной ловлѣ, и о медовареніи для князя; не упоминается о дарѣ своему новому господину, который давался прежнимъ князьямъ; не говорится о мытахъ торговыхъ, о которыхъ условливались въ прежнихъ грамотахъ; отношенія опредѣляются общимъ выраженіемъ: «посламъ и гостямъ путь чистъ по Литовской Землѣ и по Новгородской». Новгородъ обеспечиваетъ свободу своей религіи и Церкви. Предоставлялось королю право держать намѣстника на Городищѣ, но съ тѣмъ, чтобъ намѣстникъ былъ вѣры греческой; при немъ могъ быть тіунъ и дворецкій и дружина, — въ этой дружинѣ не должно быть болѣе пятидесяти человѣкъ. Королю не дозволялось строить костеловъ въ Новгородской Землѣ. Ничего не говорится объ отношеніяхъ владыки къ литовскому митрополиту; напротивъ, сдѣланъ оговоръ: «а гдѣ будетъ вамъ Великому-Новгороду любо въ своемъ православномъ христіанствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей волѣ». Такимъ-образомъ оставлялась возможность ставить владыку и у московскаго митрополита, и у восточныхъ патріарховъ. Церковь новгородская пріобрѣтала ту независимость, какой домогалась давно, стараясь отложиться отъ зависимости московскому митрополиту. Предметъ, которымъ подробно занимается грамота, — судное дѣло и доходы, предоставляемые ново-

му господину. Судъ остается на прежнихъ основаніяхъ: намѣстнику Казимира предоставлялся судъ съ посадникомъ на владычнемъ дворѣ, не вступаясь въ суды тысячскаго и владыки и монастырскіе суды. Доходъ въ волостяхъ составляли: за проѣзжій судъ пошлины, собираемыя по разнымъ пригородамъ извѣстною суммою, разною въ различныхъ пригородахъ. Новгородъ предоставлялъ Казимиру часть Волоцкой и Новоторжской волостей, гдѣ изстари князья держали своихъ тіуновъ, и сверхъ того также особый поборъ подъ именемъ черной куны въ волостяхъ порубежныхъ Литвѣ: Ржевѣ, Великихъ-Лукахъ, Холмовскомъ погостѣ и также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Молвотицахъ, Жабнѣ, Моревѣ, Лопатицахъ, Буицахъ), опредѣленное число куницами, бѣлками и рублями. Вообще изъ этого договора видно, какъ мало развивались въ Новгородѣ политическія понятія, когда, вступая въ новую сферу политическаго существованія, онъ не могъ ничѣмъ болѣе обезпечить свою самостоятельность, какъ только прежними условіями. Казимиръ обязывался помогать Новгороду противъ московскаго князя, а Новгородъ обѣщалъ однажды собрать черный боръ со всей Новгородской волости въ благодарность.

Съ этимъ договоромъ поѣхали къ Казимиру: сынъ Маѳы, Димитрій, Аѳанасій Астафьевичъ, бывшій посадникъ, и отъ всѣхъ пяти концовъ по одному житому человѣку [1]).

Дошло извѣстіе о такомъ поворотѣ дѣлѣ до Ивана Васильича. Онъ не измѣнилъ своему хладнокровному спокойствію и наружной кротости, не пришелъ въ ярость, но отправилъ въ Новгородъ пословъ съ ласковыми убѣжденіями; онъ не грозилъ даже войною. Онъ напоминалъ Новгороду, что отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ Рюрика до сего

[1]) Памфилъ Селифонтовичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковличъ, Яковъ Зиновьевичъ, Степанъ Григорьевичъ (Акт. Геогр. Арх. Эксп. I, 62).

дня, Новгородъ зналъ одинъ княжескій родъ. «Вы не были ни за какимъ королемъ—говорилъ посолъ отъ имени великаго князя—и за великимъ княземъ литовскимъ вы не были, какъ и Земля ваша стала; а нынѣ отъ христіанства отступаете къ латинству, черезъ крестное цѣлованіе; а я, князь великій, не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ никакихъ тягостей выше того, что было при отцѣ моемъ великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ, при дѣдѣ же и при прадѣдѣ, и при всѣхъ великихъ князьяхъ рода нашего; но еще хочу жаловать васъ, свою отчину.» Вмѣстѣ съ ласковымъ и кроткимъ словомъ великаго князя, прочитана была на вѣчѣ увѣщательная грамота Филиппа. Въ ней излагалось все послѣднее дѣло Новгорода съ великимъ княземъ, вспоминались два посольства новгородскія, восхвалялись справедливость и милосердіе великаго князя потомъ говорилось: «Нынѣ, сыны мои, дошло до моего слуха, и очень удивляюсь я тому, что въ ваши сердца входятъ неподобныя мысли; вы оставляете жалованье великаго князя, господина и сына моего; отступаете отъ своего господина, отчича и дѣдича, отъ христіанскаго господаря русскаго; забываете свою старину и обычаи, и приступаете къ чужому латинскому государю-королю;—недобрые люди возмущаютъ васъ; говорятъ: великій князь поднимаетъ на васъ Псковъ и хочетъ на васъ войной идти. Это, дѣти, врагъ-діаволъ вкладываетъ неподобное въ сердца человѣка, нехотя роду человѣческому добра, а желая ему погибели. Господинъ мой и сынъ, князь великій, посылалъ своего посла во Псковъ, не чая вашего челобитья, а какъ вы послали съ челобитьемъ, такъ съ того часу и жалованье господина великаго князя пошло, и впередъ по вашему челобитью и исправленію жалованье вамъ будетъ. Не соблазняйтесь же, дѣти; помните дѣти, апостольское слово: братіе, бога бойтеся, а князя чтите, — Божій бо

слуга есть. Разумѣйте, дѣти: царствующій градъ Константинополь и церкви Божія непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло какъ солнце. А какъ оставилъ истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да подписался папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ патріархъ, и Царьградъ впалъ въ руки поганыхъ Турокъ. А вы развѣ не чаете Божія гнѣва? Сколько лѣтъ ваши пращуры и прапращуры, и прадѣды, и дѣды, и отцы старины держались и неотступно великихъ русскихъ государей: а вы на концѣ послѣдняго времени, когда бы надобно душу спасать въ православіи, все оставя, да за латинскаго государя закладываетесь. Развѣ не знаете божественнаго писанія, какъ святыми отцами заповѣдано, чтобъ съ латиной не имѣть общенія? Я знаю, что вы горазды сами божественное писаніе разумѣть, а такъ дѣлаете!»

Люди степенные, богатые, бояре, расчувствовались отъ этихъ увѣщаній. «Не надобно преступать крестнаго цѣлованія»–стали говорить они. Но Марѳа Борецкая и ея дѣти и приверженцы—говоритъ московскій лѣтописецъ,—не хотѣли слышать этихъ рѣчей; они уже подготовили партію чернаго народа. Словно скоты—говоритъ тотъ же враждебный лѣтописецъ [1]) — смерды, убійцы, шильники, мужики безъименитые, разума неимѣющіе, умѣющіе только кричать да рычать, какъ безсловесныя животныя, пересилили ихъ. Звонили въ колокола, кричали, вопили: «Мы не отчина московскаго князя! Великій-Новгородъ—вольная отъ вѣка земля! Великій-Новгородъ самъ себѣ государь! Хотимъ за короля Казимира!»

И послы великокняжескіе возвратились со срамомъ.

Уже тогда Новгородъ такъ далеко зашелъ, что во-

[3]) Ник. Л. VI, 20.

рочаться было невозможно; послы уже отправились къ Казимиру, а можетъ-быть въ то время и воротились назадъ съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла; примириться съ великимъ княземъ—значило навести на себя гнѣвъ и войну отъ Казимира; а между-тѣмъ не было покойнаго ручательства, чтобъ московскій государь не продолжалъ дѣла своихъ отцовъ и не уничтожилъ окончательно новгородскую свободу.

Прежнее терпѣніе и спокойствіе Ивана Васильича не измѣнилось и при новыхъ непріятныхъ вѣстяхъ. Онъ съ видимымъ соболѣзнованіемъ пригласилъ мать свою, митрополита Филиппа и бояръ, и говорилъ, что противъ его воли вынужденъ исполнить мысль свою надъ Новгородцами. Чтобъ придать еще болѣе вида своей справедливости, великій князь разослалъ звать свою братію, всѣхъ епископовъ и бояръ на совѣтъ. Онъ не спѣшилъ войною, показывалъ видъ, что желаетъ, чтобъ дѣло обошлось безъ войны, — чтобъ Новгородцы одумались; что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ старины, и послалъ еще въ концѣ марта посла—Ивана Өедоровича Товаркова, съ такими же, какъ и прежде, кроткими увѣщаніями. «Не отступай, моя отчина, отъ православія»—говорилъ отъ имени великаго князя Товарковъ:—изгоните изъ сердца своего лихую мысль; не приставайте къ латинству; исправьтесь и бейте мнѣ челомъ, а я буду васъ жаловать и въ старинѣ держать» [1]). Съ своей стороны и митрополитъ послалъ еще одно увѣщаніе, въ духѣ прежняго. Въ немъ между прочимъ было сказано:

«Многое лютое и неутолимое предстоитъ въ такомъ начинаніи, чтобъ, оставивши новый законъ благочестія и спасенной заповѣди живаго Бога, приступить къ латинству; всѣ прельщенныя души взыщутся отъ руки Господа Вседержителя на тѣхъ богоотступникахъ, начинающихъ вво-

[1]) Соф. I, 8.

дить богоотметную ересь древнихъ еретиковъ каруловыхъ въ великое благочестіе вашихъ земель даже до онаго Формоса, послѣдовавшаго имъ, папы римскаго, ереси, въ которой до сихъ поръ пребываетъ латинь и всѣ ихъ папы римскіе четверовластно держа святую Троицу, глаголюще не токмо отъ отца Духъ святый исходящь, но и отъ Сына, Духа, яко раболѣпна Духа Святаго глаголютъ и опрѣсночная служатъ, и субботу хранятъ, и постятся въ ню, яко жидови, и водою кропятся по вся дни, тѣмъ же обычаемъ жидовскимъ». Обращаясь къ духовенству новгородскому, митрополитъ говорилъ: «А ты, сыну Ѳеофиле, нареченный во владычество, и вы, архимандриты и честнѣйшіе игумены, и всѣхъ семи соборовъ священники! Накажите своихъ дѣтей духовныхъ отъ велика до мала, укрѣпляйте ихъ въ вѣрѣ православія, берегучи единородныхъ и безсмертныхъ ихъ душъ отъ сѣтей ловца, многословнаго змія діавола, яко да не ввалятъ въ стромины покровенныхъ оныхъ глубокихъ ямъ бѣсовскихъ, ни увязнутъ въ сѣтяхъ лукаваго прельщеніемъ латинскихъ ересей... А вы, старые посадники новгородскіе и тысячскіе, и бояре, и купцы, старшіе младыхъ понакажите, и вщините лихихъ отъ злаго начинанія, чтобъ не было латинамъ похвалы на вѣру православныхъ людей» [1]). Эти увѣщанія, казалось, пришли кстати. Призванный изъ Литвы князь Михайло Олельковичъ уѣхалъ изъ Новгорода 15-го марта. Передъ тѣмъ умеръ братъ его, князь кіевскій Симеонъ, и Казимиръ посягалъ уничтожить кіевское княженіе и поставить въ Кіевѣ воеводу. Князь Михаилъ поспѣшилъ въ Кіевъ — удерживать свое наслѣдіе, и надѣялся заступить мѣсто брата. Въ свое четырехмѣсячное пребываніе онъ вовсе не расположилъ къ себѣ Новгородцевъ; много было отъ его дружины непріят-

[1]) Акт. Ист. I. 510, 517.

ностей; дорого стоило Новгороду содержаніе такихъ гостей: надобно было всѣмъ доставлять кормъ и давать подарки: и всѣмъ они были недовольны; наконецъ, уходя изъ Новгорода, они шли по Новгородской волости какъ непріятели: въ Русѣ силою брали оброки, грабили и дѣлали насилія по новгородскимъ селамъ вплоть до самаго рубежа. Такимъ-образомъ помощь, ожидаемая отъ короля, едва-ли въ то время могла представляться Новгородцамъ въ привлекательномъ видѣ. Однако партія Борецкихъ успѣла еще разъ пересилить противную. Вѣроятно король, отправляя пословъ назадъ, надавалъ имъ много лестныхъ обѣщаній.

Тогда уже Іоаннъ приступилъ къ рѣшительному дѣлу. Съѣхались въ Москву епископы, бояре, воеводы. Великій князь извѣстилъ ихъ, что съ прискорбіемъ долженъ идти на Новгородъ ратью. Новгородцы измѣнили, и нѣтъ въ нихъ никакой правды, — ни во что считаютъ московскую власть. «Не знаю только,—говорилъ великій князь, —идти ли теперь, или подождать зимы; теперь наступаетъ время лѣтнее, а земля у нихъ многоводная — большія озера, великія рѣки, непроходимыя болота; прежніе великіе князья въ такое время на нихъ не ходили; а кто ходилъ, тотъ много людей потерялъ». Но оскорбленіе отъ Новгорода касалось не одного князя; его братья, его бояре чувствовали его на себѣ; вмѣстѣ съ непріязнью къ великому князю соединилась давняя къ Новгороду непріязнь Восточной и Сѣверной Руси. Новгородцы, вѣчники, крамольники — возбуждали негодованіе въ покорныхъ властямъ Москвичахъ и вообще Великоруссахъ, у которыхъ уже угасли тогда древнія вѣчевыя начала подъ татарскимъ игомъ. «Нельзя ожидать—говорили ему:—не дадимъ королю собраться на помощь Новгородцамъ.» И такъ рѣшили идти немедленно, и князь одного посла отправилъ въ Новгородъ съ розметною грамотою, объявляющею войну, а другаго во Псковъ.

На Троицыной недѣлѣ, въ пятокъ, прибылъ во Псковъ дьякъ московскій, по имени Яковъ: разсказалъ всѣ новгородскія неправды противъ великаго князя; извѣщалъ, что князь въ понедѣльникъ на будущей недѣлѣ отошлетъ свои розметныя грамоты въ Новгородъ, и потребовалъ, чтобъ и Псковъ также послалъ отъ себя въ своихъ розметныхъ грамотахъ объявленіе войны Великому-Новгороду.

«Великій князь—говорилъ посолъ,—приказалъ вамъ сказать:—что у васъ съ Новгородомъ миръ и крестное цѣлованье, то я буду предъ Богомъ въ томъ грѣхѣ, а вы крестную грамоту отвергните.»—«Когда услышимъ—отвѣчали Псковичи,—что великій князь вступилъ въ Новгородскую-Землю, и мы вступимъ туда ратью».

И послали подвойскаго Савву съ розметными грамотами въ Великій-Новгородъ [1]).

Въ это время явился посолъ и отъ Новгорода — приглашать Псковичей противъ великаго князя. Но способъ посольства оскорбилъ Псковичей, уже настроенныхъ противъ Новгорода. Присланъ былъ не бояринъ, а подвойскій, безъ обычнаго поклона, безъ челобитья, не какъ къ равному себѣ меньшому брату, а какъ къ своему пригороду,—съ однимъ вопросомъ: «врекаетесь ли пособить намъ противъ великаго князя?» и Псковичи думали—такъ и сякъ и рѣшились воевать противъ Новгорода.

Уже таинственное ожиданіе чего-то грознаго смущало новгородское населеніе. Не задолго передъ тѣмъ посѣщалъ Великій-Новгородъ преподобный Зосима, соловецкій отшельникъ. Онъ приходилъ жаловаться на боярскихъ людей, которые не дозволяютъ инокамъ его обители ловить рыбу и ходатайствовалъ, чтобъ монастырю подарили островъ во владѣніе. Мареа Борецкая, имѣвшая тог-

[1]) Псков. Л. I, 239; II, 36.

да вліяніе на дѣла, была противъ отдачи острова обители. Когда Зосима, хлопоча по своему дѣлу, явился-было къ ней, она не пустила его къ себѣ. Тогда преподобный, обратившись къ ея дому, сказалъ:—«Придутъ дни, когда живущіе въ дворѣ семъ не оставятъ въ немъ слѣдовъ своихъ, и затворятся двери дома сего, и дворъ ихъ будетъ пустъ. Однако, по ходатайству владыки и духовенства, вѣче согласилось на просьбу Зосимы,—подарило островъ монастырю и дало Зосимѣ грамоту на владѣніе отъ всего Великаго-Новгорода. Тогда и Мареа одумалась, — не стала больше противиться и пригласила преподобнаго къ себѣ на пиръ. Зосима не помянулъ ея прежней суровости и пришелъ. Мареа съ почестьми приняла его и посадила за столомъ на почетное мѣсто. Вдругъ, посреди пира, преподобный задрожалъ, устремилъ глаза исполненные ужаса на сидѣвшихъ за столомъ бояръ и заплакалъ, но не сказалъ ничего. До конца пира онъ ничего не ѣлъ, ничего не говорилъ и былъ печаленъ.—«Чего ты ужаснулся, сидя за столомъ. Что̀ ты видѣлъ, и отчего заплакалъ?» спросилъ его потомъ благочестивый Памфилъ, одинъ изъ бояръ, послѣ и самъ удалившійся изъ разореннаго отечества въ Соловецкую обитель. — «Я видѣлъ, — сказалъ Зосима— бояръ, что сидѣли за столомъ: на нихъ головъ не было!» Это были тѣ самые четыре боярина, которымъ потомъ московскій великій князь отрубилъ головы въ Русѣ. Новгородецъ происхожденіемъ и душою, преподобный Зосима заранѣе плакалъ о грядущей судьбѣ своего отечества, предвидя пророческимъ даромъ, что скоро падетъ сила его, затмится слава его и дѣти его пойдутъ умирать невольниками на чужой землѣ.

Предзнаменованія слѣдовали одно за другимъ. Буря сломила крестъ на св. Софіи; на гробахъ двухъ новгородскихъ архіепископовъ, почивающихъ въ мартиріевской

паперти у св. Софіи, увидѣли кровь; у хутынскаго Спаса зазвонили сами собою колокола; въ женскомъ монастырѣ Евфиміи въ церкви на иконѣ Богородицы изъ очей покатились слезы, какъ струя; замѣтили слезы и на иконѣ св. Николы Чудотворца въ Никитиной улицѣ; а на Ѳедоровой улицѣ полилась вода съ вѣтвей и съ вершины тополцевъ (ветлъ и это были какъ-будто слезы [1]).

Что-то зловѣщее носилось надъ Великимъ-Новгородомъ.

31-го мая 1471 года великій князь отрядилъ рать свою подъ начальствомъ Василія Ѳедоровича Образца и Бориса Матвѣевича Тютчева на Двину, чтобъ захватить главнѣйшія новгородскія колоніи. Къ великокняжескому ополченію долженъ былъ пристать подручникъ московскаго государя—устюжскій князь Василій Ѳедоровичъ. Подожгли тогда на Новогородцевъ и Вятку, гдѣ тлилась давняя непріязнь къ бывшей метрополіи и Вятчане послали свое ополченіе. Пристала къ великому князю и Вологда, пригородъ новгородскій. Давно уже недовольна была она управленіемъ Великаго-Новгорода. Какъ Торжокъ, она имѣла всегда партію, готовую перейти на сторону великаго князя, особенно когда въ распрѣ съ Новгородомъ счастіе склонялось не къ послѣднему. Новгородцы отправили защищать Заволочье потомка низложенныхъ суздальскихъ князей—Василія Шуйскаго-Гребенку.

Черезъ шесть дней послѣ первой рати, іюня 6-го, отправилась изъ Москвы другая рать, въ двѣнадцать тысячъ. Предводительствовали князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, да бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ. Они должны были идти

[1]) Новг. Л. III, 241; I, 127.

къ Русѣ, оттуда обойти Ильмень и стать позади Новгорода [1]). Снова—черезъ шесть дней послѣ того, іюня 13-го, отправленъ былъ третій отрядъ, подъ начальствомъ князя Василія Ивановича Оболенскаго-Стриги; много было въ немъ русскихъ ратниковъ; къ нимъ придали еще и Татаръ, подручныхъ великому князю татарскихъ царевичей Даньяровъ. Этотъ отрядъ посланъ на Волочокъ, и долженъ былъ пройти побережье рѣки Мсты. Всѣмъ дано приказаніе—жечь безъ пощады новгородскіе пригороды и селенія: положить пусту землю, черезъ которую будетъ лежать путь,—убивать безъ разбора и сострадапія и малыхъ, и старыхъ, и загонять въ плѣнъ людей. Во Псковъ былъ посланъ приказъ выходить въ Новгородскую волость. Другой посолъ отправился къ тверскому князю требовать, чтобъ тверская рать была послана къ Торжку на соединеніе съ главною ратью московскою. Такимъ-образомъ передовые отряды должны были опустошить Новгородскую Землю, прежде чѣмъ главное войско пойдетъ за ними къ центру этой земли, къ Великому-Новгороду.

Великій князь отправилъ отряды одинъ за другимъ, а потомъ и самъ съ своими родственниками и подручными князьями сталъ собираться. Управлять Москвою оставилъ онъ своего сына Ивана и брата Андрея; съ нимъ должны были идти другіе братья — Юрій и Борисъ, двоюродный братъ Михаилъ Андреевичъ, много служебныхъ князей, переставшихъ уже дорожить своею независимостію въ тепломъ углу подъ московскимъ крыломъ, бояре, и воеводы, и дѣти боярскіе, и Татары касимовскіе съ ихъ царемъ Даміаномъ Касимовичемъ и Татары мещерскіе: иноплеменные поселенцы Русской Земли, они платили теперь вѣрною службою московскому самовластію за раболѣпство ханамъ

[1]) Соф. II, 191.

предковъ московскаго государя. Сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ Волокъ-Ламскій.

Наступилъ день отъѣзда изъ Москвы. Иванъ Васильевичъ, съ обыкновеннымъ невозмутимо-спокойнымъ и благочестивымъ лицомъ посѣщалъ одинъ за другимъ московскіе кремлевскіе соборы и молился усердно образу Владимирской Богородицы въ Успенской церкви, молился передъ гробами московскихъ святителей, митрополитовъ, благословлявшихъ всегда его предковъ на пораженіе удѣльной свободы; молился онъ въ церкви архистратига Михаила, — прося предводителя силъ безплотныхъ невидимо помогать ему; просилъ заступленія святыхъ, ознаменовавшихъ свое земное житіе воинскою храбростію: Димитрія Селунскаго, Георгія-Храбраго, всегда покровительствующихъ воинамъ въ браняхъ; припадалъ къ гробамъ прародителей, начиная отъ Ивана Калиты до отца своего Василія. Всѣ они воевали противъ Новгорода. Теперь ихъ потомокъ шелъ кончить дѣло, котораго не суждено было окончить дѣдамъ. «О, прародители мои! — восклицалъ Иванъ: — о, великіе князья Владимира, Новгорода и всея Руси! Если вы духомъ и далеко отстоите, то молитвами помогите мнѣ на отступниковъ православія державы вашей!» Потомъ онъ посѣщалъ монастыри, вездѣ прикладывался къ святынѣ, принималъ благословеніе и раздавалъ обильную милостыню. Окончивши путешествіе по церквамъ, великій князь Иванъ принялъ торжественно благословеніе на брань отъ митрополита Филиппа и всего освященнаго собора. И благословилъ его митрополитъ Филиппъ на брань на противники, какъ благословлялъ Самуилъ Давида на Голіаѳа — говоритъ московскій лѣтописецъ. Московское духовенство одушевляло ратныхъ толкованіемъ, что предстоитъ намъ брань святая за православную вѣру. Какъ Димитрій Ивановичъ —говоритъ одинъ изъ духовныхъ того времени, котораго

слова вошли въ лѣтопись [1]), — шелъ на бсзбожнаго Мамая и на богомерзское воинство татарское, такъ и нашъ благовѣрный великій князь Иванъ идетъ на этихъ отступниковъ, — дѣла ихъ хуже невѣрныхъ: невѣрные изначала не знали Бога, ни отъ кого не научились православію и держались всегда своего перваго языческаго идолопоклоненія; а эти пятьсотъ лѣтъ были въ крещеніи, а теперь, на скончаніи седьмой тысящи, захотѣли отступить къ латинству. И такъ нашъ великій князь идетъ не яко на христіанъ, но яко на иноязычниковъ и на отступниковъ православія.

Великій князь былъ вѣренъ своему нраву: онъ взялъ съ собою архіепископскаго дьяка Степана Бородатаго — «умѣвшаго воротити русскими лѣтописцы». «Когда придутъ новгородскіе послы, — говорилъ ему Иванъ — ты имъ помяни давнія неправды Новгородцевъ; припомни имъ все, какъ они въ прежнія времена измѣняли князьямъ, отцамъ нашимъ, и дѣдамъ, и прадѣдамъ».

24-го іюня прибылъ великій князь въ Волокъ, 29-го въ Торжокъ. На Волокѣ сошлись съ нимъ его братья съ своими ополченіями; въ Торжкѣ — ратная сила Тверской Земли. Великій князь понималъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и не думалъ о генеральной битвѣ, — онъ собралъ своихъ братьевъ и воеводъ, и сказалъ имъ: «Ступайте каждый съ своими силами; ступайте разными дорогами къ Великому-Новгороду; жгите, убивайте, въ плѣнъ людей загоняйте». И они пошли исполнять повелѣніе своего властителя — разными дорогами.

И въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ, также собирались на ратное дѣло. И тамъ, какъ въ Москвѣ, молились со слезами своей народной святынѣ, — просили помощи у Знамен-

[1]) Ник Л. VI, 24.

ской Богоматери, древле сохранившей Новгородъ отъ такой же рати, посланной предкомъ великаго князя; призывали заступничество архіепископа Іоанна, своими молитвами низведшаго на Новгородскую Землю благодать побѣды; поклонялись предъ гробами владыкъ, благословлявшихъ народъ на защиту святыни народной свободы. Но за то въ Новгородѣ не переставали волненія. Одни шли съ жаромъ на брань; другіе колебались; иные соглашались, и потомъ охота отпадала у нихъ. Новгородское населеніе отвыкло отъ воинственности; ярые противники Москвы принуждены были подгонять палками и кулаками на войну непривычныхъ плотниковъ, гончаровъ, перевозчиковъ; были и такіе, которые за упорство полетѣли съ моста въ Волховъ. Сельскій народъ вооружался машинально по приказанію города, также какъ въ московскомъ государствѣ машинально сельскій народъ долженъ былъ исполнять волю Ивана Васильича. Владыка Ѳеофилъ двоилъ, мучился совѣстію: то̀ готовъ былъ принести повинную великому князю-самодержцу, то̀ пробуждалось въ немъ патріотическое чувство свободнаго Новгородца. У владыки былъ свой конный отрядъ—стягъ; владыка отправилъ его на войну, но далъ приказаніе—уклоняться отъ битвы съ войсками великаго князя. «Псковичи встрѣтятся, такъ бейтесь», — сказалъ владыка. На Псковичей злоба была преемственная отъ прежнихъ владыкъ за стремленіе Пскова отпасть отъ новгородской епархіи. Сначала Новгородъ отправилъ передовое ополченіе къ Русѣ на судахъ по Ильменю; потомъ собиралось идти также на судахъ другое — главное, котораго число простираютъ лѣтописцы до тридцати тысячъ.

Передовой отрядъ Даніила Холмскаго прошелъ безпрепятственно до Русы. Вездѣ, куда только проходили Москвичи,—они сожигали до тла жилища, истребляли хлѣбъ; кого хотѣли—убивали, кого хотѣли—брали въ плѣнъ, дѣлали

неудержимыя неистовства надъ народомъ. «Видимая была благодать Божія надъ Иваномъ Васильичемъ — говорили Москвичи: — земля новгородская обыкновенно лѣтомъ наводняется, такъ что никакой рати пройти невозможно, и они, —окаянные измѣнники — жили себѣ безопасно отъ войны отъ весны и до зимы: не чаяли они себѣ нашествія; а тутъ, на пагубу ихъ Новгородской Землѣ, ни капли дождя не было все лѣто—съ мая до сентября; жары были постоянные; болота высохли, и рать московская всюду гонялась за жителями и карала ихъ за неправду. Такъ-то Богъ смирялъ ихъ крѣпкую руку благочестивому князю, государю нашему,—Русскія Земли» [1]).

23-го іюня московское войско дошло до Русы, разорило ее и пожгло. Тогда новгородскій передовой отрядъ высадился съ судовъ на берегу Ильменя у Коростыня. Новгородцы, ставши на твердую землю, думали неожиданно напасть на Москвичей, но вмѣсто того на нихъ нечаянно напали. Сторожи великаго князя, отправленные Холмскимъ заранѣе къ берегу, увидали новгородское войско и дали знать воеводѣ; и московское войско поспѣшно двинулось навстрѣчу Новгородцамъ. Пѣшая новгородская рать шла впередъ, конная позади. Москвичи ударили на пѣхоту; Новгородцы стали изнемогать и кричали, чтобъ конные подоспѣли. Но конный отрядъ, владычный—не поспѣшилъ: «Владыка—говорили конные—не велѣлъ намъ идти на княжій полкъ, а послалъ насъ только на Псковичей». И Москвичи разбили Новгородцевъ: пятьсотъ ихъ пало на мѣстѣ, другіе убѣжали. Москвичи ихъ ловили и приводили къ своимъ воеводамъ. Воеводы приказывали отрѣзывать плѣнникамъ носы и губы, и въ такомъ видѣ отпускали на свободу. Говорили имъ Москвичи: «Покажитесь теперь своимъ!» По

[1]) Соф. II, 10.

военному обычаю, ратники стягивали доспѣхи съ убитыхъ и плѣнныхъ. «Не берите себѣ,—говорили начальники,—измѣнничьихъ доспѣховъ: у насъ и своихъ доспѣховъ много, и мы всѣмъ довольны.» И Москвичи бросали добычу въ воду; а что̀ могло горѣть, то сожигали. Неизвѣстно, куда ушли конные владычняго стяга, не хотѣвшіе выручать изъ бѣды свою пѣшую братью въ битвѣ, однако, досталось тогда не одной новгородской пѣхотѣ, но и конницѣ. Съ побоища воеводы отправили во Псковъ боярина Зиновьева съ тремя стами взятыхъ въ добычу лошадей,—распродать ихъ во Псковѣ: показать Псковичамъ плоды побѣды и заохотить ихъ самихъ къ скорѣйшему выходу на войну. Эти лошади были очень дурны: ихъ назвалъ лѣтописецъ «шкабатами и клячами». Псковичи отвели боярину и его отряду подворье; и была великая истора отъ него и отъ ста человѣкъ его отряда. Псковъ собирался на войну, *рубили* по старинѣ, то есть набирали военную силу; бояринъ торопилъ Псковичей, и нѣсколько дней сряду кричалъ имъ: «Поспѣшайте, садитесь на коней со мною скорѣе; наши уже и Русу пожгли; и государь въ Петровъ день въ Торжкѣ станетъ» [1]). Псковичи собирались медленно: должно думать, во Псковѣ тогда не совсѣмъ было единодушно,—вѣрно были и такіе, что не хотѣли идти вовсе; еще больше было такихъ, которые не хотѣли выступить, прежде чѣмъ не вступитъ въ Новгородскія волости вся великокняжеская сила: боялись, чтобы Новгородцы, свободные еще отъ нападенія съ московской стороны, не уничтожили Псковичей, собравъ на нихъ всю свою силу. Хотя бояринъ еще до Петрова дня понуждалъ къ походу, но пришло десятое іюля, а Псковичи еще не выходили; и въ этотъ день явился другой бояринъ отъ великаго князя, вмѣстѣ со псковскими по-

[1]) Пск. Л. I, 240.

слами, отправленными прежде къ великому князю съ изъявленіемъ готовности. Этотъ новый посолъ — Коробьинъ, извѣстилъ Псковичей, что великій князь еще въ Петровъ день стоялъ въ Торжкѣ; тогда только Псковичи рѣшились идти, и 12-го іюля выступили подъ предводительствомъ Василія, сына своего князя Θедора Юрьевича, и тринадцати посадниковъ.

Война открылась тѣмъ, что начали жечь новгородскія села. Пограничный новгородскій пригородъ ко Пскову былъ Вышгородъ (ниже Порхова). Услышавъ, что Псковичи жгутъ новгородскія поселенія, Вышгородцы сдѣлали набѣгъ на псковскія села въ Наворежской губѣ. Такъ другъ другу творили они взаимныя пакости. 15-го іюля псковское войско привалило къ Вышгороду; ратной силы въ городкѣ вѣрно было мало: отряды, которые пошли пустошить псковскія села, еще не вернулись. Псковичи стали сильно тѣснить Новгородцевъ огненными примѣтами; въ городкѣ не было воды; дымъ безпокоилъ осажденныхъ, переваливаясь черезъ стѣну; мучилъ ихъ зной, томила жажда; они защищались храбро, стрѣляли въ Псковичей мѣтко и убили одного изъ предводителей—посадника, и другимъ ловко раздробляли камнями головы; но на другой день утромъ, изнемогая отъ нужды, вышли изъ городскаго забрала съ крестами, и воевода ихъ, Ефремъ Кипріяновъ, кричалъ осаждающимъ: «Псковичи, посадники и весь Псковъ! повѣстую вамъ съ челобитьемъ и съ плачемъ: какая ни есть вамъ обида, вѣдаютъ про то государь и вашъ и нашъ князь великій, да Великій-Новгородъ; а вы надъ нами учините милосердіе; мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ.» И Псковичи посовѣтовались между собою и оказали милосердіе; Вышгородцы отпустили плѣнниковъ; и Псковичи отошли отъ города и стали опять жечь новго-

родскія села вправо и влѣво, по однимъ извѣстіямъ верстъ на пятьдесятъ отъ границы, по другимъ—верстъ на двадцать [1]).

Новгородцы, отпущенные въ Новгородъ Холмскимъ безъ носовъ и губъ, на однихъ навели страхъ, на другихъ ожесточеніе и охоту къ мщенію. Сначала взялъ верхъ страхъ; стали говорить о мирѣ, роптали на патріотовъ; владыка потакалъ такому говору. Послали къ великому князю Луку Клементьева—просить опасу для пословъ; но приказали гонцу показывать видъ, какъ-будто не знаютъ ничего о пораженіи подъ Коростынемъ, чтобы представить великому князю, будто не отъ нужды хотятъ мириться. Но когда Лука уѣхалъ, люди партіи литовской ободрили народъ и взяли верхъ.

«Одной побѣдой все дѣло перемѣнится»; — говорили они. Надежда была на помощь отъ Казимира, и послали къ нему гонца, съ просьбою прислать скорѣе войско на выручку Новгорода, а между-тѣмъ отправили противъ враговъ ополченіе. По извѣстіямъ московскихъ лѣтописцевъ, число отправленныхъ простиралось по однимъ до 30,000, по другимъ до 40,000, по третьимъ до 20,000, и всего вѣроятнѣе, что въ этомъ войскѣ было до 12,000, число показанное впослѣдствіи убитыми. А по общей замашкѣ лѣтописцевъ прибавлять, можно подозрѣвать, что и меньшее преувеличено. Это войско предположили отправить двумя путями: половину на коняхъ вдоль Шелони, а другую половину — на судахъ. Положили ударить прежде на Псковичей. До Новгорода, конечно, доходили извѣстія, какъ медленно выходили Псковичи, — съ ними легче было сладить; всякая побѣда, хоть бы и надъ Псковичами, ободрила бы Новгородцевъ,—

[1]) Пск. II, 36; Пск. I, 241.

внушила бы имъ надежду; дружнѣе тогда взялись бы всѣ за дѣло ратное. И потому, оставивъ на время Москвичей, думали обратить и самое посольство Луки въ свою пользу,—протянуть время переговорами и задержать Іоанна, пока расправятся со Псковичами; а тамъ Новгородъ съ силами соберется; и побѣда придастъ духу; а тѣмъ временемъ отъ литовскаго великаго князя помощь приспѣетъ. И войско новгородское обогнуло западный берегъ озера, дошло до Шелони и слѣдовало по ея лѣвому берегу на Псковичей. Но Москвичи вѣрнѣе и скорѣе получали вѣсти изъ Новгорода, чѣмъ Новгородцы о Москвичахъ: въ Новгородѣ были благопріятели Москвы; они-то дали знать сторожамъ, оставленнымъ близъ Коростыня, а сторожи сообщили Холмскому. Князь Холмскій поспѣшилъ со своимъ войскомъ прямо на встрѣчу Новгородцамъ, чтобы не дать времени пристать къ нимъ той рати, которая шла на судахъ сзади. Лѣтописцы, увеличивая новгородское войско отъ 20,000 до 40,000, уменьшаютъ московское до 5,000.

13-го іюля въ субботу, не доходя до селеній Мусцы и Сольцы, Новгородцы увидѣли на другомъ берегу рѣки московское войско. Нѣсколько времени враги шли по одному направленію: эти на лѣвомъ, тѣ на правомъ берегу Шелони. Москвичи дошли до маленькой рѣчки Дрянь, впадающей въ Шелонь, и перебрели ее. Уже темнѣло. Москвичи остановились. Новгородскіе задиралы отпускали къ нимъ черезъ рѣку ругательства и похвалки. «Окаянные, какъ псы, лаяли износя хульныя словеса на самого великаго князя»— говоритъ московскій лѣтописецъ [1]). Въ московскомъ станѣ однихъ раздражали и сердили такія привѣтствія, а другіе стали призадумываться о томъ, что Новгородцевъ гораздо больше чѣмъ Москвичей. «Братіе—ободрялъ Холмскій вое-

[1]) Соф. II, 192.

вода:—намъ теперь мѣра послужить великому князю, своему государю, и биться съ ними за государеву правду—хоть бы ихъ триста тысячъ было. Богъ и Пречистая Богородица вѣдаютъ, что правда вашего государя передъ нами!»

На другой день рано утромъ, въ воскресенье, московскіе воеводы поставили войско въ боевой порядокъ; заохочивали воиновъ къ бою, — припоминали лукавство и измѣну Новгородцевъ передъ государемъ. Холмскій выѣхалъ передъ войско; всѣ сняли шлемы, всѣ стали молиться. Холмскій говорилъ громко:

«Господи, Іисусе Христе, Боже, пособившій кроткому Давиду побѣдить иноплеменника Голіаѳа и Гедеону съ тремя стами одолѣть множество иноплеменныхъ! Пособи, Господи, и намъ, недостойнымъ рабамъ Твоимъ, надъ сими новыми отступниками и измѣнниками, восхотѣвшими покорить православную вѣру христіанскую и приложить къ латинской ереси, и поработить латинскому королю и митрополиту, и поминать имена враговъ твоихъ, Господи, въ Твоей соборной церкви!»

И всѣ проникались мыслію, что идутъ противъ нечестивыхъ отступниковъ за вѣру и за государя, его же противники противятся Богу. Всѣ были единодушны; всѣ послушно готовились исполнять волю старѣйшаго.

Въ новгородскомъ войскѣ, напротивъ, поднялось несогласіе большихъ съ меньшими, — то несогласіе, которое сотни лѣтъ волновало новгородскія улицы, и теперь оно не заснуло и въ полѣ, въ великія минуты, когда рѣшалась судьба ихъ земли. Большіе посылали меньшихъ впередъ; меньшіе кричали: «Я чоловикъ молодый, испротерялся доспихомъ и конемъ, ступайте вы впередъ, большіе!» Съ такимъ духомъ стояли Новгородцы въ боевомъ порядкѣ. Враги поглядывали нѣсколько времени другъ на друга черезъ рѣку, и вдругъ, по приказанію Холмскаго, вся рать москов-

ская крикнула свой ясакъ: «Москва!» и бросилась съ высокаго берега въ Шелонь. «Господа и братья! — кричали воеводы: — лучше намъ здѣсь положить свои головы за государя своего, великаго князя, чѣмъ со срамомъ возвращаться!» Дивное дѣло, — замѣчаютъ лѣтописцы: — въ этомъ мѣстѣ, какъ Новгородцы сами послѣ говорили, броду не было, но Москвичи, не спрашиваясь броду, бросились въ воду, и ни одинъ конь не споткнулся съ высокаго берега, и никто не потерялся въ глубинѣ водной. Крикнули и Новгородцы: «Св. Софія и Великій-Новгородъ!» И ударилась Москва съ Великимъ-Новгородомъ. Новгородцы стали прогонять Москвичей за Шелонь, какъ-вдругъ нежданно сзади бросились на Новгородцевъ Татары, всегда ловко умѣвшіе устроивать засады и показываться въ тылу непріятеля [1]. Москвичи ободрились: Холмскій приказалъ стрѣлять не въ людей, а въ лошадей; кони, взятые отъ работъ, непріученные къ войнѣ, поднялись на дыбы; всадники, неумѣвшіе владѣть конями, падали съ нихъ стремглавъ; когда они въ бѣшенствѣ несли ихъ назадъ, — не умѣли удержать и повернуть; — народъ былъ непривычный къ бою: кто взятъ отъ кожевеннаго чана, кто отъ горшечной печи; отродясь не сидѣли на лошади, смерти ратной не видали, грому и треску оружія не слыхали, пороху не нюхали. Все столпилось, смѣшалось: передніе ударились на заднихъ, одни падали, другіе на нихъ летѣли съ конями и въ свою очередь были сбиты товарищами; бросились всѣ въ разсыпную; метали оружіе, щиты, скидали съ себя доспѣхи. Песчаный грунтъ берега не давалъ имъ скоро бѣжать; Москвичи догоняли ихъ и поражали сзади копьями и сулицами. Татары ловили ихъ арканами. Шелонское побережье устлалось тру-

[1]) Новг. Л. IV, 128

пами. Безоружные и раненые бѣжали, какъ безумные. Господь ослѣпи ихъ—говоритъ современникъ,—поглощенна бысть мудрость ихъ; бѣжали въ лѣса, бѣжали въ болота; раненые заползали въ чащи и тамъ истекали кровью; тѣ вязли въ тинѣ; болѣе счастливые, у кого кони были пошибче, летѣли безъ оглядки до тѣхъ поръ, пока кони подъ ними не падали и не испускали духъ; а нѣкоторыхъ кони донесли до Новгорода, да они со страха не узнали его и бѣжали мимо его, дальше, пока не падали съ издохшими конями: все-еще раздавался у нихъ въ ушахъ страшный ясакъ — «Москва!» Московскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что двѣнадцать тысячъ Новгородцевъ поражено было на этомъ бою. Взяты были и начальники ихъ; взяли тысячу шесть сотъ плѣнниковъ; достались побѣдителямъ и знамена съ изображеніемъ святыхъ и договорная грамота съ Казимиромъ: ее, вѣрно, начальники побоялись оставить въ непостоянномъ Новгородѣ; и даже тотъ писарь, который писалъ ее, достался въ руки Холмскаго. Цѣлый день на двѣнадцать верстъ гонялись за остальными Москвичи, и сами выбились изъ силъ, изрубливая и закалывая бѣгущихъ!» — «Что̀ значитъ—спросилъ Холмскій плѣнныхъ воеводъ,—что вы съ такимъ множествомъ не постояли противъ насъ?» — «Мы какъ увидѣли— отвѣчали воеводы —иные полки съ желтыми знаменами; какъ услышали людской го̀воръ и страшный конскій топотъ,—то на насъ ужасъ напалъ, и страхъ насъ объялъ и трепетъ насъ пронялъ!» Воеводы новгородскіе, конечно, разумѣли Татаръ, появившихся неожиданно изъ засады; но Москвичи дали этому отвѣту такой смыслъ, будто Новгородцамъ представилось страшное видѣніе,—по устроенію Божію, въ кару за ихъ измѣну. Ставши гордо посреди убитыхъ и умиравшихъ, затрубили Москвичи побѣду, и съ веселіемъ прикладывались къ образамъ, нарисованнымъ на новгородскихъ знаменахъ, взятыхъ съ боя. Въ упоеніи торжества,

воеводы дали обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Христова Воскресенія въ память этой побѣды.

Рать судовая доходила на помощь, но уже не пошла на бой,—помогать было некому. Теперь уже Москвичамъ опасаться было нечего; воеводы отправили отряды — жечь Новгородскія волости и истреблять людей. Рати пошли на западъ и опустошали неистово Новгородскую волость вплоть до рѣки Наровы, отдѣлявшей ее отъ земель Ливонскаго Ордена. Въ другую сторону, къ великому князю, посланъ былъ нѣкто Замятня, извѣстить, что помогъ Богъ Москвѣ и силы новгородскія сокрушены.

Великій князь стоялъ тогда въ Яжелбицахъ съ братьями и со всѣмъ главнымъ войскомъ. 18-го іюля пріѣхалъ Замятня. Великая радость исполнила тогда все московское войско. Иванъ Васильичъ, въ знакъ благодарности небу, далъ тотчасъ же обѣтъ — построить церковь въ Москвѣ во имя апостола Акилы; въ день этого святаго совершилась такая блистательная побѣда. Къ довершенію удовольствія, явились псковскіе послы и извѣстили, что Псковичи вошли въ Новгородскую волость, въ угоду государю—истребляютъ села, бьютъ людей и, запирая въ избахъ, живьемъ сожигаютъ!

Снявшись съ лагеря, государь московскій отправился въ Русу, и тамъ Холмскій съ товарищами своими привелъ къ нему связанныхъ новгородскихъ воеводъ.—«Вы—говорилъ имъ Иванъ—отступили свѣта благочестія и приложились къ латинству, отдавали отчину мою и самихъ себя латинскому государю». Договорная грамота съ Казимиромъ была въ рукахъ московскаго князя, на уличеніе Новгородцевъ. Тутъ-то вѣрно пригодился Степанъ Бородатый; здѣсь онъ всего приличнѣе могъ показать свои археологическія свѣдѣнія. Прочитавъ плѣнникамъ нравоученія въ красивыхъ выраженіяхъ, съ приправою изъ духовныхъ словъ, Иванъ

приказалъ четырехъ изъ нихъ казнить смертію, а остальныхъ большихъ людей, человѣкъ пятьдесятъ, въ оковахъ отослать въ Москву. 24 іюля въ разоренной Русѣ на площади отрубили голову сыну Марѳы Борецкой, Димитрію, Василью Селезневу-Губѣ, Кипріапу Арбузьеву [1]) и архіепископскому чашнику Іереміи Сухощеку. Это были самые горячіе сторонники Литвы [2]).

Вопль родныхъ погибшихъ на Шелони разносился по Новгороду. Марѳа Борецкая, несмотря на собственное материнское горе, ободряла народъ, и ея приверженцы, думая еще держаться, начали жечь посады и монастыри, чтобъ не дать врагамъ пристанища на время осады: надѣялись, что тѣмъ временемъ подоспѣетъ литовская помощь на выручку. Ставили сторожей; день и ночь должны была они стоять на стѣнахъ и высматривать непріятеля. Но московская партія въ Новгородѣ дѣлала свое. Кто-то Упадышъ заколотилъ 5 пушекъ (по нѣкоторымъ спискамъ 50), поставленныхъ на стѣнахъ. Его казнили съ единомышленниками. «Лучше бы тебѣ, Упадышъ, не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ наречься предателемъ Новагорода!» восклицаетъ лѣтописецъ [3]). Скоро послѣдняя и единственная надежда на спасеніе пропала для Новгорода. Посолъ, отправленный къ Казимиру, возвратился въ Новгородъ. Ливонцы не пропустили его къ королю: Ливонцы, какъ Нѣмцы, не питали дружескихъ чувствъ къ славянскому Новгороду; нѣкоторые, однако, задумывались: не помочь ли въ-самомъ-дѣлѣ Новгородцамъ, чтобъ не дать усилиться Москвѣ; другіе совѣтовали не мѣшаться въ чужое дѣло. Магистръ ливонскій написалъ объ

[1]) Иначе Арзубьеву.

[2]) Новг. IV, 127—128; Псковск. Л. I, 241-242; II, 36; Соф. Л. I; П. С. Л. т. VI, 10—12 Соф. Л. II, 192—193; Воскрес. П. С. Л. т. VIII, 164—165 Никоновск. VI, 27-30.

[3]) Новг. Л. IV, 129.

этомъ къ тевтонскому, но между-тѣмъ посла не пустили далѣе. Недоброжелательствуя Москвѣ болѣе чѣмъ Новгороду, Ливонцы, однако, болѣе чѣмъ Москвы, боялись усиленія союза польско-литовскаго и, такимъ-образомъ, сами того не зная, стали полезными союзниками московскаго самовластія,—допустили Москвѣ покорять и порабощать сосѣдей и приготовляли своему потомству черезъ столѣтіе ту же судьбу, какая въ ихъ глазахъ постигала Великій-Новгородъ.

Надежды на Литву не было. Московская рать шла къ городу. Отважиться выдерживать осаду было чрезвычайно трудно. Тутъ Упадышъ пушки заколотилъ, а еще и голодъ угрожалъ. Въ городъ набѣжало множество народа изъ селъ, укрываясь отъ непріятеля. Недоставало ржанаго хлѣба; пшеничный былъ, да оченъ дорогъ, доступенъ только богатымъ; вотъ по вѣковому обычаю поднимались бѣдные на богатыхъ, житники на пшеничниковъ; начались смуты и нестроенія. Тѣ, которые, прежде по наущенію Марѳы и ея приверженцевъ, такъ усердно прославляли вольность Великаго-Новгорода и Казимира, теперь ударили въ вѣчевой колоколъ съ иною цѣлью. «Что́, гдѣ вашъ Казимиръ?—кричали они:—гдѣ? Вотъ до чего довели насъ прелестники, обманщики!» И когда прежніе ихъ противники, московцы, явились, то не каменьями ихъ встрѣтили,—со слезами у нихъ прощенія просили. «Не слушались мы васъ, большихъ умныхъ людей, — говорили они:—себѣ на бѣду, а послушались безумцевъ, что и сами пропали, и насъ на горе подвели: теперь будемъ уже васъ во всемъ слушать. Спасайте Новгородъ: идите бить челомъ великому князю, чтобъ насъ помиловалъ»!—«Вотъ то-то братцы,—отвѣчали имъ сторонники Москвы, — еслибъ вы бабъ не слушали и зла не начинали, такъ и бѣды-бъ такой не сложилось; но добро и то, что хоть теперь грѣхъ и безуміе свое познали; мы не можемъ за дѣло сами взяться, а

пошлемъ отъ нареченнаго владыки просить у великаго князя опаса: если дастъ опасъ, —значитъ смирится и не погубитъ своей отчины до конца!» Всѣ пошли толпою на софійскій дворъ. Владыка сталъ научать ихъ и ободрять, и взялся быть ходатаемъ; онъ собрался въ путь; съ нимъ пошли священники отъ семи новгородскихъ соборовъ, старые посадники и тысячскіе, и пять житыхъ отъ пяти концовъ. Повезли дары: нельзя было являться съ пустыми руками къ Москвичамъ.

Великій князь изъ Русы 27-го іюля прибылъ на берегъ Ильменя, и сталъ между Коростынемъ и берегомъ (вѣрно устьемъ Шелони). Онъ готовился идти на Новгородъ — уничтожить его, еслибъ Новгородъ упорствовалъ; но не расположенъ былъ отвергать покорности; тогда это было не въ видахъ его. Притомъ же митрополитъ Филиппъ написалъ къ нему посланіе, и въ немъ увѣщевалъ простить Новгородцевъ, если они принесутъ повинную [1]). Къ стану его пристало судно; изъ него вышелъ нареченный владыка и послы. Они не смѣли явиться прямо предъ лицо великаго князя: уже тогда возникла въ порядкѣ московскаго самодержавія чиновная лѣстница и придворная обрядность; прежде Новгородцы явились къ боярамъ и поднесли поминки; принявшіе ихъ бояре доложили братьямъ великаго князя; явились Новгородцы передъ князьями, и также поднесли поминки; а братья доложили великому князю и вмѣстѣ съ боярами упрашивали его сжалиться и допустить къ своимъ очамъ просящихъ пощады и милости. Послѣ этихъ обрядовъ позволено было посламъ войти въ шатеръ великаго князя. Увидѣвъ грознаго побѣдителя, Новгородцы поклонились до земли, и владыка произнесъ:

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси,

[1]) Акты Ист. I. 518.

милостивый! Господа ради, помилуй виновныхъ предъ тобою людей Великаго-Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье; смилуйся надъ своей отчиною; уложи гнѣвъ и уйми мечъ; угаси огнь на землѣ и не порушай старины земли твоей; дай свѣта видѣть безотвѣтнымъ людямъ твоимъ; пожалуй, смилуйся, какъ Богъ положитъ тебѣ на сердце!»

Владыка прерывалъ эту рѣчь слезами; Новгородцы стояли съ плаксивыми минами и съ поникшими головами.

Тогда братья великаго князя стали просить о помилованіи Новгородцевъ.

За ними великокняжескіе бояре повторили ту же просьбу кланяясь своему повелителю.

Видѣлъ великій князь — говоритъ лѣтописецъ — печалованіе и челобитье братіи своей, и своей отчины, и бояръ многихъ и князей; вспомнилъ грамоту отца своего, митрополита, полученную имъ на пути: какъ истинный пастырь стада и учитель, онъ просилъ его — смиловаться надъ Великимъ-Новгородомъ, если будетъ бить челомъ, и напоминалъ слова Господни. Иванъ объявилъ Новгородцамъ свое милосердіе. «Отдаю — сказалъ онъ — нелюбье свое; унимаю мечъ и грозу въ земли и отпускаю полонъ новгородскій безъ окупа; а что залоги старые и пошлины, о всемъ томъ укрѣпимся твердымъ цѣлованьемъ по старинѣ» [1].

Составлены были двѣ договорныя грамоты; по нимъ Новгородъ отрекался отъ союза съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ, обязывался не принимать враговъ и всѣхъ лиходѣевъ великаго князя (поименованы сынъ Шемяки Иванъ можайскій и Василій Ярославичъ боровскій), не ставиться владыкѣ на достоинство нигдѣ, кромѣ Москвы, и ни у кого, кромѣ московскаго митрополита; объявлялся

[1]) Соф. Л. I, 14.

погребъ всему, что происходило во время минувшей войны съ обѣихъ сторонъ; а Новгородцы обязались не мстить никоею хитростію и не держать нелюбья къ Новоторжцамъ и вообще къ пригородамъ Новгородской Земли, изъ которыхъ жители принимали сторону великаго князя. За тѣмъ все прочее было повтореніемъ прежнихъ грамотъ. Великій князь оправдывалъ на дѣлѣ свое обыкновенное увѣреніе, что онъ ничего не хочетъ болѣе, какъ только хранить старину. Онъ сложилъ цѣлованіе съ тѣхъ жителей Новгородской волости, которые, во время войны, этимъ цѣлованіемъ признали свою непосредственную принадлежность господству его, и обратилъ ихъ въ прежнюю зависимость. Великій-Новгородъ, съ своей стороны, согласно договору съ отцомъ великаго князя, отступался отъ Ростовскихъ и Бѣлозерскихъ земель, пріобрѣтенныхъ Новгородцами. Согласно договору съ Василіемъ Темнымъ, этотъ новый договоръ уничтожалъ также вѣчныя грамоты — должна была употребляться великокняжеская печать. Ненавистный Новгороду черный боръ положено давать тогда, когда окажется нужнымъ (доведется). Договоръ заключенъ Новгородомъ не съ однимъ великимъ княземъ, но вмѣстѣ и съ сыномъ его, и такимъ-образомъ утверждалось наслѣдственное господство московскаго рода надъ Великимъ-Новгородомъ въ нисходящей линіи. Великій-Новгородъ обязался заплатить великому князю, по опредѣленнымъ срокамъ, 15½ тысячь деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ: на Рождество Богородицы полтретьи тысячи (двѣ съ половиною), на Крещеніе 3,000, на Великій день 5,000 и на Успенье 5,000. Новгородцы должны были эту сумму заплатить (*добить*) за *новгородскую проступку*. Это называлось *копейное*, т. е. пеня, налагаемая побѣдителемъ. Иванъ, по милости, скинулъ одну тысячу. Хотя въ договорныхъ грамотахъ и поставлялось, что всѣ Земли Новгородскія отдаются великимъ княземъ

назадъ, однако положено было, что Новгородъ уступаетъ великому князю нѣсколько сѣверо-восточныхъ земель, и Новгородцы составили на вѣчѣ грамоту къ старостамъ [1]) этихъ земель, извѣщая, что признаютъ ихъ собственностію великаго князя [2]) и слагаютъ съ нихъ новгородское цѣлованіе [3]). Въ заключеніе великій князь примирилъ Псковичей съ Новгородцами и поставилъ, чтобъ все между ними осталось по старинѣ, по прежнимъ мироДоконченнымъ грамотамъ. Однако докончанье было болѣе въ пользу Псковичей, чѣмъ Новгородцевъ [4]). Послѣ договора, великій князь угостилъ, въ знакъ мировой, нареченнаго владыку и новгородскихъ пословъ и отпустилъ дружелюбно въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳедоромъ Давидовичемъ. Послѣдній долженъ былъ привести къ присягѣ на сохраненіе договора весь Новгородъ, отъ мала до велика. Когда великій князь узналъ, что присяга дана и получилъ часть копейнаго, то двинулся съ войскомъ въ обратный путь [5]).

Въ Москвѣ воцарилась радость побѣждающей народности; Москва гордилась торжествомъ своего великаго князя, какъ своимъ собственнымъ; Новгородъ поклонился не только лицу государя, но всей Москвѣ; московская сила показала свой перевѣсъ надъ соперникомъ. На послѣдней стоянкѣ предъ столицею встрѣтили великаго князя его сынъ и братъ, оставленные тамъ въ качествѣ правителей. За семь верстъ предъ Москвою пестрѣла толпа народная; раздавались радостные привѣты; празднова-

[1]) На Пинегу на Кевролу, на Чаколу, и на Перьмскія, и на Пильи горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую.

[2]) Земли осподы великихъ князей.

[3]) А то крестное цѣлованіе Новгороду съ васъ доловъ.

[4]) Взялъ съ Новгородцы выше перваго, какъ Псковичи хотѣли.

[5]) Собр. Госуд. Гр. I, 26; 30; Акт. Арх. Эксп. I, 65, 69, 72—75; Карамз. VI, прим. 66.

ли старые и малые, и славные и неславные. Когда Иванъ вошелъ въ городъ, митрополитъ Филиппъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со крестами и хоругвями, шелъ съ Каменнаго моста до площаднаго колодца, и благословлялъ и привѣтствовалъ воителя вѣры, карателя отступниковъ, хранителя правды, правосуднаго и милосердаго государя! «Слава великому князю!—восклицали Москвичи:—побѣдилъ супостатовъ, непокорныхъ привелъ въ свою волю, пріобрѣлъ корысть и славу!

Новгородъ, въ довершеніе своихъ неудачъ, получилъ извѣстіе, что и на Двинѣ дѣло защиты старой свободы окончилось такъ же плачевно, какъ и на берегахъ Шелони. Слуга Великаго-Новгорода, изгнанникъ стола суздальскаго, князь Василій, пришедшій на Двину съ Новгородцами и Корелами, собралъ ополченіе изъ Двинянъ и Заволочанъ, и поплылъ на судахъ на встрѣчу воеводамъ, когда они вступали съ московскимъ войскомъ и съ союзниками. 27-го іюля, въ тотъ самый день, когда побѣдитель Иавнъ прибылъ на устье Шелони, сошлись непріятели и начали ожесточенную сѣчу. Бились на судахъ; вышли изъ судовъ; стали на берегу биться пѣшіе,—не только бились обычнымъ боемъ, но, за руки взявши другъ друга, рѣзались. Москвичи порывались схватить двинское знамя, убили трехъ знаменщиковъ. Знамя три раза переходило изъ рукъ одного знаменьщика въ руки другаго, и наконецъ досталось московскимъ рукамъ. Уже солнце закатывалось; Двиняне утомились,—потеря знамени придала имъ унынія; и пустились они бѣжать, потерявши послѣднія силы; а Москвичи погнались за ними. Самъ князь Шуйскій бросился храбро на враговъ, но былъ пронзенъ стрѣлою: его схватили, посадили въ лодку и еле жива увезли въ Холмогоры. Войско его разсѣялось. Москвичи брали двинскіе городки одинъ за другимъ, жгли селенія, убивали жителей. Двинская Земля под-

верглась тому же жребію, какъ и пространство отъ Торжка до Ильменя.

Такъ же расправлялись съ поселянами береговъ Мсты-рѣки тѣ, которые были отправлены туда великимъ княземъ для разгрома. Вся волость Новгородская была опустошена; хлѣбъ на поляхъ сожженъ или вытравленъ лошадьми; хлѣбъ въ стогахъ и амбарахъ сожженъ вмѣстѣ съ сельскими строеніями; недобитые поселяне, потерявши имущества, спасали жизнь въ болотахъ и лѣсахъ, и множество ихъ потомъ умирало съ голоду, отъ всеобщей скудости; и къ пущей тягости Великій-Новгородъ долженъ былъ платить великому князю копейное; а это копейное приходилось добыть отъ труда этихъ разоренныхъ, лишенныхъ пристанища, одежды, скота, утвари, орудій—поселянъ, оплакивающихъ—своихъ кровныхъ, умерщвленныхъ или сожженныхъ живьемъ ратниками; своихъ младенцевъ, избитыхъ о пни или брошенныхъ въ пылающія избы; своихъ женъ, изнасилованныхъ, поруганныхъ и замученныхъ; свою горькую судьбу, доставшуюся въ удѣлъ бѣдному труженику—страдать за какой-то Великій-Новгородъ, который хотѣлъ свободно жить на счетъ трудовъ его, — въ угоду великому князю, домогавшемуся овладѣть этими трудами, чтобъ отдать ихъ другимъ господамъ,—своимъ слугамъ! Участь Новгородской Земли была не отрадна въ исторіи: много терпѣла эта страна, бѣдно надѣленная природою, и отъ голода, и отъ мора, и отъ огня, и отъ нашествія непріятелей; но такой бѣды,—по замѣчанію современныхъ лѣтописцевъ,—не было на нихъ отъ вѣка, какъ и земля ихъ стала. Московскіе философы утѣшались тѣмъ, что все это совершилось отъ ихъ же людей — измѣнниковъ, за ихъ отступленіе къ латинству, и людская кровь и вся земская бѣда будетъ взыскана на нихъ отъ Господа Вседержителя, а пострадавшіе получатъ награду въ будущемъ вѣкѣ!

Говорится въ народѣ, что одна бѣда приводитъ за собою другія. Такъ послѣ ухода непріятеля, надъ новгородскими поселянами самая природа дополнила бѣдствіе, нанесенное Москвичами. Народъ изъ Русы и съ Ильменскаго побережья, спасавшійся въ городѣ, отправился отъискивать родныя пепелища, на судахъ, съ женами, съ дѣтьми, и скотомъ; нѣкоторые купили себѣ и готовыя хоромы и погнали по водѣ. Много судовъ повезло изгнанниковъ; вдругъ сдѣлалась буря съ вихремъ и грозою, вздулись волны и разорвали врознь вереницу судовъ. Они разнеслись по бурному озеру. Разлученные другъ отъ друга не въ силахъ были подать взаимной помощи; напрасенъ былъ крикъ и вопль; всѣ суда — говоритъ лѣтописецъ — были опрокинуты и поплыли по водамъ пустые: погибло тогда до 7000 душъ. А все это Господь наказывалъ ихъ за лукавыя мысли злурадыхъ человѣкъ, — за ихъ отступленіе къ латинству,—прибавляетъ тутъ же лѣтописецъ, не давая себѣ отчета, въ какой степени виноваты были жители Русы въ отступленіи къ латинству [1]).

На другой годъ Ѳеофилъ отправился въ Москву и былъ тамъ поставленъ: церковная независимость Новгорода исчезла, какъ и гражданская. Иванъ обезсилилъ вольный городъ, парализировалъ его силы; но, вѣрный своей системѣ—не ломить насильно вѣковаго зданія, а подкопавъ его основаніе оставлять падать и разрушаться, и въ свое время уничтожить легкимъ прикосновеніемъ,—Іоаннъ не трогалъ новгородской старины, ожидая, когда судорожныя движенія пораженной жизни вызовутъ его нанести ей послѣдніе удары. Онъ милостиво отпустилъ даже плѣнниковъ, которыхъ изъ Русы послалъ окованными въ Москву.

Партія патріотовъ не умерла. Нѣсколько лѣтъ придавлен-

[1]) Соф. Л. I, П. С. Л. VI, 15.

ная противною, она опять взяла верхъ; масса народа группировалась около ея представителей, новгородскимъ посадникомъ былъ выбранъ одинъ изъ заклятыхъ враговъ московскаго самовластія—Василій Ананьинъ. Ему подобные патріоты заняли должности. Они не могли не питать злобы къ своимъ противникамъ въ Новгородѣ; плачевный исходъ борьбы 1471 года они приписывали ихъ измѣнѣ, двоедушію и трусости. Начались ссоры, драки, безладица. Аѳанасьевы, Селезневы, сынъ Марѳы Борецкой—Ѳедоръ, староста Ѳедоровской улицы Панфилъ, ѣздившій къ Казимиру, и другіе главные представители бывшей литовской партіи, сдѣлали набѣгъ на Славкову и Никитину улицу, приколотили нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ достояніе. То же сдѣлалось съ боярами Полинарьиными. Буйство, неурядица, произволъ личной свободы и прежде составляли характеръ новгородской жизни; теперь неистовство политическихъ страстей доводило до высшей степени эти обычныя качества. Люди московской партіи не могли нигдѣ себѣ найти управы: терпѣли насилія, поруганія и обратились къ великому князю—просить защиты. Этого и нужно было Ивану. 1475 г. съ своими боярами онъ отправился въ Новгородъ и, доѣхавши до Волока, встрѣченъ былъ новыми жалобниками: они описывали ему свое тяжелое положеніе и просили суда и защиты. Великій князь, не выставляя на видъ своихъ намѣреній, объявилъ, что ѣдетъ въ Новгородъ съ миромъ, какъ-будто для посѣщенія своей отчины,—въ гости къ Новгородцамъ. Зажиточные люди засуетились: надобно было принимать гостя, учреждать ему пиры и дарить его. По старымъ обычаямъ, князю, какъ и владыкѣ, и вообще почетному лицу, дѣлалась встрѣча. Ѳеофилъ, степенный посадникъ, тысячскій, нѣсколько бояръ и житыхъ людей отправились привѣтствовать гостя; съ ними былъ и неудачный защитникъ Заволочья—кормленый князь Васи-

лій Шуйскій-Гребенка,—послѣдній княжескаго происхожденія слуга Великаго-Новгорода. Новгородцы поклонились великому князю за девяносто верстъ отъ Новгорода, па рѣкѣ Холовѣ. Владыка привезъ ему въ подарокъ двѣ бочки вина, всѣ другіе по мѣху вина. Иванъ обошелся съ ними ласково, устроилъ имъ походный пиръ и отпустилъ съ честію. Несмотря на то, что въ числѣ пирующихъ были—Ананьинъ и Аѳанасьевъ, на которыхъ великій князь уже сильно гнѣвался, онъ не далъ имъ замѣтить ни малѣйшаго нерасположенія. Новгородцы воротились довольные. Въ Плошкинѣ, за двадцать пять верстъ отъ Новгорода, была ему другая встрѣча: явились старые посадники и бояре, и староста Городищенскій; первые поднесли ему по мѣху вина, староста отъ всѣхъ Городищанъ бочку вина, 25 яблокъ и блюдо винныхъ ягодъ.

21-го ноября пріѣхалъ московскій государь на Городище. 22-го ноября онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ владыку, князя Шуйскаго, степеннаго посадника, тысячскаго и нѣсколько знатныхъ людей. Тутъ, какъ-будто въ укоръ новгородскому правительству, явились толпою просители изъ разныхъ мѣстъ Новгородской Земли. Одни просили приставовъ оберегать ихъ отъ московскихъ воиновъ, а другіе жаловались на свое управленіе. Земля эта—говоритъ лѣтописецъ [1])—долго въ своей волѣ пребывала, великихъ князей не слушала; отъ того и зла много было въ этой землѣ—убійства, грабежи, кто кого насилилъ, тотъ того и разорялъ. 23-го Иванъ поѣхалъ въ городъ. Княжескій пріѣздъ изстари былъ праздникомъ; такъ казалось и теперь: владыка, съ игуменами монастырей, съ протоіереями соборовъ и со множествомъ духовенства, вышелъ встрѣчать его въ священныхъ одеждахъ; за духов-

[1]) Соф. Л.II, 202.

ными шли стройно чиновники, за ними толпился народъ. Великій князь приложился къ образамъ; напутствуемый благословеніемъ владыки, поѣхалъ прямо къ св. Софіи; тамъ въ глазахъ народа кланялся иконамъ и гробамъ, и слушалъ обѣдню, стоя на устроенномъ для него мѣстѣ. Окончилась обѣдня. Ѳеофилъ пригласилъ гостя на пиръ. Иванъ казался очень веселъ; послѣ дружескихъ разговоровъ съ новгородскими боярами и въ видимо-хорошемъ расположеніи духа, онъ уѣхалъ на Городище: владыка ѣхалъ за нимъ съ виномъ: по обычаю, слѣдовало гостя провожать съ виномъ и выпить съ нимъ, прощаясь, у мѣста его жительства.

Черезъ день послѣ того, 25-го ноября, пріѣхалъ къ Ивану владыка съ нѣкоторыми значительными людьми,—въ ихъ числѣ съ Казимеромъ, бывшимъ прежде въ плѣну у Іоанна. Неизвѣстно, призваны ли они были, или сами явились. Вдругъ являются челобитчики изъ Славковой и Никитиной улицъ просить суда. Ивану прежде извѣстно было это дѣло, но онъ не показалъ этого: выслушалъ внимательно, далъ своихъ приставовъ—звать къ суду обвиняемыхъ; а потомъ обратясь ко владыкѣ и Новгородцамъ, сказалъ: «И ты бы, мой богомолецъ, и вы, посадники нашей отчины, сказали бы Великому-Новгороду, чтобъ дать своихъ приставовъ на этихъ насильниковъ, на которыхъ я далъ моихъ. Я хочу разсмотрѣть это дѣло; и ты, богомолецъ, и вы, посадники, у меня тогда будьте: мнѣ хочется дать обиженнымъ управу. Бояре,—сказалъ онъ, обращаясь къ двумъ изъ своихъ бояръ: — идите къ отчинѣ моей, Великому-Новгороду, чтобъ далъ приставовъ на обидящихъ братій своихъ!» Срокъ былъ назначенъ на другой день 26-го числа, въ воскресенье.

Въ этотъ день на Городищѣ явились двѣ толпы съ двухъ сторонъ; въ одной стояли истцы, въ другой—отвѣт-

чики. Въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ степенный посадникъ. Иванъ разспросилъ, выслушалъ и сказалъ, что онъ жалобниковъ оправляетъ, а тѣхъ, которые дѣлали наѣзды, грабили и били, — обвиняетъ. Новгородцы съ владыкою, стоявшіе близъ князя въ качествѣ соучастниковъ суда, были въ сущности простыми зрителями. Отвѣтчиковъ великій князь приговорилъ къ уплатѣ требуемаго иска, котораго показано было на сумму полторы тысячи рублей, и приказалъ дѣтямъ боярскимъ взять нѣсколько лицъ подъ стражу, въ томъ числѣ степеннаго посадника и Мареина сына. Ѳеофилъ вызывался взять ихъ на крѣпкія поруки въ уплатѣ требуемой суммы. Тутъ, взглянувши значительно на Аѳанасьева, великій князь сказалъ:—«Ты поиманъ и въ томъ, что мыслилъ Новугороду отъ меня, великаго князя, отдаться за короля!»

Разошлись Новгородцы.

Но на третій день послѣ того услышалъ владыка, что великій князь не думаетъ ограничиться только взысканіемъ денегъ, а хочетъ казнить виновныхъ за грабежи, побои и убійства въ дракѣ. Ѳеофилъ съ посадниками отправился къ нему и сталъ просить помилованія отъ лица всего Новагорода.

Великій князь отвѣчалъ: «Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Великому-Новугороду, нашей отчинѣ, сколько отъ этихъ бояръ чинилось лиха и прежде, а нынче, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ чинится; какъ же мнѣ ихъ за то лихо жаловать!» И онъ отправилъ въ оковахъ въ Москву Василія Ананьина, Ѳедора Борецкаго, Ивана Аѳанасьева съ сыномъ Алферіемъ, Богдана Есипова, Лошинскаго. Тогда владыка сталъ просить за другихъ. Такъ-какъ послѣднихъ Иванъ Васильевичъ не считалъ главными своими непріятелями, то сказалъ, что прощаетъ ихъ, только съ тѣмъ, чтобъ они загладили

свою вину. Вслѣдъ за тѣмъ великій князь принималъ другія жалобы на бояръ, и защищалъ обидимыхъ. Великій князь дѣйствовалъ съ большимъ разсчетомъ. Онъ уцѣпился за давнюю непріязнь черни къ боярамъ; онъ этимъ показался защитникомъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ, и оставлялъ къ себѣ расположеніе.

Но усобицы въ Новгородѣ были такого свойства, что когда сами бояре ссорились между собою, то искали опоры въ черномъ народѣ; а черный народъ вооружался противъ бояръ, и въ то же время примыкалъ къ другимъ боярамъ. Такъ вращались политическія партіи, и одна противъ другой подбирала пособниковъ себѣ изъ черни, выставляла противниковъ утѣснителями, а себя охранителями чернаго народа. Великій князь зналъ, что враждебная ему партія успѣла привлечь на свою сторону толпу, и обидчиками народа явились въ глазахъ народа бояре московской стороны; надобно было представить народу, что обидчики его есть именно бояре противники великаго князя, которые не только народъ на дурное увлекаютъ, но и обижаютъ; потому-то онъ придалъ суду надъ своими врагами такой характеръ, какъ-будто онъ судилъ ихъ какъ враговъ и утѣснителей народа.

Послѣ судà начались угощенія. Богатые Новгородцы одинъ за другимъ устроивали у себя пиры и приглашали великаго князя. Послѣ каждаго такого пира слѣдовали подарки Ивану: обыкновенно ему дарили корабленники, — португальскія золотыя монеты съ изображеніемъ корабля, бывшія тогда въ ходу: ихъ давали по тридцати или по двадцати штукъ; дарили сукна поставами, рыбьи зубы бывшіе тогда роскошью, золотые ковши, кубки, лисицъ, соболей, нѣкоторые дарили бочки вина. Такъ прошелъ декабрь и январь. Иванъ Васильичъ отличался наслѣдствен-

ными хозяйственными наклонностями московскихъ государей—собирать все возможное къ себѣ въ домъ. Гостя слѣдовало дарить: такъ было въ обычаяхъ. Даже тѣ, которые не успѣли учредить пировъ и покормить его, приносили на Городище подарки; не только житые люди, купцы, но и *молодые* (черные) люди, приходившіе съ челобитьемъ, приносили дары. Съ своей стороны и великій князь жаловалъ—кому камку, кому ковшъ, кому одежду, смотря по достоинству. Его свита также принимала подарки, требовала ихъ, когда медлили давать, и даже сама грабила. «Расположившись по селеніямъ и монастырямъ, во множествѣ окружающимъ Новгородъ, люди великаго князя — говоритъ лѣтописецъ—причиняли большія насилія жителямъ посадовъ по обѣимъ сторонамъ Великаго-Новгорода. Нагрузивши свои повозки добромъ всякаго рода, великій князь попрощался дружелюбно съ Новгородцами 26 января. Владыка, князь Василій Шуйскій и нѣсколько знатныхъ особъ провожали его до перваго стана, и въ послѣдній разъ подарили ему на дорогу вина, а великій князь сдѣлалъ для нихъ прощальный обѣдъ и далъ имъ прощальные подарки. Всѣмъ этимъ великій князь показывалъ, что онъ держитъ Великій-Новгородъ по старинѣ и посѣщаетъ его, какъ посѣщали изстари князья. Но разница была та, что тогда пріемы дѣлались по волѣ, а теперь—по неволѣ. Въ послѣднихъ числахъ марта 1476 г. Новгородъ отправилъ въ Москву посольство, просить отпуска задержанныхъ. На челѣ посольства былъ владыка. Великій князь принялъ ихъ ласково, угощалъ пирами и не отпустилъ изъ задержанныхъ никого.

Самое важнѣйшее дѣло его былъ — судъ. Великій князь ухватился за эту вѣтвь самобытности Новгорода и притомъ такъ, что казалось не онъ самъ начиналъ, а Новгородцы ему подаютъ право къ дальнѣйшимъ пере-

мѣнамъ и стѣсненіямъ ихъ свободы. Онъ разсчиталъ, что, послѣ суда на Городищѣ, придутъ судиться къ нему и въ Москву.

Издавна одно изъ важнѣйшихъ правъ новгородской свободы было то, что Новгородца нельзя было судить въ чужой землѣ, на низу. Новгородецъ—вольный человѣкъ, подлежалъ только своему суду. Теперь нарушалось это право, и поводъ къ нарушенію давали сами Новгородцы. Одинъ изъ бывшихъ посадниковъ, Василій Никифоровичъ Пенковъ, поѣхалъ въ Москву судиться съ Иваномъ Кузьминымъ. По ихъ примѣру отправились въ Москву за тѣмъ же и другіе: житые люди, вдовы и поселяне. Это было подъ руку и боярамъ и житымъ московской партіи, которые, по злобѣ своихъ противниковъ, не могли найти управы на новгородскомъ судѣ; кстати было это и черному народу: великій князь выказывалъ себя его защитникомъ противъ знатныхъ и богатыхъ. Великій князь хорошо пользовался слабыми сторонами новгородской жизни и употреблялъ для своихъ видовъ эту давнюю вражду сословій. Изъ Москвы отправляли приставовъ за отвѣтчиками. Въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкто Захарія Овиновъ, также изъ бывшихъ посадниковъ; призванный сначала отвѣтчикомъ, онъ для своего оправданія сталъ самъ истцомъ на другихъ. Въ Москвѣ принуждали тѣхъ, которые искали тамъ управы, произносить присягу государю; а эта присяга имѣла такой смыслъ, что тѣ, которые ее давали, признавали надъ собою непосредственную власть великаго князя, — по выраженію того времени, — задавались за государя.

27-го февраля 1477 г. между такими челобитчиками пріѣхали въ Москву подвойскій Назаръ, да дьякъ вѣча Захаръ. Въ Москвѣ разумѣли ихъ послами отъ владыки и всего Великаго-Новгорода. Вмѣсто того, чтобъ великаго князя и его сына, котораго имя поставтено въ договорѣ

вмѣстѣ съ отцовскимъ въ значеніи соправителя, назвать господами, они назвали ихъ государями. Съ утвержденіемъ самодержавнаго начала получили важное значеніе титулы, которые впослѣдствіи играли такую значительную роль въ нашей государственной исторіи, и не одинъ разъ служили предлогомъ къ войнамъ. Великій князь тотчасъ придрался къ этому, и на вопросъ о титулѣ завязалъ рѣшительное дѣло о судьбѣ Великаго-Новагорода. Онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, бояръ своихъ — Өедора Давидовича, Ивана Тучкова и дьяка Василія Далматова, — нарочно по этому вопросу.

Ставши на вѣчѣ, послы сказали: «Великій князь велѣлъ спросить Новгородъ: какого государства онъ хочетъ?»

Вѣче заволновалось.—«Мы не хотимъ никакого государства!»—кричали Новгородцы.

«Но Великій-Новгородъ — сказали послы — посылалъ къ великому князю отъ владыки и отъ всѣхъ людей Великаго-Новгорода пословъ своихъ, Назара и Захара, бить челомъ о государствѣ, и послы назвали великаго князя—государемъ.»

«Вѣче никогда не посылало!—кричали Новгородцы:—вѣче никогда не называло великаго князя—государемъ! Отъ вѣка не было того, какъ и земля наша стала, чтобы какого-нибудь князя мы называли государемъ! Мы всякаго своего князя называли господиномъ, а не государемъ. А что великому князю сказывали, будто мы посылали, такъ это ложь!»

Остается темнымъ, участвовалъ ли Өеофилъ въ этой продѣлкѣ; скорѣе надобно предположить, что нѣтъ, и его имя принято было противъ его воли. Кажется, все это сложилось само собою—отъ суда. Такъ-какъ приходившіе судиться произносили присягу, въ которой именовали великаго князя государемъ, то кружокъ бояръ, хотѣвшій возвы-

ситься чрезъ угоду великому князю, замѣтивъ, что ему особенно нравится такой титулъ, задумалъ эту продѣлку. Новгородскіе послы остались въ Москвѣ; иначе имъ было бы худо, еслибъ они воротились въ Новгородъ. Великокняжескихъ пословъ попросили объяснить, какая же перемѣна будетъ, когда Новгородъ назоветъ великаго князя государемъ, вмѣсто господина? Тѣ сказали: «Коли вы его назвали государемъ, значитъ—вы за него задались, и слѣдуетъ быть суду его въ Великомъ-Новгородѣ, и по всѣмъ улицамъ сидѣть его тіунамъ, и Ярославово дворище великому князю отдать, и въ суды его не вступаться!»

Новгородцы пришли въ негодованіе; ясно было, что добираются до послѣднихъ правъ ихъ самобытности. Народъ кричалъ: «Какъ смѣли ходить въ Москву судиться и присягать великому князю, какъ государю!... Этого отъ вѣка не дѣлалось; и въ докончаньи сказано, чтобъ Новгородца не судить на низу, а судить въ Новгородѣ! Давайте сюда тѣхъ, кто ѣздилъ судиться!»

31-го мая притащили на вѣче Василія Никифорова Пенкова и Захара Овинова.

«Перевѣтникъ!»—кричали Новгородцы на Василія:—«Ты былъ у великаго князя, и цѣловалъ ему на насъ крестъ!»

«Я былъ у великаго князя—сказалъ Василій:—и цѣловалъ ему крестъ въ томъ, что служить мнѣ великому государю правдою и добра хотѣть; а не на государя моего Великій-Новгородъ и не на васъ, свою господу и братію!»

Прижали Захара; и Захаръ доказывалъ на Василія, что тотъ цѣловалъ крестъ на Новгородъ!

Форма присяги, употребительная въ Москвѣ, до уничтоженія вѣча, не была извѣстна въ Новгородѣ. Она отзывалась большимъ раболѣпствомъ, непривычнымъ для вольныхъ людей, какими считали и называли себя Новгородцы. Присягнувшій по-московски долженъ былъ, въ случаѣ

нужды, дѣйствовать противъ Новгорода и доносить великому князю о всякомъ сопротивленіи ему или недоброжелательствѣ.

Новгородцы убили каменьями Василія.

Не спасло и Захара болѣе искреннее сознаніе. Убили и его. Убили и брата его, Кузьму. Псковская Лѣтопись говоритъ, что тогда изрубили топорами въ куски и Василія Ананьина; если здѣсь не ошибка, и имя Ананьина не поставлено случайно вмѣсто кого-то инаго, то вѣрно этотъ плѣнникъ былъ освобожденъ Иваномъ съ условіемъ присягнуть ему, какъ государю, и не имѣлъ духа отказаться отъ такой свободы. Тогда нѣкоторые изъ бояръ, благопріятелей Москвы, увидѣли надъ собой бѣду и бѣжали изъ Новгорода. Ихъ обласкали, наградили въ Москвѣ. Ихъ примѣру послѣдовали другіе; бѣглецы разсказывали, что Новгородъ взбунтовался, хочетъ опять Казимира, и подстрекали великаго князя наказать войною непокорную отчину.

Великокняжескихъ пословъ продержали въ Новгородѣ шесть недѣль и потомъ дали имъ такой отвѣтъ:

«Бьемъ челомъ господамъ своимъ великимъ князьямъ, а государями ихъ не зовемъ; судъ вашимъ намѣстникамъ по старинѣ, на Городищѣ; а у насъ суда вашего княжескаго не будетъ, и тіунамъ вашимъ у насъ не быть; дворища Ярославова не дадимъ вамъ. Какъ мы съ вами на Коростынѣ миръ кончили и крестъ цѣловали, такъ на томъ докончаніи и хотимъ съ вами жить; а съ тѣми, что поступали безъ нашего вѣдома, ты, государь, самъ развѣдайся: какъ хочешь, такъ ихъ и казни; но и мы тоже, гдѣ котораго поймаемъ, тамъ и казнимъ; а вамъ, своимъ господамъ, бьемъ челомъ, чтобъ держали насъ по старинѣ, по крестному цѣлованью.»

Такъ-какъ лѣто въ этотъ годъ не было такое сухое, какъ

въ 1471 году, то Иванъ Васильичъ ожидалъ осени. Наконецъ приблизился октябрь. Великій князь созвалъ совѣтъ, пригласилъ митрополита, архіереевъ, братьевъ своихъ и воеводъ, по прежнему, въ Москву; принималъ видъ соболѣзнованія,—едва отъ слезъ удерживался и объявлялъ, что Великій-Новгородъ снова отступилъ отъ крестнаго цѣлованія, измѣняетъ православной вѣрѣ, отдается латинскому государю. Всѣ признали, что слѣдуетъ идти войною на вѣроломныхъ отступниковъ. По прежнему, великій князь, приготовляясь въ походъ, совершалъ молебствія въ главныхъ московскихъ церквахъ, поклонялся мощамъ святителей, гробамъ прародителей, ѣздилъ по монастырямъ, раздавалъ милостыню, путешествовалъ къ Троицѣ, чтобъ испросить у св. Сергія ту помощь, которую нѣкогда чудотворецъ даровалъ Донскому; потомъ великій князь послалъ двухъ гонцовъ въ подручныя земли: одного въ Тверь, другаго во Псковъ; 30-го сентября отправилъ Новгороду складную грамоту, и 9-го октября двинулся самъ изъ Москвы въ Торжокъ.

Ополченіе шло по Новгородской Землѣ, какъ и прежде, разными дорогами. Самъ великій князь слѣдовалъ изъ Торжка на Волочокъ; съ нимъ шли: Володимирцы, Переяславцы, Костромичи, Суздальцы, Юрьевцы, тверскіе полки; изъ Торжка на Деманъ пошли съ княземъ Андреемъ: Ростовцы, Ярославцы, Угличане и тѣ Бѣжичане, которые волею и неволею измѣняли Великому-Новгороду и служили великому князю; на востокъ между Демановъ и Яжелбицами шли полки южныхъ частей московскаго государства: Калужане, Серпуховцы, Алексинцы, Рузане; съ ними были и отпавшіе отъ Новгорода Новоторжцы и Волочане. Другіе отряды были распущены на всѣ стороны по Новгородской волости; отъ Заволочья до Наровы,—нѣмецкой границы и до литовскаго рубежа разсыпались ратные люди, жгли, уби-

вали, полонили. Въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать этого войною,—войска не встрѣчали сопротивленія: били безоружныхъ, безотвѣтныхъ, безропотныхъ. На дорогѣ къ великому князю являлись новгородскіе бояре бить челомъ и служить противъ своего отечества. Такъ великій князь достигъ Ильменя и остановился на правомъ берегу озера въ Сытинскомъ погостѣ. Здѣсь явился къ нему владыка съ Новгородцами просить мира.

«Господинъ великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси!—говорилъ владыка:—Я, богомолецъ твой, и архимандриты, и игумены, и всѣ священники седми соборовъ новгородскихъ, бьемъ тебѣ челомъ. Мечъ твой ходитъ по Новгородской Землѣ; кровь христіанская льется. Смилуйся надъ своею отчиною: уйми мечъ, угаси огонь. Отпусти въ Великій-Новгородъ бояръ, которыхъ ты свелъ на Москву въ первый твой пріѣздъ».

За владыкою, приносившимъ свое челобитье отъ духовенства, говорили о томъ же, міряне отъ лица всѣхъ сословій Великаго-Новгорода, людей вольныхъ, и просили чтобъ великій князь поручилъ своимъ боярамъ переговорить съ ними.

Великій князь пригласилъ ихъ обѣдать и назначилъ бояръ для переговоровъ. И на этихъ переговорахъ Новгородцы просили прекращенія войны и отпуска задержанныхъ въ Москвѣ бояръ. Одинъ изъ пословъ, Лука Ѳедоровъ, предложилъ, чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ только на четвертый годъ судить такія дѣла, которыя не могли рѣшить намѣстникъ съ посадникомъ, и бралъ бы за то тысячу рублей. Послѣдній пріѣздъ великаго князя былъ такъ тяжелъ, что Новгородцы хотѣли оградить себя положительными правилами на время подобныхъ посѣщеній. Житые люди жаловались, что проживающіе на Городищѣ люди великаго князя (—мукобряне, отъ словъ мука и

брать, т. е. получающіе муку въ продовольствіе) позываютъ Новгородцевъ на судъ въ Городище, и просили возстановленія древняго права, чтобъ тяжбы между Новгородцами и княжескими людьми рѣшались смѣснымъ судомъ посадника съ намѣстникомъ.

Когда бояре доложили великому князю, онъ велѣлъ дать Новгородцамъ такой отвѣтъ:

«Вы сами знаете, что присылали къ намъ, великимъ князьямъ, отъ нашей отчины подвойскаго Назара, да вѣчнаго дьяка Захара, и они назвали насъ государями. По вашей присылкѣ и челобитью, мы отправили ко владыкѣ и ко всему Великому-Новгороду своихъ пословъ, и велѣли спросить: какого государства вы хотите въ Великомъ-Новгородѣ? Вы заперлись и сказали, будто пословъ къ намъ не присылали, и на насъ, великихъ государей, взвалили, будто мы надъ вами чинимъ насилье, и ложь положили на насъ, своихъ государей. Много и другихъ неисправленій чинится отъ васъ; но мы все ждали вашего обращенія, а вы явились еще лукавнѣйшими. За это мы болѣе не возмогли терпѣть и положили идти на васъ ратью, по Господнему словеси: «аще согрѣшитъ братъ твой, шедъ, обличи его предъ собою и тѣмъ единомъ, и аще послушаетъ тебе, пріобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ тебе, поими съ собою два или трехъ свидѣтелей, при устахъ бо двy или тріехъ да станетъ всякъ глаголъ; аще же и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще и о Церкви нерадѣти начнетъ, буди ти якоже язычникъ и мытарь». Вотъ — мы такъ и поступили: посылали къ вамъ, своей отчинѣ: престаните отъ злобъ вашихъ; а вы не захотѣли и вмѣнились намъ яко чужи. И мы, положа упованіе на Господа Бога и Пречистую Его Матерь, и на святыхъ, и на молитвы прародителей своихъ, пошли на васъ за ваше неисправленіе.»

Другой бояринъ говорилъ посламъ, отъ имени великаго князя:

«На тѣхъ бояръ, о которыхъ вы просите, весь Великій-Новгородъ билъ челомъ; отъ нихъ дѣлалось много зла и Великому-Новгороду, и волостямъ его: наѣзды, грабежи, отнятіе животовъ людскихъ, пролитіе христіанской крови. Да не ты ли, Лука Исаковъ, былъ тогда истцомъ на нихъ, и не ты ли, Григорій Кипріановъ, приходилъ на нихъ жаловаться отъ Никитской улицы? Я, великій князь, и такъ по просьбѣ владычней и вашей помиловалъ ихъ и не казнилъ; а вы нынче и тѣхъ виновныхъ вставливаете въ ваши рѣчи! Не по пригожу вы бьете челомъ, и какъ мнѣ васъ жаловать?»

Видно было, что отводъ въ чужую землю такъ оскорблялъ Новгородцевъ, что прежніе враги задержанныхъ бояръ теперь, ради народныхъ правъ, стали за нихъ ходатаями.

Въ заключеніе великокняжескіе бояре прибавили:

«А захочетъ Великій-Новгородъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ!»

Въ этихъ словахъ скрывалось что-то загадочное и зловѣщее; неизвѣстно, до какой степени поняли ихъ смыслъ Новгородцы.

Они ушли безъ успѣха.

А между-тѣмъ великій князь приказалъ своимъ отрядамъ захватить поскорѣе окологородные монастыри, пока Новгородцы ихъ не сожгли, и самъ 27-го января переѣхалъ въ саняхъ чрезъ Ильмень и сталъ въ селѣ Лошинскаго (за три версты отъ Новгорода, близъ Юрьева монастыря). Лошинскаго держали въ Москвѣ: село его дѣлалось конфискованнымъ. Отряды русскіе, одинъ за другимъ, начали захватывать монастыри. Сначала овладѣли линіей монастырей и селъ, опоясывавшихъ Новгородъ съ

Софійской стороны. Воеводы заняли Юрьевъ, Аркажъ, Пантелеймоновъ, Мостищенскій, и такъ войско расположилось до самой рѣки Пидьбы; Торговая сторона оставалась нѣсколько дней незахваченною; только на Лисичьей-Горкѣ сталъ князь верейскій. Народъ изъ селъ бѣжалъ въ Новгородъ, и скоро городъ переполнился населеніемъ. Новгородцы старались возить туда запасы.

Посадники и житые отъ пяти концовъ явились опять съ челобитьемъ—прекратить войну; но великій князь приказалъ имъ отвѣчать то же, что́ и прежде: «Зачѣмъ они отпираются отъ того, съ чѣмъ пріѣзжали послы, и не объявили, какого государства они хотятъ: они возложили на него ложь. А восхощетъ — присовокупили бояре—великимъ князьямъ Великій-Новгородъ бить челомъ, вы сами знаете, какъ бить челомъ.» Великій князь еще разъ вынуждалъ Новгородъ — самому просить уничтоженія своей самобытности и свободы. Въ первыхъ числахъ декабря отряды появлялись гуще-и-гуще, захватили Городище, Сковородку, Ковалевъ, Волотово и, наконецъ Деревяницу. 3-го декабря всѣ войска были въ сборѣ подъ городомъ, и Новгородъ былъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ. Псковичи пришли поздно: они все отговаривались пожаромъ и только послѣ двукратнаго приказанія должны были идти.

Въ Новгородѣ безпрестанно происходили волненія. Посольство отправлялось отъ одной партіи; другая хотѣла защищаться до послѣдней капли крови; построили стѣну черезъ Волховъ; укрѣпляли острогъ. Но владыка и умѣренная партія рѣшились успокоить великаго князя и взвести на себя вину, въ которой, быть-можетъ, изъ нихъ никто не былъ виноватъ.

5-го декабря явились они снова въ станѣ великаго кня-

зя и сказали: «Мы винимся въ томъ, что посылали Назара, да Захара и передъ послами великаго князя заперлись.»

«А коли вы — отвѣчалъ великій князь черезъ бояръ — владыка и вся отчина моя Великій-Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались, и сами на себя теперь свидѣтельствуете, и спрашиваете: какого государства мы хотимъ (хотя тѣ и не спрашивали), то мы хотимъ такого государства въ нашей отчинѣ Великомъ-Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ.»

Новгородцы уѣхали совѣтоваться съ вѣчемъ, и 7-го декабря снова прибыли уже въ сопровожденіи пяти человѣкъ отъ черныхъ людей. Они думали предложеніемъ новаго источника доходовъ смягчить великаго князя, зная по опыту его любовь къ пріобрѣтенію, и одинъ изъ посадниковъ, Ѳеофилактъ, предложилъ: пусть бы великій князь бралъ на каждый годъ съ сохи по полугривнѣ, держалъ бы намѣстниковъ своихъ и въ пригородахъ, какъ въ Новгородѣ, только чтобъ судъ былъ по старинѣ, не было вывода изъ Новгородской Земли, и на службу въ Низовскую Землю Новгородцевъ не посылали. А мы рады — говорили они — боронить тѣ рубежи, что сошлись съ новгородскими землями; да чтобъ великій князь въ боярскія вотчины не вступался».

Великій князь чрезъ своихъ бояръ далъ имъ такой отвѣтъ: «Я сказалъ вамъ, что хотимъ такого государства, какое въ нашей Низовской Земли, на Москвѣ; а вынынче сами мнѣ указываете и чините урокъ нашему государству, такъ что же это за государство?»

—«Мы не учиняемъ урока государства своимъ государямъ, великимъ князьямъ — отвѣчали Новгородцы: — но Великій-Новгородъ низовской пошлины (обычая) не знаетъ: какъ наши государи великіе князи держатъ тамъ въ Низовской Землѣ своє государство?.

Тогда великій князь заговорилъ черезъ бояръ прямымъ языкомъ и ясно сказалъ, чего онъ хочетъ:

—«Вы мнѣ бьете челомъ, чтобъ я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; такъ знайте, что наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новѣгородѣ небыть, какъ въ нашей вотчинѣ того нѣтъ; посаднику не быть; государство свое намъ держать, какъ слѣдуетъ великимъ князьямъ, какъ держимъ мы свое государство въ нашей Низовской Землѣ; и земли великихъ князей, что за вами, отдать намъ, чтобъ это наше было. А что вы бьете челомъ мнѣ, великому князю, чтобъ не было вывода изъ Новгородской Земли, и чтобъ мнѣ не вступаться въ боярскія земли, такъ мы тѣмъ жалуемъ свою отчину; и судъ будетъ по старинѣ въ Новгородѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ.

Владыка съ послами отправился въ Новгородъ.

Послѣ того шесть тяжелыхъ дней прошло въ борьбѣ Новгорода съ самимъ собою. Бояръ-землевладѣльцевъ обнадеживало обѣщаніе великаго князя, что если Великій-Новгородъ, по его хотѣнію, откажется отъ вѣча и вѣчеваго порядка, то, по-крайней мѣрѣ, имѣнія останутся за ними, и ихъ самихъ оставятъ на мѣстѣ; напротивъ, казалось ясно, что когда они станутъ упрямиться и стоять за вѣче, колоколъ и посадника, то вѣча, колокола и посадника у нихъ все-таки не будетъ, да сверхъ-того отнимутъ у нихъ вотчины, и самихъ зашлютъ далеко. Одни соблазнялись примѣромъ своей братьи: тѣ, что передались Іоанну на дорогѣ, когда онъ шелъ къ Новгороду, и тѣ, что перебѣжали къ нему изъ Новгорода послѣ, приняты имъ ласково. Другіе готовы были теперь согласиться на все, лишь бы остаться самимъ въ своей землѣ, и надѣялись со временемъ дѣло поправить. И они рѣшились пожертвовать самобытностію Великаго-Новгорода, когда уже невозможно было удержать ее. Они пы-

тались сохранить хоть то, что казалось еще возможнымъ сохранить.

Владыка съ прежними послами поѣхалъ въ станъ и объявилъ, что Новгородъ согласенъ отложить и вѣче, и колоколъ, и посадника, лишь бы государь не вступался въ боярскія земли, оставилъ судъ по старинѣ, да чтобъ не было ни позвовъ къ суду, ни выводовъ людей изъ Новгородской Земли въ другую. Великій князь повторилъ прежде данное обѣщаніе. Все казалось улаженнымъ. По своимъ старымъ понятіямъ послы думали, что теперь остается писать договоръ и съ обѣихъ сторонъ цѣловать крестъ. «Бьемъ челомъ—сказали они боярамъ, — чтобъ великій государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому-Новгороду и поцѣловалъ крестъ». Бояре пошли съ этимъ къ великому князю и, воротившись къ посламъ, сказали, что великій князь цѣловать креста не будетъ. Новгородцы просили, чтобъ въ такомъ случаѣ государевы бояре поцѣловали за него крестъ. Бояре, доложивши объ этомъ великому князю, воротились снова къ посламъ съ такимъ отвѣтомъ: «и боярамъ великій князь цѣловать креста не велитъ». Дико и непривычно казалось Новгородцамъ обѣщать безъ крестнаго цѣлованія; этого они не слыхали и въ толкъ не могли взять. Казалось имъ, что ктожь нибудь да долженъ цѣловать крестъ. «Такъ пусть намѣстникъ, который будетъ оставленъ въ Великомъ-Новгородѣ, крестъ цѣлуетъ»;—сказали они. Бояре передали имъ на это отвѣтъ великаго князя, что «цѣловать креста не будетъ и намѣстникъ». Посламъ оставалось ѣхать въ городъ и передать вѣчу то, что услышали; они, по обычаю, просили отпуска и опасной граматы для проѣзда назадъ. Но великій князь не далъ имъ граматы и не объяснилъ имъ причины, почему не даетъ. Поневолѣ они должны были оставаться въ станѣ. Тамъ пробыли они до конца декабря.

Иванъ Васильевичъ домогался еще кое-чего и хотѣлъ довести Новгородцевъ, чтобъ они догадались и предложили сами. Онъ зналъ, что хоть они и согласились разстаться съ вѣчемъ, да не всѣ, и тѣ, которые второпяхъ дали согласіе, еще не свыклись съ этой мыслью. Московскій способъ— волочить дѣло—дѣйствовалъ убійственнѣе, чѣмъ всякое непріязненное нападеніе. Напротивъ, тогда городъ былъ укрѣпленъ твердо и еслибъ Москвичи сдѣлали нападеніе, то Новгородцы воодушевились бы мыслію о защитѣ своей гражданской святыни,—отчаяніе придало бы имъ и духа, и отваги, и Новгородъ, хотя бы все-таки и достался Москвѣ, да не легко. Московскій государь понималъ это и предпочелъ томить городъ. Новгородцы, не зная что̀ съ ними затѣваютъ, дѣлали и такія и инакія соображенія и догадки: задумавъ одно, переходили къ другому, третьему, и ума не прибирали; а между-тѣмъ положеніе города день-ото-дня становилось печальнѣе: кругомъ переняты были всѣ пути,—ни входу, ни выходу; запасы истощились, начался голодъ; отъ тѣсноты и голода явились болѣзни, и наконецъ открылся моръ. Чѣмъ больше было мнѣній и толковъ, тѣмъ больше несогласія и раздоровъ; одни винили другихъ; тѣ кричали: «Идемъ биться!.... умремъ за св. Софію!» Другіе кричали: «Остается намъ задаться великому князю!» Чернь возстала на бояръ, бояре на чернь; тамъ плачъ, рыданіе, голодная смерть; тутъ ссоры, драки, убійства; и колебались они— говоритъ лѣтописецъ — какъ пьяные. Было полное разложеніе всякаго гражданскаго порядка. Тогда князь Василій Шуйскій увидѣлъ, что Великій-Новгородъ окончательно погибъ и ему уже нечего въ немъ дѣлать. 28-го декабря князь явился на вѣче, отблагодарилъ за хлѣбъ за соль, сложилъ съ себя цѣлованіе Великому-Новгороду и объявилъ, что идетъ бить челомъ великому князю. Новгородцы не могли его остановить; не смѣли—говоритъ лѣтописецъ—ничего

ему и сдѣлать, боясь великаго князя. Сложивъ съ себя цѣлованіе, два дня онъ еще пробылъ въ Великомъ-Новгородѣ, и 30-го декабря поѣхалъ въ московскій станъ и отдался московскому государю. Иванъ принялъ дружелюбно послѣдняго кормленаго князя новгородскаго и даже одарилъ его.

Наканунѣ этого дня великій князь узналъ уже, что Шуйскій отказался служить Великому-Новгороду; онъ понялъ, что Новгородъ доведенъ уже до того положенія, когда пришла пора заговорить съ задержанными послами. Ихъ призвали, по ихъ же просьбѣ, къ великому князю на глаза.

—«Вы мнѣ били челомъ—сказалъ онъ—чтобъ я отложилъ гнѣвъ свой, не выводилъ бы людей изъ Новгородской Земли, не вступался въ вотчины и имущества людскія; чтобъ судъ былъ по старинѣ и чтобъ васъ не наряжать на службу въ низовскія земли. Я всѣмъ этимъ жалую свою отчину Великій-Новгородъ».

Послы поклонились. Иванъ болѣе ничего не говорилъ. Послы должны были выходить отъ него въ прежнемъ недоумѣніи; то что̀ теперь имъ сказано, они слышали въ третій разъ;—ничего новаго имъ не сказано, и отпуска не объявлено. Новгородцы не понимали, для чего ихъ еще держатъ и чего еще вымогаютъ.

Но какъ-только они вышли отъ великаго князя, бояре сказали имъ:

—«Князь великій велѣлъ вамъ вотъ что̀ сказать: чтобъ наша отчина, Великій-Новгородъ, далъ намъ волости и села; намъ, великимъ государямъ, нельзя безъ того держать свое государство на своей отчинѣ въ Великомъ-Новгородѣ».

—«Мы скажемъ объ этомъ Великому-Новгороду», отвѣчали Новгородцы.

Ихъ отпустили. Должно думать, и странно и ужасно по-

казалось это Великому-Новгороду: обѣщали не вступаться въ вотчины, а требуютъ ихъ разомъ!

1-го января явились послы опять въ станъ московскій, и сказали: «Великій-Новгородъ даетъ Великіе Луки и Ржеву Пустую на литовской границѣ». Быть-можетъ, здѣсь было не безъ хитрости. Новгородцы давали волости по близости къ Литвѣ, чтобъ скорѣе поссорить Москву съ Литвою и тогда потомъ самимъ пристать къ Литвѣ. Великій князь не взялъ этихъ волостей и не сказалъ чего онъ хочетъ, предоставляя Новгороду назначить добровольно.

Послы были отпущены.

Издавна завидовали бояре богатству владычнихъ и монастырскихъ имѣній; теперь бояре разсудили, что если ужь нужно какими-нибудь вотчинами отдѣлываться, то лучше церковными, а не своими. Опять владыка съ тѣми же послами 4-го января прибылъ въ станъ и сказалъ, что Великій-Новгородъ даетъ ему десять волостей церковныхъ [1]), и сверхъ того всѣ волости, какъ владычнія и монастырскія, такъ и боярскія, и всѣхъ Новгородцевъ вообще, въ Торжковской Землѣ.

Великій князь отвѣчалъ, что онъ не беретъ этого.

«Такъ пусть же — сказали послы боярамъ, говорившимъ съ ними отъ имени великаго князя, — государь самъ смыслитъ, какъ ему свою отчину жаловать и сколько волостей взять; а отчина его Великій-Новгородъ покладается на Бога и на него.»

Бояре пошли ко князю и воротились съ такимъ отвѣтомъ: «Государь велѣлъ сказать: — взять мнѣ половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ во всей землѣ, а Новоторжскія всѣ, — чьи бы-то ни были.»

[1]) Владычнихъ 4, Юрьевскаго монастыря 3, Деманскаго 1, Антоніевскаго 1, Тубасъ волость 1.

Послы ушли въ Новгородъ и 6-го января пришли съ согласіемъ, но просили, чтобъ государь пожаловалъ бѣдные монастыри—не отнималъ у нихъ земель, а ограничивался бы бы шестью богатыми монастырями [1]). Великій князь согласился. «Пусть идутъ въ городъ,—сказалъ онъ своимъ боярамъ,—и напишутъ на списокъ половину владычнихъ и монастырскихъ волостей,—только чтобъ не таили ничего; а что̀ утаятъ,—та земля великихъ князей.»

На другой день владыка съ послами принесли списокъ. Уже Новгородъ былъ безропотенъ; голодъ дошелъ до ужасныхъ размѣровъ; моръ усиливался; чего бы ни потребовалъ побѣдитель,—побѣжденный на все согласится напередъ. Но по разсчету великаго князя слѣдовало его еще помучить и дать памяти. Послы надѣялись, что все уже окончено, и владыка сказалъ боярамъ: «Пусть государь пожалуетъ отчину свою, чтобъ христіанство до конца не гибло; тѣснота, и голодъ, и моръ въ городѣ.»

Но бояре не слишкомъ разжалобились, и сказали: «Князь великій велѣлъ вамъ сказать: вы явили дань со всѣхъ волостей новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ, по семи денегъ; а какая ваша соха?»

«Наша соха—отвѣчали послы—три обжи; а обжа у насъ одинъ человѣкъ, когда оретъ на одной лошади; какъ на трехъ лошадяхъ орешь, то соха.»

«Такъ князь великій—сказали бояре—захотѣлъ взять не съ сохи, а съ обжи по полугривнѣ».

Владыка началъ говорить: «Бьемъ челомъ великому государю: смилуйся, государь, имать дань съ сохи съ трехъ обжей по полугривнѣ и брать одинъ разъ въ годъ.»

Доложили великому князю. Иванъ Васильевичъ оказалъ

[1]) У Юрьева, Антоньева, Благовѣщенскаго, Аркажа, у Никольскаго въ Неревскомъ концѣ и у Михайловскаго на Сковородкѣ.

милость, — согласился, только съ тѣмъ, чтобъ брать эту дань со всѣхъ, безо льготы: со всякаго, кто землю оретъ, и съ ключниковъ, и со старостъ, и съ одерноватыхъ.

Тогда владыка и послы сказали: «Бьемъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ — не велѣлъ посылать въ новгородскія волости писцовъ своихъ и даньщиковъ: это, господине, будетъ христіанамъ тяжко; пусть положится государь на новгородскую душу; сами скажутъ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами собою дань собравши и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости, тому, кому великій князь прикажетъ въ Новгородѣ; а кто утаитъ хоть одну обжу, и уличимъ его, мы скажемъ про то своимъ государямъ великимъ князьямъ и великіе государи его казнятъ.»

Великій князь сказалъ на это: «Жалую свою отчину; пусть сами дань собираютъ, и отдаютъ кому у нихъ будетъ велѣно брать, а писарей и даньщиковъ къ нимъ не будутъ посылать.»

Послы задержаны были на одинъ день. 10-го января бояре дали имъ списокъ, по которому Новгородъ долженъ былъ произнести присягу. Этотъ списокъ слѣдовало прочитать Новгородцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ очистить для него Ярославово дворище. Послы поѣхали въ городъ вмѣстѣ съ московскимъ подъячимъ Одинцомъ, который везъ форму присяги. Форма была списана; къ этому списку новгородскій владыка долженъ былъ приложилъ руку и свою печать, да сверхъ-того отъ пяти концовъ по печати.

Форма присяги была прочтена у владыки въ палатѣ. Ее слушали конечно немногіе, — сколько могло помѣститься въ палатѣ. Когда сказали Новгородцамъ, что государь велитъ очистить Ярославово дворище, тутъ воскресло невольно воспоминаніе всего прошедшаго; ужасно казалось отдавать эту святыню. Новгородцы не могли противиться,

но сказали съ грустію: «Тотъ дворъ въ волѣ нашихъ государей великихъ князей: хотятъ его взяти, — все передъ Богомъ и передъ ними, а можетъ-быть захотятъ въ Околоткѣ взять мѣсто равное тому двору, и то въ ихъ волѣ.»

13-го января явился въ станъ Ивана владыка; съ нимъ были уже не только прежніе послы, но многіе посадники, бояре, житые и купцы, и показали запись, подписанную владыкою и утвержденную печатьми пяти концовъ. Бояре сказали имъ: «что Псковичи послужили великому князю по крестному цѣлованію, за то вы имъ не должны никакою хитростью мстить, не вступаться во псковскія земли и воды и не дѣлать имъ обидъ; а какъ будутъ у васъ съ ними дѣла о земляхъ и водахъ, то о томъ новгородскіе намѣстники великихъ князей будутъ ссылаться съ намѣстниками псковскими, и будетъ у васъ судъ и управа на обѣ стороны. Вы также не должны мстить никакою хитростію и тѣмъ новгородскимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и боярынямъ, что служатъ великому князю. А на Двинѣ и на Заволочьѣ, что ни есть пригородовъ, такъ всѣ Двиняне и Заволочане сложатъ новгородское цѣлованіе и будутъ цѣловать крестъ на имя великихъ князей.»

Новгородцамъ оставалось безмолвно согласиться, и они цѣловали крестъ по записи.

Послѣ крестной присяги они сказали: «Бьемъ челомъ вамъ, бояре, чтобъ вы печаловались у государя, отдалъ бы онъ намъ нелюбье и сердце свое сложилъ, и слово свое изрекъ бы намъ отъ устъ своихъ въ слухъ всѣмъ по прежнему жалованью.»

Бояре передали эту просьбу государю, и великій князь позвалъ ихъ къ себѣ. Онъ объявилъ имъ то же, что̀ сказалъ владыкѣ и посламъ объ имѣніяхъ и судахъ и прибавилъ: «Дастъ Богъ и впередъ тебя, своего богомольца, владыку, и всю отчину свою Великій-Новгородъ будемъ жаловать.»

Великій князь промедлилъ еще день. Въ четвергъ 15-го января поѣхалъ въ Новгородъ отъ его имени князь Иванъ Юрьичъ въ сопровожденіи другихъ князей и бояръ [1]).

Новгородцы созваны были на Софійскій дворъ. Въ палатѣ были владыка, духовенство и бояре; за ними толпы вошли въ палату; другіе стояли на открытомъ воздухѣ. Князь Иванъ Юрьичъ говорилъ: «Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу, владыцѣ и своей отчинѣ — Великому-Новгороду, глаголетъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, Ѳеофилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и вся наша отчина, Великій-Новгородъ, били челомъ нашей братьи о томъ, чтобъ я пожаловалъ—смиловался и нелюбіе сердца сложилъ; я, князь великій, ради своей братьи жалую свою отчину и отлагаю нелюбіе. Ты, богомолецъ нашъ, архіепископъ, и отчина наша, написали грамоту, на чемъ добили намъ челомъ и цѣловали крестъ;—пусть теперь всѣ люди новгородскіе, моя отчина, цѣлуютъ крестъ по той же грамотѣ и оказываютъ намъ должное; а мы васъ, свою отчину, и впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ».

Началась присяга. Бояре приводили ко кресту бояръ и житыхъ людей, стоявшихъ на Софійскомъ дворѣ, а дѣтей боярскихъ и московскихъ дьяковъ разослали по всѣмъ пяти концамъ приводить къ присягѣ народъ. Тогда присягали всѣ люди, и жены боярскія, и вдовы, и люди боярскіе. Присяга давалась отъ каждаго лица особо, и каждый поставленъ былъ ею въ непосредственное подданство великому князю. Это уже не была присяга на храненіе договора, заключеннаго на взаимныхъ условіяхъ, а присяга поддан-

[1]) Ѳедора Давидовича, да князя Ивана Стриги, да Борисовичевъ Ивана и Семена, бывшихъ въ Новгородѣ прежде послами отъ великаго князя съ вопросомъ о государствѣ, да Василья, да Ивана.

наго, предававшагося въ безусловное повиновеніе государю принадлежавшаго лично его особѣ, обязаннаго исполнять всѣ его приказанія безотносительно ко всякимъ условіямъ своего общества. Въ присягѣ между прочимъ обѣщался каждый — всякое слово, какое услышитъ отъ своего брата Новгородца, доброе или худое о великомъ князѣ, сказывать великимъ государямъ. Князья отобрали во владычней палатѣ грамоту, заключенную Новгородцами между собою за шестидесятью восмью печатьми. Наконецъ, послѣ окончаніи присяги, Москвичи отправились на Ярославово дворище, сняли вѣчевой колоколъ и повезли въ московскій станъ. Плакали сильно Новгородцы по своей волѣ — говоритъ лѣтопись — и не смѣли сказать ничего. Вслѣдъ за этимъ многіе новгородскіе бояре и дѣти боярскіе сами били челомъ въ службу государя и произносили особую, служебную, присягу.

Наконецъ Новгородъ отворился, но уже не прежній Великій-Новгородъ! Владыка испросилъ у великаго князя опасную грамату и приставовъ — проводить поселянъ въ ихъ волости и села; и голодные, чахлые, стали расходиться въ свои разоренныя жилища. Все время, когда Новгородъ находился въ осадѣ, великокняжескія войска продолжали разорять волости; и была — говоритъ лѣтописецъ — эта война еще пагубнѣе прошлой: тогда, по крайней-мѣрѣ, было лѣто и жители прятались въ лѣсахъ; теперь негдѣ было спрятаться; ратные люди пожгли ихъ жилища, хлѣбъ, истребили скотъ и толпы народа умирали въ пустыняхъ отъ мороза и голода. Только собакамъ, волкамъ, да хищнымъ птицамъ была тогда пожива! Новгородская область обезлюдѣла. Иванъ, какъ видно, съ задуманнымъ заранѣе планомъ, хотѣлъ истребить враждебную Москвѣ народность, преслѣдуя свой политическій планъ — соединить Русь въ одно крѣпкое государственное тѣло.

Еще мѣсяцъ пробылъ Иванъ подъ Новгородомъ. Лишенные старинной свободы, Новгородцы должны были, какъ-бы въ благодарность своему государю, подносить ему поминки. Самъ великій князь не прежде какъ 29 января посѣтилъ Новгородъ и то не надолго: онъ отслушалъ обѣдню у святой Софіи и тотчасъ уѣхалъ въ свой станъ; онъ боялся мора, который продолжалъ свирѣпствовать: отъ множества умирающихъ не успѣвали копать особыхъ могилъ; складывали по два, по три трупа въ одну могилу, а далѣе уже по десяти.

Пожертвовавъ свободою, бояре думали, что, по-крайней-мѣрѣ, сохранятъ свои имущества и останутся на мѣстѣ; но скоро оказалось, что Иванъ не слишкомъ цѣнилъ обѣщаніе, на которое не даромъ не хотѣлъ присягать. Перваго февраля схватили купеческаго старосту Марка Панфильева и увели въ станъ. На другой день, 2-го числа, схватили Марѳу Борецкую и внука ея. Сынъ ея, отецъ этого внука, уже умеръ въ заточеніи въ Муромѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, схватили другихъ Новгородцевъ, стоявшихъ прежде въ главѣ патріотической партіи: Арзубьева, Ивана Савелкова, Іакинфа съ сыномъ и Юрія Репехова. Всѣхъ ихъ, оковавши, повезли въ Москву, а ихъ имущества отписали на государя. Такъ достался Ивану и тотъ *чюдный* дворъ Марѳы посадницы, гдѣ собирались патріоты и разсуждали о томъ, какъ имъ противостоять московскому самовластію. Въ Новгородѣ оставлены четыре намѣстника: два должны были жить на Торговой сторонѣ на Ярославовомъ дворищѣ; два — на Софійской, въ архіепископскомъ дворѣ. Такимъ-образомъ ихъ управленіе замѣняло древнее вѣче, собиравшееся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ теперь указано жить.

Получивъ отъ владыки послѣдніе подарки изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, великій князь 17-го февраля выѣхалъ изъ Великаго-Новгорода. До перваго стана должны

были провожать его владыка, и бояре и житые; побѣдитель здѣсь покормилъ ихъ и одарилъ. Такъ, наконецъ, разстался онъ съ Новгородомъ, и пріѣхалъ въ Москву 5-го марта при всеобщемъ торжествѣ московскаго народа. За нимъ, какъ трофей побѣдителя, везли вѣчевой колоколъ,—символъ древней общественной жизни удѣльно-вѣчеваго порядка, пораженнаго торжествовавшимъ единодержавіемъ. «И привезенъ бысть—говоритъ лѣтописецъ — и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити.»

Новгородская катастрофа этимъ не кончилась. Раздоры, прежде выражавшіеся палочными и кулачными боями на улицахъ, сейчасъ же нашли себѣ новую дорожку—доносы. Новгородцы московской партіи донесли на своихъ соотчичей, что составляется заговоръ: хотятъ отложиться отъ Москвы и призывать снова Казимира.

Новгородъ оставался на душѣ у Казимира.

Онъ обѣщалъ помощь. Литовцы денегъ ему не давали; онъ обратился съ просьбою объ деньгахъ къ папѣ, а между-тѣмъ послалъ къ хану Большой Орды подвигать его на московскаго государя, бывшаго его данника. Была надежда Новгородцамъ даже на помощь внутри великаго княженія: братья великаго князя—Андрей и Борисъ, вмѣстѣ съ братомъ воевавшіе Новгородъ, стали недовольны; они сами испытывали тягость московскаго самовластія. «Мы — говорили они между собою,—вмѣстѣ съ нашимъ братомъ воевали Великій-Новгородъ, а онъ взялъ его себѣ весь и намъ недалъ изъ него части.» Они переговаривались съ заговорщиками и изъявили согласіе дѣйствовать заедино. Но государь въ концѣ 1479 г. узналъ объ этомъ впору. Утаивая настоящее намѣреніе,

онъ распустилъ слухъ, будто идетъ на Нѣмцевъ. Даже сынъ его не зналъ отцовскаго замысла, и долженъ былъ собирать войско будто на Нѣмцевъ. Весною онъ отправилъ заставы, чтобы Новгородцы не узнали о числѣ его войска. Однако въ Новгородѣ все узнали, прогнали намѣстниковъ и приготовились къ оборонѣ. Была надежда, что Татары отвлекутъ великаго князя отъ сѣвера и заставятъ обратиться назадъ; а между-тѣмъ Казимиръ успѣетъ прислать вспомогательное литовско-русское войско на выручку. Представлялся, повидимому, удобный случай возвратить утраченное. Возобновленъ вѣчевой порядокъ. Избрали посадника, тысячскаго. Стали укрѣплять острогъ. Великій князь, достигши Бронницъ, узналъ, что Новгородъ взбунтовался явно. У него была только тысяча человѣкъ; надобно было подождать; и онъ сидѣлъ двѣ недѣли, пока прибыло войско. Новгородцы не успѣли сжечь посадовъ; ихъ опять захватили, какъ въ прошлогоднюю войну. Иноземный художникъ Аристотель управлялъ артиллеріей; онъ поставилъ противъ Новгорода пушки; — его пушкари искусно и мѣтко палили; а въ Великомъ-Новгородѣ возникали по прежнему несогласія; многіе, прежде приставшіе, повидимому, къ мятежу, теперь бѣжали къ великому князю. Патріотамъ невозможно было управлять обороною; безпрестанно грозила измѣна. Послали просить опаса для переговоровъ. Но времена тѣ прошли, когда можно было вести переговоры. Великій князь, указавши на себя, сказалъ: «Я вамъ опасъ; я опасъ невиннымъ; я государь вашъ; отворяйте ворота; войду,—никого невиннаго не оскорблю!»

Тогда ворота отворились; архіепископъ съ духовенствомъ вышли впередъ со крестами; съ ними ихъ новый посадникъ, новый тысяцкій, старосты пяти концовъ, бояре и множество народа: всѣ пали ницъ и вопили о пощадѣ и прощеніи. Иванъ сказалъ: «Я, вашъ государь, даю всѣмъ

невиннымъ въ этомъ злѣ миръ; ничего не бойтесь». И спокойнымъ шагомъ шелъ онъ къ св. Софіи, помолился тамъ, а потомъ помѣстился въ домѣ новоизбраннаго посадника Ефрема Медвѣдева, — не гостемъ, а полнымъ хозяиномъ этого дома.

У Ивана былъ уже списокъ главныхъ заговорщиковъ, сообщенный ему предателями. По этому списку онъ велѣлъ схватить пятьдесятъ человѣкъ. Ихъ начали пытать. Въ мукахъ они стали говорить на другихъ и указали, что и владыка Ѳеофилъ былъ въ согласіи. Московскій государь не долго разбиралъ дѣйствительность вины владыки: 19-го января, по его приказанію, архіепископа схватили, безъ церковнаго суда, отвезли въ Москву и заточили въ Чудовомъ монастырѣ. Его имѣніе, состоявшее во множествѣ жемчуга, золота, серебра, камней, взялъ московскій великій князь себѣ. Обвиненныхъ казнили. Предъ смертью многіе вопили, что они въ безпамятствѣ, подъ пытками, наговорили напраслину; но на это не обратили вниманія. Схватили еще болѣе ста человѣкъ и начали пытать. И эти подъ муками наговорили на себя; и этихъ казнили. Все имѣніе казненныхъ взято было въ пользу государя. Вслѣдъ за тѣмъ, по подозрѣнію въ нерасположеніи къ московской власти, болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ, выслали изъ Новгорода и поселили въ Переяславлѣ, Владимирѣ, Юрьевѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Все ихъ имѣніе было взято въ пользу государя. Чрезъ нѣсколько дней московское войско погнало болѣе семи тысячъ семействъ въ Московщину, зимою, по морозу, не давъ имъ собраться, не позволивъ ничего взять съ собою; ихъ домы, ихъ недвижимое и движимое имущество — все сдѣлалось достояніемъ великаго князя. Послѣ такой расправы, уѣхалъ Иванъ, февраля 3-го, услыхавши, что идетъ на него ханъ Золотой Орды.

Многіе изъ сосланныхъ умерли на дорогѣ; оставшихся разселили по разнымъ городамъ, посадамъ и селамъ Московской Земли; дѣтямъ боярскимъ давали помѣстья на низу, а вмѣсто ихъ въ Новгородскую Землю посылали для поселенія Москвичей. Такъ и вмѣсто купцовъ, сосланныхъ въ Московщину, въ Новгородъ отправили новыхъ купцовъ изъ Московщины.

Этимъ не кончилась расправа. Въ 1484 г. великій князь посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ девять недѣль. Онъ жилъ тогда въ самомъ городѣ—въ Сла́венскомъ концѣ. Тогда онъ приказалъ похватать бояръ и боярынь Великаго-Новгорода, имѣвшихъ имѣнія въ Новгородской Землѣ; нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, заточилъ въ тюрьму; другимъ подавалъ помѣстья въ южныхъ и приволжскихъ краяхъ. Въ то время—по замѣчанію лѣтописца — схвачена и разграблена была богатая Настасья Григоровичева, у которой нѣкогда пировалъ великій князь, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ. Въ 1487 г., по доносу Якова Захарьича, намѣстника, Иванъ вывелъ изъ Новгорода пятьдесятъ семей лучшихъ гостей и перевелъ ихъ во Владимиръ. Въ слѣдующемъ году ненавистный для Новгородцевъ намѣстникъ открылъ заговоръ—будто бы хотѣли убить его; многихъ тогда же намѣстникъ перерубилъ и перевѣшалъ; а Иванъ приказалъ выселить еще болѣе семи тысячъ житыхъ людей въ Москву и разселилъ ихъ по разнымъ городамъ и селамъ. Имѣнія владычнія и боярскія были раздаваемы московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Въ слѣдующемъ году Иванъ перевелъ всѣхъ остальныхъ житыхъ людей (хозяевъ) въ Нижній-Новгородъ, а многихъ изъ нихъ приказалъ умертвить въ Москвѣ: они жаловались на намѣстниковъ, а имъ поставили это въ вину, выводя изъ того, что они хотѣли убить намѣстника.

Такъ добилъ московскій государь Новгородъ, и почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность.

Большáя часть народа по волостямъ была выгублена во время двухъ опустошительныхъ походовъ. Весь городъ былъ выселенъ. Мѣсто изгнанныхъ старожиловъ заняли новые поселенцы изъ Московской и Низовой Земли. Владѣльцы земель, которые не погибли во время опустошенія, были также почти всѣ выселены; другіе убѣжали въ Литву. Остатки прежней народности, въ сельскомъ классѣ, смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, московскою: — неудивительно послѣ этого, что Новгородъ, какъ кажется, скоро примирился съ своей судьбою, и забылъ о своей старинѣ. Потомство вольныхъ людей, разселенное въ чужихъ земляхъ, не имѣло корней для воспоминаній о старинѣ и должно было по необходимости распуститься въ массѣ преобладающей московской народности; а потомство новосельцевъ въ Новгородской волости и въ самомъ городѣ не имѣло ничего общаго съ прежнею стариною. Вотъ почему и теперь напрасно бы мы искали на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ. Отъ старины осталась только земля; но старую душу нельзя было вложить въ чуждое ей новое тѣло!

Уничтоживъ самобытность гражданскую, Иванъ поразилъ также и церковную. Злополучный Ѳеофилъ, добрякъ и простякъ, котораго судьба некстати бросила въ политическій водоворотъ, долженъ былъ въ угожденіе побѣдителю подписать добровольное отреченіе отъ своего достоинства. «Познаваю — написалъ онъ — убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумія».

Вмѣсто него, по волѣ великаго князя, митрополитъ Геронтій поставилъ новгородскимъ владыкою московскаго протопопа Симеона, переименованнаго при посвященіи въ Сергія. Онъ — говоритъ составитель житія владыки Моисея — возносился высотою сана своего: на то онъ былъ изъ Москвы; онъ чувствовалъ свою принадлежность къ побѣдителямъ и

давалъ другимъ чувствовать, что пришелъ къ плѣненнымъ и порабощеннымъ. Приближаясь къ Новгороду, завернулъ онъ въ Сковородку, гдѣ давно уже привыкли Новгородцы почитать гробъ своего владыки Моисея. Москвичъ вошелъ въ церковь, помолился образамъ и выходилъ вонъ; тутъ ему сказали: «Вотъ гробъ основателя обители—владыки Моисея».—«Отворите гробъ—сказалъ Сергій священнику—посмотримъ».—«Мы не дерзаемъ—сказалъ священникъ—открывать мощей святителя: это твое святительское дѣло!»—«Что?—съ гордостью сказалъ Сергій:—стану я этого смердьяго сына смотрѣть?» Въ его понятіи Новгородецъ—даже святой владыка—былъ низкое существо! Но когда онъ расположился во владычнихъ палатахъ, къ нему начали появляться усопшіе новгородскіе владыки, лежащіе у св. Софіи—сначала во снѣ, а потомъ уже на яву. «Зачѣмъ, безумецъ,—говорили они ему: — зачѣмъ дерзнулъ ты принять поставленіе святительства нашего, на мѣсто поруганнаго, неправедно сверженнаго и еще живаго владыки? Не по правиламъ ты осмѣлился сѣсть на мученическій престолъ! Оставь его!» Онъ сперва бодрился и не поддавался вліянію видѣній; наконецъ невидимая сила поразила его и еле жива оставила; суровѣе другихъ владыкъ казался ему Іоаннъ, ѣздившій на бѣсѣ, нѣкогда молитвенникъ за свободу Новгорода. Сергій сдѣлался какъ помѣшанный; ни съ кѣмъ не говорилъ: выйдетъ изъ келіи безъ мантіи, сядетъ подъ св. Софіей или у Евфиміевской паперти и глядитъ безсмысленно. Черезъ десять мѣсяцевъ свезли его въ Троицкій монастырь больнаго [1]). Другое сказаніе [2]) говоритъ, что у него Новгородцы отняли умъ волшебствомъ; Новгородцы не хотѣли ему покориться, а онъ не былъ съ ними однихъ

¹) Пск. II, 92; Новг. Л. III, 243; Пам. р. ст. лит. IV, 12.
²) Соф. II, П. С. Л. VI 236.

мыслей, а еслибъ и захотѣлъ, то не смѣлъ: великій князь поставилъ наблюдать за поведеніемъ владыки своего боярина, да съ нимъ казначея и дьяка.

Преемниковъ Сергія уже не безпокоили усопшіе. Другая жизнь покатилась въ Новгородѣ, съ другими нравами, понятіями, языкомъ, безъ воспоминаній о старой вольности, безъ желанія новой.

Такъ передали намъ новгородскую катастрофу лѣтописцы наши [1]). Въ бо̀льшей части повѣствованій объ этихъ событіяхъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ, видна московская рука. Новгородскіе отрывки перепутались съ ними; Новгородцы, быть-можетъ и мало писали объ этомъ:—горе было слишкомъ тяжело, чтобы о немъ разглагольствовать. Въ этомъ сознается одинъ лѣтописецъ: «Я бъ и еще что-нибудь иное написалъ, да не могу отъ большой печали [2])!

[1]) Новг. Л. IV. 128 — 129, 133, 150. Пск. I, 242, 251, 256, 259, Псковск. II. 36, 38. Соф. I. П. С. Л. т. VI. 1—20. — Соф. П. 191—221, 236. Воскрес. П. С. Л. т. VIII, 162—168, 183—199, 204, 218. Татищ V, 12—25, 41 — 75, 80, 89, 92.

[2]) А иное бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы. Соф. I, 19.

Глава вторая.

ВЯТКА.

ВЯТКА.

Вслѣдъ за пораженіемъ новгородской свободы, Іоаннъ раздѣлался и съ Вяткой, новгородской старой колоніею, управлявшеюся независимо отъ Новгорода. Нѣтъ ничего въ Русской Исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея. Начало этой колоніи лѣтописецъ Вятской Земли [1]) относитъ къ 1174 (6682) г. и нѣсколько противорѣчитъ самъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что жители новгородскіе отправились въ путь самовольно и отдѣлились отъ Великаго-Новгорода, а въ другомъ,—что они отправились съ согласія Великаго-Новгорода. Вѣроятнѣе первое, потому-что эта колонія не признавала власти Новгорода нѣсколько разъ являлась враждебною Новгороду, никогда не бывала съ нимъ во взаимнодѣйствіи и испытывала противъ себя—по сказанію той же мѣстной лѣтописи—злобу своей метрополіи. Впослѣдствіи, къ происхожденію вятской колоніи приплели старинную греческую басню объ основаніи Тарента, которая, будучи занесена къ намъ, примѣнялась не къ одной Вяткѣ. Говорили, будто Новгородцы отправились на войну и оставили дома своихъ женъ съ рабами. Во время ихъ семилѣтняго отсутствія, рабы воспользовались правами мужей и прижили съ новгородскими женами дѣтей. Опасаясь мщенія мужей, жены бѣжали изъ Новгорода съ

[1]) Рук. Публ. Библ. № 103.

своими любовниками и незаконными дѣтьми: эти-то бѣглецы,— будто бы,—основали Вятку. Такъ-какъ основаніе Вятки относятъ къ той эпохѣ, когда, послѣ упорнаго сопротивленія Суздальцамъ и пораженія Андреева ополченія, Новгородъ примирился съ Андреемъ, то, быть-можетъ, выходцы изъ Новгорода въ это время состояли изъ заклятыхъ враговъ суздальской партіи и нехотѣли оставаться въ отечествѣ, когда въ немъ дѣла обратились противно ихъ сочувствіямъ. По извѣстію упомянутаго лѣтописца, колонисты поплыли на судахъ по Волгѣ, дошли до Камы, тамъ поставили городокъ и намѣревались здѣсь оставаться. Но тутъ услышали они, что далѣе на востокъ живутъ Вотяки въ землѣ привольной, богатой, и укрытой лѣсами. На Камѣ жить было не безопасно, потому-что большая рѣка—большой путь; на нихъ станутъ нападать то̀ тѣ, то̀ другіе; притомъ и Новгородцы знаютъ этотъ путь и станутъ требовать подчиненія. Часть колонистовъ осталась въ новопостроенномъ городкѣ, другая отправилась далѣе по Камѣ. Они вошли въ рѣку Чепецъ и начали жечь и разорять вотяцкія жилища, укрѣпленныя земляными валами. Вотяки были народъ мало-воинственный, пришли въ страхъ отъ нападенія неожиданныхъ гостей и разбѣгались. По рѣкѣ Чепцу Новгородцы вошли въ рѣку Вятку и, проплывъ по ней пять верстъ, увидѣли на высокой горѣ Болванскій городокъ. Взять его было трудно. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій, Новгородцы положили себѣ зарокъ—не пить, не ѣсть, пока не завоюютъ городка. Случился день Бориса и Глѣба. Новгородцы стали призывать на помощь этихъ святыхъ. Святые помогли имъ. Они взяли Болванскій городокъ; множество Вотяковъ было побито, остальные разбѣжались: Русскіе построили здѣсь церковь Бориса и Глѣба и назвали городокъ Никулицынъ.

Тѣ, которые остались прежде на Камѣ, узнали, что ихъ

братья нашли себѣ лучше пріютъ, бросили свой городокъ и поплыли по Камѣ, а потомъ по рѣкѣ Вяткѣ. Они напали на черемисскій городокъ Каршаровъ. Услыхавъ, что святый Борисъ и Глѣбъ помогли ихъ соотечественникамъ при взятіи Болванскаго городка, стали и они призывать этихъ святыхъ. И имъ помогли святые Борисъ и Глѣбъ,— въ угоду Русскимъ напустили на Черемисовъ видѣніе: тѣмъ представилось, будто на нихъ нападаетъ многочисленное войско; тогда одни изъ нихъ пустились въ разсыпную, а другіе безъ боя отворили побѣдителямъ ворота. Завоевавши Каршаровъ, Новгородцы переименовали его въ Котельничъ и послали партіи развѣдывать: нельзя ли чего еще завоевать. Между-тѣмъ, и тѣ, что утвердились въ Болванскомъ городкѣ, послали партіи на провѣдъ: какія есть подалѣе земли; хотѣлось имъ найти удобное мѣсто, гдѣ бы построить еще городъ. При устьѣ рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, мѣсто имъ понравилось, и они заложили городъ, и назвали его Хлыновъ—это нынѣшняя Вятка. Преданіе осталось, будто рѣка Хлыновица названа такъ Новгородцами оттого, что они на этомъ мѣстѣ услышали крикъ дикихъ птицъ: хлы! хлы!

Основаніе Хлынова не обошлось безъ чудесъ. Когда Новгородцы стали строить городъ, то увидали деревья, чудодѣйственно приготовленныя невидимою силою и приплывшія къ мѣсту построенія города. Состроивъ дѣтинецъ, новопоселенцы поставили въ немъ церковь Воздвиженія Честнаго Креста. Этотъ городокъ съ сѣверо-запада и юга опоясанъ былъ глубокимъ рвомъ, а съ востока защищался крутымъ берегомъ и рѣкою Вяткою; вмѣсто городской стѣны служили жилища, плотно поставленныя одно близъ другаго задними стѣнами на внѣшнюю сторону. Мѣсто было удобное; такой крѣпости было на первый разъ достаточно противъ туземцевъ. Въ срединѣ городка

вырыли колодезь, поставили земскую избу для управленія и винокурню. Такъ основался Хлыновъ. Жители его прозвались Вятчане, по имени рѣки, носившей туземное названіе Вятки и вся земля, занятая новопоселенцами, названа была Вятскою Землею. Населеніе Вятскаго края возрастало, какъ естественнымъ путемъ, такъ и приливомъ новыхъ пришельцевъ изъ Устюга и изъ Новгорода, и изъ другихъ странъ; недовольные ходомъ дѣлъ въ отечествѣ не рѣдко убѣгали въ Вятскую Землю. Такъ около Хлынова образовался посадъ, который былъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями; дремучіе лѣса защищали его. Мало-по-малу стали возникать селенія и погосты. Лѣтопись кратко упоминаетъ о томъ, что переселенцы терпѣли набѣги отъ Вотяковъ и Черемисъ, которые, конечно, смотрѣли непріязненно на новыхъ обитателей своего отечества, а потомъ отъ Татаръ Ногайской и Золотой Орды, появившихся на берегахъ Волги и Камы. Поэтому всѣ русскія поселенія были укрѣплены; неоднократно Русскіе выдерживали нападенія и отбивали враговъ: ихъ подвиги оставались въ народной памяти съ героическимъ блескомъ. Въ воспоминаніе объ нихъ Вятчане устроили торжественные ходы и праздники. Такимъ-образомъ, на память одной жестокой битвы съ Вотяками и Черемисами, было установлено каждогодно носить изъ Волковскаго погоста близъ Никулицына образъ великомученика Георгія въ Хлыновъ и встрѣчать его торжественно со свѣчами и желѣзными стрѣлами, которыя означали оружіе побѣжденныхъ враговъ. Другой ходъ былъ изъ Никулицына съ образомъ Бориса и Глѣба,—въ память взятія Болванскаго городка. Третій — съ чудотворнымъ образомъ Николая. Черемисы препятствовали расселенію Русскихъ. Однажды, толпа поселенцевъ, хотѣвшихъ основаться въ земляхъ нынѣшняго Яренскаго уѣзда, подверглась ихъ нападенію. Русскіе бѣжали отъ нихъ и въ

бѣгствѣ покинули образъ Николая чудотворца. Много времени спустя послѣ этого событія, въ 1383 году, какой-то поселянинъ зачиналъ поселеніе близъ той горы, гдѣ покинутъ былъ образъ и выбралъ себѣ мѣсто для усадьбы на берегу ручья. Однажды отправился онъ въ лѣсъ за деревомъ, и увидалъ свѣтъ: онъ окружалъ образъ, поэтому признаку поселянинъ нашелъ образъ и поставилъ у себя въ новоотстроенной избѣ. Около него стали селиться другіе; заводилось и умножалось поселеніе. Тогда образъ оказался цѣлебнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселянина стали стекаться богомольцы. Вѣсть объ этомъ дошла до хлыновскаго духовенства: оно стало помышлять, какъ бы пріобрѣсть такое сокровище для города. Жители деревни долго ни за что не уступали образа; едва городскіе жители упросили ихъ уладить дѣло такъ, чтобъ изъ Хлынова каждогодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ-образомъ, установленъ былъ каждогодный ходъ въ эту деревню, построенную на берегу рѣки Великой.

Внутреннее устройство Вятки намъ неизвѣстно въ подробностяхъ. Вѣрно только то, что Вятчане управлялись сами собою, вѣчемъ — по образцу новгородскому. Лѣтописецъ говоритъ о нихъ: «И тако Новгородци начаша общежительствовати, самовластвующе правами и обладаемы своими жители, и нравы свои отеческіе и законы, и обычаи новгородскіе имѣяху.» Хлыновъ былъ главный городъ всей земли; подъ его первенствомъ были пригороды, изъ которыхъ извѣстны, какъ существовавшіе во времена независимости, Котельничь, Никулицынъ, Орловъ, Слободской. По новгородскому обычаю устроены были погосты, къ которымъ тянули деревни. Несмотря на сходство въ правахъ съ Новгородцами, — по извѣстію вятскаго лѣтописца — вражда господствовала между Новгородомъ и Вяткою. Новгородъ,

считая Вятку своимъ поселеніемъ, домогался отъ ней такой же зависимости, какъ отъ двинскихъ колоній. Вятчане ни за что не хотѣли ему подчиняться и платить дани. Тогда Новгородцы давали отъ себя князьямъ отказныя и предавали Вятчанъ на произволъ то тѣхъ, то другихъ князей; а князья всѣ вообще не любили Вятки, почитали Вятчанъ самовольниками и съ своей стороны препятствовали имъ сойтись и помириться съ Новгородцами. Вятка—одна изъ всѣхъ русскихъ земель, управлялась безъ князей; одна сохраняла чистое народоправство, и не нуждалась въ княжеской власти. Природа помогала ей защищаться и отъ метрополіи, и отъ князей; трудно было провести къ ней войско сквозь непроходимые лѣса; однимъ Вятчанамъ были извѣстны пути въ своемъ отечествѣ. Зато и Вятчане не сидѣли въ покоѣ. Тамъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь распространено было ушкуйничество. Постоянно нерасположенные къ Новгороду, Вятчане однако не чуждались новгородскихъ ушкуйниковъ, разгуливавшихъ на востокѣ безъ воли Великаго-Новагорода, и наполняли ихъ шайки. Въ Вяткѣ былъ гостепріимный пріютъ удальцамъ; тамъ происходили сборы на удалые выправы. Только однажды, въ 1449 г., они съ ушкуйниками не поладили и разбили ихъ. Плавая въ судахъ по Камѣ и по Волгѣ, Вятчане грабили гостей бесерменскихъ и нападали на татарскія жилища. За это-то въ отмщеніе, въ 1391 году, по повелѣнію хана Тохтамыша, татарскій царевичъ Бекбутъ напалъ съ ордою на Вятку; много было побитыхъ, много въ полонъ захвачено. Вѣчные враги Новгорода, Вятчане помогали великимъ князьямъ противъ него: такъ въ 1417 году вмѣстѣ съ новгородскими бѣглецами и измѣнниками они опустошали Двинскую Землю [1]). Съ Устюгомъ они жили во враждѣ; въ 1436 и 1438 г. они

[1]) Новг. Л. I, 107.

разоряли Устюгъ, сожгли городъ Гледенъ и разогнали жителей по лѣсамъ. Когда уже московское самовластіе начало и до нихъ добираться, они упрямо оборонялись противъ него: такимъ-образомъ мы видимъ ихъ сторонниками Василія Косаго и Шемяки, возстававшихъ противъ Василія. Послѣ укрощенія князей, Василій отправилъ войско на Вятку, въ 1456 году, подъ предводительствомъ князя Ряполовскаго и Горбатаго, но они, дошедши до самаго Хлынова, ничего не сдѣлали: Вятчане подкупили ихъ посулами [1]). Архангельскій лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ какого-то Григорія Перхушкова [2]). На слѣдующій годъ отправлено снова войско подъ главнымъ начальствомъ князя Патрикѣева: на этотъ разъ Москвичи взяли два вятскихъ города, Орловъ и Котельничъ. Вятка покорилась и признала надъ собою власть великаго князя [3]). Но это признаніе было только на словахъ. Она продолжала управляться сама собою. Въ 1468 г. Вятчане заключили союзъ съ казанскимъ царемъ Ибрагимомъ и не хотѣли помогать Москвичамъ и соединеннымъ съ ними русскимъ силамъ противъ Татаръ [4]). Они то отговаривались, что царь казанскій обязалъ ихъ не стоять ни за кого, то не отвѣчали на приглашенія. Видно было, что Москва внушала имъ такую ненависть, что они не поддались искушенію—воевать своихъ непримиримыхъ враговъ, Татаръ, которые издавна безпрестанно грабили и разоряли ихъ гдѣ только могли. Но въ 1471 году они пошли за великаго князя противъ другихъ своихъ враговъ и братьевъ — Новгородцевъ; ихъ ополченіе воевало противъ Двинянъ [5]). Въ тотъ же годъ другое ополченіе совершило блистательный ушкуйническій набѣгъ на понизовье Волги оно напало врасплохъ на Сарай, взяло и ограбило его. Та-

[1]) Львова лѣтоп. II, 353. [2]) Карамз. т. V, пр. 367. [3]) Львова лѣтоп. II, 354. [4]) Воскр. П. С. Л. VIII, 155—156. [5]) Воскрес. П. С. Л. VIII, 155—166.

тары спохватились, пустились по Волгѣ впередъ, чтобъ загородить имъ путь: вся Волга была перенята ихъ судами; но Вятчане пробились сквозь нихъ. Хотѣли-было перенять ихъ подъ Казанью, но и тамъ пробились они и благополучно ушли въ свою землю съ добычею [1]).

Участвуя въ пораженіи Новгорода, Вятка приготовила гибель и себѣ. Новгородъ палъ, а Вятка напрасно думала оставаться съ своей независимостью, съ своимъ народоправствомъ и съ своею удалою вольницею. По давнишней враждѣ своей къ Устюгу, Вятчане въ 1486 году пошли воевать на этотъ городъ; ограбили три Устюжскихъ волости, а потомъ подплыли подъ городокъ устюжскій, Осиновецъ; но тутъ ушли отъ нихъ воеводы и они обратились назадъ. Эти самовольные походы дали право московскому государю укорять ихъ въ разбойничествѣ. Когда потомъ войска великаго князя отправились въ походъ противъ Казанцевъ, Вятчане рѣшительно объявили себя независимыми и прогнали великокняжескаго намѣстника, къ нимъ посланнаго. Иванъ Васильичъ, вѣрный своей политикѣ—казаться правымъ—дѣйствовать прежде всего убѣжденіями и нравоученіями, и повидимому прибѣгать къ уничтоженію стараго свободнаго порядка, какъ-бы въ крайнемъ случаѣ, приказалъ митрополиту Геронтію написать къ нимъ увѣщательныя посланія. Такихъ посланій дошло до насъ два: одно къ Вятчанамъ всѣмъ вообще, другое къ вятскому духовенству [2]). Посланіе къ Вятчанамъ обращено къ воеводамъ, атаманамъ и ко всему вятскому людству. «Вы—писалъ митрополитъ—только-что зоветесь христіанами, а дѣлаете злыя дѣла: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополію, разоряете церковные законы, грубите своему государю вели-

[1]) Воскр. П. С. Лѣт. т. VIII, 168. [2]) А. И. I, 141—142.

кому князю, пристаете къ его недругомъ, соединяетесь съ погаными, воюете его отчину, губите христіанъ убійствомъ, полономъ и грабежемъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ кузнь (металлическія вещи), книги и свѣчи, да еще и челомъ не бьете государю за свою грубость.» Онъ грозилъ имъ, въ случаѣ непослушанія, приказать священникамъ затворить всѣ церкви и выдти прочь изъ Вятской Земли и на всю землю посылалъ проклятіе. Въ посланіи къ священникамъ митрополитъ изъявляетъ сомнѣнія, дѣйствительно ли они настоящія духовныя лица. «Мы не знаемъ—пишетъ онъ,—какъ васъ называть; не знаемъ отъ кого вы получили поставленіе и рукоположеніе». Дѣйствительно, не имѣя своихъ владыкъ, неизвѣстно откуда Вятка получала священнослужителей. Вѣроятно туда приходили изъ разныхъ мѣстъ духовныя лица; и свои Вятчане отправлялись посвящаться въ разныхъ мѣстахъ. Понятно, что при такомъ составѣ, тамъ господствовало чрезвычайное уклоненіе отъ церковнаго порядка. Митрополитъ укорялъ ихъ, что ихъ духовные дѣти, Вятчане, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ, женятся, будучи въ родствѣ и сватовствѣ, иные совокупляются четвертымъ, пятымъ, шестымъ, седьмымъ бракомъ. Видно, что вятскіе священники не хотѣли знать никакого святителя; потому-что митрополитъ грозитъ наложить на нихъ тягость церковную, выражаясь такъ: «если вы, зовущіеся священниками, игуменами, попами, діаконами и чернорizцами, не познаете своего святителя.....»

Эти посланія, какъ слѣдовало ждать, не имѣли успѣха. Великій князь послалъ на Вятку рать подъ предводительствомъ Шестака-Кутузова. Но этотъ воевода поладилъ съ Вятчанами. Они какъ-то оправдали себя, и онъ воротился, не сдѣлавъ имъ зла. Иванъ Васильичъ двинулъ на нихъ въ 1489 году другое сильное войско, подъ главнымъ пред-

водительствомъ князя Данилы Щени и Григорія Морозова; съ ними пошли Тверичи, Вологжане, Устюжане, Двиняне, Вожане, Каргопольцы, Бѣлозерцы, жители береговъ Выми и Сысолы — Иванъ умышленно составилъ это ополченіе преимущественно изъ сѣверныхъ сосѣдей Вятчанъ, которые были ихъ давніе враги, терпѣли отъ нихъ много разъ набѣги и разоренія и теперь съ охотою шли отомщать своимъ извѣчнымъ нѣдругамъ. Даже Татаръ казанскихъ послалъ московскій государь на Вятскую Землю—мстить за всю старую злобу. Войска было—по сказанію архангельскаго лѣтописца—шестьдесятъ четыре тысячи; эта страшная сила прошла опустошительной грозою по Вятской Землѣ и 16-го августа явилась подъ Хлыновымъ. Вятчане—такъ смѣло презиравшіе могущество московскаго государя, рѣшаясь непокоряться тому, кто уже подчинилъ себѣ Новгородъ — конечно не ожидали, чтобы столько гостей, да еще такихъ старыхъ знакомыхъ гостей, явилось у нихъ подъ стѣнами. Сопротивляться было невозможно. Они выслали воеводамъ поминки съ Исупомъ Глазатымъ: это средство прежде удавалось; но теперь воеводы поминки приняли, а Вятчанамъ дали опасъ только до другаго дня. На другой день вышли изъ города большіе люди, поклонились воеводамъ и сказали: «Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань, даемъ и службу». Воеводы отвѣчали: «Цѣлуйте крестъ за великаго князя и выдайте вашихъ измѣнниковъ и коромольниковъ: Ивана Оникіева, Пахомія Лазорева, да Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте намъ сроку до завтрего».— «Даемъ»,—отвѣчали воеводы и отпустили ихъ.

Вятчане поняли, что отъ нихъ не удовольствуются ни данью, ни службою; задаться за великаго князя, цѣловать крестъ за него—значило лишиться своей воли, своего народоправленія, своихъ вѣковыхъ обычаевъ. Вмѣсто того,

чтобъ явиться на другой день и дать отвѣтъ, прошло два дня; воеводы терпѣли, наконецъ на третій день Вятчане дали отказъ. Тогда воеводы приказали каждому пятидесятку ратниковъ тащить двѣ сажени плетня и приставить къ стѣнамъ, а другимъ приказали нести смолу и берестъ. Вскарабкавшись на плетни, они бросали черезъ стѣны огненные приметы. Тогда Вятчане отворили ворота, ударили челомъ и выдали троихъ требуемыхъ зачинщиковъ. Воеводы приказали ихъ тотчасъ же заковать и отдать Устюжанамъ — ихъ врагамъ, подъ наблюденіе. У воеводъ уже было заранѣе приказаніе, что имъ дѣлать. 1-го сентября они развели Вятку — по сказанію одного лѣтописца [1]), — всю, а по извѣстіямъ другихъ, только большихъ людей. Ихъ повели въ Московщину. Великій князь приказалъ ихъ разселить въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ, и дать имъ помѣстья; торговыхъ людей поселилъ въ Дмитровѣ, а коноводовъ приказалъ высѣчь кнутомъ, а потомъ повѣсить [2]). Вмѣстѣ съ плѣнными Вятчанами привели и Арскихъ, т. е. вотяцкихъ князей Вятской Земли; но Иванъ Васильичъ не счелъ ихъ опасными и отпустилъ въ свою землю.

[1]) Карамз. т. IV, примѣч. 312, стр. 407.

[2]) См. Соф. Врем. П. С. Л. IV, 238. — Воскрес. лѣтоп. П. С. Л. VIII, 218; — Новг. IV, 157; — Никон. VI, 124; — Татищ. V, 107; — Карамз. VI, прим. 312; св. на Арханг. лѣтоп.

Глава третья.

ОТНОШЕНІЯ ПСКОВА КЪ НОВГОРОДУ, КНЯЗЬЯМЪ И ЗЕМЛЯМЪ РУССКИМЪ.

I.

ДРЕВНОСТЬ ПСКОВА.—XII, XIII И XIV ВѢКА.—ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРІИЛЪ. — ДОВМОНТЪ. — КОЛЕБАНІЕ МЕЖДУ ЛИТВОЮ И НОВГОРОДОМЪ.

Начало Пскова неизвѣстно. Древнее названіе его было Плесковъ или Пльсковъ. Названіе Псковъ, конечно, сокращеніе предъидущаго, въ древней Новгородской Лѣтописи является въ половинѣ XIV-го вѣка, мѣшается съ названіемъ Плесковъ и, наконецъ, замѣняетъ его. Псковскія лѣтописи, которыя достигаютъ формы самобытнаго и подробнаго повѣствованія только въ XIV вѣкѣ, предпочитаютъ послѣднее вездѣ. Лѣтописи, не говоря о времени основанія этого города, даютъ знать, что онъ существовалъ во времена св. Ольги, которая была родомъ изъ Плескова. Въ глубокой древности, вѣроятно, онъ былъ пригородъ Новгорода между народонаселеніемъ кривичской вѣтви Славянъ и вмѣстѣ съ Изборскомъ временно составлялъ удѣлъ Трувора, а потомъ продолжалъ быть частію Новгородской волости. Неизвѣстность судьбы сѣвернаго края вообще послѣ отхода Олега на югъ лишаетъ насъ возможности объяснить, въ какомъ положеніи онъ находился, будучи новгородскимъ пригородомъ. Въ XI-мъ вѣкѣ о немъ нѣтъ почти помина. Въ XII, считаясь пригородомъ Новгородской Земли, онъ уже выдается

съ бо́льшими зачатками самобытности, чѣмъ другіе города, подчиненные Новгороду. Нѣтъ сомнѣнія, что преданіе о происхожденіи изъ этого города Ольги, святой княгини, память которой была постоянно священною для русскаго міра, придавало ея родинѣ особое достоинство и воспитывало въ духѣ жителей Пскова стремленіе къ самостоятельности до извѣстной степени. Въ 1132 году, при изгнаніи князя Всеволода, Псковичи вмѣстѣ съ Ладожанами дѣйствуютъ съ Новгородцами, какъ правные члены одного государственнаго тѣла. Мирославъ, поставленный въ то время въ Псковѣ, играетъ важную роль въ новгородскихъ дѣлахъ, потому-что въ 1135 г. онъ ѣздилъ мирить Кіевлянъ съ Черниговцами [1]).

Въ дѣлѣ Всеволода-Гавріила Псковъ призналъ князя, изгнаннаго Новгородцами, и, сколько извѣстно, явился въ первый разъ подъ управленіемъ особаго отъ Новгорода князя. Это должно было городу придать видъ самостоятельной удѣльной земли въ русской федераціи. Впрочемъ, тутъ еще не видно было намѣренія отторгнуться отъ Новгорода. Псковичи дѣйствовали заодно съ новгородскими благопріятелями Всеволоду: лѣтописецъ повѣтствуетъ, что Всеволодъ Мстиславичъ явился во Псковъ для того, чтобъ княжить не въ одномъ Псковѣ, но и въ Новгородѣ. Партія, благопріятствовавшая Всеволоду, состоявшая изъ бояръ, ограбленная противною въ Новгородѣ, бѣжала во Псковъ. Такимъ-образомъ, въ этой распрѣ, когда Всеволодъ сдѣлался княземъ во Псковѣ, все-таки наблюдался между Новгородомъ и Псковомъ общій интересъ съ обѣихъ сторонъ. Псковичи побороли за князя, какъ сограждане одного и того же Новгорода.

[1]) Новг. I, 37.

По смерти Всеволода, Псковичи, противъ воли большинства Новгородцевъ, хотѣли поставить въ Землѣ Новгородской и Псковской княземъ Всеволодова брата, Святополка, но вскорѣ заключили миръ съ Новгородцами. Неизвѣстны условія этого мира; должно-быть онъ былъ выгоденъ для Псковичей, потому-что долго послѣ того не видно вражды между городами; а она бы вспыхнула, если бы Псковичи находились въ невыгодномъ для себя соединеніи съ Новгородомъ.

Случайная смерть Всеволода во Псковѣ и святость, возложенная на него духовенствомъ за его благочестіе и благорасположеніе къ духовнымъ, придали еще болѣе важности Пскову. Всеволодъ, получивъ значеніе святаго, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ создателемъ главной церкви св. Троицы; во Псковѣ Всеволодъ сталъ первымъ мѣстнымъ патрономъ Пскова и притомъ въ укоръ Новгороду: составилась легенда, что Новгородцы, раскаявшись въ своей несправедливости противъ этого князя, хотѣли взять къ себѣ его тѣло, но никакъ не могли сдвинуть его съ мѣста: св. Всеволодъ, въ знакъ примиренія съ Новгородомъ, даровалъ Новгородцамъ одинъ только свой ноготь, а все тѣло осталось во Псковѣ. Псковъ, хотя продолжалъ оставаться въ связи съ Новгородомъ тѣснѣе другихъ русскихъ земель, хотя все-еще считался новгородскимъ пригородомъ, но уже съ тѣхъ поръ имѣлъ достаточно признаковъ и самобытности, преимущественно предъ другими новгородскими пригородами; потому-что ни въ какомъ другомъ пригородѣ не было такихъ священныхъ воспоминаній, возвышавшихъ мѣстное значеніе города и подвластной ему земли.

Въ XII-мъ вѣкѣ Псковичи постоянно являются съ Новгородцами въ союзѣ: такъ они помогаютъ вмѣстѣ съ ними Изяславу Мстиславичу; когда Андрей озлобился на Новгородъ, Псковичи стояли за послѣдній, и вмѣстѣ съ Новгородцами въ

1169 г. ходили на Полочанъ [1]). Они имѣли своихъ князей, но зависимыхъ отъ Новгорода. Такъ въ 1177—1178 г, Мстиславъ Ростиславичъ посадилъ во Псковѣ племянника своего, Бориса; и когда сотскіе псковскіе не хотѣли его имѣть княземъ, то Мстиславъ взялъ ихъ подъ стражу и утвердился съ людьми [2]). Въ концѣ XII-го вѣка Псковичи были передовою силою Новгородской Земли въ борьбѣ съ Чудью и Литвою. Такъ въ 1190 году Псковичи отразили напоръ Поморской Чуди [3]), а въ 1191 г. Ярославъ новгородскій ходилъ вмѣстѣ съ ними и съ Новгородцами на Медвѣжью-Голову [4]). Въ началѣ XIII вѣка во Псковѣ были свои особые князья, но все-еще подъ рукою Новгорода; такимъ-образомъ при Мстиславѣ-Удаломъ былъ во Псковѣ князь Владиміръ: тутъ не было какой-нибудь особой привилегіи Пскова, потому-что то же могло быть и въ другихъ новгородскихъ пригородахъ; и дѣйствительно, въ 1210 г. этого Владиміра плесковскаго новгородскій князь назначилъ въ Луки [5]). Но признавая первенство Новгорода, Псковъ уже считалъ себя вправѣ распоряжаться внутреннею своею судьбою такъ же свободно, какъ и Новгородъ собою; потому-что тотъ же князь Владиміръ опять сдѣлался псковскимъ княземъ и былъ изгнанъ Псковитянами въ 1213 г. На слѣдующій годъ во Псковѣ появился иной князь, Всеволодъ Борисовичъ [6]); въ 1216 г. опять Владиміръ [7]): Псковичи съ нимъ вмѣстѣ участвовали нераздѣльно съ Новгородцами въ борьбѣ противъ Суздальцевъ. Когда Мстиславъ ушелъ на югъ, Владиміръ былъ во Псковѣ и подъ его начальствомъ Псковичи воевали противъ Чуди, и Новгородцы составляли съ ними одно вѣче по военному дѣлу [8]). О князѣ ихъ Владимірѣ мы знаемъ изъ хроники Генриха, что онъ (вѣроятно вы-

[1]) Н. I, 14. [2]) Ипат. Спис. 120. [3]) Н. I, 20. [4]) Н. I, 20. [5]) Н. I, 30. [6]) Н. I, 32. [7]) Н. I, 34. [8]) Н. I, 35,

гнанный Псковичами), подружился съ Нѣмцами, получилъ въ Ливоніи фогство, но потомъ помирился со Псковичами и воевалъ противъ рыцарей. Замѣчательное проявленіе самодѣятельности Пскова выказывается въ дѣлѣ 1228 г., когда Ярославъ съ Новгородцами отправлялся противъ Нѣмцевъ, начавшихъ уже свое опустошительное крещеніе Чуди. Новгородцы, нападая на Ливонію, ограничились тѣмъ, что, подступая къ городу, спѣшили схватить что̀ было возможно, а потомъ и удалялись. За эти походы Нѣмцы отмстили на Псковичахъ, какъ на ближайшихъ сосѣдяхъ; это побудило Псковичей заключить съ Ригою отдѣльный миръ и выложить (исключить) Новгородцевъ. Тогда Ярославъ отправился ко Пскову; но Псковичи не пустили его: въ городѣ распространилась вѣсть, что онъ хочетъ переловить вящшихъ мужей,—коноводовъ противной себѣ партіи. Ярославъ жаловался въ Новгородѣ на вѣчѣ; говорилъ, что онъ ѣздилъ во Псковъ вовсе не для того, чтобы творить тамъ расправу, а везъ въ коробьяхъ Псковичамъ дары—паволоки и овощь. Уладившись съ Новгородцами, онъ послалъ во Псковъ посломъ какого-то Мишу и просилъ, чтобы Псковичи отправились вмѣстѣ съ нимъ на Нѣмцевъ и выдали противниковъ. Псковичи уперлись и отвѣчали, что эти нападенія выгодны только для Новгородцевъ, когда они берутъ себѣ окупъ, а Псковичи за нихъ претерпѣваютъ бѣду, и недавно за то ихъ братью побили на озерѣ. «Вы—говорили они — раздираете миръ, и на насъ злое задумали. Такъ и мы противъ васъ со св. Богородицею и съ поклономъ: или насъ перебейте и женъ и дѣтей возьмите себѣ». Готова была вспыхнуть междоусобная война. Псковичи уже заключили союзъ съ Нѣмцами и подвигали противъ Новгородцевъ Чудь, Лотыголу, Либь (Ливовъ), выгнали изъ города всѣхъ, кого подозрѣвали въ благопріятствѣ къ новгородскому князю. Но обошлось безъ войны. Новгородцы сказали своему князю: «Безъ своей

братьи Псковичей, мы не пойдемъ на Ригу». Послѣ такого рѣшительнаго отказа Ярославлъ долженъ былъ уйти изъ Новгорода.

Псковъ игралъ тогда важную роль въ политическихъ дѣлахъ Новгорода, все-еще составляя съ нимъ какъ-бы одно цѣлое: это былъ какъ-бы одинъ городъ, раздѣленный на двѣ половины, отстоявшія одна отъ другой слишкомъ на 200 верстъ. Изъ послѣдующихъ извѣстій, которыя однако не противорѣчатъ ничему прежнему, видно, что связь Новгорода со Псковомъ изображалась въ образѣ родственнаго союза: такъ Псковъ именовался меньшимъ братомъ Новгорода.

Въ 1232 г. Ярославъ, возвратившись въ Новгородъ, въ другой разъ вошелъ во вражду со Псковичами. Когда одна новгородская партія его призывала, другая была противъ него и нашла себѣ опору въ Псковѣ. Споръ однако скоро уладился; Псковичи помирились, признали Ярослава княземъ и потребовали отъ него особаго подручника. Онъ имъ далъ шурина своего, Юрія[1]), и Псковичи выгнали противниковъ Ярославовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ видно то же равенство и связь съ Новгородомъ, какъ и прежде, но также и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе. Въ половинѣ XIII-го вѣка усилились Нѣмцы въ Ливоніи. Ихъ вражда съ Новгородомъ приняла теперь широкій размѣръ; противъ Новгорода ополчились Шведы. Побѣды Александра спасли Новгородъ; но Псковъ, по своему положенію на границѣ Ливоніи, былъ поставленъ подъ ближайшіе удары непріятеля, набиравшаго силы. Во Псковѣ нашлись измѣнники, которые, должно думать, были вмѣстѣ поборниками зарождавшагося стремленія оторваться отъ Новгорода. На челѣ ихъ былъ сынъ Владимира — Ярославъ, нѣмецкими писателями

[1]) Новг. Л. I, 58.

называемый князь на Герцикѣ (на Городищѣ). Онъ подружился съ Нѣмцами, и завоевалъ вмѣстѣ съ ними Изборскъ. Псковичи сразились и были разбиты; партія, благопріятствовавшая Нѣмцамъ, сдала городъ въ 1240 г., и какой-то Твердило Ивановичъ сдѣлался правителемъ отъ руки Нѣмцевъ. Вся Псковская область со своими городами была завоевана. Но тѣ Псковичи, которые не хотѣли подлегать чужеземному владычеству, бѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ. Нѣмцы разсадили въ покоренной странѣ своихъ фогтовъ (тіуновъ), ворвались въ Водь. Псковской Земли имъ было не довольно; они думали овладѣть и всею Новгородскою. тутъ остановилъ ихъ герой Новгорода, Александръ. Въ 1242 г. Александръ одержалъ надъ Нѣмцами побѣду на Чудскомъ озерѣ. Псковъ былъ уступленъ со всѣми завоеванными областями и снова соединенъ съ Новгородомъ, какъ его меньшій братъ.

Испытанное на короткое время чужое завоеваніе придало ему силу и энергію въ неизбѣжной въ грядущемъ борьбѣ съ Нѣмцами. Пскову угрожало безпрестанно враждебное сосѣдство; Псковъ живо чувствовалъ потребность самоуправленія для свободной дѣятельности своихъ оборонительныхъ силъ; но та же опасность удерживала его не менѣе другихъ обстоятельствъ, все-еще въ связи съ Новгородомъ, ради взаимной защиты. Въ 1266 г., послѣ кровавыхъ переворотовъ, случившихся въ Литвѣ, когда былъ убитъ Миндовгъ, прибѣжалъ во Псковъ князь Довмонтъ. Воскресенскій Списокъ говоритъ, что онъ былъ сынъ Миндовга и братъ знаменитаго Воишелка. Но чуть ли это не былъ самъ убійца Миндовговъ, котораго также звали Довмонтъ или Даумантъ. Это правдоподобнѣе и потому, что псковской Довмонтъ ушелъ во Псковъ не тогда, какъ Миндовгъ былъ убитъ, а когда Воишелгъ, оставя свой монастырь, началъ мстить за

убитаго отца и преслѣдовать его враговъ [1]). Тогда прибѣжало во Псковъ до трехъ сотъ Литвиновъ, — всѣ они были крещены во Псковѣ, гдѣ былъ тогда князь по имени Святославъ. Новгородская Лѣтопись прибавляетъ, что Новгородцы хотѣли ихъ перебить; но князь Ярославъ не допустилъ. Остается подъ сомнѣніемъ, о какихъ Литвинахъ идетъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ ли, которые прибѣжали во Псковъ, и Ярославъ дѣйствовалъ здѣсь на правѣ первенства Новгорода надъ Псковомъ, или же кромѣ тѣхъ, которые пришли во Псковъ, приходили еще другіе въ Новгородъ, и рѣчь идетъ о послѣднихъ. Довмонтъ принялъ крещеніе и нареченъ Тимоѳеемъ. Увидѣвши въ немъ богатырскую натуру, Псковичи провозгласили его княземъ. Со свойственною своему племени переродчивостію, Довмонтъ сдѣлался совершенно Русскимъ душою и породнился съ Рюриковымъ домомъ, женившись на дочери сына Александра Невскаго, Димитрія. Его тридцатипятилѣтнее княженіе было героическимъ періодомъ псковской исторіи, временемъ удалыхъ подвиговъ и блестящихъ побѣдъ. Народъ любилъ его. Онъ былъ храбръ и имѣлъ даръ воодушевлять подвластную толпу, кстати и въ пору, и словомъ, и примѣромъ. Довмонтъ остановилъ побѣдительный наплывъ нѣмецкаго племени; удержалъ Псковъ отъ набѣговъ на него своихъ прежнихъ соплеменниковъ — Литовцевъ, и остался въ памяти народа святымъ мужемъ, чудотворцемъ и покровителемъ Пскова. Трудно представить себѣ личность, которая бы такъ удовлетворяла нравственному взгляду своего времени, какъ этотъ литовскій пришелецъ. Самое его таинственное происхожденіе, приходъ изъ чуждой земли, его довѣрчивая преданность новому отечеству, — все придавало этому лицу особое достоинство въ глазахъ современниковъ и потомковъ. «Этотъ князь — говоритъ лѣто-

[1]) Псков. I, 180; Новг. I, 40.

пись — не одною храбростію былъ надѣленъ отъ Бога, но и боголюбіемъ, былъ привѣтливъ, украшалъ церкви, любилъ и кормилъ поповъ и монаховъ, честно проводилъ праздники, давалъ милостыню сиротамъ и вдовицамъ. Съ его поры Псковъ уже твердо созналъ свою самостоятельность. Довмонтъ, по своему времени, былъ столь же умный политикъ, какъ храбрый воинъ и благочестивый мужъ. Возбуждая Псковичей противъ внѣшнихъ враговъ, онъ старался поддерживать съ Новгородомъ связь и дружелюбный союзъ. При немъ Новгородъ жилъ въ ладу со Псковомъ. Новгородскій князь Ярославъ раздосадовался-было на Псковичей за то, что они избрали свободно князя изъ чуждаго племени; за это Ярославъ хотѣлъ идти войною на Псковъ; Новгородцы не допустили его до этого. Впрочемъ степень власти Довмонта въ Псковѣ во все время его княженія не вполнѣ извѣстна; въ Новгородской Лѣтописи говорится, что въ 1270 г., когда князь Ярославъ уѣхалъ въ Орду, то оставилъ въ Новгородѣ Андрея Воротиславича, а Плесковичамъ далъ князя Аигуста. Кто былъ этотъ князь литовскаго происхожденія и зачѣмъ онъ явился во Псковѣ, неизвѣстно. Но кажется, что въ то время, когда во Псковѣ былъ Довмонтъ, Новгородъ имѣлъ право посылать туда еще (кромѣ его) князей въ качествѣ подручниковъ своего князя. Во всякомъ случаѣ, при жизни Довмонта, Псковъ, образуя отдѣльную землю и особое управленіе, составлялъ однако съ Новгородомъ федеративное тѣло на болѣе тѣсныхъ основаніяхъ, чѣмъ съ прочими русскими землями.

Когда два брата, сыновья Невскаго, Димитрій и Андрей, поссорились между собою, и Новгородъ принялъ сторону сильнѣйшаго изъ соперниковъ, Андрея, покровительствуемаго ханомъ, Псковъ, не побоялся принять къ себѣ Димитрія Александровича, тестя Довмонтова. Но эта размолвка съ Новгородомъ была непродолжительна и не повела къ дальнѣй-

шей враждѣ. Псковъ слишкомъ часто былъ обезпокоиваемъ сосѣдствомъ Нѣмцевъ и не могъ оставаться безъ князя, и при связи съ Новгородомъ довольствоваться однимъ княземъ: Новгородъ самъ это понималъ. Когда Юрій, будучи новгородскимъ княземъ, въ 1321 году, поѣхалъ-было въ Орду, его ограбили на дорогѣ Тверичи: онъ убѣжалъ во Псковъ [1]). Псковичи, по увѣренію Псковской Лѣтописи [2]), оказали ему честь отъ всего сердца. Но у нихъ тогда былъ призванный изъ Литвы князь Давидъ, да еще другой князь Евстафій, котораго они посадили въ Изборскъ. Юрій пріѣхалъ во Псковъ осенью 1322 г. и жилъ во Псковѣ до февраля 1323 года. Князя Давида не было тогда во Псковѣ, когда онъ воротился, у Юрія, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, ограбили товаръ—и Юрій ушелъ въ Новгородъ. Поступки Пскова казались признакомъ расторженія связи съ Новгородомъ. Призывая литовскихъ князей, Псковичи какъ-будто дѣлались подручниками Гедимина; и въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ государь, создавая себѣ державу изъ русскихъ земель, считалъ и Псковъ подвластнымъ своему господству [3]). Что касается до самаго Пскова, то онъ не считалъ себя черезъ это во враждѣ съ Новгородомъ и обращался къ Новгороду съ просьбою помогать ему въ войнѣ съ Ливоніею. Но тогда ни Новгородъ, ни князь новгородскій, Юрій, не помогли ему [4]). Этого мало. Новгородъ, еще прежде прибытія своего князя изъ Пскова, въ январѣ 1293 г. заключилъ съ рыцарями,—врагами Пскова—оборонительный союзъ. У Новгородцевъ у самихъ было тогда много враговъ: и Шведы, только-что помирившись съ Ливоніею, нападали на Ловать, и Устюжане грабили Новгородцевъ, отправлявшихся въ Югру. Псковичи, предоставленные самимъ себѣ, отразили враговъ собственными силами. Это обстоятель-

[1]) Новг. I, 73. [2]) Пск. I, 184. [3]) Bunge II, H. 2. 151. [4]) Пск. I, 185.

ство было препятствіемъ дальнѣйшему расторженію съ Новгородомъ.

Черезъ четыре года послѣ того явился во Псковѣ изгнанникъ, Александръ тверской, бѣжавшій туда отъ преслѣдованія хана и подручника его московскаго князя. Псковъ принялъ его. Новгородцы были тогда на сторонѣ послѣдняго по давней непріязни къ сосѣдственнымъ тверскимъ князьямъ: Новгородцы должны были видѣть въ этомъ поступкѣ противодѣйствіе нетолько князю, котораго тогда признавали своимъ, но и Великому-Новгороду. Они требовали выгнать Александра; иначе грозили идти на Псковъ со всею областью Новгородскою отъ Бѣло-озера, и отъ Заволочья, и отъ Корелы. Послы отъ князей, противниковъ Александра, Лука Протасьевъ съ товарищами и послы отъ Новгорода, владыка Моисей, тысячскій Аврамъ и посадникъ Ѳедоръ, требовали, чтобъ князь ѣхалъ въ Орду самъ. Александръ готовъ былъ ѣхать за вся христіаны — говоритъ лѣтописецъ. Но Псковичи сказали ему: «не ѣзди, господине, въ Орду, — что бы ни было съ тобою,— умремъ, господине, всѣ съ тобою въ одномъ мѣстѣ» .Князь московскій вѣроятно догадался. что если станутъ добывать Александра оружіемъ то Псковичи призовутъ на помощь Литву и потому намолвилъ митрополита Ѳеогноста: митрополитъ наложилъ на Псковъ отлученіе и проклятіе. Владыка Моисей, кажется, раздѣлялъ тоже негодованіе на Псковичей, потому-что только впослѣдств ıı когда Псковичи уступили, онъ послалъ имъ свое благословеніе.—Проклятіе подѣйствовало на Псковичей и на Александра. «Братья мои .друзья мои! — сказалъ онъ на вѣчѣ: — «да не будетъ проклятія и отлученія надъ вами изъ-за меня! Уѣду изъ города вашего прочь; да не будетъ цѣлованія вашего на мнѣ, ни моего на васъ: цѣлуйте только крестъ, что не выдадите княгини моей». Псковичи цѣловали ему крестъ и онъ уѣхалъ въ Литву.

Псковичи дали знать чрезъ посадника Селогу и другихъ пословъ московскому князю Ивану и соединеннымъ князьямъ, что Александра нѣтъ болѣе во Псковѣ. Послы застали Ивана у Опочки: онъ шелъ на Псковъ, но медленно, —«не хотя Псковичей разгнѣвити».—«Тебѣ, господину своему князю великому — говорили послы — весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовицы, и жены, и малыя дѣти». Услыша, что соперника нѣтъ болѣе въ Псковѣ, Иванъ заключилъ со Псковичами миръ по старинѣ—по отчинѣ и дѣдинѣ, т. е. призналъ вольность Пскова, а митрополитъ Ѳеогностъ и владыка новгородскій благословили Псковичей [1]).

Но неудовольствіе осталось. Мысль объ отдѣленіи отъ Новгорода не исчезала. Черезъ полтора года Александръ явился снова во Псковѣ, и Псковичи приняли себѣ его княземъ отъ руки великаго князя Гедимина; они, какъ-будто, признавали надъ собою старѣйшинство послѣдняго; какъ-будто отдѣляясь черезъ то и отъ Новгорода, и отъ всей русской Федераціи, которая связывалась особою великаго князя Восточной Руси. Политика Гедимина хотѣла оторвать совершенно Псковъ отъ старшаго брата. Псковъ былъ зависимъ отъ новгородскаго владыки. Гедиминъ, по согласію съ Александромъ и Псковичами, отправилъ на Волынь къ находившемуся тамъ тогда митрополиту какого-то Арсенія, нареченнаго въ особые владыки Пскову. Такое покушеніе было тѣмъ законнѣе, что, въ то самое время, владыка Моисей, котораго признавали Псковичи, удалился со владычества и избранъ Василій; пока еще послѣдній не былъ посвященъ, Псковичи законно могли домогаться учрежденія особой епархіи, не соглашаясь признать владыкою того, кто еще не имѣлъ для нихъ этого достоинства. Но это не удалось. Митрополитъ отказался посвятить его. Недоволь-

[1]) Пск. Л. I, 185—186.

ный такимъ поступкомъ, лѣтописецъ Новгородецъ размышляетъ по этому случаю: «Богъ и святая Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ, потому-что Псковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новгороду, посадили себѣ князя Александра отъ литовскія руки». При всемъ неудовольствіи Новгородцевъ на Псковичей, несогласія съ Иваномъ, возникшія у Новгородцевъ, были причиною, что Александръ сидѣлъ во Псковѣ на княженіи десять лѣтъ. Самъ Новгородъ, враждуя съ Москвою, поставилъ себя въ дружественныя отношенія съ Гедиминомъ; въ 1333 г. Новгородцы приняли къ себѣ княземъ его сына Наримунта. Въ 1335 г. Новгородцы помирились съ Иваномъ и готовились идти войною на Псковъ, но отложили походъ до другаго времени. Въ 1337 г. Новгородцы хотя были опять не въ ладу съ Иваномъ, но со Псковомъ не помирились. Князь тверской, жившій во Псковѣ, будучи врагомъ московскаго князя, не былъ другомъ Новгороду. Притомъ же владыка Василій отправился во Псковъ, думая собрать тамъ свой подъѣздъ, но Псковичи, все-еще домогаясь отдѣльнаго церковнаго управленія, не дали ему, и владыка Василій проклялъ ихъ [1]). Но тогда князь Александръ Михайловичъ, бывшій столько времени предлогомъ къ враждебнымъ зацѣпкамъ ко Пскову и со стороны Новгорода и со стороны московскихъ князей, самъ рѣшился оставить Псковъ навсегда, идти въ Орду и просить возвращенія своего отеческаго достоянія. «Все равно—такъ разсуждалъ онъ:—если я останусь здѣсь, то дѣти мои будутъ лишены наслѣдія въ Русской Землѣ». Еще въ 1336 г. онъ отправилъ сына Θеодора развѣдать, будетъ ли онъ милостиво принятъ ханомъ. Когда сынъ прислалъ къ нему благопріятное извѣстіе, онъ уѣхалъ изо Пскова. Сначала ханъ отдалъ ему отцовское наслѣдіе, а потомъ, по проискамъ заклятаго врага, Ивана московскаго, его опять

¹) Новг. Л. I, 77.

позвали въ Орду и тамъ умертвили, вмѣстѣ съ сыномъ.

Послѣ него явился во Псковъ княземъ Александръ Всеволодовичъ (1341 — 1342 год.) Подъ тотъ часъ возникла у Псковичей ссора съ Нѣмцами. Князь Александръ Всеволодовичъ рассорился со Псковичами и уѣхалъ отъ нихъ. Псковичи обратились къ Новгороду, съ просьбою подать имъ помощь противъ Нѣмцевъ и прислать къ нимъ намѣстника значитъ.—имъ пришлось такъ круто, что за помощь, которую имъ окажутъ, они соглашались стать въ непосредственное подчиненіе къ Новгороду. Дѣло не состоялось. Новгородская и Псковская Лѣтописи расходятся между собою въ извѣстіяхъ объ этомъ событіи. Псковская говоритъ, что Новгородцы не дали Псковичамъ ни помочи, ни намѣстника, и потому Псковичи, оставленные самимъ себѣ, рѣшились на дѣло, которое имѣло видъ отторженія отъ союза съ Новгородомъ [1]). Напротивъ, Новгородская Лѣтопись говоритъ, что Новгородцы, получивъ просьбу отъ Псковичей, которые тогда называли Новгородъ господою своею, попечатали обчины (казенныя имущества), составили ополченіе и поспѣшно отправились, какъ-вдругъ на дорогѣ близъ Мелетова встрѣчаютъ ихъ послы ото Пскова и извѣщаютъ, что нѣтъ нужды Новгородцамъ идти къ нимъ на помощь: рать нѣмецкая только ставитъ городъ на границѣ и притомъ на своей землѣ, а не на Псковской. Новгородцы хотѣли-было продолжать путь, вѣрно для того, чтобъ во всякомъ случаѣ исполнить предложеніе Псковичей о вводѣ у нихъ намѣстника; однако псковскіе послы упросили ихъ воротиться: послѣ открылось, что Псковичи отверглись и Новгорода, и великаго князя. Псковъ призналъ надъ собою власть Ольгерда [2]). Но, по увѣренію Псковской Лѣтописи, Псковичи поступили такъ именно потому, что Новгородцы не

[1]) Псковск. Л. I, 186. [2]) Новг. Л. I, 81.

помогали имъ. Послы ихъ явились къ Ольгерду въ Витебскъ и говорили: «Братья наши Новгородцы насъ покинули— не помогаютъ намъ; помоги намъ, господине, въ это время»[1]). Соображая это разноръчіе лътописцевъ, кажется вѣрнѣе всего, что въ Псковѣ дѣйствовали и боролись между собою двѣ партіи: одна находила необходимымъ возобновить древнюю связь Пскова со старшимъ братомъ и вообще тѣснѣе держаться союза съ русскими княжествами; другая—мѣстно-національная, искала спасенія областному отечеству въ конечномъ отдѣленіи отъ Новгорода: покровительство Литвы, входившей въ то время въ силу, казалось этой послѣдней партіи выгоднымъ для Пскова; притомъ Ольгердъ наслѣдовалъ отъ предковъ вражду противъ Нѣмцевъ; дѣйствуя съ такимъ сильнымъ покровителемъ, можно было обезопасить себя отъ враговъ, которые, иначе, не давали Пскову покоя и очевидно высматривали только случая, чтобъ овладѣть имъ. Не дождавшись Ольгерда, Псковичи должны были воевать съ Нѣмцами, одни. Имъ посчастливилось на нѣсколькихъ стычкахъ. Ольгердъ прислалъ во Псковъ своего воеводу— Юрья Витовтовича, а потомъ въ 1341 г. прибылъ и самъ съ сыномъ, нареченнымъ Андреемъ, и братомъ Кестутіемъ. Но пользы отъ этого оказалось Псковичамъ мало. Юрій Витовтовичъ, отправленный Ольгердомъ напередъ, наткнулся на Нѣмцевъ, былъ разбитъ и заперся въ Изборскѣ. Изборяне, осажденные Нѣмцами, умоляли о помощи; а Ольгердъ, находясь во Псковѣ, послалъ имъ благоразумное наставленіе, которое, по Никоновской Лѣтописи [2]), гласило такъ: «Сидите въ городѣ и ни за что не сдавайтесь; бейтесь съ ними; если у васъ не будетъ крамолы, они ничего не успѣютъ; а мнѣ съ моею силой нельзя идти на ихъ великую силу: много мертвыхъ будетъ, а за кѣмъ верхъ останется—

[1]) Пск. Л. I, 187; [2]) III, 177.

неизвѣстно. Если Божіею милостію и нашъ верхъ будетъ, да много погибнетъ воиновъ,—какая изъ этого польза? А вы сидите въ городѣ, да усердствуйте: они ничего не сдѣлаютъ!» И дѣйствительно, Нѣмцы постояли дней десять подъ Изборскомъ и ушли. А между-тѣмъ самаго Ольгерда Псковичи убѣждали креститься. По сказанію Псковской Лѣтописи [1]), онъ просто не хотѣлъ; а Никоновская лѣтопись говоритъ, что онъ сказалъ: «Я уже крещенъ и христіанинъ; нельзя два раза креститься». Во всякомъ случаѣ дѣло кончилось тѣмъ, что Ольгердъ оставилъ во Псковѣ сына своего Андрея: этотъ юноша пріѣхалъ съ отцомъ некрещенный, только съ молитвеннымъ именемъ, и крестился въ церкви св. Троицы [2]). Вслѣдъ за тѣмъ новокрещенецъ уѣхалъ изъ Пскова, и думалъ управлять имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Псковичи увидали тогда, что отъ союза съ Литвою нѣтъ проку и помощи. Послали сказать Андрею, жившему въ Полоцкѣ, что если онъ самъ оставилъ Псковъ и не живетъ въ немъ, а управляетъ имъ черезъ намѣстниковъ, такъ и они его вовсе не хотятъ. Ольгердъ за это переловилъ въ своей землѣ псковскихъ купцовъ и взялъ съ нихъ окупъ; а сынъ его, которому Псковичи отказали въ княженіи у себя, сдѣлалъ нападеніе на Вороночскую волость Псковской Земли [3]). Тогда Псковичи, наживъ себѣ, вмѣсто союзниковъ, враговъ, обратились къ Новгороду. Другаго исхода не было. Въ 1347 г. заключенъ съ Новгородомъ договоръ. Новгородъ признавалъ Псковъ младшимъ братомъ; Новгородъ не могъ назначать во Псковъ посадниковъ, не могъ позывать Псковичей на судъ, ни чрезъ подвойскихъ, ни чрезъ извѣтниковъ, ни чрезъ бирючей; владыка долженъ былъ поручать свой церковный судъ только природному Псковичу. Это едва ли было новостью: скорѣе то было

[1]) Пск. Л. I, 188. [2]) Пск. Л. I, 188; Ник. Л. III, 178. [3]) Пск. I, 190.

подтвержденіемъ прежнихъ отношеній. Изъ хода обстоятельствъ не видно, чтобы Псковъ находился до того въ строгой зависимости отъ Новгорода, отъ которой освобождаетъ его этотъ договоръ [1]).

Печальное сосѣдство съ Нѣмцами препятствовало Пскову утвердиться вполнѣ самостоятельно; онъ долженъ былъ примкнуть куда-нибудь,—либо къ Новгороду, либо къ Литвѣ, либо къ Москвѣ. Союзъ съ Новгородомъ не удовлетворялъ Псковичей: въ 1369 г. случилось, что Новгородцы, приславши помощь Псковичамъ противъ Нѣмцевъ, не пособили имъ этимъ; но лѣтописецъ, такъ выражаясь, противорѣчитъ нѣсколько себѣ, указывая однако, что Нѣмцы отступили отъ Изборска, услыша, что Новгородцы пришли на помощь Псковичамъ [2]). Ссоры съ Новгородомъ безпрестанно возобновлялись, но не доходило до войны. Въ 1390 году возникла рагоза (распря) между городами. Въ Сольцѣ обѣ стороны помирились между собою [3]). Но что-то непріязненное между ними оставалось. На слѣдующій годъ Нѣмцы заключили мирный договоръ съ Новгородомъ и Псковомъ особо. Въ 1393—1394 г., послѣ того какъ Василій Димитріевичъ нападалъ на Новгородскія волости и Новгородцы должны были уступить, между Псковичами и Новгородцами нерасположеніе опять-было готовилось перейти въ явную вражду: покончивши дѣло съ Василіемъ, Новгородцы собирались воевать своихъ меньшихъ братій, дошли до Пскова, но не могли ничего сдѣлать и, послѣ недѣльной стоянки, побросали свои стѣнобитные снаряды и ушли [4]). Во время недоразумѣній новгородскихъ владыкъ съ митрополитомъ, Псковъ, какъ-будто на зло Новгороду, оказывалъ митрополиту хорошія отношенія. Когда Кипріянъ посѣтилъ Новгородъ, Псковичи прислали къ нему пословъ своихъ. Ми-

[1]) Новг. Л. IV, 59. [2]) Псковск. Л. I, 192. [3]) Псковск. Л. I, 195. [4]) Новг. Л. IV 100.

трополитъ уѣхалъ отъ Новгородцевъ съ дурнымъ расположеніемъ ко владыкѣ,—Пскову же, напротивъ, и его пригородамъ послалъ свое святительское благословеніе. Окончательное примиреніе съ Новгородомъ наступило въ 1397 г.; тогда прибыли въ Новгородъ псковскіе послы и просили владыку благословить Псковичей. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что Псковичи просили, чтобъ «господинъ Великій-Новгородъ имъ нелюбье отдалъ» [1]). Въ Псковской Лѣтописи такого выраженія нѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ, — Новгородъ за себя и за свои пригороды и волости; Псковъ — за себя и за свои пригороды и волости [2]). Условія этого мира въ подробностяхъ неизвѣстны; неизвѣстны равно и поводы къ ссорѣ, которая окончена этимъ миромъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка были во Псковѣ разные князья, призванные одни за другими. Они уже не имѣли прежняго принципальнаго значенія власти надъ всею Псковскою Землею, а были только «кормленьщиками»; ихъ было по нѣскольку разомъ: имъ давали въ кормленье разные пригороды. Невозможно опредѣлить порядокъ ихъ преемничества между собою. Въ 1354 г. встрѣчаемъ князя Евстафія, умершаго въ 1360 г.; при жизни его былъ другой князь Василій Будиволна, прибывшій во Псковъ въ 1357 г. [3]). Подъ 1368 г. упоминается князь Александръ, подъ 1375 г. князь Маѳій [4]). При заключеніи договора съ Новгородомъ въ 1397 году во Псковѣ было двое князей, Иванъ Андреевичъ и Григорій Евстафіевичъ. Послѣдній былъ на челѣ посольства отправленнаго въ Новгородъ [5]).

[1]) Новг. Л. I, 97. [2]) Пск. Л. I, 193. [3]) Пск. Л. I, 191. [4]) Пск. Л. I, 193. [5]) Пск. Л. I, 195.

II.

XV-й ВѢКЪ.

ПСКОВЪ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ МОСКОВСКИХЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Въ 1401 г. Псковъ принялъ къ себѣ князя въ качествѣ намѣстника великаго князя московскаго, и съ тѣхъ поръ вошло въ постоянный обычай, что псковскіе князья получали утвержденіе отъ великаго князя. Псковъ признавалъ надъ собою верховное первенство послѣдняго. Впрочемъ вѣковое право избранія этимъ еще не подрывалось. Псковичи избирали себѣ князей и потомъ просили великаго князя утвердить выборъ; по своей волѣ удаляли ихъ, приглашали другихъ, возвращали прежнихъ, и каждый разъ обращались къ великому князю за утвержденіемъ своего выбора. Просьба Пскова всегда удовлетворялась, и потому не происходило недоразумѣній. Такъ дѣлалось до половины XV-го вѣка. Такъ въ 1401 г. Псковичи приняли въ качествѣ великокняжескаго намѣстника князя Данила Александровича; въ 1407 г. прогнали его,—пригласили вмѣсто его Константина, меньшаго брата великаго князя московскаго [1])

[1]) Псковск. Л. I, 198.

на слѣдующій годъ опять призвали Данила Александровича; послѣ смерти его, въ 1410 г. избрали и попросили у великаго князя Александра Ѳедоровича; на слѣдующій годъ не поладили съ нимъ,—пригласили опять Константина, который былъ у нихъ въ 1407 г. [1]). Въ 1414 г. онъ удалился въ Москву. Псковичи приняли княземъ Андрея Александровича ростовскаго; на слѣдующій годъ его прогнали, испросили у великаго князя Ѳедора Александровича. Въ 1420 г. онъ постригся и уѣхалъ въ Москву [2]). Въ 1422 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳедоровичъ, также отъ руки великаго князя. Въ 1423 г. онъ уѣхалъ изо Пскова; вмѣсто него прибылъ туда княземъ отъ руки великаго князя Ѳедоръ Патрикѣевичъ, внукъ Наримунта. Но въ 1425 г. онъ убоялся мороваго повѣтрія и уѣхалъ изо Пскова, а въ 1428 г. явился во Псковѣ опять Александръ Ѳедоровичъ тоже отъ руки великаго князя [3]). Этотъ князь въ 1434 г. уѣхалъ въ Москву со всею своею челядью; Псковичи, по своему выбору, получили, съ утвержденія великаго князя, сына бывшаго своего князя Даніила, Володимира Даніиловича [4]). Въ 1439 году Псковичи его выгнали и приняли Ольгердова правнука, Александра Ивановича. Въ 1442 г., послѣ постриженія и смерти его, былъ у нихъ князь по имени Александръ Васильевичъ [5]). Эти князья назывались собственно псковскими князьями, имѣли принципальное значеніе надъ Псковомъ и его землею, и были подручниками великаго князя московскаго. Кромѣ ихъ Псковъ принималъ разныхъ князей и давалъ имъ кормленья; они являлись и уходили одинъ за другимъ. Такъ въ 1401 г., когда княземъ псковскимъ былъ Данило Александровичъ, на кормленьи у Псковичей былъ князь

[1]) Псковск. Л. I, 200. [2]) Псковск. Л. II, 22—23. [3]) Псковск. Л. II, 26; Псковск. Л. I, 205. [4]) Псковск. Л. I, 208. [5]) Псковск. Л. I, 212.

Григорій Евстафіевичъ [1]). Въ 1431 г., при князѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ, упоминается при заложеніи города на Гдовѣ, князь Димитрій Александровичъ, сынъ его, вѣроятно получившій пригородъ этотъ въ кормленье. Въ 1436 и 1437 были въ Псковѣ недолго (около полугода, не болѣе) литовскіе князья—Иванъ Баба и Иванъ Андреевичъ: оба, поживши во Псковѣ, уѣхали въ Москву [2]). Великіе князья московскіе не вмѣшивались въ дѣла вольнаго города, не дѣлали никакихъ притязаній, потому-что Псковъ и его волость не представляли такихъ приманокъ, какъ Новгородъ. Московская политика должна была находить выгоднымъ ласкать свободу Пскова, потому-что въ немъ находила противодѣйственную силу Новгороду, отдѣляла Псковъ отъ Новгорода и тѣмъ ослабляла послѣдній. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ возрастало доброе отношеніе къ Москвѣ, такъ съ тѣмъ вмѣстѣ развивалось и непріязненное отношеніе къ Великому-Новгороду.

Витовтъ литовскій, преслѣдуя наслѣдованное отъ предковъ стремленіе къ овладѣнію Русью, не оставлялъ и Псковъ. Въ 1406 г., безъ объявленія войны Пскову, а пославши разметныя грамоты Великому-Новгороду, онъ напалъ на псковскіе пригороды. Онъ считалъ Псковъ нераздѣльно связаннымъ съ Новгородомъ и потому своимъ врагомъ, какъ-скоро самъ находился во враждѣ съ Новгородомъ. 5-го февраля Витовтъ неожиданно подступилъ къ псковскому пригороду Коложе и взялъ его. Литовцы повоевали всю Коложскую волость и погнали въ плѣнъ одиннадцать тысячъ народа обоего пола и всякаго возраста. Отъ Коложе рать литовская подошла къ Вороночу, на рѣкѣ Сороти, стояла подъ этимъ городомъ два дни и не взяла его. Уходя изъ-подъ города, Литвины съ досады наметали двѣ лодки

[1]) Псковск. Л. I, 195. [2]) Псковск. Л. I, 210.

мертвыхъ дѣтей. Какъ и Псковъ сталъ на свѣтѣ, такой пакости не бывало—говоритъ лѣтописецъ [1]). Такимъ-образомъ союзъ съ Новгородомъ навлекалъ на Псковъ опасность, а Новгородцы не подавали ему помощи. Напротивъ, въ слѣдующемъ 1407 году, помирившись съ Витовтомъ, они пригласили себѣ княземъ Лугвенія Ольгердовича, Витовтова подручника. Все это—говоритъ лѣтописецъ Пскова—дѣлалось наперекоръ Пскову; Новгородцы дружились съ его врагами—съ Литвою и Нѣмцами, но не помогли Псковичамъ ни дѣломъ, ни словомъ, и Псковичи должны были положить все упованіе на св. Троицу, да на великаго князя московскаго. Тяжело имъ приходилось обороняться отъ Литовцевъ и Нѣмцевъ разомъ. Новгородъ не оказывалъ имъ пособія и находился въ мирѣ съ ихъ непріятелями; напротивъ, московскій великій князь велъ съ ними вмѣстѣ за-одно войну противъ своего тестя Витовта, и помирившись съ нимъ на Угрѣ, въ 1409 г. устроилъ миръ между Витовтомъ и Псковомъ. Въ слѣдующіе годы Псковъ находился не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, хотя до открытой войны дѣло не доходило. Такъ было до 1417 г.; тогда заключенъ былъ съ Новгородомъ миръ [2]). Въ 1426 г. возникла у Пскова опять война съ Литвою. Какой предлогъ войнѣ поставилъ тогда Витовтъ — неизвѣстно. На Петровъ день объявилъ онъ войну Пскову; 1-го августа въ понедѣльникъ, явился онъ подъ городомъ Опочкою, построеннымъ недавно вмѣсто разореннаго Литовцами Коложе. Съ Витовтомъ были не только Литовцы, но Поляки, и Чехи, и Волохи, и толпы Татаръ. Святой Спасъ помогалъ Опочанамъ,—говоритъ лѣтопись [3]). Непріятели стояли подъ Опочкою два дня и двѣ ночи. Опочане притаились въ своемъ маленькомъ городкѣ за валомъ, такъ что осаждающимъ казалось, что

[1]) Псковск. Л. I, 197. [2]) Пск. Л. I, 202. [3]) Пск. I, 203.

городокъ пустъ. Черезъ ровъ, окружающій валъ, былъ мостъ на веревкахъ, а подъ мостомъ были натыканы острые колья. Татары, не подозрѣвая хитрости, бросились на мостъ; тогда веревки подрѣзали и они попадали въ ровъ на колья. Немедленно за тѣмъ Опочане бросились изъ города и нахватали плѣнниковъ. Тогда заплатили они равнымъ звѣрствомъ за тѣхъ мертвыхъ дѣтей подъ Вороночемъ, которые возбудили ужасъ лѣтописца-современника. Они отрѣзывали Татарамъ дѣтородныя части и вставляли имъ въ ротъ, а съ Ляховъ, Чеховъ, и Волоховъ сдирали кожи и ободранныхъ показывали на валу непріятелю [1]). Витовтъ не взялъ Опочки и двинулся къ Вороночу. Онъ пришелъ туда 5-го августа и стоялъ подъ городомъ три недѣли; пороки били непрестанно въ городъ; городъ не сдавался, благодаря крѣпкому мѣстоположенію и высокому валу, хотя Вороночанамъ, — по замѣчанію лѣтописца — было очень тяжело. Посадники, начальствовавшіе городомъ, успѣли дать знать Псковичамъ: «Господа Псковичи! — писали они — помогите намъ и гадайте о насъ; намъ очень пристужно». Псковичи прислали Витовту челобитную о мирѣ. Витовтъ сначала не хотѣлъ и слушать, а потомъ согласился. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну въ литовскомъ князѣ ночной грозѣ. Громъ былъ таковъ, что Витовтъ, ухватясь за шатерный столбъ, кричалъ: «Господи, помилуй!» Ему чудилось, что земля пожретъ его, и онъ на дно адово снидетъ, — говоритъ лѣтописецъ [2]). Въ самомъ же дѣлѣ были причины и болѣе обыкновенныя, склонившія его къ миру: отрядамъ, посланнымъ изъ литовскаго войска разорять Псковскую Землю не слишкомъ посчастливилось. Подъ Котельномъ литовскій отрядъ напалъ на небольшой псковской отрядъ. По увѣренію Псковской Лѣтописи, Литовцевъ и Та-

[1]) Ник. Л, V, 93. [2]) Ник. Л. V, 95.

таръ было семь тысячъ, а Псковичей четыреста. Это, конечно, невѣроятно. Хотя убито было семнадцать, а взято въ плѣнъ тринадцать человѣкъ Псковичей, но весь псковской отрядъ успѣлъ уйти въ Котельню, а Литовцевъ и Татаръ легло много. Еще удачнѣе поразили Островичи (изъ пригорода Острова) литовскую рать въ лѣсу, а другой отрядъ подъ пригородомъ Вревомъ разсѣяли Вревичи. Все показывало Витовту, что если дѣло пойдетъ на завоеваніе Псковской Земли, то у Псковичей хватитъ мужества на защиту своей вольности. Между-тѣмъ Псковичи предлагали ему тысячу рублей, если онъ выйдетъ изъ Псковской Земли [1]). Сверхъ-того пріѣхалъ къ нему посолъ отъ его внука, великаго московскаго князя и просилъ пощадить Псковскую Землю, которую называлъ отчиною великихъ князей [2]). Витовтъ согласился взять тысячу рублей и вышелъ изо псковскихъ предѣловъ. Деньги были отданы ему въ слѣдующемъ году, и тогда же возвращены захваченные на войнѣ плѣнные; Витовтъ, принявъ отъ Пскова своихъ плѣнниковъ, не отпустилъ псковскихъ иначе, какъ взявши за нихъ со Пскова еще полпятаста рублей окупа (четыреста пятьдесятъ рублей) [3]). По извѣстію Псковской Лѣтописи, Псковичи тогда умоляли Новгородцевъ подать имъ помощь. Новгородъ отправилъ къ Витовту посла своего Александра Игнатьевича; но этотъ Александръ Игнатьевичъ шелъ съ войскомъ псковскаго непріятеля, былъ свидѣтелемъ ратныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ Новгородъ, не учинивъ добра ничто же, а только хуже зла надѣлалъ. Напротивъ, и на этотъ разъ болѣе помогъ Псковичамъ великій князь московскій: только при посредствѣ посла его, Псковичи купили себѣ миръ за тысячу рублей. Не обращали на Псковъ вниманія Новгородцы и въ 1427—28 гг., когда произошла

[1]) Псковск. Л. I, 204. [2]) Ник. Л. V, 95. [3]) Пск. Л. I, 205.

расиря съ Нѣмцами, и Псковъ долженъ былъ собственными силами отдѣлываться и мириться. Также и Псковичи не оказывали помощи Новгородцамъ, когда въ 1428 году Витовтъ явился подъ новгородскимъ пригородомъ Порховомъ, и Новгородцы должны были покупать себѣ миръ за пять тысячъ рублей. Псковичи говорили Новгородцамъ: «Вы намъ не помогали, и мы вамъ помогать не станемъ, да еще у насъ съ Витовтомъ договоръ такой, чтобъ вамъ не пособлять» [1]). Псковъ опять послѣ того находился съ Новгородомъ нѣсколько лѣтъ въ ссорѣ. Это видно изъ того, что въ 1432 г. посолъ изо Пскова ѣздилъ въ Новгородъ предлагать миръ, однако Новгородцы не приняли псковскаго челобитья; не доходило впрочемъ и до войны; не было, — по выраженію лѣтописца, — ни мира, ни розратья [2]). И въ 1433 году ѣздили послы отъ Пскова въ Новгородъ и не помирились съ Новгородомъ. Удачнѣе было посольство въ слѣдующемъ 1434 г. Тогда, — говоритъ лѣтописецъ, — помиловалъ Богъ и св. Софія и владычне благословеніе [3]). Великій-Новгородъ принялъ челобитье, и миръ состоялся по старинѣ. Только миръ этотъ былъ опять-таки непродолжителенъ. Пріѣхалъ владыка Евфимій во Псковъ требовать суда и управы; насильственные поступки съ духовными довели до ссоры между Псковичами и «софьянами» — многочисленною дружиною, съ которою ѣздилъ владыка. Евфимій уѣхалъ съ гнѣвомъ. Такимъ образомъ старое неудовольствіе возобновилось. Въ 1441 году представился случай, когда оно разразилось открытою враждою. Великій князь потребовалъ отъ Псковичей помощи себѣ противъ Новгорода. Князь псковской Александръ и посадники отослали Новгороду мирную грамоту и отказали цѣлованіе. Какую роль играла при этомъ

[1]) Пск. Л. II, 26. [2]) Пск. Л. I, 206. [3]) Пск. Л. I, 205.

масса псковскаго народа, — неизвѣстно; потому-что въ лѣтописи приписывается объявленіе войны князю и посадникамъ, а не говорится *о всемъ Псковѣ*, какъ-бы этого можно было ожидать, если бы народъ объявилъ эту войну единогласно. Очень можетъ быть, что существовало и несогласіе на эту войну; только въ то время не могла противодѣйствовать ей та партія, которая вскорѣ, какъ увидимъ, дала другой оборотъ отношеніямъ къ Новгороду. До сихъ поръ неудовольствія между двумя городами ограничивались болѣе взаимными упреками, нерасположеніемъ и неохотою помогать другъ другу; но почти не доходило до кровавыхъ послѣдствій. На этотъ разъ Псковичи, объявивъ Новгороду рѣшительную войну, опустошали пограничную Новгородскую волость верстъ на триста въ длину и верстъ на пятьдесятъ въ ширину, отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго [1]). Псковское оружіе рѣшало споръ великаго князя съ Новгородомъ въ пользу московскаго единодержавія. Новгородцы поспѣшили заключить деманскій договоръ и купить себѣ миръ деньгами. Это обстоятельство должно было расположить московскую политику къ тому, чтобъ дорожить союзомъ со Псковомъ: ей нуженъ былъ этотъ союзъ противъ Новгорода.

Скоро однако, хотя на время, показалась во Псковѣ партія, которая видѣла въ будущемъ опасность для древней свободы своей земли въ союзѣ съ Москвою, а спасеніе и крѣпость—въ дружной связи съ Новгородомъ, во взаимномъ содѣйствіи къ защитѣ обоюдной независимости. Въ 1448 г. принятъ княземъ потомокъ суздальскихъ князей (правнукъ Димитрія Константиновича нижегородскаго) Василій Васильевичъ; онъ находился въ родовой непріязни къ московскому дому. Не видно, чтобы Псковичи просили его утвержденія

[1]) Пск. Л. II, 21. Пск. Л. I, 219.

отъ великаго князя [1]). Тогда-то Псковъ сблизился дружески съ Новгородомъ Оба города заключили миръ съ Нѣмцами, тогда-какъ прежде давно уже Псковичи воевали и мирились съ Нѣмцами безъ участія Новгородцевъ. Въ 1450 г., владыка прибылъ во Псковъ и былъ встрѣченъ съ большими почестями и радушіемъ. Онъ служилъ въ соборной церкви св. Троицы, пѣлъ многолѣтіе живущимъ подъ покровомъ (окрестъ) св. Софіи и св. Троицы и поминалъ положившихъ свои головы за эти Божіи домы. Все показывало видъ согласія и искренняго братства двухъ городовъ. Во всѣхъ концахъ Пскова владыку дарили; не было уже обычнаго ропота на поборы: съ честію отъѣхалъ онъ за рубежъ Псковской Земли, провожаемый своею псковскою паствою [2]). То же повторилось и въ 1453 году [3]). Въ 1455 году князь Василій уѣхалъ въ Новгородъ, а Псковъ пригласилъ къ себѣ княземъ правнука Ольгердова, Александра Черторизскаго, также недоброжелателя московской политики, проживавшаго у Новгородцевъ на кормленьѣ, въ Русѣ. Еще не успѣлъ этотъ князь пріѣхать, какъ вначалѣ 1456 году вспыхнула новая война московскаго князя съ Новгородомъ. Тогда Псковичи увидали на своемъ вѣчѣ новгородскаго подвойскаго Есифа: «Братья! — говорилъ онъ — мужи Псковичи! Братъ Великій-Новгородъ вамъ кланяется! Помогайте намъ противъ великаго князя; правьте крестное цѣлованіе!» И Псковичи — говоритъ ихъ лѣтописецъ [4]) — не припомнили тогда древнихъ лѣтъ, когда Новгородъ не помогалъ Пскову въ нуждѣ. Псковское ополченіе подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ вышло на помощь Новгородцамъ. Упорной войны не было. Владыка Евфимій съ новгородскими и псковскими послами поѣхалъ къ великому князю и уладилъ дѣло платежомъ. Пско-

[1]) Пск. Л. I, 213. Пск. Л. II, 31. [2]) Пск. Л. I, 214. [3]) Пск. Л. II, 31. [4]) Пск. Л. I, 216.

вичи участвовали въ платежѣ осьми съ половиною тысячъ рублей. Послѣ того владыка снова прибылъ во Псковъ и принятъ былъ съ прежнею радостью и съ прежними подарками.

Но дружное и взаимное содѣйствіе Новгороду не могло быть прочно. Послѣднее сопротивленіе великому князю принесло Пскову одинъ вредъ: Псковъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Новгородомъ платить окупъ, тогда-какъ прежде никогда не бывало, чтобы Псковъ платилъ великому князю. Теперь это случилось именно отъ союза съ Новгородомъ. Угрожали Пскову Нѣмцы; распри съ ними не прекращались. Помощь отъ сильнаго московскаго великаго князя казалась нужною. Въ 1460 году прибылъ великій князь Василій въ Новгородъ. Партія, желавшая съ нимъ союза, взяла тогда во Псковѣ верхъ:—отправлены были изо Пскова въ Новгородъ послы къ великому князю съ подарками 50-ью рублями. «Мы пріобижены отъ поганыхъ Нѣмцевъ и водою и землею, и головами—говорили псковскіе послы—и церкви Божіи пожжены отъ поганыхъ Нѣмецъ на миру и на крестномъ цѣлованіи; бьемъ челомъ, чтобъ нашему князю псковскому Александру Васильевичу Черторизскому быть отъ тебя, великаго князя, у насъ намѣстникомъ.» Великій князь отвѣчалъ: «Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлали и отцы наши и дѣды, и великіе князья; а что вы мнѣ извѣщаете объ Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ я васъ, свою отчину, жалую: пусть только поцѣлуетъ князь Александръ животворящій крестъ, ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, что ему зла на насъ не хотѣть, не мыслить—тогда онъ будетъ вамъ князь, а отъ меня намѣстникъ.» Когда привезли Черторизскому этотъ отвѣтъ, онъ явился на вѣче и сказалъ: «Не стану я цѣловать креста московскому князю: не слуга я великому князю; а если такъ, то пусть не будетъ вашего цѣлованія

на мнѣ, а моего на васъ! Прощайте, Псковичи!.. я болѣе вамъ не князь! Когда начнутъ вороны Псковичей-соколовъ хватать, тогда и меня, Черторизскаго, вспомянете!» Напрасно Псковичи упрашивали его остаться; онъ не принялъ челобитья Псковичей, собралъ своихъ триста человѣкъ кованой (въ панцыряхъ) рати и уѣхалъ въ Литву [1]).

По удаленіи Черторизскаго, Псковъ вошелъ въ прежнее отношеніе къ великому князю и получалъ отъ него князей въ значеніи великокняжескихъ намѣстниковъ. Но разъ отъ разу отношенія эти становились для Пскова зависимостію. Тотчасъ по отъѣздѣ Черторизскаго прибылъ отъ великаго князя сынъ его, Юрій, съ боярами во Псковъ. Псковичи приняли его съ честію, посадили на столъ въ церкви св. Троицы, но послали просить у великаго князя другаго сына, Ивана Васильевича. Кажется, что Псковичи перемѣнили одного брата на другаго единственно для того, чтобъ удержать свое старое право избранія: Юрій пріѣхалъ во Псковъ неизбранный. Уступая желанію великаго князя, чтобъ во Псковѣ былъ намѣстникомъ его сынъ, они по-крайней-мѣрѣ изъ сыновей его хотѣли указать себѣ князя сами, а не принимать назначеннаго безъ спроса о ихъ желаніи. Такъ псковскимъ княземъ сдѣлался въ 1460 г. Иванъ Васильвичъ, тотъ самый, который впослѣдствіи, ставши великимъ, нанесъ ударъ вѣчевой свободѣ въ Сѣверной Руси. Въ слѣдующемъ году онъ отправился къ родителю вмѣстѣ съ посольствомъ отъ Пскова—просить защиты противъ враговъ Нѣмцевъ, чтобы великій князь печаловался своею отчиною, и не оставлялъ мужей своихъ Псковичей, «добровольныхъ людей». Псковичи хотѣли этимъ титуломъ напомнить, что если они и подчиняются великому князю, то по своей доброй волѣ, а не по нуждѣ.

[1]) Пск. Л. I, 219.

Въ 1462 г. псковской князь по смерти отца сдѣлался великимъ, а во Псковъ на его прежнее мѣсто посланъ Владимиръ Андреевичъ,—не по псковскому прошенію и не по старинѣ [1])—замѣчаетъ лѣтописецъ. Явно Москва начинала затрогивать право Псковичей получать себѣ князя не иначе, какъ по собственному избранію. Псковичи проглотили это неуваженіе къ своей старинѣ въ первый разъ, и посадили на столъ непризваннаго князя честно; не могли однако забыть они, что онъ у нихъ сѣлъ не такъ, какъ слѣдовало — и черезъ полтора года изгнали его. «Ты пріѣхалъ не по псковской старинѣ — было ему сказано: — Псковичами незванъ и на народъ не благъ.» Вслѣдъ за нимъ отправлено посольство къ великому князю о томъ, чтобъ назначалъ князей по псковской старинѣ, который князь Пскову любъ. Имени князя, котораго бы они хотѣли, не указывалось; по видимому, самое тогдашнее посольство было не о князѣ, а о сохраненіи права. Ивану Васильевичу очень не понравилась такая выходка; онъ три дня не допускалъ къ себѣ на глаза пословъ, и велѣлъ имъ сказать, что дивится такому посольству; но въ то же время разсчелъ, что Псковъ ему нуженъ противъ Новгорода, и не слѣдуетъ, пока, раздражать Псковичей черезъ-чуръ. Призвавъ пословъ къ себѣ, онъ сказалъ имъ: «Жалую отчину мою Псковъ, добровольныхъ людей, по старинѣ, и дамъ вамъ такого князя, какого сами захотите. Явите Пскову: пусть скажетъ Псковъ, какого князя хочетъ; я того имъ и дамъ; пришлите ко мнѣ грамоту съ своимъ бояриномъ.»

Послы воротились, и вѣче избрало Ивана Александровича, князя звенигородскаго, Иванова подручника. Великій князь утвердилъ выборъ. Псковичи посадили новаго князя у св. Троицы. Въ 1466 г. онъ уѣхалъ добровольно [2]). Psko-

[1]) Пск. Л. I, 22. [2]) Пск. Л. I, 230.

вичи, какъ видно, послѣ того уже и сами между собою не поладили въ выборѣ князя; посольство ихъ отправилось въ Москву съ именами двухъ кандидатовъ: Ивана Стриги и Ѳедора Юрьевича. Отъ великаго князя зависѣло послать имъ того или другаго. Онъ далъ имъ Ѳедора Юрьевича. Первый разъ въ исторіи Пскова случилось подобное, и этотъ случай, естественно, самъ собою велъ къ бо́льшей подчиненности великому князю. Князь Ѳедоръ былъ во Псковѣ и тогда, когда Псковъ помогалъ великому князю въ войнѣ противъ Великаго-Новгорода, въ 1471 году.

Непріятныя отношенія къ Новгороду скоплялись годъ отъ году. Въ 1463 г. Псковичи воевали съ Нѣмцами; Новгородцы не хотѣли помогать Псковичамъ, сколько тѣ ни просили. Умеръ Евфимій, умѣвшій нѣсколько ладить съ Псковомъ; преемникъ его Іона былъ нетерпимъ Псковичами. Въ 1464 г. Псковичи начали у великаго князя хлопотать объ отдѣльномъ владыкѣ; — ихъ домогательства не удались, но озлобили Новгородцевъ: послѣдніе побуждали великаго князя послать во Псковъ войско усмирять Псковичей. Великій князь сдержалъ тогда вражду двухъ городовъ, не потакая ни тому, ни другому. Новгородъ, защищая права своего архіепископа, роптаъ, что Псковичи отнимаютъ церковныя имущества, въ противность священнымъ правиламъ. Псковъ упрекалъ своего старшаго брата за то, что онъ покидаетъ меньшаго въ бѣдѣ. и не помогаетъ противъ Нѣмцевъ. «Мы — говорили Псковичи — съ Новгородцами за одно: постановили съ Нѣмцами перемирье; стало-быть, когда Нѣмцы не додержали его, такъ Новгородцы за одно со Псковичами должны сѣсть на коня и воевать противъ Нѣмцевъ; а вы, Новгородцы, не только-что не хотите знать, что есть наше перемирье, а еще съ Нѣмцами соединяетесь, чтобъ вамъ съ Нѣмцами за одно стать противъ насъ Псковичей, свою братью молодшую, обижаете»! На жа-

лобы Новгородцевъ, что Псковъ захватилъ владычнія земли, псковскіе послы оправдывали въ этомъ своихъ именно тѣмъ, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ въ войнахъ противъ Нѣмцевъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, псковскіе послы сказали: «Вотъ вамъ, братья наша старѣйшая, и воды, и земли владычнія и всѣ оброки съ земель по старинѣ; а что мы два лѣта собирали хлѣбъ съ этихъ земель и въ водахъ рыбу ловили, такъ мы тѣмъ кормили силу великаго князя; а мы должны были призывать ее къ себѣ, потому-что вы намъ не помогали на Нѣмцевъ». Много было о томъ истомы—замѣчаетъ лѣтописецъ:—наконецъ обѣ стороны цѣловали крестъ и присягнули быть во единомъ братствѣ; и владыка благословилъ тѣхъ и другихъ [1]).

Въ 1469 году духовенство Пскова покусилось-было отложиться отъ владыки и управляться сами собою. Покушеніе не удалось: митрополитъ не одобрилъ его. Владыка Іона преслѣдовалъ своихъ недоброжелателей и требовалъ особаго побора отъ священниковъ. Это озлобило Псковичей противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Новгородцевъ, всегда державшихъ сторону своего владыки. Тогда присоединились другія причины неудовольствій: въ Новгородѣ задержали псковскихъ купцовъ и ихъ товары. Въ такихъ отношеніяхъ находился Псковъ съ одной стороны къ великому князю, съ другой къ Новгороду, когда великій князь подвигнулъ Псковичей на войну противъ Новгорода въ 1471 году.

Какъ только Иванъ Васильевичъ сладилъ съ Новгородомъ, тотчасъ и Псковичи начали сильнѣе чувствовать на себѣ его тяжелую руку. Начались тогда же стѣсненія вѣчевыхъ правъ, предвозвѣщавшія, что рано или поздно Псковъ долженъ будетъ совсѣмъ разстаться съ своею

[1]) Псковск. Л. I, 223.

стариною. До тѣхъ поръ, хотя великіе князья и утверждали избранныхъ Псковичами князей, но Псковичи считали себя вправѣ изгнать своего князя и выбрать другаго: такъ дѣлалось; и великіе князья, не вступая въ разбирательство,—какъ и почему,—утверждали того, кого городъ вновь избиралъ. Теперь Иванъ Васильевичъ самъ предупредилъ Псковичей и объявилъ ихъ посламъ, что если у нихъ князь станетъ чинить насилье, или вообще Псковичи за что-нибудь будутъ недовольны своимъ княземъ, пусть не безчествуютъ его сами; пусть принесутъ на него жалобу великому князю, а великій князь пожалуетъ свою отчину. Такъ и случилось въ 1472 году. Псковичи поѣхали въ Москву жаловаться на своего князя Ѳедора Юрьевича и просить себѣ другаго — Ивана Стригу. Великій князь не далъ имъ желаемаго князя, и приказалъ, чтобы Псковичи указали на другаго. Псковичи тогда представили имена двухъ кандидатовъ:. Ивана Бабича и Ярослава брата князя Стриги. Великій князь утвердилъ послѣдняго. Уже эти князья начали считать себя независящими отъ Пскова, подобно прежнимъ князьямъ, а уполномоченными того, кто претендовалъ на верховную власть надо Псковомъ; они дозволяли себѣ оскорбительныя своевольства, возбуждавшія всеобщую досаду.

Между-тѣмъ Псковичи до рѣшенія дѣла, пока ихъ послы были въ Москвѣ съ жалобою на князя Ѳедора, не смѣли сами прогнать этого ненавистнаго для нихъ князя, какъ поступили бы ихъ дѣды и отцы въ такомъ случаѣ. Этотъ князь, видя что его уже черезъ-чуръ не терпятъ, рѣшился уѣхать самъ, и несмотря на всю злобу къ нему, Псковичи должны были, почитая въ немъ великокняжескаго намѣстника, провожать его съ почестью, надѣлили его хлѣбомъ, вологою и медомъ. Князь этотъ не заплатилъ такою же вѣжливостію Пскову; напротивъ, какъ только

переѣхалъ за рубежъ, — ограбилъ посадниковъ, и сотскихъ, и подвойскихъ, провожавшихъ его, и отпустилъ ихъ чуть не нагими домой. Желая угодить великому князю, Псковъ оказалъ самый радушный пріемъ невѣстѣ великаго князя, Софіи Палеологъ, проѣзжавшей съ своею свитою въ 1473 году. Но на слѣдующій же годъ Псковъ еще разъ испыталъ, какъ страшно, хотя и необходимо, покровительство сильной Москвы. Завязалась у Пскова война съ Нѣмцами. Государь прислалъ ратную силу; Новгородъ, уже подручный ему, поневолѣ долженъ былъ прислать свои вспомогательныя силы; Нѣмцы должны были просить мира; оборона для Пскова отъ великаго князя была дѣйствительна. Вслѣдъ за тѣмъ въ Москву поѣхалъ посломъ Григорій Умылъ-Бородка, бить челомъ на жалованьи и печаловаться, то есть благодарить великаго князя. Этотъ посолъ, воротившись назадъ, привезъ соотечественникамъ нелюбье и гнѣвъ великаго князя. Великій князь былъ недоволенъ тѣмъ, что послы, которые прежде пріѣзжали просить у него вспомогательной силы, не были большіе послы Это, какъ видно, у московскаго государя былъ только предлогъ. Ему хотѣлось безпрестанно придираться то̀ къ тому, то̀ къ другому; такой путь былъ выбранъ, чтобъ мало-по-малу обратить Псковичей изъ добровольныхъ въ недобровольныхъ. Самъ псковской князь, а съ нимъ три посадника, да нѣсколько посадничьихъ дѣтей и бояръ, поѣхали въ Москву и повезли великому князю поминка сто рублей. Великій князь не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза и не принялъ поминка, даже не указалъ имъ подворья: они простояли пять дней въ полѣ и воротились ни съ чѣмъ. Лѣтомъ Псковъ отрядилъ опять посольство и отправилъ съ нимъ великому князю уже не сто, а сто пятьдесятъ рублей поминка. Великій князь на этотъ разъ принялъ посольство, и далъ такой отвѣтъ: «Я радъ свою отчину держать въ устроеніи; положите предо-

мною пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей.» Это значило: начинался пересмотръ свободныхъ правъ вольнаго города.

Возвратившись изъ посольства, намѣстникъ князь Ярославъ Васильичъ, конечно ободренный великимъ княземъ, сталъ превышать свою власть и судъ въ противность прежнимъ обычаямъ, удвоилъ судныя пошлины, а именно: ѣзду на ссылку, т. е. ѣзду по свидѣтельству истца, или отвѣтчика вдвое; его намѣстники сбирали по пригородамъ княжую продажу, и намѣстничьи деньги [1]). Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами, которыя требовалъ великій князь, и вмѣстѣ послалъ жалобу на Ярослава. Великій князь пересмотрѣлъ грамоты и сказалъ: «Эти грамоты не великихъ князей; вы исполняйте то, чего у васъ проситъ князь Ярославъ.» Но, видно, требованія Ярослава казались нестерпимы. Опять Псковичи послали просить великаго князя удалить его. На этотъ разъ великій князь задержалъ пословъ и сказалъ: «О всѣхъ управахъ я пошлю своего посла къ вамъ, въ свою отчину.»

Послѣ этого великій князь отправился въ Новгородъ. Узнавъ, что онъ тамъ, Псковичи снарядили къ нему еще разъ посольство: четырехъ посадниковъ, и по два человѣка бояръ съ каждаго конца. Они поднесли Ивану Васильевичу поминка пятьдесятъ рублей и били челомъ, чтобъ великій князь держалъ свою отчину Псковъ по старинѣ. Великій князь, принявъ поминки, сказалъ:—«Коли у меня здѣсь будетъ князь Ярославъ, тогда я васъ отпущу». Послы дожидались въ Новгородѣ три недѣли; наконецъ, прибылъ требуемый князь и привезъ ото Пскова, а не отъ себя, двадцать рублей. Противъ обвиненій на него онъ

[1]) Княжая продажа имати обоя и намѣстничьи деньги (Пск. Л. I, 251); въ другомъ спискѣ вмѣсто обоя—отъ боя.

сталъ обвинять Псковичей и жаловаться на посадниковъ и на весь Псковъ. Тогда великій князь отвѣчалъ псковскимъ посламъ такъ: — «Я отпускаю васъ теперь; а съ княземъ Ярославомъ пріѣдутъ мои послы разсудить васъ въ срочные дни. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 1-го января 1476 г., возвратился во Псковъ Ярославъ, а съ нимъ пріѣхали великокняжескіе послы, которые должны были разбирать дѣло. Судъ рѣшенъ былъ заранѣе въ разсчетѣ великаго князя; ибо онъ считалъ нужнымъ укротить псковскую вольность, и потому непремѣнно оправдать своего намѣстника. Послы говорили на вѣчѣ: «Въ чемъ вы преступили предъ княземъ Ярославомъ, добейте ему челомъ, давайте ему, что онъ потребуетъ: намѣстничью деньгу, двойную ѣзду, княжія продажи намѣстникамъ его по городамъ, нивные суды по старинѣ, судить всякія копныя дѣла [1]), изгородное прясло (работы по городу), коневыя валища; а если вы не учините этого, то знайте: вашъ государь, великій князь, прислалъ насъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ, чтобъ мы въ пять дней съѣздили сюда и назадъ воротились». Посадники, проигравъ свое дѣло, дали отъ имени всего Пскова князю Ярославу на вѣчѣ 130 рублей, какъ бы пени, и сверхъ того обѣщались великому князю исполнять все что приказано князю и его намѣстникамъ по пригородамъ.

5-го января Ярославъ опять отправился къ великому князю съ его послами; Псковъ также послалъ своихъ пословъ просить, чтобъ великій князь содержалъ свою отчину по старинѣ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: — «За то, что вы обѣщаете мнѣ и вашему князю, я тѣмъ жалую мою

[1]) Копы—народныя собранія съ цѣлію суда, извѣстныя во всей Западной и Южной Руси. Вѣроятно такой смыслъ имѣетъ и здѣсь выраженіе «копныя дѣла». Московская политика, уничтожая древнюю свободу, хотѣла подчинять великокняжскому намѣстнику это свободное учрежденіе.

отчину и хочу васъ держать по старинѣ; а кого къ вамъ ни пришлю о своихъ дѣлахъ, вы того и слушайте, и вѣрьте ему, какъ мнѣ, великому князю, или моей грамотѣ». Съ такимъ отвѣтомъ возвратились послы домой.

Такимъ-образомъ, московскій государь подтверждалъ, что онъ будетъ держать Псковъ по старинѣ, и въ то же время съ каждымъ шагомъ надламывалъ эту старину. При пересмотрѣ грамотъ, онъ признавалъ дѣйствительность только такихъ грамотъ, которыя были даны великими князьями,—слѣдовательно уничтожалъ важность мѣстныхъ постановленій; заставилъ Псковъ противъ его воли отбывать въ пользу мѣстнаго князя такіе поборы, которыхъ не было прежде; оправданіемъ своего намѣстника показалъ, что мѣстный князь можетъ быть не удаленъ, вопреки желанію Пскова, даже и съ докладомъ великому князю; тогда-какъ въ старину не былъ необходимъ самый докладъ, а вольный городъ самъ собою могъ удалять князя; наконецъ послѣднимъ приказаніемъ—вѣрить словамъ всякаго, кого онъ пришлетъ безъ грамоты, онъ подрывалъ значеніе самобытнаго государственнаго тѣла и хотѣлъ подчинить Псковъ условіямъ владѣльческаго имѣнія, гдѣ хозяинъ можетъ дѣлать распоряженія по своему произволу безо всякихъ правилъ, заранѣе начертанныхъ, когда захочетъ и какъ захочетъ. Ярославъ ободрился, началъ мстить своимъ противникамъ, дѣлать разныя вымогательства и насилія; намѣстники его по пригородамъ и волостямъ вели себя необузданно и притѣсняли народъ; въ противность старымъ правамъ—никого не брать подъ стражу безъ суда, они хватали людей единственно за то, что князю или его намѣстнику въ пригородѣ показалось грубымъ какое-нибудь слово. Псковичи не вытерпѣли и еще разъ послали къ великому князю съ жалобою на князя Ярослава и умоляли, чтобъ великій князь далъ вмѣсто его Пскову друга-

го князя. Но каждое посольство, какъ-будто, должно было служить московскому государю предлогомъ къ еще бо̀льшему стѣсненію и уменьшенію свободныхъ правъ города. Великій князь отвѣчалъ: — «Я пошлю въ мою отчину, Псковъ, творить судъ не по старинамъ, какъ мои прародители держали свою отчину, Псковъ, а по моимъ засыльнымъ грамотамъ.» Тутъ явно показывалось, что великій князь хочетъ уничтожить всякое право, освящаемое стариною, и вмѣсто него, поставить господствующимъ началомъ управленія и суда свою личную волю!

Но когда псковскія посольства одно за другимъ ѣздили въ Москву, во Псковѣ, 2-го сентября 1477 г., на княжемъ дворѣ сдѣлалась ссора между Псковичами и княжедворцами или шестниками, какъ назывались они въ Новгородской и Псковской Земляхъ. Псковичъ везъ на торгъ продавать капусту изъ своего огорода мимо княжаго двора; одинъ шестникъ схватилъ у него наручіе (качанъ) капусты и сталъ кормить княжескаго барана. Псковичи, увидавши это, приняли такой поступокъ за оскорбленіе ихъ правъ, прицѣпились къ шестнику; за шестника заступились его товарищи [1]). Псковичи были вытѣснены изъ княжескаго двора; шестники погнались за ними; свалка началась на площади на торгу; выскочилъ самъ князь въ панцырѣ, съ лукомъ, началъ стрѣлять и заохочивать своихъ къ стрѣльбѣ. Онъ былъ пьянъ въ то время. «И пошли шестники на весь міръ—говоритъ лѣтописецъ:—они стрѣляли изъ луковъ, кололись ножами, а Псковичи, застигнутые въ расплохъ, отбивались каменьями.» Но разнеслась объ этомъ вѣсть по всему городу; посадники, бояре, житейскіе люди бросились со всѣхъ концовъ города на торгъ на выручку своихъ съ оружіемъ; люди благоразумные старались раз-

[1]) Пск. Л. II, 37.

гонять обѣ стороны. Тутъ шестники увидѣли, что имъ можетъ не на шутку достаться, когда выведутъ Псковичей изъ терпѣнія, и скрылись въ своемъ княжескомъ дворѣ. Много Псковичей было тогда ранено и избито; кому въ ротъ, кому въ глазъ, кому въ спину или въ ногу досталось; нѣкоторые тутъ же и духъ испустили. Цѣлую ночь послѣ того Псковичи стояли на торгу во всемъ оружіи; шестники хвалились, что они зажгутъ городъ и начнутъ бить Псковичей подъ тревогу [1]).

Это событіе вывело наконецъ Псковъ изъ терпѣнія. На другой день послѣ такого побоища, утромъ, собралось вѣче; несмотря на то, что великій князь не дозволялъ Псковичамъ ни въ какомъ случаѣ безъ воли своей прогонять изо Пскова князей-намѣстниковъ, рѣшили: князю Ярославу тотчасъ же отречься отъ княженія, а Псковичамъ выпроводить его изъ города; между-тѣмъ отправить въ Москву посольство съ извѣстіемъ объ этомъ. 5-го сентября посольство поѣхало въ Москву; Ярослава высылали, но онъ уперся: сказалъ, что не пойдетъ, а будетъ дожидаться рѣшенія великаго князя во Псковѣ. Псковичи не смѣли выгнать его силою. Онъ съ своей стороны послалъ къ великому князю жалобу на Псковъ; описывалъ Псковичей своевольниками; упрекалъ ихъ, что они освободили тѣхъ, которыхъ онъ и его намѣстники по своему судебному приговору заковали.

Между-тѣмъ по прежнему посольству Псковичей съ жалобою на Ярослава, 20-го сентября, пріѣхали во Псковъ великокняжескіе послы — два бояриніа и дьякъ. Они принесли такой отвѣтъ отъ московскаго государя: — «Вы, Псковичи, жаловались на князя Ярослава, что онъ и его намѣстники творятъ насиліе по пригородамъ и волостямъ, и бе-

[1]) Пск. Л. I, 253.

рутъ людей безъ суда; но вы не жаловались на него въ этомъ, когда великій князь былъ въ Новгородѣ.»—«Мы боялись худшаго себѣ—сказали на вѣчѣ (большей упалки).»—«А князь Ярославъ—возразили имъ—и тогда на Псковъ жаловался, и прежде того жаловался, и теперь опять жалуется.» Въ заключеніе послы высказали такое рѣшеніе великаго князя:—«Отдайте винныхъ, что̀ были по суду закованы въ пригородахъ; а если того не исправите, то я, князь великій, моля Бога и Пречистую Богородицу, хотимъ это исправить, а князя Ярослава, я, великій князь, осаживаю въ Псковѣ на столѣ.» Бояре прожили двѣ недѣли во Псковѣ и домогались исправы: требовали, чтобы Псковичи выдали головою князю и его намѣстникамъ тѣхъ лицъ, которыхъ они заковали, а Псковичи освободили. Тогда Псковичи старались уладить дѣло и смягчить поминками московскихъ бояръ, уполномоченныхъ великаго князя. Никогда,— говоритъ современный лѣтописецъ,—во Псковѣ не было такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было задобрить; въ двѣ недѣли Псковъ заплатилъ рублей 80, а они брали дары, и все-таки держали сторону ненавистнаго князя. Псковичи вышли изъ терпѣнія, и вѣче дало такой рѣшительный отвѣтъ:—«Мы не можемъ, бояре, выдавать головою невинныхъ людей; такъ не дѣлалось по старому обычаю при прежнихъ господаряхъ; вы намъ насильно сажаете князя Ярослава; мы не можемъ съ нимъ ужиться,—онъ творитъ надъ нами насилія; мы пошлемъ пословъ объ этомъ бить челомъ нашимъ господарямъ, чтобы оставили насъ при старинахъ.» Бояре уѣхали съ неудовольствіемъ; Псковичи еще на дорогу дали имъ денежныя поминки, но одинъ изъ бояръ не принялъ; за то, какъ только эти послы доѣхали до рубежа, то отняли у провожатыхъ и деньги, и платье, и лошадей, и самихъ поколотили [1]).

[1]) Пск. Л. I, 254.

Вслѣдъ за великокняжескими послами отправились снова псковскіе послы къ великому князю съ челобитьемъ. Отправились 1-го октября; воротились во Псковъ не ранѣе какъ 8-го января. Не зная долгое время о ихъ судьбѣ, Псковичи безпокоились за нихъ, и потому-то лѣтописецъ, говоря о ихъ возвращеніи, выразился, что они воротились живы и здоровы, какъ-будто намекая на то, что современники ожидали противнаго. Послы разсказали, какъ, не заставши великаго князя въ Москвѣ, поѣхали они во Владиміръ: тамъ былъ великій князь. Иванъ Васильевичъ не позвалъ ихъ къ себѣ; три дня пробыли они во Владимирѣ; наконецъ велѣно было имъ ѣхать въ Москву и тамъ дожидаться. Въ Москвѣ ждали они четыре недѣли; наконецъ великій князь пріѣхалъ, позвалъ ихъ къ себѣ, выслушалъ и, когда они представили челобитье ото Пскова, чтобъ великій князь держалъ свою отчину по старинѣ, великій князь сказалъ:—«Наша отчина, Псковъ, находила на дворъ нашего намѣстника, своего князя Ярослава Васильевича; этимъ она уже выступила изъ старины; она сама старину нарушила, а не я, князь великій.» Съ тѣмъ послы и поѣхали прочь. Ясно было, что великому князю не нравилось болѣе толковать о старинѣ; ему не хотѣлось вовсе оставлять во Псковѣ старину. Великій князь сдѣлалъ свое дѣло; князь-намѣстникъ, вопреки желанію Пскова, остался во Псковѣ по волѣ великаго князя. Но великій князь еще не хотѣлъ до конца раздражать и унижать Псковичей;—ему еще они были нужны; онъ тогда собирался кончить съ Новгородомъ; ему довольно было и того, что желаніе Псковичей не исполняется, когда великій князь того не хочетъ; но держать долѣе князя Ярослава во Псковѣ не было нужды. Иванъ Васильевичъ понималъ хорошо, что Ярославъ и его намѣстники зазнаются и поступаютъ несправедливо; онъ опредѣлилъ ихъ вывести, но не тогда, когда Псковичи ихъ вы-

гоняли, а тогда, когда Псковичи принуждены будутъ по волѣ великаго князя повиноваться имъ противъ своего желанія; чтобъ такимъ-образомъ избавленіе свое отъ ненавистныхъ намѣстниковъ Псковичи почитали милостію великаго князя, а не какимъ-нибудь долгомъ по старинѣ. Притомъ же въ видахъ Ивана Васильевича было, чтобъ и намѣстники его не слишкомъ зазнавались и помнили, что они зависятъ отъ произвола государя. Иванъ Васильевичъ продержалъ Ярослава послѣ свиданія со псковскими послами еще около двухъ мѣсяцевъ, и неожиданно, 12-го февраля 1477 года, прислалъ ему грамоту: въ ней приказывалось ему выѣхать изо Пскова съ княгинею и дѣтьми въ Москву и не оставлять во Псковѣ никого изъ своихъ. 23-го февраля князь Ярославъ явился на вѣче, сложилъ, по обычаю, крестное цѣлованіе и поѣхалъ. Псковъ, чествуя великокняжескаго намѣстника, несмотря на все несогласіе съ нимъ, далъ ему почетныхъ провожатыхъ, и на всѣ станы впередъ повезли ему и его дружинѣ кормъ и напитки. Но его дружина по дорогѣ нарочно дѣлала разныя безчинства и оскорбленія жителямъ и, наконецъ, разставаясь съ Землею, которою онъ правилъ четыре года и четыре дни, самъ князь ограбилъ приставовъ и, взявъ изъ числа провожатыхъ восемнадцать человѣкъ приказалъ ихъ заковать и повезъ съ собою въ Москву. Вслѣдъ за нимъ потомъ отправились въ Москву псковскіе послы просить новаго князя: они по прежнему указывали на двухъ: на Василія изъ Новгорода, и на князя Ивана Володимировича. Для умилостивленія великаго князя повезли ему поминка сто рублей. Великій князь принялъ поминокъ, обращался ласково съ послами, отпустилъ съ честію и сказалъ, что о псковскихъ дѣлахъ пришлетъ онъ своихъ бояръ. О князѣ не было и помина. Въ мартѣ были послы псковскіе въ Москвѣ, а обѣщанное посольство не являлось ни въ апрѣ-

лѣ, ни въ маѣ. Только іюня 7-го пріѣхали двое гонцовъ изъ Москвы. Псковичи, вѣроятно, надѣялись узнать, кого назначитъ имъ великій князь въ намѣстники; но посолъ этотъ не говорилъ о намѣстникѣ, а извѣстилъ, что великій князь поднимаетъ Псковъ на Великій-Новгородъ и требуетъ, чтобы Псковичи послали въ Новгородъ свои розметныя грамоты, и сами садились бы на коней. Даромъ что великій князь еще прежде приказалъ вѣрить словеснымъ своимъ приказаніямъ, сообщаемымъ чрезъ посыльныхъ; однако, все-еще какъ-то странно казалось Псковичамъ приступить къ такому важному дѣлу, какъ объявленіе войны, безъ приказаній болѣе положительныхъ. Псковъ отвѣчалъ:—«Мы сами хотимъ услышать это отъ своихъ государей. Пусть они скажутъ намъ то своими устами.» Іюля 21-го они отправили своихъ пословъ въ Москву. Нѣсколько ранѣе псковскій гонецъ, Богданъ, поѣхалъ въ Новгородъ.—«Насъ—говорилъ этотъ гонецъ Новгородцамъ—великій князь подымаетъ на Великій-Новгородъ; извѣщаемъ васъ объ этомъ по крестному цѣлованію; но если вамъ будетъ какое дѣло до великаго князя, мы рады за васъ отправить къ нему пословъ и бить челомъ.» Новгородцы отвѣчали этому гонцу, что пришлетъ Великій-Новгородъ своему молодшему брату Пскову пословъ.

Во Псковъ явился изъ Новгорода посолъ Иванъ Поклончеевъ и говорилъ:—«Псковичи! поцѣлуйте крестъ сейчасъ на нашемъ пригожствѣ, опроче коростынскаго докончанья. Мы тогда явимъ все вамъ по нашему послѣднему крестному цѣлованію; а когда вы намъ этого не сдѣлаете, такъ мы не хотимъ отъ васъ никакого пригожества до великихъ князей, — ни челобитья вашего, ни пословъ».

27-го августа прибыли обратно псковскіе послы, отправленные въ Москву, и привезли извѣстіе, что пріѣдутъ скоро послы великаго князя. Между-тѣмъ изъ Новгорода

выбирались тогда купцы съ товарами и разные жители съ своими имуществами во Псковъ: нѣкоторые остались тамъ; другіе уѣзжали въ Литву. Псковичи не имѣли теперь противъ Новгорода прежней злобы, удовлетворенной черезъчуръ несчастіями Новгорода. Поступки великаго князя со Псковомъ показывали уже слишкомъ явно, до чего хочетъ великій князь московскій довести оба города. Только страхъ и неизвѣстность удерживали Псковъ отъ союза съ Новгородомъ въ эту эпоху. Выигрышъ Новгорода казался тогда уже очень сомнительнымъ. Его ополченіе было сокрушено въ предъидущую войну; показалась очевидно слабость его военныхъ силъ; его волость была опустошена и не могла еще оправиться. Напротивъ, силы великаго князя были огромны. Соединить свою судьбу съ Новгородомъ въ то время должно было казаться ужаснымъ и безразсуднымъ всякому, кто сталъ бы размышлять объ этомъ безъ увлеченія.

Сентября 15-го пріхалъ во Псковъ посолъ, дьякъ Григорій Волнинъ, первый разъ въ іюнѣ уже посѣщавшій Псковъ. Снова началъ онъ поднимать Псковъ на Новгородъ и двѣ недѣли трубилъ Псковичамъ, чтобъ они посылали скорѣе взметную грамоту и выступали въ походъ.—«У насъ нѣтъ князя»—говорили Псковичи.—«Я вамъ приставленъ воеводою отъ великаго князя—сказалъ онъ:—сейчасъ садитесь на коней; а гдѣ великаго князя найдемъ, онъ дастъ вамъ тамъ намѣстника и князя».

Псковичи не ранѣе какъ 30-го сентября отправили въ Новгородъ свои взметныя (или розметныя) грамоты. Но тутъ опять пріѣхалъ изъ Новгорода гонецъ, подвойскій Панкратъ, убѣждать Псковичей дѣйствовать заодно съ Новгородомъ. Онъ просилъ, чтобы Псковъ отправилъ вмѣстѣ съ новгородскими послами своихъ къ великому князю. Дьякъ Волнинъ схватилъ-было этого новгород-

скаго гонца, но Псковичи упросили его не трогать посла и отпустили его въ Новгородъ. Дьякъ по прежнему неотвязно требовалъ, чтобы Псковичи выступили. Псковичи медлили «Мы пошлемъ еще разъ гонца своего къ великому князю,—говорили они:—пусть онъ намъ самъ повелитъ и дастъ намъ князя; а князь, какъ пріѣдетъ къ намъ и поцѣлуетъ крестъ, тогда онъ съ нами и сядетъ на коня, и мы съ нимъ сядемъ; а до тѣхъ поръ не хотимъ». Тутъ 10-го октября случился сильный пожаръ въ городѣ. Это несчастіе дало поводъ отдѣлываться отъ непріятной обязанности идти въ походъ. Псковичи послали къ великому князю посольство, извѣщали, что Псковъ разоренъ пожаромъ, и просили освободить ихъ отъ войны. Но великій князь задержалъ пословъ и увелъ съ собою въ походъ, а во Псковъ отправилъ князем Василія, изъ Шуйскихъ. 16-го ноября прибылъ онъ во Псковъ. Девять мѣсяцевъ великій князь оставлялъ Псковъ безъ князя, наконецъ прислалъ его, но не по старинѣ, не по избранію и желанію Псковичей, а по своей волѣ. Онъ показывалъ Псковичамъ и теперь, что уже права для нихъ нѣтъ: что все зависитъ отъ воли московскаго государя; захочетъ онъ — вовсе не пришлетъ имъ князя; захочетъ — пришлетъ не по ихъ желанію, а того, кого ему будетъ угодно. 19-го ноября этотъ князь былъ посаженъ на столъ, въ домѣ Живоначальной Троицы. Надъ нимъ совершенъ обрядъ, также какъ совершался надъ вольноизбранными князьями въ старину. Вмѣстѣ съ княземъ прибылъ во Псковъ великокняжескій воевода Василій Дятлевъ, и потребовалъ, чтобъ Псковичи шли немедленно. Отговорка пожаромъ не была принята въ уваженіе. Псковичи оповѣстили своимъ пригородамъ, чтобъ немедленно выходили [1]).

[1]) Пск Л. I, 256—259.

Ополченіе Псковской Земли дѣйствовало съ меньшей энергіей, чѣмъ въ прежнюю войну. Нельзя было не сознавать, что, добивая Новгородъ, Псковичи готовили ту же участь и своей Землѣ впослѣдствіи. Главное ихъ участіе въ послѣдней катастрофѣ Новгорода состояло въ томъ, что они подвозили запасы для осаднаго войска, стоявшаго около Новгорода—хлѣбъ, муку, рыбу, медъ, и псковскіе купцы продавали разные товары въ Ивановомъ войскѣ.

III.

ПАДЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ ПСКОВА.

Новгородъ палъ. Псковъ получилъ отъ великаго князя позолоченый кубокъ.—«Смотрите же, Псковичи,—говорилъ посолъ великаго князя, правя поклонъ Пскову вмѣстѣ съ кубкомъ:—я, князь великій, хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ; и вы, наша отчина, слово свое держите честно надъ собою и наше себѣ жалованье. Чтобъ вы это знали и помнили!» Вслѣдъ за тѣмъ безостановочно продолжалось дѣло постепеннаго уничтоженія свободы Пскова.

Думая, что за услуги, оказанныя Псковомъ великому князю подъ Новгородомъ, можно теперь высказать великому князю тѣ непріятности, какія Псковъ терпѣлъ отъ великокняжескаго произвола, замѣнявшаго старину, Псковичи отправили пословъ въ Москву, и жаловались, что послы московскіе, ѣдучи по дорогѣ, обижаютъ людей, у проѣзжихъ отнимаютъ лошадей и имущества, грабятъ по станамъ и на подворьѣ въ городѣ, требуютъ грубо отъ Пскова поминковъ не по силѣ; и что имъ Псковъ даетъ,—они того не принимаютъ, и дѣлаютъ разныя оскорбленія людямъ. Но великій князь взглянулъ грозно на эту просьбу, подивился и гораздо больше повѣрилъ своимъ боярамъ.

Новыя нападенія Нѣмцевъ, опустошенія Псковской Зем-

ли, требовали помощи великаго князя; войска его явились оборонять Псковскую Землю, но сами дозволяли себѣ всякія безчинства. Въ 1480 г. Нѣмцы напали на Псковскую Землю. Князь псковскій Василій былъ пьяница и гуляка, и не годился ни къ управленію, ни къ войску.

Услышавъ, что въ Великихъ-Лукахъ находятся братья великаго князя, Андрей и Борисъ, нѣкоторые, въ отчаяніи отъ Нѣмцевъ, пригласили ихъ. Они набрали уже 10,000 дружины. Но когда князья пріѣхали, Псковъ ужасно переполошился: эти князья были въ ссорѣ съ великимъ княземъ. «Мы пойдемъ — сказали князья — боронить васъ; а женъ и дѣтей оставимъ у васъ». Псковичи начали толковать между собою и рѣшили, что нельзя принимать ихъ. — «Господари великіе князья, — сказали они имъ: — мы хотимъ вѣрны быть старѣйшему брату вашему, Ивану Васильевичу; а вы себѣ думайте о своемъ и о нашемъ добрѣ, чтобъ нашему граду въ конецъ не погибнуть. — «Вѣдь кто врага царскаго сохранитъ, тотъ врагъ царю, — говорили грамотѣи, — такъ и эти князья, хотя великому князю и братья, но супостаты.» Тогда князья разсердились, считая конечно поруганіемъ себѣ, что ихъ же пригласили, а потомъ прогоняютъ. Выѣхавши изо Пскова, распустили они свою рать; и начала эта сбродная толпа безчинствовать. Только — говоритъ лѣтописецъ — не жгли и не убивали, потому-что никто имъ не противился; за то перебили много скота, оскверняли женщинъ и дѣвицъ, грабили не только людскія имущества, но и Божіе домы. Хуже Нѣмцевъ показались они Пскову.

Въ 1483 году князя Василія уже не было; на мѣсто его явился новый — Ярославъ Владимировичъ.

Въ 1484-1485 г. Иванъ Васильевичъ имѣлъ случай наложить руку и на внутренній порядокъ Пскова. Князь Ярославъ съ посадниками составили грамоту, какъ кажется опредѣлявшую работы смердовъ. Грамота эта не представ-

лена была вѣчу. Когда объ этомъ узнали, то партія черныхъ людей взволновалась; у нѣкоторыхъ посадниковъ порубили дворы; одного посадника, Гаврила, убили на вѣчѣ; убили также одного смерда, а трехъ смердовъ посадили въ погребъ. Другіе посадники убѣжали въ Москву. Тогда вѣче написало на убѣжавшихъ «мертвую» грамоту, т. е. осуждавшую ихъ на смерть. Ихъ «закликали», т. е. вѣче объявило ихъ на судѣ народномъ преступниками. Посадники отправились къ великому князю съ посольствомъ,—просить, чтобъ великій князь содержалъ Псковъ въ старинѣ, и привезли изъ Москвы приказаніе,—откликать посадниковъ, отпечатать грамоты, и просить прощенія у князя Ярослава. Черные люди взволновались, кричали:—«Этого великій князь не говорилъ!.. Это выдумали тѣ посадники, которые, убѣгая народнаго суда, ушли въ Москву!» За недѣлю до праздника Рождества Христова отправили еще посольство, поѣхали въ Москву четыре посадника и десять бояръ изъ концовъ. Когда великій князь узналъ, что ничего не сдѣлано изъ того, что̀ прежде приказано:—смерды не выпущены, посадники не откликаны, князю Ярославу челомъ не добили,—то разсердился и приказалъ черезъ бояръ своихъ псковскимъ посламъ дать такой же отвѣтъ, какой данъ былъ прежнему посольству. Послы возвратились во Псковъ, стали править свое посольство на вѣчѣ. Черные люди взволновались. «Они — кричали они противъ пословъ — согласились съ тѣми посадниками, что убѣжали на Москву и норовятъ имъ!» Началась сумятица: посадники, бояре и житые люди хотѣли исполнить приказаніе великаго князя и стращали себя и другихъ великокняжескою казнію. Черные люди кричали:—«Мы во всемъ правы; не погубитъ насъ князь великій, а вамъ не вѣримъ: князю Ярославу намъ не за что̀ бить челомъ!» Послѣ продолжительныхъ споровъ и ссоръ, черные люди отправили посольство въ Москву уже соб-

ственно только отъ себя, отъ своего сословія. Поѣхало двое пословъ: одинъ изъ Полонища, другой изъ Запсковья (вѣроятно эти части города наиболѣе были населены «черными», иначе «молодыми» людьми). Черные люди изъявляли готовность творить волю великаго князя, если узнаютъ ее, и извѣщали, что вслѣдъ за посланными будутъ и большіе послы. Этихъ пословъ недопустили до Москвы тверскіе разбойники: убили ихъ на дорогѣ. Другое посольство, состоявшее изъ четырехъ посадниковъ и по боярину отъ каждаго конца, отправилось послѣ. Въ Москвѣ они получили такой отвѣтъ отъ лица великаго князя:—«Если моя отчина, Псковъ, исправитъ мое слово и начнетъ потомъ мнѣ бить челомъ о своей нечести, то я буду васъ миловать по пригожаю». Послѣ этого Псковичамъ оставалось уступить. Они отпечатали мертвыя грамоты на посадниковъ и выпустили изъ тюрьмы смердовъ (Стехна, Сырня и Лежня), отпечатали дворы и имущества обвиненныхъ и, сдѣлавши все по желанію великаго князя, отправили пословъ бить челомъ и просить прощенія. Великій князь отдалъ Пскову свое нелюбіе и сказалъ, что хочетъ, чтобы Псковъ жилъ по старинѣ. Бѣглые посадники воротилисъ въ отечество. Это дѣло о смердахъ и о мертвыхъ грамотахъ тянулось два года и стоило Пскову до 1000 рублей [1]).

Но въ тотъ же годъ опять принесена была жалоба на князя Ярослава и на его намѣстниковъ; изо всѣхъ пригородовъ и волостей стекались во Псковъ обиженные и доставляли псковскому вѣчу и посадникамъ жалобы на тѣхъ намѣстниковъ, которыхъ Ярославъ разсадилъ по Псковской Землѣ. Жалобъ оказалось такое множество, что—по словамъ псковскаго лѣтописца—счесть ихъ было невозможно. По этимъ жалобамъ составлены были *обидныя* грамо-

———

[1]) Пск. Л. II, 43-44.

ты, и отправлено посольство: въ немъ было двое посадниковъ, нѣсколько бояръ и по два человѣка изъ каждаго пригорода, взятыхъ изъ числа тѣхъ, которые жаловались на несправедливости Ярославовыхъ намѣстниковъ [1]). Сюда присоединилось еще такое дѣло. Какой-то попъ въ Наровской губѣ отъискалъ старую грамоту, гдѣ было сказано, какія повинности должны отправлять наровскіе смерды, что̀ платить князю и Пскову, и какія урочныя работы слѣдовало имъ отправлять. Эти правила пришли уже въ забвеніе. Священникъ выводилъ ихъ опять на свѣтъ. Естественно, смердамъ не могли они полюбиться. Когда священникъ сталъ читать эту грамоту — одинъ смердъ вырвалъ ее у него изъ рукъ и утаилъ. Вѣсть объ этомъ произвела повсюду ропотъ. Псковичи обвиняли смердовъ за то, что они умышленно припрятывали правила, обязывавшія ихъ къ работамъ и уклонялись отъ своихъ повинностей. Смерда, который у священника вырвалъ грамоту, посадили подъ стражу. Послы предъ великимъ княземъ и объ этомъ дѣлѣ упомянули, сказали, что смердъ находится на *крѣпости*. Спрашивали, что̀ съ нимъ дѣлать.—«Вы мнѣ опять о смердахъ— сказалъ князь: — давно ли я вамъ за это вины отдалъ, а вы снова за то же? Я нѐ принимаю отъ васъ жалобъ на князя вашего, а пошлю бояръ и прикажу имъ сдѣлать управу».

Смерть развязала дѣло о князѣ. Сдѣлался моръ, и этотъ князь умеръ вмѣстѣ съ женою и сыномъ [2]).

Преемникъ его, Симеонъ Романовичъ, въ 1489 г. назначенъ княземъ безъ воли Пскова, и Псковъ долженъ былъ принять его съ честію и посадить на княженіе у св. Троцы. Въ 1491 г. его смѣнилъ князь Василій Ѳедоровичъ, также назначенный великимъ княземъ. По смерти его въ

[1]) Пск. Л. II, 45. [2]) Псковс. Л. I, 267.

1496 г. новый князь, Александръ Владимировичъ ростовскій, также назначенъ былъ безъ участія вѣча и посаженъ съ обрядами древности. Въ 1499 г. является въ Псковъ посолъ отъ великаго князя и извѣщаетъ, что в. князь отдалъ Новгородъ и Псковъ сыну своему Василію. Эта новость поразила Псковичей; они послали бить челомъ, чтобъ государь держалъ свою отчину по старинѣ и чтобъ Псковъ зналъ одного московскаго великаго князя.—«Развѣ я не воленъ кому хочу отдать свою отчину?» — сказалъ великій князь и засадилъ пословъ. Для Пскова это было только испытаніе. Когда Псковичи смирились, великій князь оставилъ Псковъ въ прежнемъ положеніи. И опять назначались туда князья-намѣстники по волѣ великаго князя. Такъ было и до смерти великаго князя. Послѣ Александра Владимировича былъ тамъ княземъ Иванъ Ивановичъ суздальскій (1501 г.); въ 1503 г. смѣнилъ его князь Дмитрій Владимировичъ ростовскій; а преемникъ Ивана великій князь Василій въ 1507 году назначилъ вмѣсто него князя Петра Васильевича. Въ 1508 году назначилъ Василій Ивановичъ намѣстникомъ во Псковѣ князя Ивана Михаиловича Оболенскаго. Присланные противъ воли народа, эти намѣстники и ихъ довѣренные по пригородамъ дѣлали разныя насилія, грабили жителей, подстрекали ябедниковъ подавать на зажиточныхъ людей доносы, присвоивали себѣ самовольно право суда, вопреки вѣковѣчнымъ мѣстнымъ обычаямъ, обвиняли невинныхъ, чтобы съ нихъ за то сорвать что̀ можно; при требованіяхъ разныхъ повинностей обращались съ жителями грубо и несправедливо. Даже и тѣ, которые были не столько дерзки и нахальны, не могли вообще ладить со Псковичами; не могли Псковичи освоиться съ привычками пришлецовъ, и съ грустію вспоминали то время, когда за малое нарушеніе свободы Пскова и Земли его выборный князь

со всею дружиною своею подвергался изгнанію. Почти на каждаго изъ намѣстниковъ подавались просьбы, чтобъ государь вывелъ его изъ Пскова. Послѣдній князь былъ особенно ненавистенъ. Можно подозрѣвать, что онъ чѣмъ-нибудь прежде заявилъ себя, и Василій Ивановичъ, зная его качества, послалъ его нарочно во Псковъ именно для того, чтобъ онъ не ужился со Псковичами, чтобы Псковичи вышли изъ терпѣнія, выразили бы свою досаду какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ и тѣмъ дали бы великому князю предлогъ доконать сразу гражданскую свободу Пскова. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, не встрѣтили его священники съ крестами; онъ самъ не далъ о себѣ знать заранѣе, какъ обыкновенно случалось, и остановился на загородномъ дворѣ. Псковичи нашли его тамъ и пригласили на торгъ, а оттуда уже ввели къ св. Троицѣ; тамъ, скрѣпя сердце, посадили они его по древнему обычаю на княженіе—отъ этого его прозвали «найдёномъ». Съ первыхъ дней не взлюбили его:—«онъ былъ лютъ до людей»—говоритъ современникъ. Онъ дѣлалъ притязанія самъ судить и управлять безъ воли вѣча; разсылалъ по пригородамъ своихъ намѣстниковъ, которые для своей наживы дѣлали притѣсненія жителямъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ во Псковъ, онъ отправилъ на Псковичей доносъ:—«Бью челомъ великому государю»—писалъ онъ:—«Псковичи держатъ меня нечестно,—не такъ какъ прежде держали и чтили намѣстниковъ великаго князя; не по прежнему исполняютъ государевы дѣла, вступаются въ суды, оброки, пошлины и всякіе доходы, и мои люди терпятъ отъ нихъ безчестіе и насиліе». Великій князь отправилъ бояръ своихъ во Псковъ съ нравоученіемъ. «Велитъ государь сказать вамъ, посадники и бояре, и вся отчина, чтобъ вы держали имя государское честно и дѣла дѣлали такъ же, какъ было при прежнихъ намѣстникахъ, не вступались бы въ пошлины и доходы княжескіе».

23-го сентября 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ. Съ нимъ поѣхали: братъ его Андрей, зять царевичъ Петръ Ѳедоровичъ, отпущенный изъ неволи крымскій царевичъ Абдулъ-Летифъ, коломенскій епископъ Мартирій, который долженъ былъ исполнять временно въ Новгородѣ служеніе владыки, котораго тамъ въ то время не было; взятъ былъ изъ Москвы симоновскій архимандритъ; поѣхали съ великимъ княземъ бояре и значительный отрядъ войска, дѣтей боярскихъ. Василій ѣхалъ медленно. То было вмѣстѣ и походъ и торжественный поѣздъ. Великій князь прибылъ въ октябрѣ, и переселенцы, освоившіеся за тридцать лѣтъ, въ дворахъ изгнанниковъ Новгородцевъ, съ холопьею радостію встрѣчали своего государя; и все должно было казаться исполненнымъ радости въ печальномъ Новгородѣ, не за долго предъ тѣмъ пострадавшемъ отъ сильнаго пожара. Псковичи, услышавъ, что великій князь идетъ въ Новгородъ съ многочисленною свитою, стали побаиваться. Они послали къ нему пословъ.

Чтобы подладиться къ строгому властелину и угодить ему, въ своей челобитной, Псковичи сначала излили чувства благодарности и собственной вѣрности въ такихъ выраженіяхъ:

«Посадники, степенные и старые, дѣти посадничьи, бояре, купцы, житые люди и весь Псковъ, отчина твоя, государь, бьетъ тебѣ челомъ за то, что ты, государь, жалуешь насъ, свою отчину, Псковъ,—держишь въ старинѣ, и обороняешь ото всѣхъ земель, какъ и прежніе государи, твои прародители, насъ жаловали, и отецъ твой, Иванъ Васильевичъ держалъ насъ въ старинѣ. И мы, государь, сколько Богъ намъ дастъ силы—ради служить тебѣ, также какъ служили вѣрно отцу твоему и прародителямъ твоимъ». Вмѣстѣ съ благодарностію, эта челобитная давала великому князю чувствовать, что Псковичи дорожатъ своею стариною.

Послѣ этихъ увѣреній слѣдовала просьба: — «Бьетъ челомъ тебѣ, государь, твоя отчина, и жалуется на твоего намѣстника, князя Ивана Михайловича: и онъ и его люди творятъ надъ нами насилія и обиды. Смилуйся, государь: оборони насъ отъ него и отъ людей его».

На эту челобитную велѣно было боярамъ дать такой отвѣтъ:

«Мы — говорили бояре отъ лица государя — и нынѣ, какъ и прежде, хотимъ жаловать нашу отчину, Псковъ — держать въ старинѣ и оборонять отвсюду, какъ намъ Богъ поможетъ; а что вы били челомъ намъ на вашего намѣстника, князя Ивана Михайловича и его людей, будто онъ сидитъ не по старинѣ и дѣлаетъ вамъ насильства, такъ и намѣстникъ нашъ, князь Иванъ Михайловичъ, прислалъ къ намъ бить челомъ, что ему отъ васъ творится безчестіе, что вы вступаетесь въ суды и пошлины его и людей его, и поступаете не такъ, какъ при прежнихъ нашихъ намѣстникахъ бывало. И такъ вы, наша отчина, держите имя наше честно и грозно, по старинѣ, чтите намѣстника нашего и не вступайтесь въ его судъ и пошлины. А я вамъ посылаю во Псковъ своего окольничаго — Петра Васильевича Великого да дьяка Третьяка Далматова, и велю имъ выслушать и намѣстника, и васъ: чтобъ вы передъ ними управились съ нашимъ намѣстникомъ».

Посланные во Псковъ примирители никакъ не могли помирить враждебныя стороны, и, возвратившись въ Новгородъ, доносили, что не учинили управы между намѣстника и Псковичей. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали въ Новгородъ снова псковскіе посадники и били челомъ, чтобъ государь свелъ отъ нихъ князя Ивана Михайловича: — «Намъ нельзя съ нимъ прожить» — говорили они.

Бояре, отъ лица великаго князя, изложивъ передъ Псковичами все дѣло, дали имъ отвѣтъ такого содержанія:

—«Такъ-какъ нашъ окольничій Петръ Васильевичъ Великой и дьякъ Третьякъ Далматовъ не учинили управы между вами и намѣстникомъ нашимъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ,—и мы, жалуя свою отчину, Псковъ, велимъ намѣстнику своему князю Ивану быть у себя въ Новгородѣ; а наша отчина Псковъ пусть пришлетъ къ намъ обидныхъ людей; и мы, выслушавъ разомъ и намѣстника, и обидныхъ людей, учинимъ вамъ напередъ управу, какъ будетъ пригоже; а не выслушавши при себѣ и Псковичей и намѣстника, намъ нельзя свести намѣстника съ нашей отчины. Но когда мы сами увидимъ, что на него будетъ много челобитчиковъ, тогда и обвинимъ его передъ вами».

Казалось, дѣло велось такъ, какъ только требовала справедливость. Приказано было явиться къ великому князю на судъ, съ одной стороны намѣстнику, съ другой всѣмъ тѣмъ, которые имъ недовольны и могутъ противъ него что-нибудь сказать.

Во Псковѣ посадники и бояре, ненавидѣвшіе намѣстника, ухватились за это и разсчитали, что чѣмъ больше будетъ жалобъ на него, тѣмъ больше надежды, что великій князь избавитъ отъ него Псковичей; самъ великій князь обѣщалъ его обвинить, когда увидитъ, что имъ точно недовольны многіе. Они оповѣстили по пригородамъ, чтобы собирались всѣ, кто только можетъ пожаловаться въ чемъ-нибудь на намѣстника и на его людей. «Кто только отъ кого-нибудь изъ нихъ былъ обиженъ, всякъ, не разсуждая каковъ человѣкъ, поѣзжай къ великому князю и бей челомъ на князя-намѣстника»—писали они. Этимъ воспользовались не одни тѣ, которые хотѣли смѣны намѣстника; нашлись и такіе, что увидали случай представить свои частныя тяжбы на разсмотрѣніе великаго князя. Такъ одинъ изъ старыхъ посадниковъ, Леонтій, пріѣхалъ въ Новгородъ жаловаться на другаго посадника Юрья Копыла; другіе, жившіе на рубе-

жѣ, пріѣхали съ жалобою на новгородскихъ помѣщиковъ, переведенныхъ въ опустѣлую, послѣ паденія Новгорода, Землю Новгородскую; иные—люди черные, наѣхали жаловаться на знатныхъ и богатыхъ. Этихъ послѣднихъ особенно и нужно было великому князю. Великій князь говорилъ, что все-еще на князя жалобъ недостаточно, а пусть съѣзжаются людей поболѣе. Челобитныя подавались и принимались. Суда и рѣшенія никому не давали. Посадникъ Юрій Копыла, какъ видно, по приказанію великаго князя, писалъ во Псковъ: «Пусть ѣдутъ жалобники говорить противъ князя Ивана; а то вся Земля останется виновата».

Тогда еще болѣе народу отправилось въ Новгородъ; въ томъ числѣ девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. День-ото-дня челобитныхъ набиралось болѣе-и-болѣе; но князь все-еще не выслушивалъ никого и говорилъ: «Копитесь, копитесь, жалобники: придетъ Крещенье Господне; тогда я вамъ всѣмъ дамъ управу». Псковичи дожидали Крещенія, надѣясь получить управу.

Прибылъ между-тѣмъ и намѣстникъ къ отвѣту; и великій князь не заставилъ его ожидать Крещенія, а выслушалъ его оправданія прежде разбирательства жалобъ, принесенныхъ на него.—«Мнѣ,—говорилъ намѣстникъ,—было великое безчестіе отъ Псковичей: они вступались въ мои суды и пошлины, держали меня не такъ какъ прежнихъ намѣстниковъ; сверхъ-того отъ посадниковъ и бояръ дѣлаются большія обиды и оскорбленія ихъ же братьи, Псковичамъ черному и бѣдному народу: богачи бѣдняковъ утѣсняютъ; а что хуже всего, Псковичи презираютъ государево имя и причиняютъ государю безчестіе своимъ непослушаніемъ». Такимъ-образомъ великій князь отъ намѣстника все выслушалъ и всему повѣрилъ, а Псковичи въ простотѣ сердца ожидали Крещенія.

Пришло Крещеніе. Всѣмъ Псковичамъ велѣно было идти

на водоосвященіе; самъ великій князь пошелъ на Волховъ съ боярами. Послѣ обряда процессія отправилась къ св. Софіи. Тогда великокняжескіе бояре крикнули Псковичамъ:

«Посадники псковскіе, и бояре и всѣ Псковичи жалобные люди! Государь велѣлъ вамъ собраться на владычный дворъ; всѣ приходите; бойтесь государевой казни,—если не придете; сегодня государь хочетъ вамъ всѣмъ дать управу».

Всѣ пошли по приказанію. Посадники, бояре, купцы, вошли во владычную палату; люди молодшіе (простые) стали толпою на дворѣ. Въ палатѣ были московскіе бояре и со вниманіемъ поглядывали на входящихъ; когда уже Псковичи перестали входить, они спросили: «Сполна ли всѣ собрались?»

Всѣ отвѣчали, что уже всѣ собрались. Тогда провозгласили:—«Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всеа Руссіи». Это значило, по тогдашнему образу юридическаго выраженія, что ихъ арестовали. Въ то же время дворъ былъ затворенъ; и стали переписывать поименно всѣхъ стоявшихъ на дворѣ молодшихъ людей.

Когда перепись окончили, то, по приказанію великаго князя, всѣхъ ихъ развели по улицамъ и отдали домохозяевамъ содержать и беречь. Неизвѣстно, въ тотъ ли самый день или на другой арестованные Псковичи начали бить челомъ боярамъ такъ:

«Познаемъ вину свою и бьемъ челомъ государю, чтобъ онъ пожаловалъ насъ, своихъ холопей, и весь Псковъ, какъ ему Богъ извѣститъ!»

Слово «холопъ» въ первый разъ дано себѣ Псковичами. Это естественно понравилось государю; ему было видно, что они понимали, что сопротивляться нельзя; а слѣдовательно можно было все съ ними сдѣлать безъ труда. Пять бояръ и два

дьяка, получивъ отъ великаго князя приказаніе, вошли къ задержаннымъ и сказали:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ, своимъ слугамъ, сказать: прародители наши, великіе князья, и отецъ нашъ, и мы, держали отчину свою, Псковъ, въ своемъ жалованьи въ старинѣ до сихъ поръ, и берегли отвсюду; а вы, наша отчина, Псковъ, имя наше держали честно и грозно, по старинѣ, и оказывали честь своимъ князьямъ, нашимъ намѣстникамъ. А нынѣ вы, отчина наша, Псковъ, наше имя и нашихъ намѣстниковъ держите не такъ какъ прежде; и къ намъ пришли жалобники: на посадниковъ, и на земскихъ судей бьютъ челомъ, что отъ нихъ нѣтъ управы и дѣлаютъ они большое раззореніе. За это слѣдуетъ на васъ, свою отчину, положить великую опалу; но великій государь кажетъ вамъ милость и жалованье, если только вы сотворите волю государеву: свѣсить прочь вѣчевой колоколъ и больше вѣчамъ не быть, а быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ; и по пригородамъ псковскимъ также будутъ намѣстники. А какъ во Псковѣ и по пригородамъ будутъ судить намѣстники, государь самъ прибудетъ во Псковъ поклониться живоначальной Троицѣ, и всему тому учинитъ указъ. Если вы познаете государево жалованье и по его волѣ будете этимъ довольны, то государь васъ жалуетъ вашимъ достояніемъ и не будетъ вступаться въ земли ваши. А если вы не познаете государева жалованья и не учините его воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ; и кровь христіанская взыщется на тѣхъ, которые государево жалованье презираютъ и воли его не творятъ!»

Со слезами выслушали Псковичи свой приговоръ, и, поклонившись, отвѣчали:

«Мы всѣ здѣсь головами на томъ государевомъ жалованьѣ. Бьемъ челомъ государю за то, что отлагаетъ казнь

свою надъ нами, своими холопами, и отдаетъ опалу свою отчинѣ своей, Пскову, чтобъ кровь христіанская не проливалась! Отчина государева отъ прародителей его, государей русскихъ, и при отцѣ его, и при немъ, государѣ нашемъ, была неотступна и неизмѣнна ни въ чемъ до сихъ поръ, и нынѣ и напередъ такъ останется. Вѣдаетъ Богъ, да государь: въ какомъ жалованьи похочетъ онъ учинить свою отчину».

Бояре пересказали эту рѣчь великому князю и по приказанію его принесли такое рѣшеніе Псковичамъ:

«Государь великій князь приговорилъ-было своимъ боярамъ послать на Псковскую Землю рать; но теперь вы бьете челомъ за себя и за нашу отчину, Псковъ,—отдаете государево жалованье въ его волю; поэтому государь говоритъ вамъ: дайте намъ крѣпкое слово за себя и за нашу отчину и за всю Псковскую Землю, что Псковъ, отчина наша, пожелаетъ нашего жалованья и учинитъ волю нашу во всемъ томъ, о чемъ бояре наши вамъ говорили; а государь пошлетъ съ этимъ своимъ жалованьемъ во Псковъ дьяка Третьяка Далматова; да и вы сами не хотите ли отъ себя послать отсюда о томъ же къ нашей отчинѣ, Пскову, къ своимъ пріятелямъ, которые у васъ тамъ есть, чтобъ они хотѣли нашего жалованья и учинили во всемъ нашу волю?»

Невольники на все согласились и порѣшили послать во Псковъ съ своею грамотою одного изъ между себя купца Онисима Манушина. Тогда бояре приказали имъ цѣловать крестъ на вѣрность государю. Принесена была крестоцѣловальная запись, и Псковичи по ней передъ боярами и дьяками великаго князя произнесли клятвенное обѣщаніе слушать своего государя, хотѣть ему добра во всемъ, безъ единой хитрости, не мыслить и не думать лиха ни великому князю, ни его княгинѣ, ни его дѣтямъ, ни его землямъ и пребывать неотступно отъ своего государя до кон-

ца живота своего. По окончаніи присяги, бояре сказали имъ, что великій князь велитъ имъ быть у него и бить челомъ. Великій князь принялъ ихъ ласково и пригласилъ на обѣдъ. Потомъ ихъ отпустили на свои квартиры, къ своимъ семействамъ, съ которыми они пріѣхали, и велѣно имъ оставаться въ городѣ до рѣшенія дѣла.

Во Псковѣ Псковичи тотчасъ же узнали, что сдѣлалось съ ихъ братіею въ Новгородѣ. Псковской купецъ Филиппъ Поповичъ на Крещеніе ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ и, доѣзжая до Веряжи, услышалъ о задержаніи Псковичей, оставилъ свой товаръ на мѣстѣ и погналъ назадъ порожнемъ. Достигши Пскова, онъ кричалъ по улицамъ: — «Князь великій переловилъ нашихъ въ Новгородѣ!» Тогда, — говоритъ лѣтописецъ, — напалъ на весь Псковъ страхъ и трепетъ, и печаль: и горла у Псковичей пересохли, и уста слѣпились; много разъ Нѣмцы подходили къ городу, а такой скорби не было, какъ въ то время. Зазвонили на вѣче; сбѣжались толпы. Нѣкоторые смѣльчаки кричали: «Ставьте щитъ противъ государя! Запремся въ городѣ!» Но другіе возражали: «Вѣдь наши братья, посадники и бояре, и всѣ лучшіе люди у него!» Иные припоминали крестное цѣлованіе, убѣждали, что нельзя поднимать рукъ на своего государя. Среди всеобщаго недоумѣнія и волненія пріѣзжаетъ Онисимъ Манухинъ съ грамотою отъ задержанныхъ въ Новгородѣ Псковичей. Въ грамотѣ своей они извѣщали весь Псковъ, чего государь отъ нихъ потребовалъ. «И мы, — говорили они, — подумавши между собою сколько насъ ни есть здѣсь, посадниковъ и бояръ, и всѣхъ Псковичей, дали государю крѣпкое слово за себя и за всю Псковскую Землю; потому-что мы, государева отчина, всѣ какъ одинъ человѣкъ до сихъ поръ». Предупреждая, что вслѣдъ затѣмъ пріѣдетъ съ государевымъ требованіемъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, они просили согласія всего Пскова въ такихъ словахъ: — «Госпо-

да и братія наши! Посадники, и всѣ Псковичи, и вся Земля Псковская! Похотите, вмѣстѣ съ нами, государева жалованья и учините его волю;—мы за себя и за васъ дали своими душами крѣпкое слово своему государю, и вы не учините съ нами розни; а если не сотворите государевой воли во всемъ по его хотѣнію, то будетъ вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ яростію и съ гнѣвомъ пойдетъ на свою отчину, Псковъ, дѣлать свое дѣло съ великимъ и многонароднымъ воинствомъ, и пошлетъ воеводъ своихъ со многими людьми; и прольется христіанская кровь; и наши головы погибнутъ; и то будетъ на васъ за то, что не захотѣли государева жалованья и не учинили его воли. Государь учинилъ и срокъ дьяку Третьяку Далматову въ 10-й день генваря. Господа и братья! сдѣлайте же это великое дѣло и не задержите государева посланника. Потщитеся, пока царевъ гнѣвъ еще не пришелъ съ яростію на землю. Здравствуйте!»

Псковское вѣче, выслушавъ это посланіе, отправило въ Новгородъ гонца, сотскаго Евстафія, съ такимъ челобитьемъ!

«Весь Псковъ отъ мала до велика бьетъ челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, пожаловалъ свою старинную отчину; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ отъ тебя не отступали и не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты съ своею отчиною и съ нами, твоими людишками».

Псковичи думали этою покорностію смягчить великаго князя; приходила имъ слабая надежда, авось онъ смилуется, сжалится, увидитъ, что Псковъ не думаетъ противиться; всему покоренъ, что̀ государь прикажетъ. И государь можетъ-быть сдѣлаетъ угодное своей отчинѣ: оставитъ во Псковѣ старинный порядокъ.

Наконецъ пріѣхалъ дьякъ Третьякъ Далматовъ. 12-го января въ субботу зазвонили на вѣче. Передъ тѣмъ дьякъ

сказалъ, что государь хочетъ оставить ихъ въ старинѣ, и у Псковичей отлегло на сердцѣ; они приходили съ радостію на вѣче, думая, что наконецъ покорность смягчила великаго князя, что государю хотѣлось только испытать своихъ Псковичей. Дьякъ взошелъ на ступени возвышеннаго мѣста, стоявшаго на вѣчѣ, и сказалъ ласково:

«Поклонъ всему Пскову отъ великаго князя. Велитъ вамъ великій князь сказать: если вы, отчина моя, посадники и всѣ Псковичи, хотите прожить въ старинѣ, то учините мои двѣ воли: чтобъ у васъ вѣчья не было и вы бы колоколъ вѣчевой сняли; да чтобъ въ городѣ были два намѣстника и на пригородахъ намѣстники. Тогда вы въ старинѣ проживете. А только тѣхъ двухъ воль вы не сотворите, то будетъ съ вами, какъ государю Богъ на сердце положитъ; есть у него много силы готовой; и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Государь нашъ князь великій хочетъ побывать на поклонъ къ святой Троицѣ во Псковъ».

Сказавши эту рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени возвышеннаго мѣста, съ котораго говорилъ ее.

Псковичи потупили головы и долго не могли дать отвѣта: они услышали то, чего не ждали; потому-что Третьякъ пріѣхавши, увѣрялъ, что великій князь передумалъ и хочетъ оставить Псковъ по старинѣ. Вся толпа стояла въ изумленіи; потомъ начались вопли. «Не плакалъ тогда,— говоритъ лѣтописецъ,—развѣ грудной младенецъ при сосцахъ матернихъ!» Третьякъ съ приказнымъ хладнокровіемъ ожидалъ отвѣта. Наконецъ, нѣкоторые смышленые отозвались:—«Посолъ государевъ! подожди до утра; мы себѣ подумаемъ и потомъ тебѣ все скажемъ.»

Дьякъ отвѣчалъ, что онъ ждетъ утромъ отвѣта.

На утро 13-го января, въ воскресенье, на разсвѣтѣ, зазвонили въ вѣчевой колоколъ и уже въ послѣдній разъ! Третьякъ взошелъ на вѣче.

Тогда посадникъ отъ имени всѣхъ Псковичей, стоявшихъ съ потупленными головами, сказалъ:

«Посолъ государевъ! у насъ въ лѣтописцахъ записано такъ: съ прадѣдомъ и дѣдомъ и отцомъ великаго князя и со всѣми великими князьями было у насъ положено крестное цѣлованіе: намъ, Псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто будетъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а намъ жить по старинѣ въ доброй воли. А если мы, Псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ Нѣмцамъ, или сами собою станемъ жить, безъ государя, то падетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, огонь, потопъ и нашествіе невѣрныхъ; а если государь нашъ великій князь этого же крестнаго цѣлованія не станетъ хранить и насъ не будетъ держать въ старинѣ, то и на него тотъ же обѣтъ, который на насъ. Теперь Богъ и государь воленъ въ своей отчинѣ, надъ городомъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ: мы прежняго крестнаго цѣлованія не хотимъ измѣнять и навлекать на себя кровопролитія; мы не поднимемъ рукъ на своего государя и не станемъ запираться въ городѣ; если государь нашъ хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей вотчинѣ,—мы рады всѣмъ сердцемъ и тому, что не погубилъ насъ до конца!»

На эту рѣчь не могъ отвѣчать Третьякъ Далматовъ и приказалъ спустить вѣчевой колоколъ, висѣвшій на башнѣ стѣны, близъ Живоначальной Троицы. Колоколъ сняли. Всѣ Псковичи горько плакали по своей волѣ. «Какъ зѣницы не упали со слезами! Какъ сердце не урвалось отъ горе-

сти!—восклицаетъ лѣтописецъ. Колоколъ повезли на Сѣтогорское подворье и оттуда отправили въ Новгородъ къ государю. За нимъ поѣхалъ дьякъ, и 15-го января докладывалъ государю объ успѣхѣ своего дѣла.

Великій князь отправилъ впередъ партію бояръ для приведенія всѣхъ Псковичей ко крестному цѣлованію, а за нею самъ двинулся во Псковъ, по обѣщанію, данному Псковичамъ, поклониться Живоначальной Троицѣ и учинить управу. Псковичи были безропотны и не показали ни малѣйшей охоты сопротивляться; но великій князь шелъ посѣтить городъ съ вооруженною силою, какъ на войну. Самъ онъ шелъ по одной прямой отъ Новгорода дорогѣ; по другимъ двумъ дорогамъ, вправо и влѣво, слѣдовали тѣ ратныя силы, которыми предводительствовалъ великій князь; другіе полки шли съ воеводами. Можетъ-быть великій князь недовѣрялъ такому кроткому послушанію и подозрѣвалъ, что Псковичи могутъ одуматься и начнутъ защищаться. Между-тѣмъ посланы были передовые во Псковъ, съ приказаніемъ, чтобы приготовили для великаго князя дворъ; чтобы всѣ хозяева отдали свои дома въ Середнемъ городѣ государевымъ боярамъ и людямъ, а сами бы перебрались въ большой городъ. Псковичи оставались себѣ вѣрны. Какъ только великій князь переступилъ рубежъ Новгородской Земли и пріѣхалъ въ Загряжье, первое псковское селеніе, бывшіе посадники и бояре встрѣчали его съ поклономъ. На другой день духовенство хотѣло встрѣчать его за городомъ, но пріѣхалъ коломенскій владыка и сказалъ, что государь не велитъ духовнымъ выходить за городъ на встрѣчу. Священники съ владыкою во всемъ облаченіи, съ крестами и хоругвями стали въ городѣ на торгу; народъ выходилъ за городъ. За двѣ версты отъ Пскова толпы встрѣтили Василія и поклонились ему до земли.

Великій князь ѣхалъ верхомъ; онъ спросилъ ихъ о здоровьѣ.

— «Ты бы, государь нашъ, князь великій, здоровъ былъ»! крикнули Псковичи.

Сопровождаемый народомъ, въѣхалъ великій князь въ городъ прямо на торгъ, къ тому мѣсту гдѣ стояло духовенство и слѣзъ съ коня. Первенствующими лицами между духовенствомъ были Москвичи — коломенскій епископъ и симоновскій архимандритъ. Великій князь поклонился святынѣ и вошелъ въ ворота Дѣтинца прямо къ Живоначальной Троицѣ.

Отслужили молебенъ и пропѣли многолѣтіе великому князю! Москвичъ-владыка, знаменуя великаго князя крестомъ, воскликнулъ:

«Богъ тебя благословляетъ, Псковъ вземши!»

Псковичи оскорбились за невниманіе къ ихъ покорности и сказали со слезами:

— «Богъ воленъ, да государь; а мы изстари были отчина отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ!»

Прошло два дня. Великій князь обѣдалъ и бесѣдовалъ съ своими духовными и съ своими боярами, да воеводами. Псковичей не звали и не обращались къ нимъ. Но въ воскресенье, 27-го января, утромъ, кликали государевы люди кличь по городу, чтобъ всѣ Псковичи: и луччіе, и середніе, и молодшіе люди, всѣ шли на дворъ къ великому князю слушать его управу. Когда народъ сошелся къ назначенному мѣсту по приказанію, бояре сказали, что псковскіе посадники, бояре, купцы и знатные люди должны идти въ большую гридню и тамъ слушать, что̀ имъ скажутъ, а остальной весь народъ пусть стоитъ на дворѣ. Государь сидѣлъ съ боярами въ другой избѣ, называемой середней.

Оттуда онъ поручилъ нѣсколькимъ боярамъ [1]) пересдать свою волю лучшимъ людямъ, собравшимся въ большой гриднѣ, а другимъ боярамъ приказалъ говорить народу, стоявшему на дворѣ. Бояре, появившись въ гриднѣ, произнесли такую рѣчь лучшимъ людямъ Псковичамъ:

«Государь нашъ Василій Ивановичъ, царь и государь всея Русіи и великій князь, велѣлъ вамъ говорить: какъ прежде я пожаловалъ васъ, мою отчину, Псковъ, такъ и теперь жалую, не вступаюсь въ имущества и достоянія ваши, и впередъ хочу жаловать васъ; но здѣсь въ нашей отчинѣ во Псковѣ быть вамъ не пригоже, для того, что прежде были многія жалобы на ваши неправды, безпорядки, обиды и оскорбленія, и разоренія людямъ: я васъ жалую нынѣ своимъ жалованьемъ въ Московской Землѣ; и вамъ теперь же ѣхать въ Москву, съ женами и дѣтьми!»

Псковичи отвѣчали:

«Прародителямъ его, государямъ, и ему, государю, мы всегда были неизмѣнны и неотступны, до-сихъ-поръ; и нынѣ мы положились на Бога и на своего государя и царя во всей его волѣ; какъ онъ хочетъ, такъ насъ и пожалуетъ! Вѣдаютъ Богъ, да государь!»

Другіе бояре, которые были высланы къ простому народу, стоявшему на дворѣ, говорили:

«Тѣмъ Псковичамъ, что̀ отобраны въ избѣ, я, великій князь, не велю быть во Псковѣ, а посылаю ихъ въ Московскую Землю; это дѣлается потому, что я жалую васъ, свою отчину, Псковъ, для того, что прежде на нихъ бивали челомъ мелкіе люди, Псковичи: что отъ нихъ чинятся насилія и обиды; а васъ какъ я пожаловалъ уже свою от-

[1]) Именно: князю Александру Владимировичу, Григорію Ѳедоровичу, стольнику Ив. Андреевичу, окольничему князя Петру Великому, казначею Дмитрію Владимировичу и дьяку Третьяку Далматову, Мисюрѣ Мунехину Ивану Телешеву, Лукѣ Семенову....

чину, Псковъ, такъ и впередъ тѣмъ же хочу жаловать; развода не бойтесь; только тѣхъ посадниковъ и Псковичей, что въ избѣ отобраны, велѣлъ я вывести; но и тѣхъ въ Московской Землѣ я пожалую своимъ жалованьемъ, какъ будетъ пригоже; а вы живите въ нашей отчинѣ, Псковѣ, и слушайтесь тѣхъ бояръ и псковскихъ намѣстниковъ, которыхъ я пожалую намѣстничествомъ въ своей отчинѣ.»

Простой народъ плакалъ; раздался такой отвѣтъ:

«Мы челомъ бьемъ за его жалованье и рады слушать во всемъ государева намѣстника!»

Простой народъ разошелся по домамъ съ унылыми лицами. Тѣ, которые собрались въ гриднѣ, уже не увидали своихъ домовъ. Когда сообщили великому князю отвѣтъ ихъ, явились по его приказанію къ нимъ въ избу дьяки и дѣти боярскіе; первые сдѣлали имъ перепись и отдали послѣднимъ; дѣти боярскіе имѣли порученіе везти ихъ въ Москву каждаго по росписи, кому кого назначено. Ихъ женамъ и дѣтямъ велѣно сбираться и быть готовыми на другой же день. Такимъ-образомъ они могли взять только самое необходимое, и должны были покинуть въ прежнемъ отечествѣ не только дворы и домы, лишившись на нихъ права, но и бо̀льшую часть движимаго имущества. 28-го января все уже было готово. Триста семействъ потянулись на саняхъ къ московской дорогѣ, подъ стражею, въ сопровожденіи вооруженныхъ дѣтей боярскихъ. Съ ними отправлены были также жены и дѣти тѣхъ Псковичей, которыхъ задержали въ Новгородѣ. Князь Михайло Даниловичъ Щенятевъ начальствовалъ этимъ поѣздомъ.

И остальныхъ Псковичей не оставили безъ передвиженія; хотя ихъ не выслали тогда въ Московщину, но великій князь не велѣлъ жить ни одному изъ нихъ ни въ Кромѣ, ни въ Середнемъ городѣ, и велѣлъ всѣхъ вывести въ Застѣнье, въ Большой городъ. Великій князь прожилъ во

Псковѣ мѣсяцъ и установилъ въ немъ московскую управу. Онъ поручилъ управленіе Пскова и Псковской Земли двумъ намѣстникамъ [1]) и при нихъ двумъ дьякамъ, опредѣлилъ воеводъ, начальствующихъ военною силою, городничихъ, которые надзирали за городскими укрѣпленіями, устроилъ во Псковѣ тысячу московскихъ дѣтей боярскихъ, пищальниковъ и воротниковъ, а сверхъ того пять сотъ новгородскихъ (т. е. Москвичей же, но переведенныхъ прежде въ Новгородъ) пищальниковъ. Судъ производился намѣстниками и ихъ тіунами, т. е. довѣренными, а дѣлопроизводство лежало на дьякахъ; какъ охранители правды, поставлены были двѣнадцать человѣкъ Москвичей и двѣнадцать Псковичей, которые должны были сидѣть въ Судѣ [2]).

До тѣхъ поръ во Псковѣ была вольная торговля и таможенныхъ пошлинъ не существовало; теперь великій князь приказалъ прибыть изъ Москвы гостямъ и дождался ихъ во Псковѣ; эти купцы (гости), Москвичи, установили тамгу по оцѣнкѣ торговыхъ предметовъ, какъ было въ Москвѣ. Во всѣ десять псковскихъ пригородовъ посланы были намѣстники изъ Московщины съ Москвичами. Чтобы смѣшать народонаселеніе, на мѣсто выведенныхъ изъ Середняго города, по приказанію великаго князя, пріѣхало множество семей изъ Московщины. Такимъ-образомъ паденіе свободы Пскова было тяжко не только для Псковичей, но и для Москвичей, которые должны были, по приказанію государя оставлять свои жилища и ѣхать въ чужую сторону. Дерев-

[1]) А на отчинѣ своей пожаловалъ князь великій намѣстничествомъ боярина своего князя Григорія Ѳеодоровича Морозова, да конюшаго своего Ивана Ондреевича Челяднина, да въ Псковѣ же велѣлъ быть дьяку Мисюрѣ Манухину вѣдать приказныя дѣла, а въ ямскихъ дѣлѣхъ велѣлъ быти Ондрѣю Никифорову, сыну Волосатаго, писати ему полные данные грамоты и докладны.

[2]) Пск. Л. I, 287—288.

ни и земли псковскихъ бояръ розданы московскимъ боярамъ, чтобъ во Псковской Землѣ пресѣчь историческую непрерывность со стариною. Для истребленія вѣчевыхъ воспоминаній, великій князь приказалъ перевести торгъ отъ Довмонтовой стѣны, гдѣ онъ былъ прежде, за середній городъ, противъ Лужскихъ воротъ [1]); въ заключеніе, чтобъ оставить потомству память объ уничтоженіи вольности въ Псковѣ, заложилъ онъ церковь во имя св. Ксеніи, [2]) потому-что въ день посвященный этой святой (24 января), онъ вошелъ во Псковъ. На второй недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, выѣхалъ онъ изо Пскова, съ великою побѣдою, безъ крови,—по выраженію псковскаго лѣтописца.

Управленіе и судъ оставленныхъ во Псковѣ Москвичей казались невыносимы для Псковичей. На судъ смотрѣли судьи только какъ на доходную статью и не разбирали средствъ увеличивать свои доходы. Подстрекали ябедниковъ подавать челобитныя на богатыхъ Псковичей; призывали послѣднихъ къ суду, брали съ нихъ взятки и посулы, и разоряли. Такимъ образомъ, добро, нажитое торговлею и промыслами въ прежнія времена независимости, теперь переходило въ руки московскихъ дьяковъ. Государь оставилъ имъ свою уставную грамоту; но по этой грамотѣ никто изъ судей не думалъ поступать. Вообще какъ правители, такъ и служилые обращались со Псковичами какъ съ безгласными невольниками; когда Псковича отдавали по суду на поруки, то брали съ него болѣе, чѣмъ сколько было указано въ уставной грамотѣ; Псковичъ жаловался,—за то Псковича били, а иногда убивали до смерти. Все сходило съ рукъ Москвичамъ. На обиду отъ Москвича негдѣ было

[1]) Противу Лужскихъ воротъ за рвомъ, на Юшковѣ огородѣ Носохина, да на Григорьевѣ посадниковѣ садникѣ Кротова.

[2]) На Пустой улицѣ въ Ермолкинѣ садикѣ Хлѣбниковѣ, а потому та улица Пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней не было.

Псковичу найти управы; на судѣ Москвичъ всегда будетъ оправданъ, а Псковича оберутъ, да еще и накажутъ. У московскихъ судей,—говоритъ лѣтописецъ,—правда улетала на небо, а кривда одна оставалась на судѣ [1]). Чего не додѣлалъ Василій, чтобъ судьба Пскова была похожа на судьбу Новгорода при Иванѣ Васильичѣ, то доканчивали его намѣстники и дьяки. Псковичи, спасаясь отъ оскорбленій, бросали свои домы и имущества, и убѣгали въ чужія земли. Многіе ушли въ монастыри и постриглись. Въ одинъ годъ большая часть дворовъ опустѣла. Прежде во Псковѣ проживало много иногородцевъ; теперь не осталось ни одного! Торговля и промышленность упали и подъ покровительствомъ московскихъ начальниковъ перешли исключительно въ руки поселенцевъ Москвичей. Только эти переселенцы казались нѣсколько зажиточными. Оставшіеся во Псковѣ прежніе жители пришли въ нищету и скоро подъ гнетомъ нужды и московскаго порядка поневолѣ забыли старину свою и сдѣлались холопами! Уже современникъ этихъ роковыхъ событій, Герберштейнъ, замѣтилъ, что прежніе гуманные и общительные нравы Псковичей стали замѣняться испорченными, московскими. Исчезла прежняя искренность, добродушіе, простота, чѣмъ отличались Псковичи, когда въ торговыхъ сдѣлкахъ своихъ не прибѣгали къ многословію съ цѣлію надуть покупателя, а достаточно было одного слова Псковича для объясненія дѣла [2]). Нельзя бороться съ исторіей. «Некуда было дѣться

[1]) Пск. Л. I, 287.

[2]) Unde factum, ut pro cultioribus atque adeo humanioribus Plescosiensium moribus corruptiores in omnibus fere rebus Moscoviensium mores sint introducti. Tanta enim in contractibus Ploscoviensium erat integritas, candor et simplicitas, ut omni verbositate in fraudem emptoris omissa, uno tantum verbo res ipsas indicarent (Herberst. edit Starczewski. 52).

—говоритъ лѣтописецъ [1],—земля подъ нами не разступится, а вверхъ не взлетѣть! [2])»

[1]) Псков. Л. I, 288.

[2]) Вотъ какую краснорѣчивую и полную глубокаго смысла панихиду по свободному Пскову отправила мѣстная лѣтопись:

«О славнѣйшій граде Пскове-Великій! Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: «како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ исполнь крылѣ львовыхъ ногтей и взятъ отъ мене три кедра Ливанова, и красоту мою и богатество и чада моя восхити; Богу попустившу за грѣхи наша и землю пусту сотвориша и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша и матери и сестры наша въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ чернцы, а жены въ черницы и въ монастыри пойдоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады. Нынѣ же се, братіе, видяще, убоимся прещенія сего страшнаго, припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ болшій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой, а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія; а мы не покаяхомся, но на болшій грѣхъ превратихомся, на злыя поклепы и лихія дѣла и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ: сего ради самоволія и непокоренія другъ другу быстъ сія вся злая на ны (Псковск. Л. I, 287).

Подробности о паденіи Пскова взяты, между прочимъ, изъ неизданнаго повѣствованія, хранящагося въ рукописи Румянцовскаго Музея.

Глава четвертая.

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

БОРЬБА СЪ ТЕВТОНСКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ.

По географическому положенію и по теченію историческихъ обстоятельствъ, Новгородскія и Псковскія земли подвергались непрерывному ряду столкновеній съ нѣмецкимъ племенемъ. Новгороду и Пскову суждено было отстаивать на Сѣверѣ славянскій міръ отъ властолюбивыхъ вѣковыхъ покушеній. Въ то время какъ ганзейскій торговый союзъ успѣлъ обратить торговую дѣятельность Новгорода исключительно въ свою пользу, съ одной стороны Шведы, съ другой ливонскіе рыцари покушались оружіемъ лишить русскую стихію самобытности. Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ-будто завѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ. Въ IX вѣкѣ, какъ мы видѣли, Новгородъ подпалъ подъ власть Шведовъ: чуждое завоеваніе пробудило спящія силы сѣверныхъ народовъ. Изгнавши пришельцевъ, эти народы почувствовали необходимость сплотиться тѣснѣе; положено было начало государственному тѣлу, долженствовавшему современемъ достигнуть огромнаго размѣра. Но чрезъ это Скандинавы не перестали налегать на Новгородъ. Олегъ установилъ между Новгородомъ и ими компромиссъ: Новгородцы откупались отъ ихъ покушеній на свою независимость платежемъ ежегодной дани. Князья въ своихъ междоусобіяхъ призывали

ихъ сами. Владимиръ съ помощію скандинавскихъ Варяговъ побѣдилъ Ярополка. Его бѣгство за море показываетъ, что онъ не надѣялся на самихъ Новгородцевъ; и дѣйствительно, едва только онъ убѣжалъ, какъ соперникъ его и братъ безпрепятственно посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ. Не можетъ быть, чтобъ Шведы, помогавшіе Владиміру, тогда же не дали знать себя Новгородцамъ. Дѣйствительно, князь русскій покупалъ свою власть на счетъ порабощенія народа. Это видно изъ того, какъ Варяги смотрѣли на ту помощь, какую оказывали Владиміру. Когда съ Варягами онъ завоевалъ Кіевъ, его союзники говорили: «это нашъ городъ, мы его взяли; мы хотимъ взять на его жителяхъ окупъ по двѣ гривны съ человѣка». Успѣвъ отправить часть ихъ въ Грецію, Владиміръ иначе однако не могъ отъ нихъ отвязаться, какъ только давши важнѣйшимъ изъ нихъ лицамъ грады для управленія. Эти черты ясно показываютъ, что Норманны, вмѣшиваясь въ междоусобія русскаго міра, пускали въ него свои корни. Хотя въ Новгородѣ посадникомъ поставленъ былъ не пришлецъ, а дядя Владиміра, Добрыня, однако преданіе о томъ, что Новгородъ продолжалъ платить и при Владимірѣ, ради мира, 300 гривенъ Варягамъ, показываетъ, что этотъ край не могъ освободиться совершенно отъ вліянія этихъ чужеземцевъ. Яснѣе видимъ мы слѣды этого тяготѣнія норманства на жизнь Новгорода во время Ярослава. Видно, что Норманны служили этому князю наемнымъ войскомъ, поддерживали его власть противъ покушеній древней свободы прорваться наружу. Новгородъ былъ обложенъ данями; его мірская свобода была въ это время подавлена. Оружіемъ для князя служили Норманны. Въ 1015 году произошло противъ нихъ возстаніе. Лѣтописецъ говоритъ, что Варяговъ было много у Ярослава; они готовились идти на Владиміра, а между-тѣмъ, расположившись въ Новго-

родѣ, смотрѣли на жителей какъ на порабощенныхъ себѣ. Творили насилія Новгородцамъ и ихъ женамъ. Тогда Новгородцы составили заговоръ и перебили пришельцевъ. Какъ Ярославъ мстилъ за убитыхъ, какъ потомъ помирился съ Новгородцами,—разсказано было прежде. Это столкновеніе съ Варягами-Норманнами было на этотъ разъ послѣднимъ. Ярославъ усѣлся въ Кіевѣ, возвратилъ Новгороду его древнюю свободу: съ тѣхъ поръ Новгородъ пересталъ платить и свою заморскую дань, установленную Олегомъ. Скандинавы начали терять свои силы во внутреннихъ междоусобіяхъ и выпустили изъ рукъ сѣверно-русскій край. Только Ладога была отдана Ярославомъ въ пожизненное владѣніе ярлу Рагнвальду, какъ вѣно за шведскую княжну Ингигерду, на которой Ярославъ женился. Быть-можетъ эта отдача Ладоги и была замѣною тѣхъ трехсотъ гривенъ, которыя платили Новгородцы. Впослѣдствіи и Ладога возвращена была Новгороду, какъ его пригородъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что внутренніе раздоры въ Швеціи отвлекли ея удальцовъ отъ варяжства и отъ Русскаго міра, Новгородъ между-тѣмъ окрѣпъ самъ и въ XII-мъ вѣкѣ подчинилъ себѣ южную Финляндію. Это повлекло его снова въ непріязненныя столкновенія со Шведами. Въ 1143 году, южные Финны, выбиваясь отъ покушеній Новгорода на власть надъ ними,—нашли себѣ союзниковъ въ Шведахъ, распространявшихъ тогда христіанство въ Финляндіи. Сначала Емь напала на Ладожскій край; Ладожане отбили это нападеніе; затѣмъ явился шведскій король съ епископомъ въ шестидесяти ладьяхъ. Этотъ походъ имъ неудался; они только напали на новгородскихъ гостей, плывшихъ изъ южнаго Варяжья. Въ 1164 г. шведская флотилія подступила снова подъ Ладогу; и это покушеніе тоже неудалось и окончилось въ пользу Русскихъ. Ладожане храбро выдержали нападеніе, а между-тѣмъ дали знать Новгородцамъ. Послѣдніе съ

своимъ княземъ Святославомъ напали неожиданно на Шведовъ и разбили ихъ на-голову, такъ-что изъ 55-ти шнекъ успѣло уйти только двѣнадцать, и изъ тѣхъ многія убѣжали съ пробоинами; остальныхъ сорокъ три шнеки были взяты; кромѣ попавшихся въ плѣнъ много Шведовъ погибло въ битвѣ [1]).

Но это были сами по себѣ незначительные предвѣстники гораздо важнѣйшей борьбы съ нѣмецкимъ племенемъ; ей приходилось разыграться тогда, какъ тевтонскіе рыцари, въ началѣ XIII вѣка, поселились въ Ливоніи, и систематически начали крестить и истреблять чудскія и литовскія племена. Еще въ половинѣ XII вѣка бременскіе купцы основали первое поселеніе на устьѣ Двины и съ тѣхъ поръ мало-по-малу на Западѣ стали обращать вниманіе на Остзейскій край. По предложенію бременскаго архіепископа, папа Александръ III назначилъ туда миссіонеромъ Мейнгарда, провозглашеннаго первымъ мѣстнымъ епископомъ. Онъ успѣшно выпросилъ право поселенія Нѣмцамъ у полоцкаго князя, считавшаго себя верховнымъ правителемъ береговъ Двины. Но Чудь уже съ перваго раза встрѣтила негостепріимно пришельцевъ. Епископъ Альбертъ основалъ Ригу и увидѣлъ, что этотъ народъ невозможно просвѣтить свѣтомъ евангелія безъ военной силы, и по его ходатайству учрежденъ былъ папою, въ 1202 году, Орденъ рыцарей Меча, вѣтвь Тевтонскаго Ордена. Онъ состоялъ изъ Нѣмцевъ;—его цѣль была распространеніе вѣры и, вмѣстѣ съ нею, нѣмецкой народности. Пришельцы неизбѣжно должны были столкнуться съ Русскими. Часть чудскихъ народовъ была уже подвластна Новгороду; Летигола (Латыши) по Двинѣ признавала надъ собою господство Полоцка. Въ Латышской Землѣ сидѣли русскіе князьки, подъ верховною властью полоцкаго князя. Нѣмцы обманули тогдашняго,

[1]) Новг. Л. I, 13.

полоцкаго князя, по имени Владимира; по ихъ просьбѣ онъ дозволилъ имъ безпрепятственно основаться въ Ливоніи и проповѣдывать вѣру, но они вскорѣ же показали, что вѣра у нихъ—предлогъ, а подъ этимъ предлогомъ скрываются властолюбивыя намѣренія. Проповѣдь пошла путемъ насилія и порабощенія. Ливы возстали на защиту отечества. Владимиръ полоцкій въ 1207 году принялъ ихъ сторону и осадилъ Ригу, но долженъ былъ снять осаду, когда Русскіе узнали, что къ Нѣмцамъ прибываетъ на помощь морская сила Датчанъ. Вслѣдъ за тѣмъ два князя, удѣльно правившіе въ Латышской Землѣ, потеряли свои владѣнія: первый былъ въ Кукенойсѣ, Вячко, данникъ полоцкаго князя: предательски схваченный Нѣмцами, онъ долженъ былъ признать надъ собою верховную власть епископа, а потомъ покусился освободиться отъ зависимости, но былъ остановленъ Нѣмцами, въ отчаяніи сжегъ свой городъ и убѣжалъ. Другой, Всеволодъ, кажется, братъ Вячка, основался въ городѣ, называемомъ у нѣмецкихъ историковъ Герсеке (вѣроятно Городище). Женатый на литовской княжнѣ, онъ сдѣлался открытымъ сторонникомъ непокорныхъ язычниковъ и сталъ на челѣ ихъ. «Это былъ заклятый врагъ латинской вѣры и христіанства», говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ современникъ [1]). Начальствуя Литовцами, онъ сдѣлался тогда страшилищемъ не только Нѣмцевъ, но и Латышей, даже самихъ Русскихъ,—никого не щадилъ воюючи. Въ 1209 году епископъ Альбертъ, собравши все войско и вооруживъ Латышей, взялъ мѣстопребываніе этого князя; въ плѣнъ попалась жена его—литовская княжна. Тогда Всеволодъ притворно просилъ мира. Епископъ согласился отдать ему княгиню, если онъ присягнетъ не дѣлать болѣе вреда Церкви латинской, отдастъ все княжество въ лену

[1]) Henr. XIII, 135.

церкви св. Маріи, получитъ его обратно уже какъ вассальное владѣніе отъ епископа и станетъ вѣрнымъ слугою Нѣмцевъ. Всеволодъ согласился и присягнулъ въ Ригѣ. Епископъ Альбертъ далъ ему грамоту, которою утверждалъ его права на владѣніе [1]). Эти мѣры, разумѣется, могли только болѣе раздражать Русскихъ и приготовлять въ будущности усиленіе вражды ихъ съ Нѣмцами. Нѣмцы, между-тѣмъ, расправляясь уже съ мелкими князьями, чувствовали, что еще не окрѣпли до того, чтобы такъ же расправиться съ полоцкимъ княземъ и держались съ нимъ миролюбивой политики. Въ 1210 году епископъ заключилъ съ нимъ союзъ, по которому обѣщалъ платить извѣстную дань полоцкому князю, а полоцкій князь, довольный этимъ, позволилъ свободно распространять латинское христіанство въ Ливоніи [2]).

Послѣ того, какъ пришельцы столкнулись съ Полоцкомъ, послѣдовало столкновеніе и съ Великимъ-Новгородомъ. Ливонскій край, называемый Уггеноисъ—страна, прилегавшая къ Чудскому озеру, гдѣ находился Юрьевъ (Дерптъ), издавна считалась подвластною Новгороду; но туземцы много разъ пытались освободиться отъ этой зависимости. Когда Нѣмцы стали энергичнѣе совершать свое дѣло крещенія Чуди въ латинскую вѣру, Новгородцы, какъ видно, до того времени мало обращавшіе вниманія на апостольство, теперь съ княземъ своимъ Мстиславомъ-Удалымъ явились въ Уггеноисъ съ требованіемъ не только дани, но и крещенія. Мстиславъ осадилъ Медвѣжью-Голову (Оденпе), тогдашній главный пунктъ національной защиты у Ливовъ. Стѣсненные впродолженіи восьми дней, Ливы сдались, заплатили Новгородцамъ 40 гривенъ и дали обѣщаніе креститься. Новгородъ обѣщалъ прислать своихъ священни-

[1]) Bunge, Band Heft. 1, 20. [2]) Henr. 148.

ковъ [1]). Вмѣстѣ съ Новгородцами за одно дѣйствовали и Псковичи, съ княземъ своимъ Владиміромъ. Новгородцы совершенно удовольствовались такою покорностью, какую оказали имъ Ливы въ Оденпе и по прежнему своему обычаю не установляли никакого своего управленія въ инородномъ краѣ; какъ въ томъ же году явились подъ Оденпе Нѣмцы, завоевали городъ, разграбили и стали крестить въ латинство край, который Новгородцы признавали давно уже своимъ и гдѣ недавно готовились распространять православіе. Вслѣдъ затѣмъ Нѣмцы начали крестовый походъ по всей Ливоніи и, опустошая города и села, заставляли креститься и сожигали жилища тѣхъ, которые отказывались. Новгородъ, оскорбленный поступкомъ въ Оденпе, отправилъ въ Чудскую страну пятнадцать тысячъ Новгородцевъ и Псковичей подъ начальствомъ князя Всеволода Борисовича, того самаго, который недавно такъ неудачно раздѣлывался съ Нѣмцами въ Герсикѣ; съ ними были Торопчане съ княземъ своимъ Давидомъ, братомъ Владиміра псковскаго. Мстиславъ-Удалой прошелъ провинціи Вагію, Герву, потомъ вступилъ въ край, называемый по-русски Чудь-Ерева, а у нѣмецкихъ писателей Jerven. Нѣмцы не встрѣчались ему. Онъ вошелъ въ Гаррію, лежащую по берегу моря, въ Эстляндіи, около нынѣшняго Ревеля. Нѣмцы, услышавъ, что Русскіе идутъ противъ нихъ, ушли въ Ригу. Мстиславъ осадилъ чудскую крѣпость, называемую у Генриха Варболе [2]) а у новгородскаго лѣтописца Воробіинъ (переводъ Варболе) [3]). Туземцы поклонились и обѣщались давать дань. Много плѣнниковъ привели съ собою побѣдители. Тѣмъ и кончился тогда походъ Новгородцевъ въ 1214 году. Но ободренные приходомъ Новгородцевъ въ Ливонію, Ливы и Эсты подняли сильное возстаніе противъ

[1]) Henr. 138. [2]) Henr. 162. [3]) Новг. Л. I, 32.

Нѣмцевъ и перебили нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Это событіе вѣроятно способствовало усиленію взаимной непріязни Русскихъ и Нѣмцевъ. Владимиръ, псковскій князь, отдалъ сестру за Теодориха, брата епископа Альберта. За это Псковичи его выгнали. Онъ убѣжалъ въ Ливонію, получилъ въ управленіе фогство въ Латышской Землѣ и способствовалъ Нѣмцамъ къ покоренію туземцевъ [1]). Ливы и Эсты были между двухъ огней; они не терпѣли ни Русскихъ, ни Нѣмцевъ; первые правда не крестили ихъ [2]), за то обирали; вторые принуждали поклоняться кресту, угрожая огнемъ и мечомъ, въ случаѣ непокорства. Туземцы не въ силахъ были сами сладить, съ иноплеменниками не знали куда пристать, искали помощи то́ у тѣхъ, то́ у другихъ, то́ противъ того, то́ противъ другаго; разумѣется, черезъ это они содѣйствовали собственной гибели.

Стѣсненные пришельцами, туземцы вопили о помощи и защитѣ къ слабому полоцкому князю. Владимиръ какъ-бы очнулся. «Ливонцы мои подданные,—говорилъ онъ:—въ моей власти ихъ крестить и оставить некрещенными». Альбертъ предложилъ полоцкому князю свиданіе. Владимиръ псковскій вызвался быть посредникомъ. Какъ ни объяснялъ епископъ силу словесъ Христовыхъ: «идите, научайте вся языцы, крестяще ихъ», какъ ни льстилъ полоцкому князю, увѣряя, что Нѣмцы повелѣваютъ туземцамъ воздавать кесарево кесареви, т. е. давать дань полоцкому князю, однако не уговорилъ Владимира. Тотъ потребовалъ, чтобы Нѣмцы

[1]) Scilicet urbem Antinam Zeessowe et alias ad fidem conversas deinde praestito nobis hominio et fidei sacramento praedictam urbem cum terra et bonis attinentibus a manu nostra solempniter cum tribus vexillis in beneficio recepit (Henr. 165. 176).

[2]) Est enim consuetudo Regum Ruthenorum quamcumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subjicere sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare (Henr. 166).

перестали насильно крестить туземцевъ. Вѣроятно, на этотъ разъ полоцкаго князя подстрекали русскіе духовные, которымъ было завидно видѣть успѣхъ проповѣдниковъ латинства. Владиміръ кликнулъ кличь къ язычникамъ. Рыцари пошли противъ нихъ; но Владиміръ псковскій, все-еще вѣрный союзникъ пришельцевъ, уладилъ тутъ дѣло; онъ отправился къ полоцкому князю и убѣдилъ его оставить предпріятіе, представивъ, что этимъ поступкомъ полоцкій князь раздражитъ Нѣмцевъ до крайности: а у нихъ сила велика и еще увеличится, и война можетъ имѣть неблагопріятныя для Русскихъ послѣдствія. Нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ [1]) увѣряетъ, что полоцкій князь не только заключилъ миръ, не только явился къ епископу съ сыновнимъ уваженіемъ, но отказался отъ дани, которую обязаны были Нѣмцы платить ему по прежнему договору за уступленное имъ право проповѣдывать въ Ливоніи, да еще обѣщался всегда имъ помогать. Фактъ самъ по себѣ почти невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись. Но какъ бы то ни было, скоро самъ Владиміръ псковскій, котораго услугамъ приписывается такой неожиданный поворотъ дѣла съ полоцкимъ княземъ, поссорился съ Нѣмцами за то, что его упрекали въ несправедливости суда надъ жителями, отданными въ его управленіе: онъ думалъ только о сборѣ своихъ доходовъ, судилъ несправедливо и лицепріятно, помогалъ богатымъ и разорялъ бѣдныхъ. Онъ ушелъ въ Русь со всею семьею и въ 1217 г., когда Мстиславъ-Удалый отлучился въ Кіевъ, явился съ Новгородцами врагомъ Нѣмцевъ. Новгородцы хотѣли отнять Оденпе, попавшееся въ руки Нѣмцевъ. Новгородцы удачно завоевали Оденпе. «Тогда,—говоритъ лѣтописецъ —Владиміръ разослалъ партію Псковичей и Новгород-

[1]) Henr. 168.

цевъ грабить и разорять тѣ чудскія селенія, которыя приняли латинство, отпавши отъ православной вѣры, принятой прежде. Послѣдніе призвали въ помощь противъ Новгородцевъ рыцарей и когда Новгородцы со Псковичами и съ посадникомъ своимъ Твердиславомъ были въ полѣ, вдругъ ударили на нихъ Нѣмцы. Новгородцы однако не были разбиты: они отняли до 700 коней, убили двухъ воеводъ, третьяго взяли живьемъ и ушли здоровы [1]).

Ободренный этими успѣхами соотечественниковъ, Владимиръ полоцкій опять пробудился. Ливы уже стали склоняться передъ своею судьбою, и многіе волею-неволею, какъ и враги ихъ, Латыши, вступали въ ополченіе противъ Русскихъ по волѣ Нѣмцевъ; но Эсты призывали полоцкаго князя освободить ихъ отъ Нѣмцевъ, указывая на возможность овладѣть Ригою, а сами вызывались отбивать Ливовъ и Латышей и запереть дюнаминдскую гавань [2]). Владимиръ призывалъ къ ополченію Русскихъ и Литовцевъ противъ латинства, но смерть, по сказанію нѣмецкихъ историковъ, поразила его скоропостижно въ ту самую минуту, какъ онъ, готовясь идти въ походъ противъ рыцарей, садился въ лодку. Его войско разсѣялось [3]).

Владимиръ псковской продолжалъ дѣло войны съ Нѣмцами и возбуждалъ Эстовъ. Съ своей стороны Нѣмцы видѣли противъ себя уже важный заговоръ Русскихъ; собирали подати, ополчали туземцевъ; населеніе Ливоніи раздѣлилось: новокрещенцы были за Нѣмцевъ, язычники искали освобожденія въ помощи Русскихъ. Нѣмцы укрѣпили Оденпе и засѣли въ немъ; а между-тѣмъ, въ концѣ 1217 и началѣ 1218 г., шайка туземцевъ, Латышей и Ливовъ, настроенная Нѣмцами, подъ предводительствомъ нѣмецкихъ ватажковъ, пустилась дѣлать пакости по Новгородской

[1]) Новг. Л. I, 35. Псков. Л. I, 177. [2]) Henr. 199. [3]) Henr. 200.

волости. Имъ помогало то, что жители не ожидали бѣды. Пришли святки; поселяне пили—гуляли; а враги наскакивали врасплохъ на веселыя села,—истребляли ихъ; много перебили и народа, и скота, и лошадей; много увели плѣнниковъ, особенно женщинъ [1]). Новгородцы выслали войско; агенты ихъ бѣгали по Эстонской Землѣ, заохочивая туземцевъ къ сверженію нѣмецкаго ига,—призывали собираться въ русское ополченіе. Народное чувство поднялось. Прибывали въ новгородское войско не только язычники изъ Гарріи, Саккалы, острова Эзеля, спѣшившіе сразиться за спасеніе своихъ боговъ, но и христіане православные, и даже принявшіе латинство — съ надеждою прогнать иноплеменниковъ и доставить отечеству независимость. Войско русское простиралось,—по сказанію лѣтописца, — до 20-ти тысячъ. Предводительствовалъ имъ князь Владиміръ. Это ополченіе осадило Оденпе и держало въ осадѣ городъ семнадцать дней, а въ то самое время отряды Русскихъ расходились по краю, истребляли и брали въ плѣнъ всѣхъ, кто отзывался за Нѣмца. Самъ магистръ ордена, Волквинъ, съ братомъ епископа, зятемъ Владиміра псковскаго, пошли на выручку осажденному городу. Но русскія силы были значительнѣе нѣмецкихъ; Нѣмцы сразились, потеряли нѣсколько человѣкъ рыцарей, должны были отступить, и заперлись въ городѣ. Но тамъ уже свирѣпствовалъ голодъ. Нѣмцы принуждены были питаться лошадьми, которыя падали отъ недостатка корма, по выраженію лѣтописца, отгрызая другъ у друга хвосты. Но и въ русскомъ лагерѣ также сдѣлался недостатокъ съѣстнаго. И потому на третій день, послѣ того, какъ магистръ заперся въ Оденпе, оба непріятеля вступили въ переговоры. Нѣмцы сдали городъ и выговорили себѣ спокойный возвратъ. Братъ епископа Тео-

[1]) Henr. 204.

*

дорихъ, зять Владимира, по извѣстію лѣтописца приглашенъ имъ во Псковъ для утвержденія мира, но Новгородцы увели его, какъ плѣнника [1]). Эстовъ къ возстанію побѣда эта возбудила: составилось ополченіе; отправили просить помощи у Новгородцевъ и Псковичей. Новгородцы обѣщали немедленно прислать имъ свѣжаго войска, а Владимиръ побуждалъ туземцевъ сопротивляться Нѣмцамъ всѣми силами, пока подоспѣютъ Русскіе; и дѣйствительно, Эсты разныхъ провинцій стекались въ ополченіе подъ начальство Ламбита, старѣйшины въ Саккалѣ, вѣтви эстонскаго народа, но не дождались Русскихъ. Нѣмцы,—съ помощію Латышей, которыхъ старою ненавистью къ Эстамъ и Ливамъ они продолжали пользоваться,—разбили на́ голову эстонское ополченіе, напрасно ожидавшее Русскихъ. Туземцы покорились [2]). Но скоро явились русскіе агенты, извѣщали, что Владимиръ съ Новгородцами вступаетъ въ Ливонію. Опять поднялись усмиренные. Нѣмцы призывали изъ-за границы новыхъ воиновъ креста. Датскій король тоже прислалъ войско, ибо Данія успѣла захватить часть Гарріи, гдѣ также вспыхнуло тогда возстаніе. Епископъ Альбертъ обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто пойдетъ воевать противъ язычниковъ и ихъ помощниковъ, Русскихъ [3]). Рыцари двинулись въ Гаррію къ Ревелю, чтобъ утушить мятежъ, и близъ Феллина поймали новгородскихъ или псковскихъ эмиссаровъ, возстановлявшихъ народъ. На разспросы Нѣмцевъ, тѣ сказали, что Владимиръ со Псковичами и Новгородцы со Всеволодомъ Мстиславичемъ вступили въ Уггеноисъ. Это заставило Нѣмцевъ поворотить направо, навстрѣчу Русскимъ. Они встрѣтились съ ними тогда, когда Русскіе перешли

[1]) Henr. 205. [2]) Henr. 210. [3]) Henr. 218.

черезъ рѣку Эмайокки. Туземцамъ Ливоніи приходилось драться между собою; съ Русскими были Эсты, съ Нѣмцами Ливы и Латыши. Въ войскѣ нѣмецкомъ туземцы сражались пѣшіе, Нѣмцы верхами. Русскіе неуспѣли установиться въ боевой порядокъ, были сбиты и отступали; Нѣмцы отняли стягъ новгородскаго князя, преслѣдовали Русскихъ, но не могли догнать; потому-что туземцы, составлявшіе значительную часть нѣмецкаго войска, были, какъ сказано, пѣшіе. Псковичи и Новгородцы достигли какой-то небольшой рѣки, переправились черезъ нее и тамъ устроились опять. Владиміръ возбуждалъ храбрость уговорами; били въ бубны, играли на трубахъ. Нѣмцы дошли до рѣки, цѣлый день стояли, какъ-будто размышляя, что́ и какъ имъ дѣлать, покушались-было пуститься черезъ рѣку, да Новгородцы и Псковичи, хорошіе стрѣлки, мѣтко попадали въ нихъ, какъ-только тѣ приближались къ рѣкѣ. Латыши и Ливы стали расходиться. Когда уже остались только одни рыцари, которыхъ число лѣтописецъ уменьшаетъ до двухъ сотъ, прибавляя, что даже изъ этихъ сто уклонились отъ битвы [1]), тогда Владиміръ приказалъ Русскимъ переходить; но и незначительнаго числа стерегущихъ переправу Нѣмцевъ было достаточно, чтобъ не пропустить Русскихъ: такъ были Нѣмцы храбры,—по увѣренію ихъ историка. Русскихъ же, если вѣрить тому же лѣтописцу, погибло до 500 человѣкъ; и Русскіе, ничего не сдѣлавши, отступили восвояси. Между-тѣмъ, не знавшіе о такомъ отступл взбунтованные Эсты бродили партіями и разоряли церкви, убивали христіанъ, сожигали хлѣбъ на поляхъ и особенно жестоко истязали духовныхъ. Сынъ Владиміра, Ярославъ, съ другимъ отрядомъ Новгородцевъ и Псковичей, направился къ Кеси (Вендену). Этотъ отрядъ не зналъ,

¹) Henr. 222.

какъ видно, объ отступленiи Владимира. Посражавшись день цѣлый съ рыцарями подъ Кесью, Ярославъ отошелъ, перешелъ Гойву (Аа) и подвигался на соединенiе съ отцомъ, а на пути наносилъ опустошенiя Идумейской провинцiи, истребляя все христiанское и нѣмецкое. Нѣмцы погнались за нимъ, въ Тренденѣ собрали ополченiе и преслѣдовали Русскихъ до рѣки Раупы. Ярославъ, догадываясь, что Нѣмцы оставили Кесь безъ сильной защиты, опять быстро перешелъ черезъ Гойву и опять подошелъ къ Кеси: а междутѣмъ къ нему собирались толпы Гаррiйцевъ и Эзельцевъ. Но Ярославъ ошибся,—Нѣмцы не оставили Кеси; изъ города они искусно поражали Русскихъ метательными камнями, а Русскiе въ этомъ родѣ войны не отличались. Ярославъ долженъ былъ оставить осаду и предлагалъ миръ. Нѣмцы не согласились: Нѣмцы знали, что Русскiе принуждены будутъ во всякомъ случаѣ выступать изъ Ливонiи, какъ только услышатъ, что толпа Латышей уже пустилась опустошать Псковскую область. Дѣйствительно, какъ только Ярославъ отступилъ отъ Кеси, къ нему дошла вѣсть, что Псковъ въ опасности, и онъ поспѣшно оставилъ Ливонiю [1]). Изъ нашихъ лѣтописей мы видимъ, что въ этой осадѣ былъ и новгородскiй князь Всеволодъ Мстиславичъ; Новгородцы стояли подъ городомъ двѣ недѣли, не взяли города, но ушли здоровы [2]). Неизвѣстно, былъ ли то одинъ и тотъ же походъ, описываемый Генрихомъ, или можетъ-быть Новгородская Лѣтопись разсказываетъ о другой осадѣ той же Кеси, особо отъ той, которая предпринята Ярославомъ; а можетъ-быть Генрихъ приписалъ два похода одному и тому же лицу, такъ-что первый приступъ принадлежитъ Ярославу послѣ того, какъ Ярославъ покинулъ осаду и ушелъ

[1]) Henr. 224. [2]) Новг. Л. I, 34.

за Гойву. Во всякомъ случаѣ Русскіе не помогли дѣлу несчастныхъ Эстовъ, которыхъ сами же взбунтовали. Латыши изъ Кукеноиса, подъ начальствомъ Мелюке и Варгриббе, подобравъ къ себѣ другихъ Латышей, преданныхъ рыцарямъ, опустошали окрестности Пскова, сожигали поля и деревни, убивали мужчинъ, а женщинъ уводили въ плѣнъ. Тогда, въ отместку, Псковичи ворвались въ Латышскую Землю и заплатили Латышамъ тѣмъ же [1]).

Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что послѣ того Псковичи заключили съ Нѣмцами миръ подъ Оденпе. Но Великій-Новгородъ продолжалъ поддерживать язычниковъ; и въ 1222 г. опять явилось его ополченіе въ Ливоніи. Начальствовалъ князь Всеволодъ Юрьевичъ; на помощь Новгородцамъ прислалъ суздальскій князь, отецъ Всеволода, другаго сына, Святослава; вдобавокъ Новгородъ заключилъ союзъ съ Литвою, условившись стоять взаимно противъ общихъ враговъ [2]). Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что Русскихъ тогда было тысячъ двѣнадцать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Русскіе тогда имѣли съ своей стороны, религіозное побужденіе воевать противъ Нѣмцевъ. Нѣмцы, насильно обращая къ христіанству язычниковъ, точно также приневоливали принимать католичество крещеныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало, они насиловали и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которые водворились прежде въ Ливоніи. Папа Гонорій въ 1222 г. повелѣвалъ ливонскимъ судьямъ преслѣдовать Русскихъ, которые, живучи въ Ливоніи, оказывали пренебреженіе къ латинскому обряду и увлекали къ своей вѣрѣ чудскихъ неофитовъ. Это привлеченіе къ православію изъ недавно принятаго католичества, случалось особенно тогда, когда представ-

[1]) Генр. 234. [2]) Новг. Л. I, 138; Генр. 260.

лялась охота нарушить брачный союзъ [1]). Тогда неофиты обращались въ православіе и смѣло расторгали свои браки, полагая, что тогда эти браки стали недѣйствительны, какъ-скоро принята другая вѣра. Папа обязывалъ ливонскихъ судей принуждать силою самихъ русскихъ поселенцевъ подчиниться римской Церкви. Такимъ-образомъ Новгородъ и Псковъ возбуждены были противъ Нѣмцевъ и оскорбленіемъ своей религіи. Русскіе опустошали Латышскую Землю, истребляли принявшія латинскую вѣру поселенія, свирѣпствовали двѣ недѣли и такимъ-образомъ подступили подъ Кесь (Пертуевъ, Венденъ). Нѣмцы, видя ихъ многочисленность, сожгли сами близлежавшій посадъ и заперлись въ за́мкѣ. Новгородцы не стали брать замка приступомъ, а повернули въ сторону и продолжали жечь селенія, церкви и хлѣбные запасы принявшихъ католичество. Тутъ съ ними соединились Литовцы и—по выраженію лѣтописца,—добавляли то зло, котораго не успѣли надѣлать Русскіе. Будучи язычниками, Литовцы воевали особенно съ большимъ звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ. Войска союзниковъ, разбившись на отряды, повредили сами себѣ; нѣсколько такихъ отрядовъ захвачено Нѣмцами врасплохъ: по своей малочисленности они не могли устоять и были разбиты. Распространился слухъ, что Нѣмцы готовятъ новыя силы. Это заставило союзниковъ повернуть въ Уггеноисъ, и потомъ поворотиться въ отечество. Литвины ушли во Псковскую Землю и пробывши тамъ мѣсяцъ, возвращались домой; но на дорогѣ, при переправѣ черезъ Двину, Нѣмцы и Латыши напали на нихъ и потрепали. Лѣтописецъ говоритъ, что, какъ-бы въ наказаніе за свирѣпство надъ христіанами, князь новгородскій

[1]) Contracta inter neophytas matrimonia dissolventes (Bunge, B. I. H. 1. 39).

впослѣдствіи погибъ отъ Татаръ. Дѣйствительно, этотъ князь былъ тотъ самый, который погибъ во Владимирѣ-на-Клязьмѣ, во время разрушенія этого города Батыевымъ полчищемъ.

Въ отмщеніе за опустошительный походъ, Латыши сдѣлали нападеніе на новгородскія земли, сожигали деревни, убивали и уводили въ плѣнъ жителей, и даже недалеко отъ Новгорода ограбили церковь, забрали съ собой иконы, колокола и церковныя украшенія. Такъ, съ обѣихъ сторонъ, вражда выражалась взаимными нападеніями и разореніями. Въ Лѣтописи Новгородской [1]) это ополченіе названо Литвою; видно, что опустошеніе это происходило не такъ близко отъ Новгорода, а именно недалеко Торопца. Преемникъ Всеволода, неужившагося съ Новгородцами, Ярославъ, погнался за ними и не догналъ Враждебные поступки требовали тоже вознагражденія. Ярославъ въ 1223 году съ Новгородцами ворвался опять въ Ливонію. Каждое такое появленіе Русскихъ поддерживало духъ вражды къ Нѣмцамъ въ эстонскомъ народонаселеніи; теперь явленіе ихъ было желаннымъ какъ-нельзя болѣе. Въ это время Эзельцы, самые упорные язычники, расправились съ Датчанами, истребили до основанія замки, построенные пришельцами и умерщвляли ихъ самихъ безъ изъятія. Во всѣхъ углахъ Эстонской Земли закипѣла свирѣпая вражда; вооружились партіи туземцевъ, строили и починяли укрѣпленія, учились сражаться, терзали нѣмецкихъ фогтовъ и священниковъ, не щадили никакой нѣмецкой души, гдѣ только ее ни встрѣчали. Живымъ разрѣзывали внутренности вынимали сердца, жарили на огнѣ и ѣли, думая, что черезъ это сами исполнятся мужества въ войнѣ съ Нѣмцами, а тѣла замученныхъ бросали собакамъ. Омерзѣніе язычни-

[1]) Новг. Л. I, 39.

ковъ къ христіанству было такъ велико, что они совершали въ домахъ своихъ языческій обрядъ омовенія, думая, что этимъ смываютъ съ себя слѣды крещенія; вырывали трупы и кости умершихъ и очищали ихъ языческими обрядами и заклинаніями отъ принятаго христіанства. Партіи быстро пересылались одна съ другою, посылали въ Новгородъ пословъ за послами, отдавались во власть Новгорода безусловно, лишь-бы избавиться отъ Нѣмцевъ и ихъ насильственнаго крещенія. На эти призывы новгородскіе удальцы явились въ Дерптѣ, Феллинѣ, Саккалѣ, повсюду, гдѣ собирались и вооружались туземцы, и предводительствовали ими. Войско, составленное изъ Эзельцевъ, уроженцевъ провинціи Еревы и Виры, осаждали Ревель, но были прогнаны. Въ такомъ напряженномъ состояніи была Эстляндія, когда явился туда Ярославъ съ Новгородцами въ 1223 году.

Вся провинція Уггеноисъ прислала ему дары и признала надъ собою власть Великаго-Новгорода. Туземцы отдавали Новгородцамъ связанныхъ плѣнниковъ, нѣмецкихъ рыцарей, купцовъ и вообще всѣхъ Нѣмцевъ, какихъ только ловили въ своей землѣ. Князь объявилъ Уггеноисъ, по прежнему, Новгородскою волостью. Въ Юрьевѣ Новгородцы объявили своимъ подручникомъ князя Вячеслава или Вячка, того самаго, котораго нѣкогда Нѣмцы выгнали изъ Кукеноиса. Оденпе также признало власть Новгорода. Новгородцы дошли до Пнисаде. Въ это время явились къ Ярославу послы отъ Эзельцевъ и просили прежде взять Ревель, выгнать Датчанъ изъ Гарріи и потомъ уже идти противъ Нѣмцевъ. Между-тѣмъ провинція Саккала была утишена Нѣмцами и туземцы, не дождавшись Русскихъ, покорились волѣ побѣдителей; новгородскіе эмиссары, волновавшіе народъ, были повѣшены Нѣмцами у Вилеенде (Феллинъ). Ярославъ, услышавъ о ихъ смерти и о трусости Саккальцевъ,

въ отмщеніе началъ поступать по-непріятельски съ Саккалою; и тѣ, — говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ,—которые убѣжали отъ мщенія Нѣмцевъ, и спаслись отъ болѣзни, свирѣпствовавшей въ странѣ, теперь погибли отъ Русскихъ, какъ-скоро не успѣвали отъ нихъ спрятаться въ лѣсахъ. Жители Еревы, Виры и Варболы (Воробіина города), вмѣстѣ съ Эзельцами пристали къ Новгородцамъ. Это ополченіе приступило къ ревельскому замку. Четыре недѣли союзники осаждали его и не могли взять, ибо Датчане не допускали ихъ къ стѣнамъ, отбивая и поражая метательными камнями. Новгородцамъ надоѣло вести долѣе осаду; они удовольствовались тѣмъ, что выжгли и ограбили окрестную страну и ушли во свояси, оставя туземцевъ мщенію побѣдителей [1]). Нѣмцы ворвались въ Ереву, истребляли и стараго, и малаго, и навели такой ужасъ, что Еревцы обѣщали вѣчное послушаніе. Вслѣдъ за тѣмъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ Датчанами, Нѣмцы усмирили Гаррію и разрушили укрѣпленія, недавно построенныя туземцами и Русскими.

Послѣ того Нѣмцы обратились на Уггенопсъ. Князь Вячко, принявши отъ Великаго-Новагорода въ управленіе край, утвердился въ Юрьевѣ, началъ показывать притязанія на всю Ливонію и посылалъ отряды требовать дани отъ сосѣднихъ краевъ. Въ случаѣ отказа онъ угрожалъ войною. Послѣ пасхи 1224 г. Нѣмцы подошли къ Юрьеву, но не могли его на этотъ разъ взять, и довольствовались опустошеніемъ окрестностей. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли новыя военныя силы изъ Германіи; произведенъ былъ новый раздѣлъ Ливоніи: Юрьевъ съ Уггенопсомъ по этому раздѣлу достался епископу Герману, брату рижскаго епископа Альберта. Новый владѣтель утвердился въ Оден-

[1]) Henr. 278.

пе; ему покорялись тѣ изъ туземцевъ, которые испытали въ короткое время, что покровительство Новгородцевъ мало чѣмъ бываетъ лучше нѣмецкаго владычества. Зато, съ другой стороны, около Вячка въ Юрьевѣ столпились бѣглецы изо всей Эстоніи, всѣ, которые въ прошедшемъ возмущеніи слишкомъ звѣрски свирѣпствовали противъ Нѣмцевъ и не могли надѣяться отъ нихъ пощады. Епископъ послалъ къ Вячку ласковое посольство; онъ не отнималъ у него Юрьева, а только просилъ, чтобы князь выслалъ отъ себя прочь возмутителей, оскорбившихъ и поругавшихъ таинство крещенія, отступниковъ Христовой вѣры, убійцъ своихъ господъ, разбойниковъ, терзавшихъ собственныхъ единоземцевъ за то, что они приняли Христову вѣру. Должно быть Вячко и прежде, до полученія права на Юрьевъ отъ руки Великаго-Новагорода, получилъ его отъ Нѣмцевъ въ качествѣ подручника рыцарей, ибо нѣмецкій лѣтописецъ, выставляя его злодѣянія, говоритъ, что онъ перебилъ тѣхъ вѣрныхъ ему людей, которыхъ дали ему Рижане для защиты отъ нападенія Литовцевъ. Какъ бы то ни было, только Вячко не поддался на мирныя предложенія, потому-что ожидалъ помощи отъ Новгорода и надѣялся на русскихъ стрѣлковъ и на военные запасы. Рижскій епископъ собралъ рыцарей и пилигримовъ, пришедшихъ изъ Германіи и купцовъ, созвалъ въ ополченіе крещеныхъ Ливовъ и Эстовъ. Оба епископа: рижскій и новоназначенный дерптскій, отправились въ походъ, достигли Юрьева; 15 августа, въ день Успенія Богородицы, Нѣмцы разбили шатры вокругъ всего города. Городъ былъ опоясанъ рвомъ. Нѣмцы въ восемь дней построили огромную деревянную башню, высотою вравнѣ со стѣнами замка, и прикатили ее ко рву. Потомъ они принялись засыпать ровъ. Работа шла неусыпно и днемъ и ночью. Свѣжіе воины немедленно перемѣняли усталыхъ. На другой день ровъ былъ почти засыпанъ; башню подка-

тили подъ самыя стѣны. Тогда Нѣмцы послали къ Вячку еще разъ мирное предложеніе. Они требовали, чтобъ онъ выступилъ изъ Юрьева, и обѣщали ему свободный выходъ оттуда. Вячко надѣялся на выручку отъ Новгородцевъ и упорствовалъ. Нѣмцы открыли приступъ, бросали въ городъ раскаленное желѣзо и горшки съ огнемъ, чтобъ произвесть пожаръ; съ обѣихъ сторонъ метали другъ въ друга каменьями и пускали стрѣлы: такъ прошло нѣсколько дней. Чтобъ самимъ не заснуть, Нѣмцы вокругъ города производили нарочно шумъ: Ливы и Латыши также ударяли мечами въ щиты, Нѣмцы колотили въ литавры, дудили на дудкахъ и трубахъ. Русскіе въ городѣ съ своей стороны кричали и играли на своихъ инструментахъ. Такъ прошло нѣсколько дней. Осада стала надоѣдать Нѣмцамъ. Тогда одинъ изъ рыцарей, предводитель пилигримовъ, сказалъ: «Много замковъ мы пограбили, а все милость оказывали злодѣямъ; оттого они и не боятся насъ. Теперь дадимъ обѣтъ: кто взойдетъ первый на стѣну, тому окажемъ почесть, и подаримъ ему лучшихъ лошадей и значительнѣйшихъ плѣнниковъ; а вѣроломнаго князя повѣсимъ на высокомъ деревѣ.» Они дали такой обѣтъ Богу и Богородицѣ. На другой день Эсты сдѣлали вылазку изъ тайнаго отверзтія въ стѣнѣ, выкатили оттуда колеса, наполненныя горючимъ матеріаломъ на башню, и чуть-было не зажгли ее; но Нѣмцы потушили начавшійся пожаръ. Вслѣдъ за тѣмъ началась ожесточенная битва; посреди схватки братъ епископа, Іоаннъ ф. Аппельдернъ, первый взошелъ на стѣну съ огнемъ въ рукахъ. За нимъ, воодушевленные его смѣлымъ примѣромъ, полѣзли одинъ за другимъ; воины подсаживали своихъ товарищей, а подсаженные въ свою очередь подавали руки оставшимся и помогали взбираться наверхъ. Дорога была проложена; все ополченіе, не только Нѣмцевъ, но и Ливовъ и Латышей ринулось че-

резъ стѣну въ городъ. Началась рѣзня; не щадили ни старыхъ, ни малыхъ; когда одни расправлялись съ Русскими, другіе окружили замокъ и не дозволяли никому спастись изъ него бѣгствомъ. Такъ погибло ихъ двѣсти и въ томъ числѣ Вячко. Остался въ-живыхъ одинъ только человѣкъ, Суздалецъ родомъ; рыцари оставили его въ-живыхъ нарочно, и послали извѣстить Новгородцевъ о томъ, что̀ случилось въ Юрьевѣ. Новгородцы были уже на пути недалеко Пскова, но получивъ извѣстіе о печальной гибели Вячка, воротились назадъ [1]). Вслѣдъ за взятіемъ Юрьева, въ Новгородской Лѣтописи [2]) упоминается о новомъ набѣгѣ Литвы, такъ-какъ изъ прежнихъ извѣстій видно, что новгородскія лѣтописи Литвою называли тогда Латышей, то и здѣсь, кажется, слѣдуетъ разумѣть этихъ послѣднихъ. Очень естественно, что, по прежнему обычаю, послѣ побѣды надъ Русскими въ Юрьевѣ, Латыши отправились въ Новгородскую Землю надѣлать непріятелю пакостей. Они напали на Русу, и притомъ неожиданно. Русскій посадникъ Ѳедоръ выѣхалъ на нихъ; но Латыши сбили съ коней всадниковъ, отняли лошадей и разогнали разбитыхъ воиновъ по лѣсу. Вѣроятно слѣдуетъ разумѣть Латышей и въ 1225 году [3]), когда, по извѣстію Новгородской Лѣтописи, вооруженный отрядъ ихъ, подъ именемъ Литвы, дошелъ до Торжка и сильно опустошилъ окрестности этого города; тогда погибло много купцовъ, ѣздившихъ съ товарами. Князь Ярославъ отправился противъ враговъ съ своими дворянами, да съ Новоторжцами; къ нимъ присоединились Торопчане съ своимъ княземъ; на Усвятѣ догнали враговъ, возвращавшихся съ награбленною добычею и съ толпою плѣнниковъ. Сраженіе кончилось удачно для Русскихъ; плѣн-

[1]) Henr. 289; Новг. Л. I, 39. [2]) Новг. Л. I, 39.
[3]) Новг. Л. I, 42.

ники были отняты. До двухъ тысячъ враговъ легло на мѣстѣ; прочіе разбѣжались, но Торопчане потеряли тогда своего князя Давида.

Рядъ неудачныхъ обстоятельствъ въ войнѣ съ Нѣмцами, бѣдствія, какія терпѣлъ Новгородскій край отъ безпрестанныхъ набѣговъ, располагалъ Новгородцевъ прекратить войну. И такъ, вмѣстѣ со Псковичами, въ концѣ 1225 г., они послали въ Ригу пословъ для заключенія постояннаго мира съ Нѣмцами. Въ это время случился въ Ригѣ папскій легатъ. Какъ легатъ, такъ и Нѣмцы съ радостію приняли предложеніе Новгорода и Пскова, освобождавшее ихъ отъ враговъ, которые препятствовали дѣлу обращенія туземцевъ Ливоніи и служили какъ-бы горючимъ матеріаломъ упорству послѣднихъ [1]).

Но миръ былъ непроченъ. Въ 1228 г. опять-было стали возникать непріязненныя отношенія. Не дошло до войны. Эта война до-сихъ-поръ ограничивалась безплодными набѣгами; Новгородскій край отплачивался за нее разореніемъ своихъ волостей, плѣномъ своихъ жителей, обѣдненіемъ края: — неудивительно, что она надоѣдала массѣ народа; она могла быть только привлекательною для воинственной княжеской дружины, да для толпы удальцовъ, всегда готовыхъ стать подъ военный стягъ, идти куда бы то ни было, лишь бы пограбить и помѣряться удалью. Такимъ скучно было оставаться безъ войны. Послѣ заключенія мира князь Ярославъ ходилъ въ Финляндію (на Емь) и за это въ отплату Емь въ Ладогѣ нахватала плѣнниковъ. Теперь удальцы захотѣли опять идти на Нѣмцевъ. Вѣроятно и со стороны чудскихъ язычниковъ были опять моленія о помощи противъ завоевателей; но видно, что въ Новгородѣ уже не нашлось

[1]) Генг. 296.

столько охотниковъ, какъ прежде, потому-что князь привелъ тогда войско изъ Переяславля. Тогда Псковичи, услышавъ, что затѣвается опять вражда съ Нѣмцами — отправили въ Ригу посольство и заключили съ Нѣмцами особый миръ, выгородившій Новгородцевъ. «То мы, а то Новгородцы» — говорили ихъ послы: — «мы не хотимъ воевать съ вами; но зато, если Новгородцы пойдутъ на насъ, то вы помогайте намъ». Въ знакъ согласія они оставили въ Ригѣ сорокъ человѣкъ заложниковъ союза. Узнавъ о такомъ отпаденіи Пскова, князь порывался идти на Псковъ. «Княже — отвѣчали Псковичи послу его: — мы кланяемся тебѣ и брату Новгороду, а на Ригу не идемъ; не мы ли съ Новгородомъ разомъ взяли миръ въ Ригѣ? Вы ходили къ Колывани (Ревелю), только собрали сребро, а города не взяли и правды не устроили; и къ Кеси ходили, и къ Медвѣжьей-Головѣ, и нигдѣ ничего не довели до конца; а за это нашу братью перебили на озерѣ, другихъ въ плѣнъ забрали; мы не пойдемъ; и если вы пойдете противъ насъ самихъ, то и мы съ Святою Богородицею: хотя перебейте насъ всѣхъ, а женъ и дѣтей себѣ заберите, а мы не пойдемъ!» Новгородцы разсудили, что Псковичи вообще правы; ктому же въ то время былъ неурожай и дороговизна увеличилась; цѣны поднялись еще болѣе, какъ только разошлась молва о предпринимаемой войнѣ. Новгородцы отказались идти съ княземъ и разрывать миръ съ Нѣмцами, и князь отпустилъ набранные полки [1]).

Въ слѣдующемъ году опять повторяется нашествіе Литвы по нашимъ лѣтописямъ, а какъ мы уже видѣли, что подъ Литвою разумѣли Латышей, то и здѣсь, вѣроятно, было продолженіе прежней вражды; нападеніе было сдѣлано на окрестности озера Селигера, — они воевали Мореву

[1]) Новг. Л. I, 43; Псков. Л. I, 178.

и Любни [1]). Такимъ-образомъ опять былъ поводъ къ разрыву, уже не со стороны Русскихъ. Но такой поводъ представился еще важнѣе въ 1232 году. Враждебная князю Ярославу новгородская партія нашла себѣ пріютъ во Псковѣ, но потомъ Псковичи помирились съ княземъ и прогнали отъ себя его недруговъ. На челѣ этихъ недруговъ былъ бывшій новгородскій тысячскій, Борисъ. Псковичи показали «Борисовой чади» путь, то есть прогнали его родичей и приверженцевъ. Изгнанники убѣжали въ Оденпе и тамъ призывали Нѣмцевъ на помощь противъ соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ ними былъ сынъ Владимира псковскаго, тогда уже вѣрно умершаго, Ярославъ, рѣшившійся подражать раннимъ, а не позднимъ поступкамъ своего отца. Съ помощію Нѣмцевъ они захватили Изборскъ; но Псковичи тотчасъ явились подъ взятымъ городомъ, обступили его и достали въ плѣнъ князя Ярослава и всѣхъ Нѣмцевъ, кто не успѣлъ убѣжать. Они послали тогда къ новгородскому князю Ярославу извѣстіе. Ярославъ приказалъ плѣнниковъ заковать и отправить въ Переяславль-Залѣсскій. Въ отмщеніе за то Нѣмцы поймали какого-то Новгородца Кирила Синкиница и засадили въ тюрьму. Тогда Великій-Новгородъ, считая этотъ поступокъ нарушеніемъ мира, объявилъ войну, а князь Ярославъ отправился къ Юрьеву и, по обычаю, разослалъ отряды по окрестностямъ въ зажитіе, то есть на грабежъ. На рѣкѣ Омовжѣ произошло сраженіе. Нѣмцы потеряли много своихъ и предложили миръ (поклонишася князю). Схваченный Кирило былъ выпущенъ. Это происходило въ великій постъ 1234 г. Несмотря однако на возобновленный миръ, какъ только Ярославъ воротился съ Новгородцами (изъ которыхъ не убыло во время похода ни одного человѣка), какъ услышали, что подъ Русою

[1]) Новг. Л. I, 45.

опять появилась Литва. На этотъ разъ тамъ произошла незначительная стычка, стоившая четырехъ человѣкъ Русѣ. Послѣ того враги, ограбивъ монастырь Св. Спаса и убивъ четырехъ чернецовъ, пошли на Клинъ. Ярославъ погнался за ними и разбилъ ихъ нá-голову въ Торопецкой волости [1]). Объ этомъ походѣ нельзя сказать положительно, что Литва, здѣсь упоминаемая — были также Латыши, какъ и прежде, потому-что лѣтописецъ называетъ ее *безбожною* Литвою; но также послѣднее выраженіе не даетъ права непремѣнно видѣть здѣсь Литовцевъ-язычниковъ; потому-что тогда лѣтописецъ могъ такимъ-образомъ называть новокрещеныхъ-католиковъ.

Миръ не могъ состояться на долго. Тевтонизмъ, покусившись на дѣло порабощенія литовскихъ и чудскихъ племенъ, встрѣтилъ на полстолѣтіе себѣ препятствіе въ сѣверномъ славянствѣ Новгорода и Пскова. Славянство не удержало оспариваемой у него власти надъ ливонскими инородцами; — славянство должно было уступить; тевтонизмъ не могъ сразу забыть того. Какъ-скоро онъ почувствовалъ свою силу надъ врагомъ, то явилось убѣжденіе, что и славяно-русскія общины отданы ему судьбою, какъ Латыши, Ливы и Эсты.

Властолюбивые замыслы обратились на Сѣверную Русь послѣ уступки Нѣмцамъ Ливоніи. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ Русскихъ. Русскіе представлялись на Западѣ врагами св. отца и римско-католической Церкви, даже самаго христіанства, потому-что заступались за непокорныхъ язычниковъ, возбуждали ихъ къ отступничеству. Съ другой стороны Орденъ въ то время потерялъ Гаррію съ Ревелемъ и Вир-

[1]) Новг. Л. I, 49.

ландію, уступивъ эти земли датскому королю Вольдемару, по рѣшенію папы. Папа предоставлялъ рыцарямъ вознаградить себя другими землями на востокѣ; и вотъ они обратились на Славянъ. Покушеніе овладѣть Новгородомъ и Псковомъ должно было возникнуть еще и потому, что рыцари сознавали за собою призваніе крестить чудскихъ язычниковъ вообще, а не въ одной Ливоніи; а имъ извѣстно было, что владѣнія Новгорода и, вѣроятно, отчасти еще Пскова, были заселены чудскими племенами, погруженными въ язычеетво. Если имъ удалось отнять у Новгорода Ливонскую Чудь, то естественно было желать отнять у того же Новгорода и Водь; да наконецъ, и самихъ Славянъ, которые, какъ сказано выше, въ ихъ глазахъ были почти тѣ же язычники, покорить духовной власти св. отца и поработить себѣ матеріально. Въ то же время ихъ побуждало начать завоеваніе Славянъ и то, что Орденъ Меченосцевъ въ то время соединился съ Нѣмецкимъ и, слѣдовательно, силы крестоносцевъ были удвоены.

Первый дерптскій епископъ Германъ смотрѣлъ враждебно на Псковичей, какъ и послѣдніе на него. Германъ разсчитывалъ, что Русскимъ должно быть прискорбно, что Юрьевъ, принадлежавшій русскому міру, отнятъ у него, и при удобномъ случаѣ они покусятся возвратить его; поэтому лучше предупредить ихъ и покорить Нѣмцамъ самихъ Русскихъ по сосѣдству. Онъ кликнулъ кличь; собрались къ нему рыцари; стеклись къ нему и люди датскаго короля; недавно поселившіеся въ Гарріи Нѣмцы бросились въ Изборскъ и взяли его штурмомъ. Князь Ярославъ Володимировичъ тогда былъ въ нѣмецкихъ рядахъ и предательски велъ иноплеменниковъ на свое отечество. Никого не оставили въ покоѣ изъ Русскихъ—говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ-современникъ: — кто только прибѣгалъ къ защитѣ,

тотъ былъ убиваемъ, или взятъ въ плѣнъ, и по всей землѣ распространились вопли.

Псковичи смѣло пошли на рыцарей и вступили въ битву. «Псковичи — это народъ свирѣпый»! — говоритъ древній нѣмецкій историкъ: — «у нихъ вооруженіе блестящее, а шлемы сіяютъ какъ стекло. Сошлись Нѣмцы съ Псковичами; Нѣмцы пробили ряды Псковичей. Псковичи были поражены: восемьсотъ человѣкъ легло на мѣстѣ, а остальные бѣжали, отчаянно пришпоривая и прихлестывая своихъ лошадей, и вокругъ лѣсъ гремѣлъ стонами и проклятіями»[1]). Рыцари, одержавъ побѣду, двинулись ко Пскову: быстрота помогла имъ: Русскіе были измучены подъ Изборскомъ и не успѣли еще отдохнуть, какъ уже Нѣмцы разбили свои шатры въ виду Пскова и сожли неукрѣпленный посадъ близъ города. Много было у нихъ пришельцевъ изъ Германіи; много Датчанъ: всѣ поглядывали на Псковъ, надѣясь получить свой удѣлъ въ завоеванной землѣ. Начались переговоры. Альнеке говоритъ, что они такъ были ведены, что король Псковичей (князь) Герполтъ (?) добровольно передалъ Псковъ во владѣніе Ордена. Псковская Лѣтопись говоритъ, что въ самомъ Псковѣ были измѣнники, передавшіе Нѣмцамъ городъ. Главнымъ былъ посадникъ Твердило Ивановичъ. Псковъ былъ сданъ и достался Ордену со всею своею землею.

Упоенные побѣдою, Нѣмцы, усѣвшись во Псковѣ, тотчасъ же стали замышлять покореніе Новгорода. Псковская партія Твердилы давала имъ совѣтъ и уже начались набѣги на Новгородскую волость. Между-тѣмъ поднялась на Новгородъ съ другой стороны туча. Возбуждая противъ Русскихъ крестоносцевъ, папа возбуждалъ противъ нихъ Шведовъ. Папская булла поручала Шведамъ начать кре-

[1]) Reimschron, v. Alnp. 84.

стовый походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Какъ ливонскіе пришельцы ненавидѣли Новгородцевъ за то, что они принимали сторону язычниковъ и оспоривали у Нѣмцевъ владѣніе Ливонскою Землею, такъ Шведы стояли съ Новгородомъ во враждебномъ отношеніи за Финляндію: Новгородъ мѣшалъ Шведамъ распространять католичество между Емью и Корелою. Въ 1239 году папа Гонорій призывалъ крестоносцевъ соединиться со Шведами и обратить оружіе на Русскихъ, чтобъ не допустить ихъ болѣе препятствовать крещенію Финляндіи [1]).

Тогда управлялъ дѣлами Швеціи, вмѣсто больнаго короля Эрика Эриксона, Биргеръ; онъ предводительствовалъ войскомъ, составленнымъ изъ Шведовъ, Норвежцевъ и подвластныхъ Финновъ. Нѣсколько духовныхъ сановниковъ, епископовъ съ своими вассалами, придавали вполнѣ этому ополченію значеніе священной брани за вѣру. Шведы шли не за тѣмъ, чтобъ сдѣлать нападеніе и пограбить пограничный край, а съ тѣмъ, чтобы покорить Новгородъ со ѣсѣми его обширными землями. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ ко князю Александру объявленіе войны, надменное и грозное: «Я пришелъ,—говорилъ онъ черезъ посла—посѣтить твою землю; если можешь сопротивляться мнѣ, то знай, что я уже въ твоей землѣ». Со стороны Новгородцевъ война то же приняла священный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги: Шведы, Нѣмцы, Датчане, соединенные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ молился въ св. Софіи. Владыка Спиридонъ благословилъ его и его воиновъ на

[1]) Bunge, B. I; H. 2. 164.

святую брань. Въ его ополченіи, составленномъ изъ Новгородцевъ, были ратники и изъ другихъ земель русскихъ: были охотники изъ Полоцка; были пришедшіе съ княземъ изъ Суздальской волости отца его Ярослава. Въ Ладогѣ пристали къ нимъ Ладожане, подручники Великаго-Новгорода. Шведы уже вошли въ Неву и бросили якори на устьѣ Ижоры. Вѣроятно это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги въ расплохъ. Прежде всего ее слѣдовало взять, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій-Новгородъ. Но не знали они того, что въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ предупредилъ ихъ, и 15 іюля на память Кирика и Улиты,—о чемъ счелъ нужнымъ замѣтить лѣтописецъ,—приблизился къ Ижорѣ. У Новгородцевъ былъ обычай, что, при впаденіи Невы въ море, ставилась приморская стража изъ окрестныхъ туземныхъ жителей Водской Земли; надзирать за такимъ важнымъ дѣломъ довѣрялось преимущественно крещенымъ туземцамъ. Начальство надъ такой приморской стражею тогда поручено было какому-то Вожанину, который на своемъ природномъ нарѣчіи носилъ имя Пелгусій, а во св. крещеніи именовался Филиппъ. Это былъ мужъ очень благочестивый: живя среди своихъ единоземцевъ, еще массою погруженныхъ въ идолопоклонство, Пелгусій былъ такъ набоженъ и богоугоденъ, что по средамъ и пятницамъ ничего не ѣлъ, а потому сдѣлался способнымъ видѣть видѣнія. Когда Шведы явились, онъ шелъ къ Александру извѣстить о ихъ прибытіи и разсказалъ ему какъ стали Шведы. «Мнѣ было видѣніе—сказалъ онъ—когда я еще стоялъ на вскрай моря; только-что стало восходить солнце, услышалъ я шумъ страшный по морю и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ; одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ; на краю ихъ ладіи сидѣли гребцы и работали весла-

ми, ихъ одѣвала мгла и нельзя было различить лика ихъ; но я услышалъ какъ сказалъ Борисъ-мученикъ брату своему св. Глѣбу: «брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!» И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба; и мнѣ стало страшно, такъ-что я трепеталъ; и насадъ отошелъ изъ глазъ у меня». — «Не говори же этого никому другому», отвѣчалъ ему Александръ.

Шведы не ждали непріятелей и расположились спокойно на отдыхъ; ихъ шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Неизвѣстно, какъ Новгородцы дошли до нихъ на другой берегъ рѣки: приплыли ли они туда отчасти въ ладьяхъ, или ранѣе переправились на другой берегъ; лѣтописецъ говоритъ, что вообще имъ было неудобно. Извѣстіе о лошадяхъ при описаніи сраженія показываетъ, что у Новгородцевъ была тогда конница, но были и пѣшіе; а потому вѣроятно пѣшіе плыли въ ладьяхъ, а конница шла по берегу, сообразно съ ходомъ лодокъ. Часовъ въ одиннадцать утра Новгородцы нежданно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Это было не сраженіе, а скорѣе богатырская схватка,—тутъ была возможность показаться личной удали и мужеству. Лѣтописецъ слышалъ отъ самаго князя Александра о подробностяхъ этого дня; онъ передаетъ имена тѣхъ молодцовъ, которые тогда особенно отличились. Славную память оставилъ по себѣ Гаврило Олексичъ: увидѣлъ онъ, что Шведы, всполошенные неожиданнымъ нападеніемъ, уводили подъ руки знатнаго юношу: то былъ сынъ Биргера; Гаврило наѣхалъ прямо на берегъ на шведскую шнеку; доски еще не успѣли прибрать, что брошена была со шнеки на берегъ. По этой доскѣ бросился Гаврило на своемъ конѣ на шнеку проворно; тутъ обра-

лились на него Шведы и столкнули въ воду съ конемъ; но Гаврило поправился, изъ воды выскочилъ, по берегу поскакалъ, налетѣлъ на воеводу Спиридона, схватился съ нимъ и убилъ его. Тутъ же положилъ голову и одинъ изъ епископовъ шведскихъ. Другой Новгородецъ, Миша, съ своею пѣшею дружиною наскочилъ на три корабля и потопилъ ихъ. Остался въ памяти потомковъ Сбыславъ Якуновичъ: съ однимъ топоромъ, отважный молодецъ бросился на непріятеля; и много людей пало подъ топоромъ его, и всѣ дивились силѣ и храбрости его. Лѣтописецъ сохранилъ имя Якова Полочанина, княжескаго ловчаго. Князь хвалилъ его потомъ за то, что мужествовалъ онъ крѣпко съ мечомъ. Со славою пѣшій слуга Ратимиръ положилъ голову отъ многихъ ранъ, которыя ему задали Шведы, обступивъ его. Новгородецъ Савва былъ не изъ лучшихъ, а изъ молодшихъ людей, а славу стяжалъ вѣчную. Онъ бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди шведскаго лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ предводителя Биргера и хватилъ его мечомъ по лицу: «возложилъ ему печать на лицо»—говоритъ повѣствователь. Неожиданность явленія Новгородцевъ нагнала столбнякъ на Шведовъ. Въ слѣдующую же ночь, закопавши трупы мертвыхъ, другихъ мертвецовъ, которые были познатнѣе забравши съ собою, они поплыли внизъ по Невѣ. Такая блистательная побѣда обошлась Новгородцамъ чрезвычайно дешево: у нихъ легло всего человѣкъ двадцать. Можетъ-быть иной былъ бы исходъ дѣла, еслибы Шведы были предувѣдомлены, что на нихъ нападутъ, а то на нихъ напали врасплохъ и оттого посчастливилось Новгородцамъ [1].

[1] Соф. Л. I, 179.

Едва только прибылъ Александръ съ своего славнаго поля битвы въ Новгородъ, какъ рассорился съ Новгородцами и ушелъ отъ нихъ. Вслѣдъ за тѣмъ Новгородцы послали просить у отца Александрова, Ярослава, другаго сына, Андрея, въ князья себѣ. Вдругъ новая туча наступила съ другой стороны. Изгнанники Псковичи, не хотя подлегать власти Нѣмцевъ, толпами являлись въ Новгородъ съ женами и дѣтьми, и вопили о помощи. И въ то же время Нѣмцы, утвердившись во Псковѣ, затѣвали покорить и Новгородъ; стекались къ нимъ изъ Европы новыя силы и передовые отряды пустились разорять Новгородскія волости. Рыцари послали ополченіе Латышей, Ливовъ и Эстовъ на Водскую страну. Вожане, испуганные разореніями, сдавались и переходили отъ страха къ побѣдителямъ. Такимъ-образомъ взяли новгородскій пригородъ Лугу; шайки летали въ разныя стороны и достигали тридцати верстъ отъ Новгорода; убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ съ товарами. Копорье — тогда еще только новгородскій погостъ — было взято: Нѣмцы сдѣлали въ немъ мѣсто опоры для власти надъ Водскою страною и построили укрѣпленіе. Вожане должны были неволею становиться въ ряды побѣдителей; тѣ, которые не хотѣли — разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Нѣмцы забирали лошадей, скотъ; «не на чѣмъ было орать по селамъ», — говоритъ лѣтопись [1]). Рыцари считали уже пріобрѣтеннымъ своимъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Корелію; отдавали эти страны католичеству и папа присудилъ ихъ церковной юрисдикціи эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 г. этотъ епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины

[1]) Новг. Л. I, 43.

со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее, рыбныя ловли, управленіе и всѣ вообще мірскіе доходы [1]).

Въ такихъ обстоятельствахъ Новгородъ опять приглашалъ Александра. Александръ не перечился. Дѣло было общерусское.

Въ 1241 году собрались ополченіемъ Новгородцы и Ладожане; вооружена была по призыву Великаго-Новгорода Корела и Ижора. Александръ отправился на Копорье и счастливо отнялъ его у Нѣмцевъ. Городъ, построенный Нѣмцами, былъ уничтоженъ до основанія: одни изъ Нѣмцевъ погибли тогда въ сѣчѣ; другіе отведены были плѣнниками въ Новгородъ. Александръ нѣкоторыхъ пожаловалъ и отпустилъ, потому-что онъ былъ,—по выраженію лѣтописца,—милостивъ паче мѣры. Не такъ милостиво поступилъ онъ съ Вожанами и Чудью, подданными Великаго-Новгорода, принявшими сторону Нѣмцевъ, можетъ-быть болѣе изъ крайней необходимости, чѣмъ изъ непріязни къ Новгороду. Александръ велѣлъ ихъ вѣшать. Послѣ того надобно было освободить Псковъ. Александръ призвалъ на помощь Низовцевъ съ братомъ Андреемъ и въ 1242 году двинулся ко Пскову. Городъ былъ освобожденъ. Два Нѣмца, намѣст-

[1]) Notum ergo facimus tam posteris quam praesentibus, quod fratres domus L. Mariae Theutin Livon.ia nobiscum concordaverunt, cum a sede apostolica postularent, iurisdictionem nostram extendi, ad terras inter Estoniam, iam conversam et Rutiam, in terris, videlicet Watlande, Nouwe Ingriae et Carelae, de quibus spes crat conversionis ad fidem Christi cum iam occupatae essent a praedicti fratribus per quoddam castrum, multorum de ipsis terris consensu sub hac forma compositionis ut videlicet nos in spiritualibus in terris illis providentes, decimam decimae perciperimus in omnigenis proventibus exceptis, variis pelliculis, ipsis autem fratribus omne reliqum cederemus emolumentum, tam in iure patronatus ecclesiarum, quam piscationibus advocatiis et ceteris imperialibus (temporalibus)? pro eo quod ipsis incumbebat labor, expensa et periculum in barbarorum subiugatione (Bunge, Band III, Heft. 1, 34).

ники Пскова, въ оковахъ отправлены въ Новгородъ. Александръ сѣлъ во Псковѣ; впередъ въ Нѣмецкую Землю были посланы отряды за вѣстями. Александръ ожидалъ новой войны; она должна была послѣдовать отъ Нѣмцевъ. И дѣйствительно, скоро онъ услышалъ, что нѣмецкая сила напала на посланные въ нѣмецкую землю отряды, разбила ихъ и идетъ на Псковъ. Мейстеръ Валкъ и епископы шли съ увѣренностію, что дѣло поправится на ихъ сторону. Нѣмецкое ополченіе шло по льду по Чудскому озеру, съ цѣлью дойти до Пскова льдомъ. Но Александръ провѣдалъ путь непріятелей, и самъ выступилъ изъ Пскова по льду, съ Новгородцами и Псковичами. Александръ уставилъ свое войско въ боевой порядокъ на озерѣ, у скалы Вороній Камень, на Узмени, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское. Мѣсто это названо такъ потому, что тамъ дѣйствительно постоянно кружатся вὸроны. Нѣмцы двинулись на Русскихъ. По способу тогдашней тактики, Александръ поставилъ свое войско свиньею: такъ называлось построеніе треугольникомъ, образовавшимъ острый конецъ, обращенный къ непріятелю. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ, и громко предъ всѣмъ войскомъ своимъ говорилъ: «Суди мнѣ, Боже, и разсуди споръ мой съ этимъ велерѣчивымъ народомъ; помоги мнѣ, Господи, какъ Ты помогалъ прародителю моему, Ярославу противъ окаяннаго Святополка!» Была тогда суббота пятой недѣли великаго поста, день 5-го апрѣля. Солнце только-что восходило. Когда Нѣмцы приблизились, Александръ стремительно двинулъ свою свинью рыломъ на непріятеля, и нѣмецкій строй былъ разрѣзанъ. Тогда,—говоритъ лѣтописецъ, передающій разсказъ свой словами очевидца, сообщавшаго о славномъ дѣлѣ извѣстіе:—тогда поднялся трескъ отъ ломки копій и звукъ отъ мечнаго сѣченія. Казалось, двинулось замерзлое море, и великая сталась сѣча Нѣм-

цамъ и Чуди съ нами, и льду не видно было: все покрылось кровію». Разорванные, потерявшіе строй, Нѣмцы бѣжали; Русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ по льду, до Суболическаго берега. Лѣтописецъ насчитываетъ побитыхъ Нѣмцевъ пятсотъ человѣкъ, а о Чуди говоритъ, что ее пропало безчисленное множество; иные въ водѣ потонули: тогда уже въ весеннее время ледъ былъ некрѣпокъ; а изъ тѣхъ, которые убѣжали, многіе были съ ранами, и умирали отъ ранъ. Пятьдесятъ Нѣмцевъ взято живьемъ. А идучи,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—они говорили: «мы руками возьмемъ князя Александра». Самовидецъ, передававшій лѣтописцу разсказъ объ этомъ замѣчательномъ событіи, говоритъ: «я видѣлъ полки Божіи на воздусѣ; они приходили на помощь князю Александру Ярославичу; и они-то обратили ратнымъ плещи, и избивали ихъ, гоня по воздуху; и некуда было бѣжать врагамъ. Александръ побѣдилъ силою Божіею, святой Софіи и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Эта побѣда воскресила-было на время языческую ревность Финляндіи. Таваста возмутилась; но Русскіе, занятые другимъ дѣломъ, упустили изъ виду Финляндію, и Шведы принялись крестить Финновъ еще дѣятельнѣе. Биргеръ для укрощенія края построилъ крѣпость Тавастгусъ [1]).

Съ торжествомъ возвращался Александръ во Псковъ, освобожденный имъ отъ иноплеменной власти. Близъ коня его вели знатныхъ рыцарей; за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнниковъ. Когда богатырь приближался къ городу, навстрѣчу ему вышло духовенство, и весь народъ издавалъ радостные крики и торжественныя пѣсни, восклицая: «Богъ, пособившій Давиду на иноплеменниковъ, освободилъ нашъ городъ Псковъ отъ иноязычниковъ рукою великаго

¹) Дал. 167.

князя Александра Ярославича.» Въ Новгородѣ, куда Александръ повезъ своихъ плѣнниковъ, взятыхъ на ледяномъ побоищѣ, его ожидали такія же почести, такая же слава. «Прославилось, — говорили тогда, сообразно тогдашнимъ географическимъ свѣдѣніямъ,—имя великаго князя Александра Ярославича, отъ моря Варяжскаго, до моря Понтесскаго и до моря Хупожскаго, и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратскихъ, а объ ту страну Варяжскихъ горъ, и Аравитскихъ, даже до Рима великаго; имя его стало извѣстнымъ тьмамъ темъ и тысячамъ тысячъ людей [1]).

Пораженные нѣсколько разъ, Нѣмцы прислали въ Новгородъ посольство и отступились отъ всего, на чтó покушались—отъ Пскова, Води, Луги и Латыголы, отпускали всѣхъ захваченныхъ новгородскихъ и псковскихъ плѣнниковъ и взамѣнъ просили отпустить нѣмецкихъ. Великій-Новгородъ согласился на миръ, и миръ былъ заключенъ. Этотъ миръ отрѣзывалъ нѣмецкому племени путь ко владычеству надъ Славянами на сѣверѣ, отнималъ у него часть сѣвернаго финскаго народонаселенія и связалъ ее со славянскимъ міромъ, тогда-какъ другой суждено было подпасть подъ власть Нѣмцевъ. Не такъ однако усмирились легко Латыши: еще нѣсколько партій ихъ, подъ прежнимъ у Русскихъ названіемъ Литвы, вторгалось въ новгородскіе предѣлы. Александръ выходилъ противъ нихъ и побѣдилъ семь такихъ отрядовъ; убили у нихъ воеводъ; иныхъ взяли въ плѣнъ. Новгородцы, раздраженные за опустошенія, которыя они дѣлали, привязывали ихъ къ лошадинымъ хвостамъ, и такъ тащили за собою [2]). Но славная побѣда Александра не прекратила вражды ни съ Нѣмцами, ни со Шведами. Она продолжалась во все время

[1]) Соф. Врем. I, 181. Новг. Л. I, 54.
[2]) Соф. Врем. I, 81. Новг. Л. I, 55–56.

существованія независимости Новгорода и Пскова. Въ 1251 году Нѣмцы сдѣлали новое покушеніе на Псковъ, но были отбиты. За то, въ отместку, Новгородцы съ Корелою опустошили земли за Нарвой [1]). Католическая пропаганда продолжала отрывать отъ православія Водь, Ижору, Корелу; изъ числа жителей, новообращенные тянули сами къ Шведамъ и Нѣмцамъ. Въ 1255 году папа Александръ IV-й, вмѣсто эзельскаго епископа подчинилъ новгородскія страны рижскому архіепископу, и поручилъ ему назначить вмѣсто себя суффрагана [2]). Шведы, распространяя крещеніе въ Финляндіи, переходили за ея предѣлы и покушались обращать Корелу въ новгородскихъ земляхъ. Въ 1256 году они, подъ начальствомъ Дидмана, стали строить городъ на берегу Наровы. Очевидно было покушеніе на новгородское достояніе. Новгородъ сталъ готовиться къ войнѣ. Но на этотъ разъ Шведы не рѣшились воевать, и, не кончивши постройки, ушли. Въ отмщеніе за это Новгородцы съ Александромъ прогулялись по Финляндіи [3]). Завоеваніе Руси Татарами дало папской власти благовидный предлогъ, подстрекать крестоносцевъ на дальнѣйшія попытки покоренія русскаго міра. Въ 1260 году папа Александръ IV-й побуждалъ рыцарей всѣхъ католическихъ Орденовъ отбивать Русь у Татаръ, объявилъ ее заранѣе собственностью св. Петра на вѣчныя времена, дарилъ рыцарямъ съ условіемъ искоренять проклятый греческій расколъ, и присоединить Русь къ римской Церкви [4]). Понятно, что такія увѣщанія должны были разжигать рыцарскую пропаганду и приводить къ ненависти и нескончаемой враждѣ.

Въ 1262 году Новгородцы подъ предводительствомъ своего князя Дмитрія Александровича, въ союзѣ съ Поло-

1) Карам. III, прим. 91. Новг. Л. I, 56.
2) Bunge, B. III, H. I, 55. 3) Новг. Л. I, 56. 4) Bunge, B. I, H. IV, 442.

чанами, у которыхъ княжилъ тогда Товтивалъ, и съ Литвою, подступили подъ Юрьевъ. Нѣмцы овладѣвши этимъ городомъ, укрѣпили его; однако Новгородская Лѣтопись говоритъ, что несмотря на такую крѣпость, городъ былъ взятъ [1]). Много людей было истреблено; другіе сгорѣли во время пожара; третьи попались въ плѣнъ. Нѣмецкій лѣтописецъ [2]) повѣствуетъ, что Русскіе взяли новый посадъ и, сожгли его, и, послышавъ о приближеніи мейстера, поспѣшно удалились. Во всякомъ случаѣ, отъ этого успѣшнаго дѣла Новгородцы не получили никакого существеннаго пріобрѣтенія: — древній ихъ городъ былъ возстановленъ епископомъ, заселенъ Нѣмцами, и снова принадлежалъ къ ихъ ливонскому владѣнію, а не возвратился къ Новгороду.

Крестоносцы дѣлали безпрестанныя нападенія на Псковъ въ XIII вѣкѣ. Тогда-то прославился въ битвахъ съ ними Довмонтъ. Какъ видно, возникло у нихъ намѣреніе снова покорить своему владычеству этотъ городъ съ его землею. Не могли Нѣмцы забыть, что онъ уже былъ нѣкогда въ ихъ рукахъ: рыцари съ своими ополченіями нѣсколько разъ подходили ко Пскову, но Довмонтъ отражалъ ихъ и разбивалъ. Война принимала значеніе закоренѣлой религіозной международной вражды. Псковичи смотрѣли на этихъ враждебныхъ сосѣдей, какъ на покушающихся ниспровергнуть св. Троицу, перебить мужей сильныхъ и поработить народъ. Приготовляясь къ брани, Довмонтъ въ церкви св. Троицы положилъ мечь свой на алтарѣ, а игуменъ Исидоръ имъ препоясалъ его. Въ 1269 году Нѣмцы стояли десять дней подъ Псковомъ, и были отбиты. Новгородцы дѣйствовали со Псковичами за одно, и хотя не участвовали въ битвѣ, но приближеніе ихъ напугало Нѣмцевъ такъ, что

[1]) Новг. Л. I, 57. [2]) Russow, 20.

они поспѣшно сняли осаду, перебрались за рѣку и заключили миръ, отступившись отъ Наровы [1]). Съ тѣхъ поръ Новгородцы уже не участвовали въ войнахъ Пскова съ Нѣмцами. Псковъ подвергался опасности по Новгородской въ 1298, и по Псковской Лѣтописи въ 1299 г. Этотъ походъ вызванъ былъ нападеніемъ Псковичей на дерптское епископство въ началѣ 1299 года; дерптскій епископъ жаловался, что Русскіе огнемъ и мечомъ опустошили значительную часть его діецезіи [2]). Тогда сильное нѣмецкое ополченіе наскочило на Завеличье, разорило два монастыря—Спасскій и Снѣтогорскій, и осадило Псковъ. Посадъ около города былъ сожженъ, остался въ цѣлости одинъ Дѣтинецъ со святыней Троицы. Довмонтъ сразился съ Нѣмцами у Петра и Павла и побѣдилъ; командоръ, приводившій ополченіе, возвратился съ раною на головѣ; много было захвачено въ плѣнъ и отправлено къ великому князю Андрею. Это былъ предсмертный подвигъ славнаго Литвина, уже тогда одряхлѣвшаго отъ лѣтъ.

Съ конца XIII вѣка возникла между Новгородомъ и Швеціею война. Прежнія враждебныя отношенія были предвѣстниками этой войны. Шведы, подчинивши финляндскую Емь, теперь уже рѣшительно покушались на Корелу, бывшую издавна подъ властію Новгорода; страна между Ладожскимъ озеромъ и моремъ сдѣлалась спорною между Шведами и Новгородцами. Шведы хотѣли въ ней утвердиться и строили укрѣпленія, пункты опоры для владѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ должно было возникнуть шведское населеніе посреди корельской народности и вытѣснять русскую. Шведы и Норвежцы жаловались, что Русскіе и ихъ подручники, Корелы, нападаютъ на католиковъ, живущихъ по границѣ, жгутъ ихъ жилища, разрушаютъ церкви, хватаютъ людей въ неволю. Жалоба ихъ обращена

[1]) Новг. Л. I, 61. [2]) Bunge III. 25 100.

была къ св. отцу. По этой просьбѣ папа проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Русскихъ и жертвовалъ на содержаніе крестовой рати шестилѣтній сборъ, слѣдуемой папскому престолу со Швеціи и Норвегіи десятины [1]). Папскія воззванія, передаваемыя народу посредствомъ духовенства, возбуждали Шведовъ, а духовные въ то время имѣли въ Швеціи большую силу. Правитель Torкель Кнутсонъ съ епископомъ Петромъ Вессерасомъ вошелъ въ Корелію и сталъ ревностно крестить жителей. Разумѣется, Новгородцы должны были противиться такимъ покушеніямъ не только ради удержанія власти надъ Корелою, но и ради собственной цѣлости. Шведы старались въ Новгородской Землѣ строить городки, которые были бы точками опоры для власти надъ туземцами; Новгородцы пытались разорять эти городки. Въ 1293 году Торкель Кнутсонъ построилъ Выборгъ. Въ 1295 году Шведы поставили городокъ въ Кореліи: Новгородцы осадили его, голодомъ принудили гарнизонъ къ сдачѣ и разорили городокъ. Комендантъ Сигелакке былъ убитъ [2]). Съ своей стороны Новгородцы возвели укрѣпленія въ Копорьѣ. Въ 1299 году Шведы поставили городокъ на устьѣ Охты и назвали его Вѣнецъ-Земли (Ляндскроне). Этотъ городокъ показался особенно ненавистнымъ для Новгородцевъ, потому-что стоялъ посреди ихъ водянаго пути, слѣдовательно во всякое время могъ стѣснять ихъ торговлю. Городокъ былъ построенъ съ цѣлью католической пропаганды; даже строили его мастера присланные отъ папы, въ числѣ ихъ были священники, занимавшіеся и ремеслами. На другой годъ Новгородцы подошли къ нему, рѣшившись во что̀ бы то ни

[1]) Baronii Annal. XXIV, стр. 321.
[2]) Dalin Hist. 249.

стало уничтожить его. Тогда оказалось, что городокъ построенъ дурно—изъ сыраго кирпича: въ одинъ годъ погнили въ немъ запасы. Новгородцы, окруживъ его, начали метать въ него огонь и произвели пожаръ внутри, а потомъ стали брать стѣны приступомъ. Городокъ былъ взятъ; Новгородцы всѣхъ безъ пощады били; только нѣсколько храбрецовъ спасли себѣ жизнь: они забрались въ погребъ; Новгородцы никакъ немогли оттуда ихъ вытащить; Шведы защищались отчаянно, мѣтко поражали наступавшихъ на нихъ и, наконецъ, вытребовали себѣ условіе выдти безопасно. Такъ они спасли себѣ жизнь. Новгородцы дали имъ слово и сдержали. Храбрецы ушли въ виду побѣдителей [1]). Для укрѣпленія Корелы, Новгородцы въ 1310 году построили въ Кореліи городокъ на устьѣ рѣки Узервы, впадающей въ Ладожское озеро. На слѣдующій 1311 годъ рать новгородскихъ удальцовъ отправилась походомъ въ Финляндію: они переплыли море, опустошили емскія села на берегахъ рѣки Купецкой [2]), потомъ вошли въ рѣку Черную [3]), дошли до города Ваная [4]). Городъ Ваная стоялъ на высокой скалѣ; взять его не могли, но зато, по извѣстію русскаго лѣтописца, Шведы предложили тогда миръ. Новгородцы опустошили окрестности этого города, потомъ они перебрались въ рѣку Кавгалу [5]), а потомъ въ рѣку Перну [6]), и снова вышли въ море, а моремъ приплыли въ Неву и домой.

[1]) Dal. Hist. 254.

[2]) У Карамзина т. IV, прим. 214. Кюмень рѣка, по другимъ заливъ Поно; см. Соловьева т. III, прим. 398. [3]) По Карамзину ibid. Кумо; по другимъ см. Соловьева) ibid. Нокія. [4]) У Карамзина ссыл. на Бюшинга Erdebeschreib. 1. 634. Біорнеборъ стоявшій прежде выше того мѣста, гдѣ находится теперь, на мѣстѣ называемомъ Ванакила. [5]) Принимаютъ ее за рѣку Борго, отдѣляющую нынѣшнюю Кюменогородскую губ. отъ Тавастгусской. [6]) Въ Кюменогородской губерніи, гдѣ нынѣ мѣстечко Перно.

За этотъ опустошительный набѣгъ Шведы отплатили тѣмъ, что напали на Ладогу и сожгли ее въ 1313 году. Потомъ успѣли произвести раздвоеніе между Корелою, явились въ этомъ народѣ враги новгородской власти и склонили народъ отдаться Шведамъ. Корельскій городокъ былъ взятъ Шведами при помощи туземцевъ; но скоро другіе единоземцы снова сдали его Новгородцамъ. Шведы препятствовали торговлѣ и нападали на берега Ладожскаго и Онежскаго озеръ, убивали купцовъ, плававшихъ тамъ ради торговыхъ дѣлъ. Въ 1321 г. опять было сдѣлано покушеніе на Корельскій городъ и неудачно. Новгородцы въ свою очередь въ слѣдующемъ году напали на Выборгъ, и тоже не взяли его, хотя и стояли подъ нимъ цѣлый мѣсяцъ, только перевѣшали Шведовъ, попадавшихся имъ въ плѣнъ [1]). Въ противодѣйствіе Выборгу, построенному Шведами, Новгородцы построили въ 1323 году городъ на Орѣховомъ островѣ на истокѣ Невы [2]). Утомившись съ обѣихъ сторонъ драками, обѣ воюющія стороны заключили миръ въ томъ же 1323 году, назвавъ его вѣчнымъ. Новгородцы уступали Швеціи Западную Корелу, провинціи Саволаксъ, Яскисъ и Аурепе (послѣдняя въ окрестностяхъ Выборга, отъ озера того же имени). Любечанамъ и Готландцамъ предоставлялась свобода плаванія и торговли, какъ по Невѣ въ новгородскихъ предѣлахъ, такъ и въ заливѣ, съ правомъ заходить въ Выборгъ и тамъ торговать. Чтобы не раздражать однимъ другихъ, положено, какъ съ той, такъ съ другой стороны, не строить крѣпостей въ Кореліи, бѣглыхъ же выдавать съ обѣихъ сторонъ. Шведы не должны покупать земель и водъ ни у Новгородцевъ, ни у Корелы, остающейся за Новгоро-

[1]) Новг. Л. I. 72. [2]) Новг. Л. I, 73.

домъ [1]). Въ этой войнѣ замѣшана была и Норвегія, тогда соединенная съ Швеціею по случаю перехода по наслѣдству къ королю Магнусу, по матери внуку послѣдняго норвежскаго короля. Правитель Норвегіи, Ерлингъ Вадкунсонъ, узнавъ, что, во время военныхъ дѣйствій со Швеціею, Новгородцы разорили принадлежащій ему домъ въ Біорне, испросилъ у папы грамоту на крестовый походъ противъ Новгорода. Когда Новгородцы помирились со Швеціею, то заключили особый мирный договоръ и съ Норвегіею, по которому постановлено отдать другъ другу то, что̀ захвачено и оставаться въ прежнемъ взаимномъ положеніи [2]). Вражда однако не успокоилась совершенно этимъ миромъ. Шведы не переставали думать о расширеніи границъ и о подчиненіи себѣ Корелы. Новгородцы, предвидѣвъ что война должна возобновиться, старались обезопасить границы и въ 1333 году пограничныя земли отдали съ этою цѣлію въ кормленье князю Наримунту, чтобы имѣть тамъ организованную защиту [3]). Дѣйствительно, въ 1337 году опять вспыхнула война. Между Корелою сдѣлалось междоусобіе. Часть Корелы приняла шведскую сторону. На этотъ разъ война ограничилась тѣмъ, что Новгородцы разоряли Корелъ, принявшихъ шведскую власть, а Шведы съ своею Корелою разоряли Обонежскихъ Корелъ, оставшихся подъ властію Великаго-Новгорода и сожгли посадъ въ Ладогѣ. На слѣдующій годъ опять заключили миръ. Шведское правительство нарушеніе прежняго мира приписало своевольному поступку своего воеводы Стена. Новый миръ заключенъ въ Людовлѣ [4]).

[1]) Antiquités Russ. II, 491. [2]) Dal. 317 [3]) Новг. Л. I, 77.

[4]) Карамз. т. IV, Пр. 255. Договоръ Новгородцевъ съ Норвегіею и Швеціею см. Antiquités Russ. t. II, и въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1837 года, ч. 23.

Можно себѣ представить безвыходное положеніе Корелы, которая, благополучно проживая впродолженіи вѣковъ съ своими идолами, теперь была осуждена сдѣлаться мишенью двухъ враждебныхъ народностей, которыя мало того что требовали отъ нея дани и послушанія, еще принуждали принимать новую вѣру. Принимали Корелы православіе—навлекали гоненіе отъ Шведовъ; принимали католичество—подвергались гоненію отъ Новгородцевъ.

Черезъ восемь лѣтъ опять вспыхнула едва притихшая вражда. Еще въ 1344 году Климентъ VI издалъ буллу, въ которой уговаривалъ Шведовъ принять оружіе и объявить крестовый походъ противъ Русскихъ, враговъ апостольской столицы и покровителей язычества [1]). Король Магнусъ, ограниченный и капризный, то̀ сластолюбивый, то̀ набожный до ханжества, воспылалъ до такой степени апостольскою ревностью къ этой войнѣ, что перешелъ даже за предѣлы угодности духовенству. Онъ посягнулъ обратить на расходы для этой войны подать, собираемую для папы и отсылаемую въ Авиньонъ. Противъ этого тогда вооружилось духовенство. Самъ Геннингъ, епископъ въ Або, примасъ Финляндіи, лицо, которое, по своему положенію, болѣе другихъ должно было сочувствовать такому предпріятію, былъ противъ него. Къ довершенію всего, сестра короля, Бригитта, которая еще при жизни за свою святость чрезвычайно уважалась, предсказывала неуспѣхъ предполагаемаго крестоваго похода. Магнусъ отправилъ пословъ своихъ въ Новгородъ, съ оригинальнымъ требованіемъ: «Высылайте на съѣздъ своихъ философовъ, а я пошлю своихъ»—говорили послы именемъ короля:—«пусть они поговорятъ о вѣрѣ, а я хочу узнать, чья вѣра лучше, и если ваша вѣра лучше, я пойду въ вашу

[1]. Dal. I, 365.

вѣру, а коли наша вѣра будетъ лучше, то вы пойдете въ нашу вѣру, и будемъ всѣ за единъ человѣкъ; а не пойдете въ единство съ нами, то я хочу идти на васъ со всею своею силою.» Владыка Моисей съ посадникомъ и тысячскимъ и со всѣми Новгородцами, обсудивши на вѣчѣ такое предложеніе, отвѣчали: «Коли хочешь узнать чья вѣра лучше, наша или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху; мы отъ Грековъ приняли правовѣрную вѣру, а съ тобою не будемъ препираться о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь обида —пошлемъ къ тебѣ на съѣздъ.» Новгородъ отправилъ на съѣздъ тысячскаго своего и нѣсколько бояръ въ Орѣховецъ; но потомъ пришла вѣсть, что Магнусъ, задержавъ пословъ, идетъ на Новгородъ съ военною силою. Послали къ нему боярина Кузьму Твердиславича для объясненія. «У меня нѣтъ на васъ жалобы,—сказалъ Магнусъ:—нѣтъ отъ васъ мнѣ ни«какой обиды; а я хочу чтобы вы пошли въ мою вѣру; а не «пойдете—иду на васъ со всею силою!» Шведы, вступивъ въ Ижорскую Землю, стали перекрещивать насильно Ижору и поступать по непріятельски съ тѣми, которые упорствовали. Наконецъ подошли къ Орѣховцу. Сначала Новгородцы мужественно отразили нападеніе. Онцифоръ Лукинъ съ 400 Новгородцевъ 24 іюля 1348 года разбилъ 500 Шведовъ на Жабчѣ полѣ [1]; но потомъ, когда князь Симеонъ, котораго Новгородцы призывали на помощь, ушелъ назадъ, Магнусъ 6-го августа взялъ городъ и установилъ тамъ свой гарнизонъ. Всѣмъ, кто попадался въ плѣнъ, предложено было или креститься въ католическую вѣру, или же погибать. Нѣкоторые были изрублены за то, что не хотѣли креститься, будучи язычниками, или же принимать католичество изъ греческой вѣры; не столь твердые крестились—имъ даровали жизнь и отпустили ихъ на волю,

¹) Новг. Л. IV, 58.

съ тѣмъ, чтобы они убѣждали своихъ единоземцевъ поступить такъ же какъ они поступили. Но эти насильно крещенные какъ только вырвались отъ Шведовъ, тотчасъ отрекались отъ католичества; вмѣсто того, чтобъ склонять земляковъ въ пользу Шведовъ, возбуждали ихъ противъ короля-фанатика и сами шли сражаться противъ Шведовъ. Думали Шведы что счастіе имъ рѣшительно служитъ, и потому не боялись раздѣлить своего войска на отряды и отправить для крещенія Вожанъ и Ижоры по Водской Землѣ. Этимъ воспользовались Новгородцы, разсѣяли ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, потомъ напали на флотъ, стоявшій близъ Ладоги. Во флотѣ было тогда дурно: свирѣпствовали болѣзни, недоставало припасовъ, а Магнусъ роздалъ значительныя военныя должности прибывшимъ изъ разныхъ сторонъ Европы крестовымъ иноземцамъ, и этимъ раздражилъ своихъ Шведовъ: наконецъ, самое духовенство было нерасположено къ нему и къ его крестовому походу. Все это охлаждало мужество въ Шведахъ и способствовало успѣху Новгородцевъ. Новгородцы одержали побѣду; нѣсколько судовъ было потоплено; самъ король съ остаткомъ убѣжалъ, и увезъ съ собой тысячскаго Авраама, прибывшаго къ нему посломъ отъ Новгорода, съ одиннадцатью человѣкъ. Новгородцы осадили Орѣховецъ и стояли подъ нимъ съ Успеньева дня всю осень и зиму до 24 февраля 1349 года. Въ новгородскомъ войскѣ были и Псковичи, но, не дождавшись конца осады, ушли прочь. Шведы смѣялись, стоя на стѣнахъ Орѣховца, когда Псковичи, уѣзжая изъ новгородскаго стана, били въ бубны и играли на трубахъ и посвистѣляхъ. Новгородская Лѣтопись обвиняетъ ихъ кругомъ, тѣмъ болѣе, что Новгородъ далъ имъ тогда право навсегда не посылать къ нимъ посадниковъ и не позывать на судъ въ Новгородъ. Но изъ Псковской Лѣтописи видно, что въ то время ливонскіе Нѣмцы напали на псковскіе

предѣлы и причиною такого отхода Псковичей изъ подъ Орѣховца была важная необходимость защищать собственную землю. Дѣло окончилось счастливо и безъ Псковичей. 24 февраля удалось Новгородцамъ своими приметами произвести пожаръ; Орѣховецъ былъ взятъ; Шведы были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ и съ торжествомъ приведены въ Новгородъ [1]).

Въ 1350 г. Новгородцы подступили къ Выборгу и хотя города не взяли, но пожгли и опустошили окрестности и потѣшались тѣмъ, что изрубили много Шведовъ съ женами и дѣтьми, а другихъ привели плѣнными [2]).

Желая выгородить себя съ одной стороны передъ папою, съ другой передъ народомъ, Магнусъ извѣщалъ всѣхъ, что онъ отступилъ по причинѣ мороваго повѣтрія, отъ недостатка въ людяхъ и просилъ папу объявить повсемѣстный походъ противъ Русскихъ; увѣрялъ, что Корелы молятъ о спасеніи, потому-что Русскіе принуждаютъ ихъ отрекаться отъ христіанства и подвергаютъ мукамъ, рубятъ мечами, вѣшаютъ на деревьяхъ, травятъ собаками. Папа писалъ объ этомъ къ упсальскому архіепископу, побуждая его подвигать Шведовъ на священную брань съ Русскими и объявлялъ прощеніе грѣховъ, наравнѣ съ тѣми, которые отправляются воевать въ Палестину [4]). Но

[1]) Dalin, 380. Ссылка на Messen. Scand. Illust. III, p. 13. Gejers Geschichte Schwedens.-Новг. I. 84. IV.58—59. Псковская Л. I, 189. [2]) Новг. Л. IV, 58.

[3]) Новг. Л. IV, 59. 85.

[4]) Nos enim attendentes, quod tanto gratior est defensio fidei quanto caeteris virtutibus animae fides debet praetiosior reputari, de omnipotentis Dei misericordia et beatorum S. Petri et Pauli Apostolorum ejus authoritate confisi illam ob id assumentibus signam crucis concedimus veniam peccatorum et ipsos ea volumus immunitate gaudere, quam habituri essent si in terrae sanctae subsidium personaliter se transferrent. II. id Martiis anno IX (Baronii Annal. XXV, 548).

это не помогло Магнусу. По возвращеніи съ несчастнаго похода, духовенство наложило на него интердикцію за растрату суммъ, принадлежащихъ Церкви, и, наконецъ, государственные чины низложили его съ престола. Съ Новгородцами заключенъ былъ миръ въ Юрьевѣ, слѣдовательно при посредствѣ Ливонскаго Ордена, который, принимая участіе въ выгодахъ, получаемыхъ Европою отъ торговли съ Новгородомъ, приходилъ уже къ тому убѣжденію, что гораздо выгоднѣе жить съ Новгородомъ въ мирѣ, чѣмъ воевать. Миръ установленъ на томъ, что рѣка Сестра должна быть границею между новгородскими и шведскими владѣніями. Новгороду уступлена была часть Кореліи, Ескисъ, Еграпа и Малый Саволаксъ [1]). Римскому двору этотъ миръ былъ совсѣмъ не по вкусу; папа возбуждалъ Шведовъ ко крестовому походу. Но времена крестовыхъ походовъ проходили, и судьба вѣрныхъ еще давнимъ преданіямъ пылкихъ натуръ, подобныхъ Магнусу, приближала ихъ къ типу ламанскаго рыцаря.

Рыцарскій характеръ короля Магнуса въ глазахъ Новгородцевъ придалъ воспоминанію объ этой войнѣ поэтическій колоритъ и произвелъ легенду о Магнусовомъ рукописаніи, о которой скажется въ своемъ мѣстѣ. Непріязненныя отношенія со Шведами впослѣдствіи принимали характеръ отрывочныхъ нападеній, которыя были больше плодомъ частнаго удальства, чѣмъ государственныхъ интересовъ. Такъ въ 1392 году разбойники-Нѣмцы (вѣрнѣе Шведы) напали на берегахъ Невы, на села и ихъ разорили [2]). Также и война въ 1411 году [3]) не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій и ограничилась только взаимнымъ нападеніемъ на предѣлы. Это были частные набѣги или пограничныя недоразумѣнія.

[1]) Dalin. I, 380. [2]) Новг. Л. I, 96. [3]) Новг. Л. I, 104.

Псковъ, въ отношеніи нѣмецкихъ своихъ сосѣдей, принималъ на себя совсѣмъ другую роль, чѣмъ Новгородъ. Новгородъ, уже послѣ Александра Невскаго, уклонялся отъ вражды съ Орденомъ. Псковъ въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ велъ съ нимъ нескончаемую войну. Въ 1323 году, Нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ; Псковичи сдѣлали нападеніе на Ливонію и прошли даже до Колывани (Ревеля); вѣрно это была война не съ рыцарями, а съ Датчанами. — Слѣдствіемъ этого былъ приходъ Нѣмцевъ и Ливовъ; восемнадцать дней осаждали городъ и отошли, опустошивши окрестности. Въ это время пострадали села; враги забирали скотъ и уводили въ плѣнъ самыхъ людей; но потомъ Псковичи догнали ихъ и отняли захваченныхъ людей и скотъ. Рѣка Великая была еще для Пскова иногда заповѣднымъ предѣломъ. Послѣ этого похода послѣдовало заключеніе мира [1]). Новгородцы не только не оказывали Псковичамъ помощи, но еще въ томъ же году заключили съ Орденомъ оборонительный союзъ — взаимно дѣйствовать противъ всѣхъ враговъ и даже противъ Пскова. Въ то время они боялись союза врага ихъ, тверскаго князя, съ Литвою, а Псковъ считали опаснымъ потому, что Псковъ пригласилъ къ себѣ литовскаго князя [2]). Въ 1341 году [3]) опять вспыхнула вражда: Нѣмцы убили псковскихъ пословъ въ Латышской Землѣ. Псковичи тотчасъ собрались ратью и опустошили часть Латышской Земли. Ожидая себѣ мести отъ Нѣмцевъ, они обратились къ Новгороду, но не получили помощи. Послали пословъ къ Ольгерду. Надѣясь на помощь могучаго литовскаго государя, Псковичи ворвались въ Ливонію и повоевали нѣмецкія села по обѣимъ берегамъ рѣки Омовжи. Непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ происходили потомъ по берегамъ На-

[1]) Псков. Л. I, 185. [2]) Новг. Л. I, 96. [3]) Новг. Л. I, 104.

ровы. Ольгердъ, какъ уже было прежде сказано, мало помогъ Псковичамъ; войско, оставленное имъ въ 1343 году съ княземъ Иваномъ, было разбито. Вслѣдъ за тѣмъ ужасное возмущеніе Эстовъ противъ Нѣмцевъ удержало Орденъ отъ дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствій. Но зато снова въ 1348 году, когда Псковичи въ качествѣ всегдашнихъ союзниковъ и младшихъ братьевъ помогали Новгородцамъ противъ Шведовъ у Орѣховца-города, Нѣмцы, зная, что силы военной нѣтъ вовсе или мало во Псковѣ, сдѣлали неожиданное нападеніе и опустошили села около Пскова и Острова; потомъ хотѣли утвердить городъ на Наровѣ, но Псковичи его разорили. Неизвѣстно, гдѣ былъ заключенъ послѣ того миръ, — должно-быть въ Юрьевѣ, гдѣ примирились Новгородцы со Шведами; тутъ вѣроятно установленъ миръ и Ордена со Псковомъ. Этотъ миръ опять былъ нарушенъ въ 1362 году тѣмъ, что Нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ, а Псковичи арестовали у себя нѣмецкихъ купцовъ и побрали съ нихъ виры за убытки своихъ торговцевъ. Новгородцы были тутъ примирителями: они послали по боярину изъ концовъ въ Юрьевъ; тамъ послы уладили дѣло Нѣмцевъ со Псковичами. Обѣ стороны отпустили задержанныхъ купцовъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ опять вспыхнуло несогласіе: въ 1366 году Нѣмцы не пропускали въ русскія Земли товару. Великій князь Димитрій хотѣлъ примирить обѣ стороны, готовыя снова броситься одна на другую, и послалъ въ Юрьевъ посредникомъ какого-то Никиту. Ничего не сдѣлавши, Никита воротился въ Псковъ и за нимъ по слѣдамъ явилась нѣмецкая рать и сожгла посадъ на Запсковьѣ. Псковичи сдѣлали набѣгъ до Новгородка (Нейгаузена); зато Нѣмцы напали на Изборскъ, а потомъ подошли подо Псковъ и стояли три дня. Тогда Новгородцы рѣшились помогать Псковичамъ и ходили съ ними къ Нейгаузену, но

вслѣдъ за тѣмъ оставили ихъ. Псковичи сами продолжали войну, взяли нѣмецкій городъ Кирьипигу и сожгли его (Киремпе, въ Дерптскомъ уѣздѣ).

Со времени избіенія купцовъ съ 1362 по 1371 годъ, Псковъ былъ въ военномъ положеніи и много страдала тогда Псковская волость, — тутъ болѣзни, а тутъ бѣды ратныя [1]. Псковская область терпѣла въ то же время отъ Литовцевъ. Новгородцы помогали Псковичамъ лѣниво, но все-таки были вмѣстѣ съ ними во враждѣ противъ Нѣмцевъ. Въ 1371 году они заключили съ Нѣмцами миръ подъ Новгородкомъ [2].

До 1405 года не упоминается о враждѣ съ Нѣмцами. Но въ этотъ годъ, находясь въ непріязни съ Литвою, Нѣмцы сдѣлали нападеніе на Полоцкую Землю и тамъ, между прочимъ на озерѣ Пещердѣ (Нещердѣ) побили псковскихъ купцовъ. Въ отмщеніе за то Псковичи ходили къ Нейгаузену, но, по извѣстію лѣтописца, только собственное жито потерли. Непріязнь началась; надобно было продолжать ее. Псковичи сдѣлали набѣгъ на Кирьипигу, имѣли довольно удачную стычку и пришедши домой ожидали, что Нѣмцы заплатятъ имъ тѣмъ же и умоляли о помощи Новгородъ; а Новгородъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло и заводить войну. Тогда Псковъ обратился къ великому князю Василію Димитріевичу. Отъ него прибылъ князь Константинъ, братъ его. Подъ предводительствомъ его въ 1408 г. Псковичи ходили за Нарову къ нѣмецкому городу Порху и одержали побѣду. Вслѣдъ за тѣмъ явился самъ мейстеръ съ рыцарями, и съ помощію литовскихъ войскъ приходилъ ко пригороду Велью, а потомъ весною 1409 года къ самому Пскову Нѣмцы въ эти два похода не взяли ни Пскова, ни Велья

[1]) Псков. Л. I, 193.

[2]) Новг. Л. I, 89.

но опустошили окрестности этихъ городовъ, также какъ дѣлали Псковичи передъ тѣмъ въ Ливоніи. Въ 1410 году съѣхались псковскіе и нѣмецкіе уполномоченные въ Изборскъ и заключили миръ на старомъ положеніи вещей [1]). Въ 1427 году, по извѣстію лѣтописца, Нѣмцы убили семь человѣкъ опоцкихъ бортниковъ и пожгли селенія около Опочки, а Чухны, принадлежавшіе Нѣмцамъ, косили псковское сѣно, и Псковичи поймавъ ихъ повѣсили. За это готова была вспыхнуть война, но дѣло какъ-то уладилось. Въ 1436 году былъ новый поводъ къ ссорѣ. Нѣмцы захватили псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. За это Псковичи посадили въ погребъ двадцать-четырехъ нѣмецкихъ купцовъ и побрали у нихъ товаръ [2]). Въ 1444 году, за то, что нѣмецкіе Чухны напали на Псковскую Землю, Псковичи повѣсили ихъ семь человѣкъ, ѣздили подъ Нейгаузенъ и потоптали хлѣбъ [3]). Въ этотъ годъ уже возникали сильныя недоразумѣнія, готовыя разразиться войною, но дѣло было снова улажено, однако не совершенно, такъ-что обѣ стороны, съѣхавшись въ Ригѣ, могли установить миръ только на десять лѣтъ;—значитъ были съ обѣихъ сторонъ притязанія, которыя остались неразрѣшенными. Въ 1448 году возникла распря у Нѣмцевъ съ Новгородцами; въ эту распрю вмѣшались и Псковичи; главнымъ поводомъ съ ихъ стороны было то, что Нѣмцы, впродолженіи многихъ лѣтъ, присвоивали себѣ угодья, которыя Псковъ считалъ своею принадлежностію. Тогда на сторонѣ рыцарей и дерптскаго епископа были Шведы. Новгородскимъ войскомъ начальствовалъ князь Черторизскій, только-что предъ тѣмъ оставившій Псковъ; этотъ Литвинъ столько же нелюбилъ Нѣмцевъ, какъ и москов-

[1]) Псков. Л. I, 201.
[2]) Псков. Л. I, 210. [3]) Псков. Л. I, 212.

скаго государя и съ какой-то любовію служилъ дѣлу двухъ сѣверныхъ республикъ. Сраженіе, происшедшее на берегу Наровы, было выиграно Новгородцами. Святая Софія,—по выраженію современника,—помогла имъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ миръ, заключенный на рѣкѣ Наровѣ. На съѣздѣ были посадники и бояре, какъ Великаго-Новгорода, такъ и Пскова. Миръ заключенъ былъ на двадцать пять лѣтъ и по прежнему договору слѣдовало возвратить Пскову угодья, отнятыя юрьевскими Нѣмцами [1]).

Еще не истекъ срокъ двадцатипятилѣтняго перемирія, какъ въ 1459 году опять возникла вражда. Нѣмцы наскочили на урочище Озолицу, принадлежавшее св. Троицѣ, и сожгли церковь св. Михаила и въ ней убѣжавшихъ девять человѣкъ людей. За это псковскій князь Александръ Черторизскій отправился со Псковичами въ насадахъ и ладьяхъ на мѣсто, гдѣ произошла обида, и, сдѣлавши досмотръ, началъ жечь людей, мужчинъ и женщинъ, отмщая за своихъ. Нѣмцы отправились на своихъ шнекахъ и ладьяхъ за Нарову, въ Березовскую волость и сожгли сорокъ два двора; они бы сожгли и людей, но люди ушли [2]). Орденъ обратился къ Новгороду съ жалобою на Псковъ. Новгородцы прислали своихъ пословъ, а Псковъ выбралъ бояръ изо всѣхъ концовъ и отправилъ на мѣсто преступленія. Но Нѣмцы не явились на срокъ для суда, и Новгородцы, принимавшіе здѣсь значеніе третейскихъ судей, воротились домой. Тогда непримиримый врагъ Нѣмцевъ, Черторизскій, собралъ своихъ Псковичей, вступилъ въ Нѣмецкую Землю и на семьдесятъ верстъ кругомъ опустошалъ ее. Псковичи сожигали до тла села и церкви, грабили имущества и привели во Псковъ много плѣнниковъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ одинъ священникъ.

[1]) Псков. Л. I, 214. [2]) Псков. Л. I, 218.

Это, по понятіямъ Псковичей, была правда—вознагражденіе за сожженіе Березовской волости, которое Нѣмцы дѣлали тоже въ отплату за разореніе отъ Псковичей; такимъ образомъ, долженъ былъ наступить нескончаемый рядъ разбоевъ и зажигательствъ съ обѣихъ сторонъ. Но зная, что это не обойдется имъ даромъ и что Нѣмцы не пропустятъ своего, а придутъ къ нимъ отблагодарить за послѣднее посѣщеніе, Псковичи обратились съ просьбою о помощи къ великому московскому князю. Тогда-то Черторизскій ушелъ изо Пскова, не желая быть подручникомъ великаго князя, который только съ этимъ условіемъ соглашался оказать содѣйствіе Псковичамъ. Уходъ Черторизскаго, вѣроятно, подѣйствовалъ на Нѣмцевъ, которыхъ злоба противъ Пскова соединялась съ ненавистью къ Черторизскому за взаимную его вражду къ Нѣмцамъ. Нѣмцы послали въ Новгородъ судью просить принять посредство. Тогда великій князь съ Новгородомъ приняли на себя третейскую обязанность. Князь предложилъ перемиріе на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впередъ до этого срока, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, составлявшемъ предметъ спора, ловили рыбу и Псковичи и Юрьевцы, каждый на своемъ берегу. Перемиріе заключено въ Новгородѣ. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ судьи псковскіе, и потомъ послали въ Юрьевъ къ епископу и въ Ригу къ архіепископу пословъ съ договорными грамотами; цѣловалъ крестъ епископъ и ратманы дерптскіе. Тогда Нѣмцы отдали иконы, награбленныя въ церквахъ и имущества; а вслѣдъ за тѣмъ Нѣмцы прибыли во Псковъ и побрали своихъ плѣнныхъ и ихъ имущества: не могли, разумѣется, воротить сожженныхъ людей. Псковъ заплатилъ за этотъ судъ великому князю 50 рублей, потому-что за судъ всегда платилось [1]).

[1]) Псков. Л. I, 220—221.

Не прошло уреченныхъ пяти лѣтъ, какъ опять возникла ссора: Нѣмцы въ Юрьевѣ засадили въ погребъ посла псковскаго, да гостя псковскаго, а Псковичи во Псковѣ засадили въ погребъ нѣмецкаго гостя. За это Нѣмцы напали на псковскіе исады (рыболовство) и подошли къ Новому-Городку, потомъ напали на село Колпино близъ озера, зажгли церковь и разоряли исады. Псковичи напали на нихъ въ этомъ мѣстѣ и прогнали, потомъ въ свою очередь вошли въ Нѣмецкую Землю и надѣлали пакостей, а вслѣдъ за тѣмъ изъ Изборска отправились молодцы и пожгли Нѣмецкія волости. Потомъ послы нѣмецкіе прибыли во Псковъ и заключили перемиріе на девять лѣтъ; съ обѣихъ сторонъ написали грамоты и приложили печати [1]).

По истеченіи девятилѣтняго срока, съ обѣихъ сторонъ заговорили о мирѣ, и послали просить судьею между собою великаго князя; тотъ прислалъ своего довѣрителя, но мейстеръ не пріѣхалъ на съѣздъ, отговариваясь неимѣніемъ времени; это показало Псковичамъ, что мейстеръ хочетъ войны, и когда потомъ прибыли послы изъ Ливоніи во Псковъ, ихъ задержали, требуя уплаты тѣмъ, которые предъ тѣмъ жаловались на обиды, понесенныя отъ Нѣмцевъ. Орденъ принужденъ былъ выкупить своихъ пословъ за 75 руб. Въ числѣ неудовольствій Пскова на Орденъ было и то, что Нѣмцы продавали во Псковскую Землю медъ и пиво, котораго производство вѣрно было обложено пошлинами во Псковской Землѣ.

Въ 1473 году съѣхались съ обѣихъ сторонъ уполномоченные, но не довели дѣла до конца. Мейстеръ рѣшительно, наконецъ, сказалъ, что Орденъ не продолжаетъ перемирія. Псковъ обратился тогда къ великому князю, съ просьбою постоять противъ Нѣмцевъ за домъ св. Тро-

[1]) Псков. Л. I, 222—226.

цы, какъ стояли его прародители. Великій князь прислалъ на помощь огромную силу, подъ начальствомъ двадцати двухъ подручныхъ ему князей; верховное предводительство вручено было Даніилѣ Холмскому. Но мейстеръ прислалъ мирное предложеніе, въ которомъ, между прочимъ, обѣщалъ прекратить ввозъ пива и меда въ Псковскую Землю. Псковъ согласился; составлена была мирная договорная грамота, и посолъ, какъ представитель предлагающей стороны, первый поцѣловалъ крестъ; съ нимъ, когда онъ уѣхалъ обратно, отправились въ Ригу послы: одинъ отъ великокняжескаго воеводы, т. е. отъ стороны великаго князя, а два отъ Пскова. Тамъ передъ ними мейстеръ цѣловалъ крестъ и приложилъ свои печати къ грамотамъ, составленнымъ во Псковѣ, а потомъ псковскіе послы цѣловали крестъ за Псковъ и за всѣ пригороды. Вслѣдъ за отъѣздомъ мирныхъ пословъ, прибылъ во Псковъ посолъ отъ дерптскаго епископа и отъ города Дерпта и заключилъ особый мирный договоръ [1]).

Въ 1480 году опять возникло несогласіе: въ Дерптѣ арестовали псковскихъ купцовъ; за это Псковичи посадили въ погребъ нѣмецкихъ купцовъ. Отмщая за то, Нѣмцы сдѣлали набѣгъ на пригородъ Вышгородокъ, сожгли стѣну и церковь, перебили людей, неисключая и малыхъ дѣтей, причемъ пострадали до пятидесяти человѣкъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ этомъ пригородѣ. Потомъ напали на пригородъ Гдовъ и опустошили земли около него. Эти набѣги были такъ быстры, что Псковичи не поспѣвали на выручку своихъ отъ непріятеля. Псковичи пошли въ Нѣмецкую Землю къ Юрьеву, жгли окрестности, убивали жителей, а множество Нѣмцевъ и Чуди повели въ плѣнъ. За это въ свою очередь Нѣмцы со своею Чудью поплыли

[1]) Псков- I. 249.

на псковскія селенія, жгли ихъ безъ разбора, такъ-что во Псковѣ видѣнъ былъ огонь и дымъ горѣвшихъ селеній. Псковичи вышли войскомъ. Нѣмцы избѣжали сраженія и, продолжая свои разоренія, подошли къ городу Кобылѣ, стоящему на берегу озера, сожгли его вмѣстѣ съ церковью, и въ ней погубили всѣхъ укрывшихся, и старыхъ, и малыхъ, недавая выскочить изъ пламени, а тѣ, которые тамъ не были, попадали въ плѣнъ. Окрестности селенія были сожжены, люди побиты или отведены въ плѣнъ. 16 августа 1480 года самъ мейстеръ подступилъ къ Изборску, но не могъ его взять, а 20 августа подступилъ ко Пскову; въ то же время изъ Дерпта прибыла другая сила на судахъ. Псковичи сами сожгли Завеличье, чтобъ не дать врагамъ притона въ домахъ. Расположившись на Завеличьѣ, Нѣмцы со своихъ лодокъ (шнекъ) начали стрѣлять по двумъ болѣе слабымъ пунктамъ, по Запсковью и Полонищу, минуя средній городъ, гдѣ стѣны были выше. Перейти же въ бродъ было трудно, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это возможно, поставлена была военная сила, собранная изъ псковскихъ пригородовъ. Особенно Нѣмцы покушались на Запсковье. Собрали оставшіяся отъ пожара на Завеличьѣ бревна, жерди, солому, наклали въ учаны, полили смолою и, воспользовавшись вѣтромъ, дувшимъ прямо на Запсковье, зажгли и бросали такіе снаряды въ посадъ. Тогда распространился во Псковѣ страхъ; жители пустились-было бѣжать; самъ князь Василій Шуйскій, намѣстникъ Пскова, приказалъ уже себѣ сѣдлать лошадей, но посадники остановили его и упросили. Въ это время какой-то Псковичь сказалъ посаднику: «Мнѣ было во снѣ видѣніе—явился мнѣ благовѣрный князь Довмонтъ и сказалъ: возьмите одѣяніе съ моего гроба и обойдите трижды съ крестами городъ; молитесь Богу и ничего не бой-

тесь». [1]). Псковичи исполнили это священнодѣйствіе, съ одѣяніемъ Довмонта обошли трижды вокругъ Крома. Послѣ этого Нѣмцы сдѣлали сильное нападеніе, стрѣляли изъ пушекъ, пускали разомъ и стрѣлы, и изъ пищалей пули, и силились пристать къ берегу въ логу между св. Лазаря и св. Спаса; но Псковичи бросились на нихъ: кто съ камнями, кто съ топорами и мечами, захватили одну шнеку, многихъ Нѣмцевъ потопили, другихъ изрубили. Тогда Нѣмцы рѣшились уйти и покидали много своихъ шнекъ. И такъ они,— по выраженію лѣтописи,—убѣжали со срамомъ, послѣ пятидневнаго неудачнаго приступа; тѣмъ не менѣе Псковская волость жестоко пострадала отъ этого нашествія и опустошеній. На бѣду Пскову тамъ былъ князь Василій, невоинственный, грубый, пьяный, ненавидимый народомъ грабитель. Въ слѣдующемъ году (1481) прибыли, по просьбѣ Псковичей, двое братьевъ великаго князя и вмѣсто того, чтобы итти за Псковъ, сами ограбили Псковскія волости и уѣхали прочь. Наконецъ, прибыли присланные отъ великаго князя воеводы съ московскою воинскою силою (Иванъ Булгакъ и Ярославъ Оболенскій) и съ Новгородцами: Новгородъ уже тогда подчинялися московскому владычеству и состоялъ въ вѣдѣніи великокняжескихъ намѣстниковъ, предводительствовавшихъ въ этомъ походѣ войсками. Вмѣстѣ со псковскимъ ополченіемъ это войско ворвалось въ Ливонію. Произошло опустошеніе, которое своимъ варварствомъ превосходитъ, кажется, прежде бывшія, нѣмецкій современникъ разсказываетъ, что въ это время Русскіе съ особеннымъ остервененіемъ истязали жителей Нѣмцевъ и Чухонъ: насиловали женщинъ и дѣвицъ, ругались надъ страдальцами, отрѣзывали имъ уши, носы, обрубливали руки и ноги, и для потѣхи дѣлали

[1]) Псков. II. 40.

*

надъ мужскими и женскими трупами безстыдныя поруганія, разрѣзывали беременныхъ женщинъ и ѣли плодъ ихъ, заставляли людей вырывать собственными руками у себя внутренности и вѣшали такихъ страдальцевъ на дерево [1]). Псковская вторая лѣтопись [2]) говоритъ, что Русскіе, разсѣявшись тремя дорогами, выжгли и разорили всю Землю Нѣмецкую, отъ Юрьева до самой Риги. Нѣмецкая Земля была вся, по выраженію лѣтописца, не въ опасѣ. Нѣмцы себѣ пиво варили, и ничего не боялись; зима была сурова, снѣгъ человѣку по пазуху; поэтому, когда Русскіе сожигали села, то жители, если и успѣвали спасаться отъ меча и отъ огня, то замерзали, или погибали отъ голода. Два города, называемые у псковскаго лѣтописца Вельядъ и Каркусъ, а у нѣмецкаго [3]) Феллинъ и Тарвастъ, были сожжены до тла со всѣми прилежащими къ нимъ поселеніями. Отдали, говоритъ псковскій лѣтописецъ, Нѣмцамъ въ двадцатеро, если не больше; говорятъ, какъ и Псковъ сталъ на свѣтѣ, такъ не бывало [4]). Согласно съ этимъ говоритъ и нѣмецкій историкъ. Русскіе въ Лифляндіи поступали еще свирѣпѣе, чѣмъ рыцари въ Россіи; ни при одномъ мейстерѣ не было такой бѣды въ Ливоніи, какъ при тогдашнемъ Бернгардѣ фонъ деръ Борхѣ [5]). Взятіе двухъ городовъ надѣлило Псковичей такимъ множествомъ золота, серебра и всякаго добра, что едва могли вывезти. Вся эта трагедія разъигрывалась въ Ливоніи въ февралѣ и мартѣ 1481 года, и продолжалась четыре недѣли.

Когда воротилось войско во Псковъ, въ городъ пришло

[1]) Карамз. VI прим. 258.

[2]) Псков. II, 41. Iunckfrawen und trauwen beshemten ere Borste abesneten und den Mennen in de Munde stissen, den Mennen ere gemechte berobten und den weibes personen in de Munde hynghen.

[3]) Balth. Russow стр. 31. [4]) Псков. II, 41. [5]) Russ. 31.

извѣстіе, что мейстеръ отправилъ своихъ уполномоченныхъ въ Новгородъ съ мирнымъ предложеніемъ. Псковичи отправили пословъ отъ себя, и тамъ заключено было перемиріе на десять лѣтъ, на прежнихъ основаніяхъ.

Послѣдняя война, которую Псковъ долженъ былъ вести съ Нѣмцами еще до паденія независимости, имѣла корень уже въ недоразумѣніяхъ между Орденомъ и великимъ княземъ московскимъ, а Псковъ долженъ былъ участвовать въ этой войнѣ уже только изъ повиновенія Москвѣ. Причины этой войны, очень важной по послѣдствіямъ въ будущемъ, для Ливонскаго Ордена были такія: Нѣмцы огорчились за то, что Иванъ Васильевичъ въ 1494 году закрылъ нѣмецкую контору въ Новгородѣ и ограбилъ, по своему обыкновенію, нѣмецкихъ купцовъ; а Иванъ Васильевичъ былъ недоволенъ Нѣмцами за то, что въ Ревелѣ казнили двухъ Русскихъ, одного за фальшивую монету, а другаго за противоестественный грѣхъ. Когда сожигали послѣдняго, то Нѣмцы сказали, что еслибъ самъ великій князь московскій такъ у нихъ въ землѣ поступилъ, то они бъ и его казнили такъ же. Это донесли Ивану Васильевичу. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что онъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ такое неистовство, что изломалъ палку, которую держалъ въ рукахъ, и, обратившись къ небу, призывалъ на Нѣмцевъ небесное мщеніе. Если это дѣйствительно дѣлалъ Иванъ Васильевичъ, то конечно считалъ нужнымъ показаться раздражительнымъ, потому-что онъ умѣлъ собою владѣть.

Псковичи должны были участвовать въ этой войнѣ, и доставили съ десяти сохъ по одному конному человѣку на войну. Нѣмцы тайно начали вредить Пскову, и въ 1496 году какой-то Чухна произвелъ пожаръ на Крому у Кутняго костра; пойманный сознался, что его подучили Нѣмцы, обѣщавъ за то плату. Его сожгли живаго. Псковичи

выбирались на войну, какъ кажется, неохотно, потому-что когда Нѣмцы взяли Иванъ-городъ, то Псковичи подвигались только ко Гдову, и воротились назадъ въ добромъ здоровьи, не участвовавши въ битвахъ. На слѣдующій годъ великому князю пришлось посылать снова посольство— поднимать Псковъ.

До 1501 года, однако, торговыя и мирныя сношенія Ливонцевъ со Псковомъ не прекращались. Въ этотъ годъ рѣшительную и жестокую вражду открыли Нѣмцы. Не объявивъ войны собственно Пскову, Нѣмцы арестовали двадцать пять купеческихъ учановъ съ товарами, а съ ними полтораста человѣкъ людей. Послѣ нѣсколькихъ требованій о возвращеніи задержанныхъ, Псковичи обратились къ великому князю и во Псковъ явилось войско подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Шуйскаго съ новгородскими помѣщиками, да полкъ Тверичей подъ начальствомъ князя Данила Пенки. Псковичи снарядили войско изо всѣхъ своихъ пригородовъ, которые должны были каждый прислать свою рать во Псковъ. Нѣмцы начали разорять псковскія земли. Псковичамъ было тогда двойное разореніе, потому что и защитники ихъ Москвичи также обращались съ ними довольно недружелюбно. Въ августѣ 1501 г. Русскіе двинулись въ походъ, съ намѣреніемъ надѣлать разореній въ Нѣмецкой Землѣ, но еще не выступивъ изъ своей, наткнулись на сильное орденское войско подъ начальствомъ самаго мейстера Плеттенберга. Тогда произошла кровавая и печальная для Русскихъ битва на рѣкѣ Сирицѣ, 27 августа, въ десяти верстахъ за Изборскомъ. Битву эту открыли Псковичи и они же первые побѣжали, когда Нѣмцы ударили на нихъ изъ пушекъ и пищалей и убили посадника Ивана Теншина. За ними побѣжали и Москвичи, не стерпѣвши нѣмецкаго огнестрѣльнаго оружія. Послѣ этой несчастной битвы, Нѣмцы свободно ворвались

во Псковскую Землю и опустошили ее. Изборскъ отстоялъ себя отъ нѣмецкихъ пушекъ. Нѣмцы пошли подъ Островъ. Псковичи не помогли ему; Нѣмцы пробили стѣну и пустили огненныя стрѣлы, а псковскіе воеводы издали только смотрѣли. Въ ночь съ 7 на 8 сентября взятъ былъ Островъ и преданъ огню. Люди были отведены въ плѣнъ, другіе преданы огню и мечу; плѣнили домъ святаго Николы. Разоривши Островъ, Нѣмцы повернули назадъ. Изъ Изборска ударили—было на нихъ въ тылъ и неудачно: Нѣмцы разбили Изборянъ и взяли въ плѣнъ 130 человѣкъ. Послѣ этого похода Псковичи отправились въ октябрѣ въ Ливонію; на помощь имъ присланы московскія войска подъ предводительствомъ князя Александра Оболенскаго. Псковичи свирѣпо отмщали за разореніе Острова и его волости. Они опустошили цѣлую Дерптскую Землю, половину рижскаго епископства, округи городовъ: Маріенбурга, Трикаты, Эрмиса, Тарваста, Феллина, Лаиса, Оберпалена, Вирланда и Алентакена и обращались съ женщинами и дѣтьми какъ не обращаются ни Турки ни какіе-нибудь другіе варвары. Такого варварства не слыхано—говоритъ нѣмецкій историкъ. [1]). Тогда Ливонія потеряла до 40,000 человѣкъ. Русскіе совершили этотъ походъ съ чрезвычайною быстротою, прежде чѣмъ рыцари могли собраться. Но не вышелъ изъ Ливоніи назадъ предводитель князь Оболенскій: онъ былъ убитъ въ стычкѣ подъ городкомъ Гельметомъ, хотя самая эта стычка кончилась въ пользу Русскихъ. Нѣмцы были разбиты; Москвичи и Татары били ихъ какъ свиней—шестоперами, говоритъ Псковская лѣтопись [2]).

Въ отмщеніе за это разореніе, Нѣмцы въ мартѣ 1502 года вошли снова въ Псковскую волость и достигли пригорода Краснаго на рѣкѣ Сини. Окрестности были опус-

[1]) Hiarn. 190 [2]) Псков. Л. I, 275.

тошепы, но городъ не подвергся участи Острова. Красногородцы въ виду непріятельскаго войска дали обѣтъ, за свое спасеніе, построить церковь св. Пятницы, и св. Пятница спасла городокъ: Нѣмцамъ вообразилось, что на горѣ отъ часовни св. Георгія идетъ на нихъ великая сила; и напалъ на нихъ страхъ и трепетъ; и всѣ побѣжали. Красногородцы приписывали свое спасеніе заступничеству св. Пятницы и построили церковь во имя ея [1]). Но это нападеніе было только предварительнымъ. Въ томъ же году 2-го сентября самъ мейстеръ съ сильною ратью подошелъ къ Изборску и началъ приступъ. Изборскъ въ другой разъ отстоялъ себя. Нѣмцы, услышавъ что московскія войска заходятъ имъ въ тылъ, отступили, и послѣ неудачнаго приступа къ Изборску пошли ко Пскову. Они достигли Завеличья ночью 6-го числа. Установивши пушки и направивши ихъ на Псковъ, начали Ливонцы усердно палить по городу, направляя выстрѣлы особенно на дѣтинецъ и на св. Троицу. Кромъ нѣсколько пострадалъ; но дѣтинецъ и св. Троица остались невредимыми. Псковичи дѣлали на нихъ вылазки на Завеличье, и удачно съ ними бились. Простоявши день, Нѣмцы разочли, что трудно брать городъ черезъ рѣку, и пошли къ броду, который находился въ Выбутѣ; но тамъ собрались Псковичи, слѣдившіе за путемъ непріятеля. На переправѣ Псковичи бились съ Нѣмцами, но не могли ихъ удержать: Нѣмцы перешли въ бродъ черезъ Великую, и пошли къ Полонищу. Эта часть города была передъ тѣмъ только обведена деревянною стѣною, по приказанію князя Ивана Горбатаго, великокняжескаго намѣстника. За стѣною были еще посады; Псковичи, не успѣвши огородить, сожгли ихъ. Нѣмцы два дня простояли около Полонища, и ничего не сдѣлали.

[1]) Псков. I. 276.

Они отошли. Тогда Псковичи, дождавшись московскаго войска, которое шло отъ Изборска подъ начальствомъ князя Данилы Щени и князя Василія Васильевича Шуйскаго, погнались за ними. Они догнали ихъ въ Озеровахъ на могильникѣ. Здѣсь 13-го сентября произошла битва, описанная кратко во Псковской лѣтописи, и подробно у нѣмецкихъ историковъ. Псковская лѣтопись называетъ ее невеликою. Нѣмцы славились ею, какъ побѣдою. Послѣдніе преувеличивали московско-псковскую силу до 90,000, и говорили, будто Москвичи хвалились взять въ плѣнъ все орденское войско и погнать его въ Москву какъ скотъ. Псковская лѣтопись разсказываетъ, что рыцари, ожидая Русскихъ, поставили свой кошъ особо отъ войска, и говорили: если Русь ударитъ на кошъ, мы выйдемъ изо Псковской Земли, а если на насъ, то намъ придется здѣсь положить свои головы. Русскіе бросились не на войска, а на кошъ, и прельщаясь добычею, стали грабить; да не подѣлившись, Москвичи со Псковичами завздорили и стали драться между собою. Мейстеръ воспользовался этимъ, ударилъ на Русскихъ, и пробилъ ихъ ряды. Они побѣжали, но потомъ снова сомкнулись, и въ свою очередь ударили на нѣмецкую пѣхоту, и убили до четырехъ сотъ человѣкъ *). Но это не обратило сраженія въ пользу Русскихъ. Мейстеръ поправился снова, ударилъ на Русскихъ и

*) Герберштейнъ, а за нимъ и нѣмецкіе историки (Russow 34. Hiarn. 191 приписываютъ эту потерю измѣнѣ одного изъ рыцарей; это былъ Лука Гаммерштейнъ, побочный сынъ княжескаго брауншвейгскаго дома. Орденскій знаменоносецъ Конрадъ Шварць, раненый, не могъ держать знамени, и кричалъ, чтобы кто-нибудь изъ храбрыхъ рыцарей, достойныхъ держать это знамя, заступилъ его. Гаммерштейнъ хотѣлъ-было взять знамя Шварцъ не далъ ему. Въ досадѣ Гаммерштейнъ отрубилъ Шварцу руку: Шварцъ хватилъ знамя въ другую; Гаммерштейнъ отнялъ знамя, и перебѣжалъ къ Русскимъ, вѣроятно страшась наказанія за убійство знаменоносца, сдѣланное можетъ-быть только въ припадкѣ оскорбленнаго самолюбія.

заставилъ отступить. Онъ не преслѣдовалъ ихъ [1]). Лѣтопись Псковская [2]) говоритъ, что тогда Псковичи не слушали своего князя, потому-что не терпѣли его; онъ имъ напоминалъ, чтобы они держались строя, а они прятались въ кустахъ, да бранили его, и придавали ему насмѣшливыя прозвища, называя *опремомъ* и *кормихномъ*. А напрасно, по замѣчанію лѣтописца: еслибъ этотъ князь не догадался построить деревянную стѣну около Полонища и Бродей, то все бы дымомъ пошло до самой старой стѣны. Это была послѣдняя битва вольнаго Пскова съ своими вѣчными врагами. Мейстеръ удалился въ Ливонію, и отправилъ пословъ въ Москву; тамъ заключено было пятидесятилѣтнее перемиріе. Этотъ трактатъ не дошелъ до насъ; а въ немъ было какое-то условіе о платежѣ отъ дерптскаго епископства Пскову: черезъ пятьдесятъ лѣтъ царь Иванъ Грозный понималъ этотъ платежъ данью, и подъ этимъ предлогомъ заварилъ сумятицу, въ которой погибъ Орденъ.

Покончивъ съ независимостью Пскова, Москва приняла на себя какъ бы долгъ покончить и съ Ливоніею. Москва задушила Псковъ—и Москва же отмстила за него тѣмъ, которые нѣкогда хотѣли, да не успѣли его задушить.

[1]). Hiarn. 190. [2]) Псков. 1. 276.

Глава пятая.

ИНОРОДЦЫ.

ИНОРОДЦЫ.

Инородцы, входившие въ предѣлы Новгородской Земли и имѣвшіе съ ними столкновеніе, были Водь, Чудь, Емь, Корела, Заволочьская Чудь, Печора, Югра, Пермь.

Страна на сѣверо-востокъ отъ Новгорода до моря, составляющая нынѣшнюю Петербургскую губернію, называвшаяся Водскою Землею, впослѣдствіи Водскою Пятиною, была издавна населена финскими племенами. Славяне были тамъ только властители и гости. Въ древности обитали здѣсь два родственныя племени—Водь и Ижора. Во времена отдаленныя, которыя совершенно ускользаютъ отъ историческихъ изслѣдованій, Водь была уже подчинена Новгороду. Нѣтъ примѣра, чтобъ она являлась съ элементами особности или со стремленіями къ независимости; нигдѣ не видно, чтобы Водь когда-нибудь возставала противъ Новгорода и нуждалась въ укрощеніи, а потому какъ народъ,—она рѣдко упоминается. Еслибъ остатки этого народа не существовали до-сихъ-поръ, то слова въ лѣтописяхъ —*Водь, Вожане*, можно бы принимать не въ смыслѣ народа съ своеобразными этнографическими признаками, а вообще за обитателей страны въ географическомъ значеніи. Подъ 1069 годомъ, по поводу нападенія полоцкаго князя Всеслава, лѣтописецъ говоритъ, что тогда была ве-

ликая сѣча (сѣця) Вожанамъ, и пало ихъ безчисленное множество. Такимъ-образомъ видно, что они составляли ополченіе новгородское; но здѣсь можно понимать и жителей Води славянскаго племени, Новгородцевъ, поселившихся въ Водской провинціи. Въ 1149 году о Води упоминается по случаю нападенія на нее Еми: тогда Новгородцы вмѣстѣ съ Водью воевали противъ Еми и отбивали ее. Подъ 1215 г., по случаю страшнаго голода, терзавшаго Новгородскую страну, лѣтопись говоритъ, что Вожане тогда перемерли, а остатокъ ихъ разошелся [1]). Подъ 1240—1241 г. говорится о покореніи Нѣмцами Води вмѣстѣ съ Чудью;—эта страна скоро была возвращена, и нѣкоторые Вожане за преданность Нѣмцамъ были повѣшены. Вожане нѣсколько разъ являются въ новгородскомъ ополченіи на службѣ Великому-Новгороду вмѣстѣ съ другими подвластными инородцами, напр. въ 1270 году, противъ князя Ярослава въ походѣ до Голина, въ 1319 г. на защитѣ Новгородской Земли противъ тверскаго князя [2]). Въ 1348 г. они подверглись ратному нашествію Шведовъ [3]).

Ижоряне, жившіе на берегахъ Невы, также какъ и Водь, постоянно были въ зависимости отъ Новгорода и составляли ополченіе новгородскихъ силъ. Такъ въ 1241 году, вмѣстѣ съ Корелою, они помогали Александру отвоевать Водскую Землю отъ Нѣмцевъ. Въ 1270 году, вмѣстѣ съ Вожанами и жителями другихъ новгородскихъ волостей, они были въ походѣ противъ князя Ярослава. Въ 1292 г. они отбивали нападенія Шведовъ. Въ 1316 г. они воевали въ новгородскомъ ополченіи противъ Михаила. Въ 1348 году на этотъ народъ напалъ Магнусъ, король шведскій, и началъ его насильно крестить въ католическую вѣру [4]),

[1]) Новг. I. 33. [2]) Новг. I. 41. [3]) Новг. IV. 58.
[4]) Новг. I. 84.

но пораженіе, понесенное шведскими войсками, освободило Ижорянъ отъ этого насилія. Какъ Водь, Ижора всегда оставалась въ повиновеніи у Новгорода и не было случая, чтобъ нужно было укрощать этотъ народъ оружіемъ. Водь и Ижора, древніе обитатели страны, хотя были народы финскаго племени, но различныхъ вѣтвей. Ижора принадлежала къ корельской вѣтви, Водь же составляла особую вѣтвь. До-сихъ-поръ удерживаютъ свое имя слабые остатки ижорскаго народа; остатокъ Води существуетъ въ Нарвскомъ уѣздѣ и почти угасаетъ. Слово Водь или Вотъ, по толкованію знатоковъ финскихъ народностей, есть финское: Ватья-Лайсетъ и происходитъ отъ слова Ваддя — по фински Водая, чтó значитъ болотистая земля. Какъ Водь, такъ и Ижора приняли православное вѣроисповѣданіе, но христіанство распространялось между ними медленно: Новгородцы мало заботились объ этомъ; и потому-то далѣе въ XVI вѣкѣ жители Водской Земли, по имени христіане, совершали языческіе обычаи предковъ. Кромѣ этихъ двухъ племенъ, населившихъ сѣверо-западную часть Новгородской Земли, вѣроятно еще во время независимости Новгорода были здѣсь и другія двѣ финскія народности, существующія въ наше время въ Санктпетербургской губерніи—Савакотъ и Ауралайсетъ.

Емь — племя нынѣшней южной Финляндіи, въ древнѣйшія времена находилась съ Новгородомъ въ столкновеніяхъ и отчасти была подчинена ему: краткость и неясность извѣстій не допускаетъ придти къ какому-нибудь положительному взгляду. Первое извѣстіе объ отношеніяхъ Новгорода къ Еми встрѣчается въ 1040 г., когда князь Владиміръ, сынъ Ярослава кіевскаго, ходилъ съ Новгородцами на Емь, но въ какую сторону былъ направленъ этотъ походъ — неизвѣстно; равнымъ образомъ неизвѣстно, было ли это первое покушеніе подчинить Емь платежу

дани, или же то было укрощеніе непокорныхъ, и Емь уже прежде была подвластна Новгороду. До 1123 года нѣтъ болѣе извѣстій о Еми; въ этотъ годъ,—по сказанію лѣтописи,— князь Всеволодъ ходилъ съ Новгородцами на Емь и побѣдилъ ее, но тогда Новгородцы претерпѣли большія лишенія, перенесли голодъ: хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что его покупали по ногатѣ. Въ 1142 году уже не Новгородцы совершали походъ на Емь, но Емь напала на Новгородскую Землю — въ окрестностяхъ Ладоги; Ладожане побѣдили ее, убивъ до 400 человѣкъ въ сраженіи. Это нападеніе Еми состояло въ связи съ шведскимъ, потому-что въ то же время шведскій князь съ епископомъ приходилъ на Новгородскую Землю въ шестидесяти судахъ, называемыхъ шнеками; съ этихъ поръ столкновенія съ Емью повели къ враждѣ Новгородцевъ съ Шведами. Причиною было то, что Новгородцы подчинили себѣ южную Финляндію и собирали тамъ дань, но потомъ вступили въ Финляндію Шведы, начали крестить Емь въ католическую вѣру и вслѣдъ за тѣмъ хотѣли подчинить этотъ народъ своей власти. Такимъ-образомъ Шведы и Новгородцы встрѣтились на одномъ пути и должны были статься соперниками. Объ этомъ нѣтъ прямыхъ указаній въ русскихъ лѣтописяхъ, но есть краткія и темныя въ шведскихъ *). Но изъ самыхъ

*) Въ Хроникѣ, изданной Неттельбладтомъ въ его «Шведской Библіотекѣ» 1728 г., стр. 97. Въ рифмованной Хроникѣ Мессенія, изд. 1774 г. въ Або. Въ шведской рифмованной Хроникѣ, на которую ссылается Скаринъ въ своемъ сочиненіи: De Sancto Henrico finnorum Apostolo. Изъ этихъ хроникъ видно, что Шведы отняли южную Финляндію у Новгородцевъ. Ученый Лербергъ находитъ, что съ половины XII вѣка Шведы вступили въ южную Финляндію съ крестоносною цѣлью и цѣлое столѣтіе край находился въ обоюдной зависимости отъ Новгородцевъ и Шведовъ разомъ. Это было тѣмъ возможнѣе, что въ тѣ времена власть надъ такими полудикими народами ограничивалась собраніемъ дани посредствомъ внезапныхъ набѣговъ, безъ правильнаго разложенія дани на дворы или земли.

отрывочныхъ лѣтописныхъ русскихъ сказаній можно видѣть, что ожесточенная вражда Новгорода со Шведами возникла именно за владѣніе этимъ народомъ. Видно, что Емь не принимала новгородскую власть такъ мирно и безмолвно, какъ другіе народы финскаго происхожденія; охотнѣе она склонялась къ Шведамъ, и, сопротивляясь покушеніямъ Новгородцевъ, нападала иногда со Шведами, иногда сама по себѣ на новгородскіе предѣлы. Напротивъ, одноплеменная ей Корела, вмѣстѣ съ другими финскими инородцами, подвластными Новгороду, боролись съ Емью за Новгородъ. Такъ послѣ нападенія Еми на Ладогу, на другой годъ 1143, Корела, въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, ходила на Емь. Въ 1149 г. Емь напала на Водь, но Новгородцы вмѣстѣ съ Вожанами отбили ихъ. Въ 1164 г. Емь, вмѣстѣ со Шведами, нападала на Ладогу. Въ 1186 и 1191 годахъ Новгородцы сдѣлали два похода на Емь въ страну этого народа. Въ первый изъ этихъ годовъ новгородскіе удальцы, подъ предводительствомъ какого-то Вышаты Васильевица, ходили на Емь и воротились здоровы [1]). Второй походъ предпринятъ былъ Новгородцами вмѣстѣ съ Корелою: вошли въ Емьскую Землю, изсѣкли скотъ, сожгли хлѣбъ и воротились здоровы [2]). Въ 1227 г. князь Ярославъ съ Новгородцами нападалъ на Емь, повоевалъ всю землю и привелъ плѣнниковъ безъ числа [3]). Приводъ плѣнниковъ, поселенныхъ въ Новгородской Землѣ и безъ сомнѣнія оставившихъ по себѣ потомство, вносилъ эту новую народную стихію въ пестрое народонаселеніе Новгородской Земли; но въ слѣдующій годъ, въ отмщеніе

Что Русскіе собирали тамъ издавна дань и вообще простирали свою силу и власть на этотъ край, видно изъ того, что до-сихъ-поръ въ южной Финляндіи дань называется русскимъ испорченнымъ словомъ апракка т. е. оброкъ, и сверхъ того въ языкъ вошло много русскихъ словъ.

[1]) Новг. I. 19. [2]) Новг. I. 20. [3]) Новг. I. 42.

за этотъ походъ, Емь въ августѣ явилась подъ Ладогой. Изъ Ладоги дали тотчасъ знать въ Новгородъ, но прежде чѣмъ Новгородцы поспѣли въ Ладогу съ своимъ княземъ Ярославомъ, посадникъ ладожскій, узнавши что Емь разоряетъ поселенія около Озера (на Исадѣхъ и Олоньѣ), бросился на нее и напалъ ночью. Емь стала просить мира; посадникъ Володиславъ не давалъ ей мира; тогда они умертвили плѣнниковъ, которыхъ успѣли наловить, конечно изъ Корелъ, и убѣжали въ лѣсъ. Ижоряне и Корела преслѣдовали ихъ и всѣхъ перебили; а было ихъ тогда до двухъ тысячъ. Это было послѣднее дѣло собственно съ Емью. Отсюда начинается за Емь борьба со Шведами.

Какъ покушенія Новгородцевъ на власть надъ Емью привели ихъ къ борьбѣ со Шведами, такъ съ другой стороны покушенія владѣть Чудью (Ливоніею) привели ихъ къ борьбѣ съ Нѣмцами.

Подъ Чудью въ лѣтописяхъ вездѣ слѣдуетъ разумѣть Ливовъ и Эстовъ, жителей нынѣшней Лифляндіи и Эстляндіи. Связь этой страны съ Новгородскими Славянами теряется въ доисторическихъ временахъ. Призваніе варяжскихъ князей представляется дѣломъ Чуди, какъ и Славянъ. Мы выше уже объясняли, что по нашему мнѣнію здѣсь слѣдуетъ разумѣть не собственно самостоятельную Чудь, но Чудскую страну, уже управляемую Славянами. Размѣщеніе призванныхъ князей и мужей (вѣроятно принадлежавшихъ къ ихъ роду, съ которымъ они были призваны) указываетъ отчасти, гдѣ надобно искать этой Чуди. Это собственно страна Изборская на западъ отъ Пскова, принадлежавшая впослѣдствіи всегда къ Псковской Землѣ и населенная Чудью, которой остатки, исповѣдующіе православіе, существуютъ до-сихъ-поръ подъ именемъ полувѣрцевъ. Дальнѣйшее на западъ пространство еще не подлегало Русскому міру. Не прежде какъ въ 1029 г. Ярославъ

шагнулъ далѣе. Онъ покорилъ землю, называемую Уггеноисъ и построилъ на рѣкѣ Эммайокки—названной впослѣдствіи Эмбахомъ,—городъ Юрьевъ въ свое крестное имя. Съ тѣхъ поръ началъ входить туда славянскій элементъ, потому-что въ городѣ должна была жить дружина, собиравшая съ туземцевъ дань и державшая въ повиновеніи окрестный край. Ярославъ не сдѣлалъ тамъ особаго удѣла, потому-что земли, гдѣ славянское населеніе было малочисленно, не организовались особыми удѣлами: онъ присоединилъ новопокоренную страну къ Новгородской Землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безсознательно завѣщалъ Новгороду въ будущемъ выносить на своихъ плечахъ тяжелую и безполезную борьбу за это пріобрѣтеніе.

Втеченіи XI вѣка, по краткости лѣтописныхъ извѣстій, мы ничего не знаемъ болѣе о Чуди,—не упоминается о ней, кромѣ разсказа о кудесникѣ, котораго видѣлъ Новгородецъ, пришедшій въ Чудскую Землю [1]).

Достаточно уже изъ этого, что связь съ Чудью не прерывалась. Въ началѣ XII. вѣка Чудь является въ непріязни къ Новгороду,— отказывается платить дань, и князь Мстиславъ, сынъ Мономаха, нѣсколько разъ принужденъ былъ ходить на

[1]) Видно, что страна эта и народность финская и въ то время уже славилась волшебниками, какъ впослѣдствіи. Новгородецъ пришелъ къ кудеснику для гаданія (волхвованія); кудесникъ сталъ призывать бѣсовъ и вдругъ упалъ безъ чувствъ. «Боги не смѣютъ придти,—сказалъ онъ,—на тебѣ есть что-то такое, чего они боятся». Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ надѣтъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы. Тогда кудесникъ свободно сталъ призывать духовъ. Бѣсы начали *метать* кудесникомъ, а потомъ дали отвѣтъ, котораго хотѣлъ Новгородецъ. «Боги наши боятся знамени небеснаго Бога,»—сказалъ послѣ того кудесникъ.—«А каковы ваши боги и гдѣ живутъ»?—«Боги наши въбезднѣ живутъ—черные, крылатые, съ хвостами и подъ небо всходятъ, повинуясь вашимъ богамъ; потому-что ваши боги на небесахъ, и если кто изъ вашихъ людей умретъ, того несутъ на небо, а когда кто изъ нашихъ умираетъ, того несутъ въ бездну» (Соф. Врем. I, 145).

нее съ войскомъ и усмирять. Первый походъ былъ въ 1111 г. на Очелу: какъ видно онъ не подчинилъ тогда Чуди, потому-что въ 1113 г. отправился съ войскомъ снова и побѣдилъ ее на Бору, а въ 1116 году снова ходилъ на Чудь и взялъ городъ Медвѣжью-Голову (Оденпе). Этотъ городъ находится въ землѣ Уггеноисъ, слѣдовательно здѣсь рѣчь идетъ о той же Чуди, которую подчинилъ Новгороду еще Ярославъ. Въ 1130 и 1131 годахъ опять пришлось Новгородцамъ воевать съ Чудью: князь Всеволодъ Мстиславичъ сожигалъ жилища непокорнаго народа и приводилъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Но эти походы не укротили покоренныхъ, а еще болѣе ихъ ожесточили· Юрьевъ, властвовавшій надъ покоренною страною, не устоялъ и попалъ въ ихъ руки; въ 1133 г. Новгородцы, подъ предводительствомъ того же князя, возвратили его Новгороду. Съ тѣхъ поръ лѣтъ до сорока Чудь принадлежала Новгороду невозбранно, и служила иногда мѣстомъ ссылки, такъ въ 1141 г. посадникъ Якунъ былъ сосланъ въ Чудь. Въ 1176 году вспыхнуло возстаніе. Уже не Новгородцы ходили удерживать Чудь въ повиновеніи, а сама Чудь сдѣлала нападеніе на Псковъ, еще не вышедшій вполнѣ изъ значенія новгородскаго пригорода. Лѣтопись выражается, что тогда напала на Псковъ вся Чудь; это значило,—какъ объясняютъ послѣдующія событія,—что возстанія въ Уггеноисѣ вызвали на борьбу съ Русскими другихъ чудскихъ единоземцевъ, подалѣе на сѣверо-западъ и западъ. Нападеніе было отбито. Черезъ два года князь Мстиславъ Ростиславичъ пожегъ Чудскую Землю и погналъ Чудь къ морю. Племенное родство съ обитателями Уггеноиса привело жителей Приморской Гарріи къ враждѣ съ Русскими. Въ 1190 году Поморская Чудь опять явилась къ Пскову по озеру на своихъ лодкахъ, которымъ лѣтописи даютъ на-

званіе шнекъ. Они были отбиты [1])—ни одинъ живой не ушелъ Но это нашествіе было предпринято вслѣдствіе успѣха возстанія въ самой Чудской Землѣ. Чудь снова захватила русскіе города, выстроенные въ ихъ землѣ: Юрьевъ и Оденпе. Въ 1192 году Новгородцы со Псковичами завоевали ихъ обратно.

Начало XIII вѣка было роковою эпохою прибытія крестоносцевъ. Они пришли въ то время, когда туземцы съ возрастающею энергіею отстаивали свою независимость отъ Великаго-Новгорода. Новые завоеватели стали отнимать ихъ у старыхъ,—и наступательная борьба Русскихъ съ туземцами Ливоніи, перешла въ свою очередь въ оборонительную противъ пришлаго могучаго врага.

Въ иныхъ отношеніяхъ къ Великому-Новгороду были Корелы, многочисленное финское племя, жившее вокругъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ. Когда Чудь и Емь оказывали сопротивленіе новгородской власти, Корелы были дѣятельными союзниками Новгорода, и отбивали нападеніе Шведовъ. Первый разъ упоминается о Корелѣ въ половинѣ XII вѣка по случаю ополченія за Изяслава Мстиславича. Нельзя изъ этого выводить,—какъ дѣлаетъ ученый Шегренъ,—что Новгородцы до того времени не имѣли съ Корелой сношеній. Скудость нашихъ лѣтописныхъ извѣстій не даетъ повода дѣлать заключеній о томъ, что не было на самомъ дѣлѣ того, о чемъ онѣ умалчиваютъ. Изъ этихъ извѣстій видно, что тогда уже Корела входила въ составъ Новгородской волости. Новгородцы очень часто воевали Емь вмѣстѣ съ Корелою. Кажется между этими двумя вѣтвями сѣверо-финскаго племени господствовала давняя непріязнь и вражда и этимъ-то воспользовались Новгородцы; Корелы, ради взаимныхъ враговъ, пристали къ Новгороду. Въ 1228

[1]) Новг. Л. 1. 20.

году, также по случаю нашествія Еми, Корелы содѣйствовали истребленію нападавшихъ на новгородскіе предѣлы. Въ 1241 году Корелы вмѣстѣ съ Ижорянами въ новгородскомъ ополченіи воевали противъ Нѣмцевъ. Въ 1253 году по поводу войны съ Нѣмцами, Корела творила зло нѣмецкимъ волостямъ. Въ 1268 году князь Ярославъ хотѣлъ было идти съ оружіемъ на Корелу неизвѣстно по какой причинѣ, но Новгородцы не допустили его. Въ 1270 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою и Вожанами участвовала во всеобщемъ ополченіи Новгородской волости противъ князя Ярослава. Въ 1292 году Корела вмѣстѣ съ Ижорою отбила шведскій отрядъ. Въ 1314 году Шведы, противъ которыхъ до тѣхъ поръ держались Корелы, успѣли составить въ этомъ народѣ для себя партію. Нѣсколько предателей перебили Русскихъ, находившихся въ корельскомъ городкѣ (нынѣшній Кексгольмъ), обладавшемъ Корельскою страною и сдали городъ Шведамъ. Но партія, противная Новгороду, была не велика; какъ только Новгородцы подошли къ Корельску—всѣ Корелы покорились имъ; измѣнники не успѣли убѣжать: Корелы выдали Новгородцамъ и Шведовъ, которые засѣли въ ихъ городкѣ въ качествѣ правителей. Въ первой половинѣ XIV вѣка часть Корелы покорена была Шведами и, въ отличіе отъ остававшейся подъ владѣніемъ новгородскимъ, называлась Корелой Нѣмецкой. Это раздвоеніе зависимости было пагубно для народа, потому-что Новгородцы смотрѣли на Корелу подчиненную Шведамъ, какъ на своихъ враговъ; точно такъ же относились Шведы къ той Кoрелѣ, которая осталась за Новгородомъ. Орудіемъ же взаимной вражды была, и съ той и съ другой стороны, сама Корела. Такъ въ 1338 г. Корелы, по наущенію Шведовъ, побили Русскихъ, жившихъ въ Корелѣ и убѣжали къ Шведамъ въ шведскій корельскій городъ; потомъ Шведы съ своею Корелою воевали

Корелу Обонежскую, находившуюся подъ властію Новгорода; а Новгородцы съ своею Корелою воевали Корелу Городецкую, принадлежавшую Шведамъ и жившую около Выборга. И такъ народъ корельскій, разъединенный между Шведами и Новгородцами, подавалъ поводъ ко враждѣ тѣхъ и другихъ между собою, и самъ не зналъ, куда ему пристать,—велъ междоусобную войну въ угодность сильнымъ чужеземцамъ, которые разорвали его и спорили за него, какъ за добычу. Въ 1339 году, Новгородцы помирились съ Шведами, и новгородскіе послы докончили миръ по старымъ грамотамъ и положили, чтобъ Шведы рубили и вѣшали у себя Корелу, перебѣгавшую къ нимъ изъ новгородскихъ предѣловъ, а Новгородцы то же будутъ дѣлать съ бѣглецами изъ Шведской Корелы, не исключая тѣхъ, которые крещены въ русскую вѣру [1]. По мѣрѣ того, какъ угасала между Новгородомъ и Швеціей вражда, возбужденная вопросомъ о владѣніи сѣверными финскими народами, извѣстія о Корелѣ дѣлаются рѣже-и-рѣже. Мало-по-малу край, называемый Обонежье, сталъ заселяться русскимъ элементомъ, но онъ долго былъ незначителенъ: масса народа всего Обонежья была корельская.

Заволочьемъ называлась сѣверная страна, прилегавшая къ морю, по рѣкѣ Двинѣ и ея притокамъ. Шёгренъ толковалъ, что это слово надобно принимать не въ значеніи пространства между двумя водяными путями, а въ значеніи пустаго пространства земли вообще, то же что наволокъ. Но кажется, что слово «заволочье» естественно образовалось въ смыслѣ страны не за однимъ волокомъ, а за нѣсколькими волоками разомъ, напр. между Онѣгою и Бѣлымъ озеромъ и Вожемъ озеромъ, между Бѣлымъ Озеромъ и Кубенскимъ, между Сизмою впадающею въ Шекс—

[1]) Новг. I. 79.

пу и Вологдою. Первоначально Заволочье имѣло неопредѣленное значеніе края, простирающагося на сѣверо-востокъ. Впослѣдствіи названіе это получило болѣе точности, такъ что отъ Заволочья стали отличать дальнія земли: Печору, Терскій берегъ, Пермь и Югру, а Заволочьемъ называли собственно берега Онѣги и Двины. Край этотъ, богатый пушными звѣрями, былъ населенъ финскимъ племенемъ, носившимъ у Новгородцевъ названіе Заволочьская Чудь и мало-по-малу былъ заселенъ новгородскими выходцами устроившими на берегахъ рѣкъ, служившихъ путями сообщенія, свои колоніи. Къ сожалѣнію, недостаточность извѣстій не даетъ намъ возможности знать, какъ совершалось это заселеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣненія между туземцами, которые отчасти переродились въ Русскихъ, отчасти были истреблены или вытѣснены. Уже при Ярославѣ Новгородцы проникли въ эти страны, какъ показываетъ извѣстіе о походѣ Глѣба къ Желѣзнымъ Вратамъ въ 1032 году. По изъисканіямъ ученаго финнолога Шёгрена, Желѣзныя-Врата находились въ 80-ти верстахъ отъ Устьсысольска, въ селеніи Водса, гдѣ можно видѣть большой холмъ, называемый по-зырянски Кариль (т. е. Холмъ города). Преданіе придаетъ этой мѣстности названіе Желѣзныхъ-Вратъ, такъ что, по этимъ соображеніямъ, выходитъ, что подъ именемъ Желѣзныхъ-Вратъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть главный городъ этой земли. Народъ, населявшій Заволочьскій край, сопротивлялся покушеніямъ Новгородцевъ утвердить свою власть въ ихъ землѣ. Сперва власть эта ограничивалась только случайными сборами даней съ туземцевъ. Подобные сборы были не безопасны,— какъ это показываетъ трагическая судьба князя Глѣба, который въ 1079 году, отправившись въ Заволочье съ Новгородцами, былъ убитъ Заволочьскою Чудью. Въ половинѣ XII вѣка власть новгород-

ская въ этой землѣ состояла все-еще только въ сборѣ даней; но уже богатства, получаемыя тамъ Новгородцами, возбуждали у ихъ сосѣдей покушенія проникнуть туда же, въ ущербъ Новгородцамъ. Такъ въ 1169 году на посланную для собиранія въ Заволочьѣ дани новгородскую дружину напали Суздальцы, но были разбиты [1]). Въ XIV-мъ вѣкѣ уже существовали на Двинѣ новгородскія колоніи и край былъ раздѣленъ на погосты. Подъ 1342 годомъ [2]) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что Лука Варѳоломеевъ, собравши холоповъ-сбоевъ, поставилъ на Двинѣ городокъ Орлецъ, собралъ Емчанъ, жителей уже прежде существовавшаго на Двинѣ новгородскаго городка Емца и началъ брать на щитъ погосты въ Заволочьской Землѣ. Заволочане убили его. По всѣмъ вѣроятіямъ, погосты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были населены туземцами, а не славянскими колонистами. Хотя походъ Луки былъ предпринятъ безъ благословенія владыки и безъ воли новгородскаго вѣча, но чернь въ Новгородѣ сочувствовала ему. Едва-ли можно допустить, чтобъ Лука нашелъ себѣ сочувствіе въ Новгородцахъ, еслибъ онъ началъ разорять новгородскіе погосты; напротивъ, очень естественно, что толпа черни почла позволительнымъ ограбить и разорить чужеродцевъ, особенно нѐхристей; а съ другой стороны, люди, болѣе знакомые съ государственными понятіями, считали этотъ поступокъ такимъ же преступленіемъ, какъ еслибъ разореніе постигло и православныхъ Русскихъ. Въ концѣ XIV вѣка Заволочье было уже значительно заселено Новгородцами и имѣло своихъ бояръ, которые, бывъ удалены отъ Новгорода, до того усвоили своебытные независимые

[1]) Новг. Л. I, 14.
[2]) Новг. Л. I, 82.

интересы мѣстности, что пытались отложиться отъ метрополіи. Остается совершенно-темнымъ вопросъ: участвовалъ ли и какъ участвовалъ туземный народъ—Заволочьская Чудь—въ этой попыткѣ къ отложенію, возбужденной продѣлками московской политики. Но этотъ народъ противодѣйствовалъ внѣдренію русскаго элемента и погибъ, вѣроятно, отъ борьбы съ нимъ. До сихъ поръ въ мѣстныхъ преданіяхъ сѣвернаго края сохранились темныя воспоминанія о томъ, что жилъ какой-то народъ Чудь, воевалъ съ Русскими и былъ истребленъ. Въ разныхъ мѣстахъ показываютъ высокія могилы, гдѣ лежатъ грудами тѣла павшихъ въ этой борьбѣ. Въ настоящее время, по свидѣтельству финнологовъ, остатки этого многочисленнаго племени уцѣлѣли въ небольшомъ количествѣ, отрывками, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и въ пограницѣ Лодейнопольскаго, въ Тихвинскомъ на берегу р. Ойяти, въ Петрозаводскомъ вдоль западнаго берега Онежскаго озера и по рѣкѣ Квинѣ, встрѣчаются они при переходѣ въ Олонецкую Корелію, а въ Олонецкомъ уѣздѣ въ волости Лоянской. Количество ихъ такъ не велико, что обоего пола можно насчитать съ небольшимъ двѣ тысячи. Они называются Людинъ-Кели (т. е. Языкъ-Людей.) Языкъ ихъ, — по изслѣдованію Шегрена, — есть переходъ отъ южно-финляндскаго или Ямалайсетъ къ корельскому; это народъ однородный съ Емью; изъ этого однородства выходитъ, что Емь, прежде чѣмъ пришла въ южную Финляндію, обитала нѣкогда на сѣверо-востокѣ. Заволочьская Чудь есть древній остатокъ того же народа, не перешедшій въ Финляндію и оставшійся на прежнемъ жительствѣ. Языкъ теперешнихъ потомковъ Заволочьской Чуди представляетъ близкое сходство съ Емью, но удерживаетъ первородные старѣйшіе признаки.

За Бѣлымъ моремъ принадлежалъ Новгороду Терскій берегъ, называемый въ договорныхъ грамотахъ, гдѣ пере-

числяются Новгородскія волости: Тре или Теръ—иногда Тиръ—иногда Тигръ. Онъ былъ населенъ Лопарями, называемыми тогда Лопь. Новгородцы брали тамъ дани уже въ началѣ XIII вѣка,—какъ показываетъ названіе терскаго данника, встрѣчаемое подъ 1216 г. [1]).

Дальнѣйшій сѣверо-востокъ былъ населенъ разными племенами финскими, у Новгородцевъ подъ названіями Печоры, Перми и Югры. Главные обитатели нынѣшней Вологодской и Пермской губерній были Пермяки и Зыряне, принадлежащіе къ одной фамиліи. По изслѣдованіямъ финнологовъ, эти два народа первоначально жили по Камѣ, что̀ доказывается ихъ туземнымъ названіемъ Кама-Мортъ или Кама-Ясъ,—такъ называютъ себя равно и Пермяки, и Зыряне. Въ глубокой древности они подвинулись на сѣверъ вѣроятно вслѣдствіе какихъ-нибудь переворотовъ и разселились по рѣкамъ Вычегдѣ, Сысолѣ, Вошкѣ, Ишмѣ, Пишмѣ, Зильмѣ, Печорѣ. Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ Скандинавамъ и въ путешествіи Отѐра называется Біармосъ—испорченное названіе Пермь, Перемь. Въ нашей Лѣтописи въ перечисленіи народовъ, обитавшихъ на русскомъ материкѣ, онъ названъ Пермь. Шегренъ думаетъ, что подъ этимъ названіемъ разумѣлись собственно Пермяки, а другая сѣверная вѣтвь ихъ, Зыряне, означены въ лѣтописи названіемъ Печора. Первоначальная лѣтопись перечисляя народы, помѣщаетъ Пермь и Печору въ числѣ народовъ, платившихъ дань Русскимъ. Подъ 1092 годомъ Печора явно указывается народомъ, дающимъ Новгороду дань. Въ XIII вѣкѣ, именно въ 1269 году, изъ новгородскихъ договоровъ несомнѣнно видно, что Пермь считалась въ числѣ Новгородскихъ волостей; но ка̀къ далеко простиралось новгородское владѣніе Пермью на югъ —

[1]) Новг. Л. VI, 24.

неизвѣстно. Вѣрно однако, что въ XIV вѣкѣ было у Новгородцевъ плаваніе по Камѣ; потому-что князь Юрій, ѣдучи изъ Заволочья въ Орду, спустился внизъ по Камѣ[1]). Извѣстія о способѣ владѣнія Новгорода этою отдаленною землею до того скудны, что нѣтъ возможности вывести что-нибудь точное. Кажется, что оно ограничивалось собраніемъ дани посредствомъ даньщиковъ, которые посылались Новгородомъ. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ что̀ могли взять, соображаясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ. Своебытность Перми ненарушалась Новгородцами: Пермь управлялась своими князьями до послѣднихъ временъ; именно въ 1463 году говорится о епископѣ Іонѣ, крестившемъ одного изъ пермскихъ князей. При самомъ паденіи Новгорода, Пермь управлялась туземнымъ княземъ. Новгородскихъ поселеній, сколько извѣстно, тамъ не было. Впродолженіи вѣковъ, ограничиваясь сборомъ дани съ Перми, Новгородцы не заботились о распространеніи тамъ христіанской вѣры. Пермяки спокойно поклонялись идолу—Золотой Бабѣ, солнцу, водѣ, каменьямъ, деревьямъ, быкамъ, козламъ и вѣрили своимъ колдунамъ (шаманамъ), которые отгадывали будущее, подавали совѣты при начинаніи дѣла и умилостивляли боговъ въ несчастіи. Только въ концѣ XIV вѣка св. Стефанъ проповѣдалъ христіанство между Пермяками, изобрѣлъ для пермскаго языка азбуку и перевелъ на него евангеліе.

Самый крайній предѣлъ новгородскихъ владѣній, переходящій уже границы Европы, была Югра. Положеніе этого полуночнаго края, не ясно указываемаго въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, было предметомъ споровъ между учеными. Георги полагалъ, что подъ этимъ именемъ надобно разумѣть страну отъ Бѣлаго моря до Урала; Шлёцеръ—па Вычегдѣ; Мил-

[1]) Нов. Л. I, 73.

леръ и Фишеръ на Печорѣ. Лербергъ объяснилъ ее положеніе, сопоставивъ лѣтописное извѣстіе съ описаніемъ похода отправленнаго для покоренія страны русскаго войска въ XV вѣкѣ. Согласно этому объясненію, принятому между прочимъ Кастреномъ и Клапротомъ, Югра была земля за предѣлами Уральскаго хребта въ приблизительно указываемыхъ границахъ по обѣимъ сторонамъ Оби и Нижняго-Иртыша,—къ сѣверу до самоѣдскихъ границъ,—къ востоку до рѣкъ Надима, Гана и Ваха. Впрочемъ, быть можетъ невсегда подъ именемъ Югры слѣдуетъ понимать этотъ отдаленный уголъ; при той неопредѣленности, какая господствовала въ древности въ географическихъ понятіяхъ, возможно, если бы подъ Югрою разумѣли и ближайшія земли. Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, Новгородцы проникли въ Заволочье и, подвигаясь все далѣе на востокъ, собирали уже дань съ Печоры и достигали Югры. Въ 1092 г. лѣтописцу разсказывалъ Новгородецъ Гюрата Роговичъ диковинки про Югру. Отроки Роговича изъ Печоры, которая уже платила Новгороду дань, ходили въ Югру. Югра языкъ нѣмъ и сидитъ съ Самоѣдью въ полуночныхъ странахъ. Зайдя луку моря, разсказывали Югры Русскимъ, есть горы подъ небеса высотою, и въ этихъ горахъ слышанъ шумъ и крикъ: люди живутъ въ срединѣ горы, силятся освободиться, просѣкли изъ горы маленькое оконце и выглядываютъ оттуда, и кричатъ; но разобрать ихъ языка нельзя: они только знаками указываютъ на желѣзо, и просятъ его, и сами даютъ за ножи и топоры звѣриныя шкуры.» Этотъ миѳъ указываетъ, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ полуночи производилась мѣновая торговля съ Остяками и Вогуличами: Новгородцы получали отъ нихъ мѣха, а имъ давали оружіе. Подъ 1114 г. лѣтописецъ разсказываетъ, что ему говорили въ Ладогѣ, будто въ Югрѣ съ неба изъ тучи выпадаютъ бѣлки

и олени, и расходятся по Землѣ. Здѣсь также миѳическое изображеніе богатства звѣринаго края. Такой сказочный образъ выраженія о Югрѣ возникъ отъ того, что страна была мало извѣстна, и путь къ ней былъ далекъ и опасенъ. Для собранія дани, Новгородцы посылали въ свои дальнія волости ватаги даньщиковъ. Нѣсколько такихъ ватагъ, подъ начальствомъ своихъ ватамановъ, ходили по странѣ и собирали съ жителей звѣриныя шкуры и дорогіе металлы. Странствовать было небезопасно; и дѣйствительно, упоминаются въ лѣтописяхъ случаи, когда новгородскіе даньщики погибали отъ туземныхъ народовъ. Такъ въ 1184 г. были избиты заволочьскіе, печерскіе и югорскіе даньщики: югорскіе не дошли до Югры и положили головы въ Печорѣ. Погибшихъ насчитано до ста. Въ 1193 году Новгородцы послали въ Югру отрядъ съ воеводою Ядреемъ. Югорцы противились, и когда Новгородцы взяли у нихъ городъ и приступили къ другому, то Югорцы прислали сказать такъ: «мы копимъ серебро и соболей и узорочья; не губите своихъ смердовъ и своей дани!» Новгородцы повѣрили; воевода съ двѣнадцатью человѣкъ лучшихъ людей вошелъ въ городъ; всѣхъ ихъ тамъ перебили. Оставшіеся за городомъ въ полѣ, не дождавшись возвращенія своихъ изъ города, послали туда тридцать человѣкъ освѣдомиться. И тѣхъ побили. Послали за тѣмъ еще 50 человѣкъ. Одинъ изъ послѣднихъ, по имени Савка, желая спасти себѣ жизнь, совѣтовалъ югорскому князю убить Якова Прокшинича, который вѣрно былъ главнымъ изъ посланныхъ пятидесяти. Югорскій князь послушалъ совѣта Савки: убилъ Якова Прокшинича, а потомъ убилъ и самаго Савку. Новгородцы уже шесть недѣль стояли подъ городомъ, но потомъ Югорцы сдѣлали вылазку и перебили Новгородцевъ. Ускользнуло только восемьдесятъ человѣкъ, но и о тѣхъ не было ни слуха, ни вѣсти цѣлую зиму.

Извѣстіе о томъ, что Югорцы давали Новгородцамъ дань серебромъ, золотомъ и узорочьями, помѣщенное въ лѣтописи, подтверждаетъ предположеніе, что въ Сибири, на берегахъ Енисея и далѣе, въ древности производились горные промыслы, и тамошніе жители отправляли серебро и золото на промѣнъ Перми и Югрѣ, а отъ послѣднихъ получали эти предметы Новгородцы. По изслѣдованіямъ финнологовъ, сѣверо-восточные финскіе народы: Пермь, Печора (Зыряне) и Югра съ древнѣйшихъ временъ вели значительную торговлю, и это-то привлекало къ нимъ, черезъ Сѣверное море, скандинавскихъ богатырей, которые ѣздили туда то̀ для торговли, то̀ для разбоя. Йзъ миѳологическихъ ѳписаній югорскихъ горъ въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1096 годомъ, Кастренъ хочетъ видѣть символическое изображеніе торговаго пути, по которому Пермяки и Зыряне производили торговлю съ Югрою по рѣкамъ Сысвѣ и Вогулкѣ. Путь этотъ шелъ черезъ Уральскій хребетъ. Кромѣ его былъ еще другой путь, проложенный Пермяками и Зырянами и называемый у Остяковъ—зырянскимъ путемъ. Это были два «югорскіе», пути, то есть пути въ Сибирь; кромѣ ихъ черезъ Пермь лежалъ путь восточный, отъ Каспійскаго моря по Волгѣ и Камѣ, а потомъ по Двинѣ и Печорѣ до Ледовитаго моря. По этому-то пути плылъ изъ Заволочья князь Юрій, когда отправлялся въ Орду. Города Болгары на Волгѣ, Чердынь на рѣкѣ Колвѣ въ Перми и Холмогоры въ Заволочьѣ, были торговыми пунктами. Товары приходили по этому пути изъ Персіи, Бухаріи, Арменіи, Аравіи и—по мнѣнію нѣкоторыхъ—изъ Индіи. Этотъ торговый путь былъ очень древенъ и ему обязана Пермь извѣстностію въ скандинавскихъ памятникахъ, подъ именемъ Біарміи, своими богатствами. Пермяки и Зыряне вымѣнивали на мѣха восточные товары и въ древности снабжали ими скандинавскихъ викинговъ. Нов-

городцы, проложивъ себѣ дорогу въ Пермь и подчинивъ эту страну власти Великаго-Новгорода, овладѣли и древнею торговлею края. Кромѣ Чердыни, въ XV вѣкѣ въ Перми были города: Уросъ въ Нижней Перми, Искоръ въ Верхней Перми. Но какъ Пермь, такъ и Югра, до конца новгородской независимости, оставались съ своею народностью, и московская власть, подчинивши себѣ Новгородъ, покоряла эти страны, считавшіяся Новгородскими волостями, какъ краи независимые. Пермь была завоевана въ 1472 году, на другой годъ послѣ Коростынскаго мира. Завоевателемъ былъ воевода князь Өедоръ Пестрый. Хотя по Коростынскому договору Пермь оставлена была во владѣніи Великаго-Новгорода, но Иванъ московскій не считалъ этотъ договоръ такимъ, который, заключивши, слѣдуетъ соблюдать: онъ не боялся Новгородцевъ и былъ увѣренъ въ ихъ безсиліи, а потому нашелъ удобнымъ случай отнять у Новгорода отдаленную страну. Пермью управлялъ тогда, подъ верховною властію Новгорода, туземный крещеный князь Михаилъ. Въ Перми оскорбили какого-то московскаго купца. Иванъ, какъ-будто въ наказаніе, заступаясь за своего подданнаго, отправилъ туда войско. Князь Өедоръ Пестрый прибылъ на устье Черной и оттуда повелъ войско на плотахъ. Вскорѣ онъ нашелъ удобнымъ раздѣлить его и на себя взялъ завоеваніе Верхней Перми, а другой отрядъ, подъ начальствомъ Гаврилы Нелидова, отправилъ въ Нижнюю Пермь. Оба отлично повели дѣло. Гаврило опустошилъ пермскія поселенія на пути, по которому шелъ; князь Пестрый же, доходя до Искора, встрѣтилъ туземное ополченіе. Произошло сраженіе—Москвичи одолѣли. Предводитель Пермяковъ, воевода Качаимъ, взятъ въ плѣнъ. Пестрый взялъ съ бою городъ Искоръ и плѣнилъ пермскихъ воеводъ Бурмата и Мичкина. Еще одинъ пермскій воевода, по имени Зыранъ, пришелъ къ московскому военачальнику по

опасу: но несмотря на это, съ нимъ обращались какъ съ плѣнникомъ. По взятіи Искора, Пестрый пошелъ на соединеніе съ Нелидовымъ и сошелся съ нимъ на устьѣ рѣки Почки, впадающей въ Колву. Здѣсь Москвичи заложили городокъ, назвали его по имени рѣки, на устьѣ которой онъ былъ построенъ — Почкою. Вся Пермская Земля была покорена власти великаго князя. Князь Михаилъ достался въ руки побѣдителей и былъ отправленъ въ Москву вмѣстѣ съ другими воеводами. Какъ образчикъ богатства края, воевода послалъ великому князю въ подарокъ шестнадцать сороковъ соболей, 29 съ половиною поставовъ сукна, соболью шубу, панцырь и двѣ булатныхъ сабли [1]).

Югра досталась Москвѣ уже послѣ совершеннаго паденія Новгорода. Въ 1483 году великій князь Иванъ Васильевичъ отправилъ князя Ѳедора Курбскаго-Чернаго и Солтыка-Травина съ устюжскими полками; къ нимъ присоединились рати Пермяковъ, потому-что Пермяки издавна жили во враждѣ съ сосѣдями своими Вогуличами. Вогульскій князь Асыка незадолго передъ тѣмъ опустошалъ звѣрски Пермскій край. Сынъ Асыки, Юшманъ, наслѣдовалъ послѣ отца родовую непріязнь къ Перми. Этотъ Юшманъ вышелъ со своими Вогуличами на устьѣ Пельши и былъ разбитъ. Побѣдители спустились по рѣкѣ Тавдѣ до Тюмени, потомъ поплыли по Иртышу, вошли въ Обь и тамъ взяли въ плѣнъ другаго югорскаго князя Молдана. Плѣнникъ отправленъ въ Москву. На слѣдующій годъ другіе князья, называемые кодскіе, сами прибыли въ Москву, били челомъ, приносили покорность, просили возвратить плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ 1485 году югорскіе князьки, изъ которыхъ два—вымскіе князья, были

[1]) Никон. Лѣт. VI, стр. 45.

христіане (Θеодоръ и Петръ), присягнули быть въ повиновеніи у великаго князя, какъ прежде предки ихъ признавали надъ собою господство Великаго-Новгорода. Присяга происходила на устьѣ Выми и обрядъ ея состоялъ въ томъ, что присягавшіе передъ московскими воеводами пили воду изъ золота. Посредникомъ и свидѣтелемъ покорности ихъ былъ тогда пермскій владыка Филоѳей. Но московскій великій князь недовольствовался такою зависимостью и поступилъ съ Югрою сообразно своей обычной политикѣ—уничтожать самобытную жизнь подвластныхъ земель. Въ 1499 г. отправились снова воеводы князь Петръ Θедоровичъ Ушатый, князь Семенъ Θедоровичъ Курбскій и Василій Ивановичъ Заболоцкій-Бражникъ съ Вологжанами, Двинянами и Важанами (жителями береговъ рѣки Ваги) по разнымъ рѣкамъ, переходя волоками сухія пространства между ними, добрались до Печеры, а потомъ съ величайшими затрудненіями зимнимъ путемъ перешли гору Камень, т.е. Уральскій хребетъ. Русскіе удивлялись высотѣ горъ, привыкши отъ рожденія проводить жизнь на равнинахъ и болотахъ: «а Камени въ оболокахъ не видать»—говоритъ современное повѣствованіе объ этомъ походѣ [1])—«коли вѣтрено ино оболоки раздираетъ. «Я,-говорилъ Курбскій впослѣдствіи Герберштейну — семнадцать дней поднимался на эти горы, а все-таки не дошелъ до самой вершины, которая зовется Столпъ [2]).» Когда перешли русскіе Камень, близъ городка Ляпина въ Обдорской Землѣ, явились къ московскимъ предводителямъ туземные князьки, сидя на саняхъ, запряженныхъ оленями, и предлагали, по обычаю, миръ и подданство; но воеводы не съ тѣмъ пришли туда, чтобы оставлять независимымъ подчиненный народъ,—они взяли въ плѣнъ князьковъ и по-

[1]) Карамз. VI, Примѣч. 461. 462.
[2]) Herberst. 57.

шли по Югорской Землѣ истреблять жилища и жителей. Такимъ-образомъ разорено было сорокъ городковъ; пятьдесятъ князей взято въ плѣнъ и отправлено въ Москву; а Вогуличи и Остяки вымаливали себѣ жизнь, обѣщая быть въ вѣчномъ холопствѣ московскомъ. Такъ покорена была Югра. Дивныя вещи разсказывали тогда въ Московской Землѣ объ этомъ отдаленномъ таинственномъ краѣ, объ этомъ сказочномъ Лукоморьѣ. Тамошніе люди, какъ настанетъ Юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до Юрьева весенняго дня, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: Грустинцы и Серпентовцы, —торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать, Югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, Югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются. Край Югорскій неизмѣримо богатъ. Золота и дорогихъ камней много. Есть тамъ у язычниковъ идолъ, называется—Золотая Баба: изображаетъ женщину съ младенцемъ-сыномъ; а близъ ней еще ребенокъ: этого внукомъ зовутъ. Подлѣ Золотой Бабы кладутъ такіе инструменты, которые безпрестанно издаютъ звукъ [1]).

Югорскій походъ 1499 года былъ началомъ походовъ, которые совершали русскіе удальцы втеченіи двухъ вѣковъ, подвигаясь все далѣе-и-далѣе къ востоку, открывая и подчиняя бѣлому царю московскому новыя землицы съ новыми народами, пока наконецъ Московско-Русская Держава не очутилась на берегахъ Восточнаго океана.

Bayerische Staatsbibliothek München

[1]) Herberst. 56.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Sěvernorusskija narodopravstva vo vremena uděl'no-věčevago uklada Soč
inenie Nikolaja Kostomarova. Izdanie D. E. Kožančikova

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1863

Russ. 242 m-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783866-1